

КЛАССИКА

Зарубежная

фантастика

Звезда по имени Галь
ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА

Звезда по имени Галь ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА

Сборник фантастических
рассказов

Издательство «Мир»

КЛАССИКА

Зарубежная

фантастика

ОФИЦИАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО о присвоении имени малой планете

Институт теоретической астрономии
Российской Академии наук (ИТА РАН),
возглавляющий в России работы по изучению и каталогизации
малых планет Солнечной Системы,
от имени Международного Астрономического Союза (МАС)
настоящим свидетельствует,
что малая планета,
зарегистрированная в международном каталоге малых планет
под № 4049 и имевшая ранее предварительное обозначение 1973 QD2,
получила имя

NORAGAL'

в честь

Элеоноры Яковлевны Гальпериной

Официальное сообщение МАС

(4049) Noragal' = 1973 QD2

Discovered 1973 Aug. 31 by T. M. Smirnova
at the Crimean Astrophysical Observatory

Named in memory of Eleonora Yakovlevna
Gal'perina (1912 - 1991), literary critic and
translator, well-known under her pseudonym
Nora Gal' for her Russian translations of
foreign works, namely those by the authors
Theodor Dreiser, Ethel Lilian Voynich, Jack
London, Antoine de Saint-Exupéry and others.
Name proposed by E. A. Taratuta

Minor Planet Circular № 24916, 1995

Обоснование названия на русском языке

Малая планета 4049 Норагал' открыта
31 августа 1973 г. Т. М. Смирновой в
Крымской астрофизической обсерватории.

Названа в память Элеоноры Яковлевны
Гальпериной (1912 - 1991, псевдоним Нора
Галь), литературного критика, литературоведа
и переводчика, известного переводом на
русский язык "Американской трагедии"
Т. Драйзера, произведений Д. Лондона,
А. Сент-Экзюпери, Э. Л. Войнич и многих
других авторов. Имя предложено
Е. А. Таратутой

Санкт-Петербург
10 июля 1995 г.

Директор ИТА РАН

А. Г. Соколовский

КЛАССИКА

Зарубежная

фантастика

Звезда по имени Галь

ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА

Сборник фантастических
рассказов
в переводах Норы Галь

Москва «Мир» 1999

УДК 82.035
ББК 84.7
342

Составитель Э. Кузьмина

342 Звезда по имени Галь: Заповедная зона. Сб. фантаст. рассказ. в пер. с англ. Норы Галь/ Составитель Э. Кузьмина. — М.: Мир, 1999. — 509 с. — (Зарубеж. фантаст. Классика)

ISBN 5-03-003348-3

Сборник рассказов, вошедших в сокровищницу мировой фантастики, в переводах замечательного мастера Норы Галь. В него включены произведения известных писателей-фантастов Великобритании, США и Франции — Л. Дель Рея, Р. Желязны, М. Клиngerмен, У. Ле Гуин, М. Лейнстера, М. Люкаса, Д. Плектея, К. Саймака, Р. Силверберга, Т. Старджона, У. Тенна, З. Хендерсон, Р. Шекли, И. Дермеза, А. Доремье и Ж. Клейна.

ББК 84.7

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ISBN 5-03-003348-3

© состав, перевод на русский язык,
оформление, «Мир», 1999

Памяти замечательной переводчицы, которая умела удивительно тонко передавать не только слово, но и дух произведений такого непростого литературного жанра, какой являет собой фантастика, издательство посвящает эту книгу

Во второй половине истекающего века научно-техническая революция породила бурный всплеск интереса к научной фантастике. Издательство «Мир» отозвалось на это массовое поветрие созданием редакции, которая призвана была знакомить читателей с наиболее яркими явлениями в этом жанре. Так 35 лет назад было положено начало серии «Зарубежная фантастика».

Рассказы, повести, романы сотен писателей-фантастов, как уже получивших известность в мире, так и только начинающих, увидели свет на русском языке. С тех пор многие из этих писателей стали признанными классиками фантастического жанра. Именно тому лучшему, что выкристаллизовалось с годами в сокровищницу мировой фантастики, без чего невозможно представить сегодня фантастическую литературу, и будут отведены томики серии с пометкой «Классика».

В то же время зарубежная фантастика немыслима без переводчика. Роль его трудно переоценить. Отдельные переводы по праву стали каноническими. К числу их в первую очередь относится сделанное Норой Галь. Она знала и любила фантастику и перевела более полусотни рассказов, принадлежащих самым разным писателям-фантастам. Львиная доля их впервые увидела свет в сборниках нашей серии. Все переводы бережно, с особым тщанием были собраны дочерью Норы Яковлевны Эдвардой Кузьминой и составили две книжки под общим названием «Звезда по имени Галь» — «Земляничное окошко» и «Заповедная зона».

Звезда по имени Галь

Редкий, если не единственный случай — в звездное небо над нами вписано на века имя переводчицы. Нора Галь. Для внимательного читателя это имя связано прежде всего с поэтичной прозой знаменитого французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери. Благодаря Норе Галь впервые заговорил по-русски его «Маленький принц». Недаром светлой памяти великий актер Евгений Леонов назвал ее «мамой Маленького принца», и вот почему астроном Крымской обсерватории Тамара Михайловна Смирнова одну из открытых ею малых планет назвала в честь Антуана де Сент-Экзюпери, а другую — в честь переводчицы Норы Галь. Открытие крымского астронома утвердил Институт теоретической астрономии в Санкт-Петербурге, затем Международный Астрономический Союз, и вот теперь где-то в далеком космосе рядом с планетой ее любимого Маленького принца светится малая планета с красивым именем НОРАГАЛЬ.

Кто знает, какие силы определяют склонности человека, но, может быть, не случайно пристрастие Норы Галь, признанного переводчика классиков, кандидата филологических наук, к молодому и большей частью молодежному жанру художественной литературы, протянувшему свои сюжеты и земные коллизии в Космос с его иными мирами у далеких солнц.

Более четверти века Нора Галь посвятила фантастике. С самого начала 60-х годов, когда страсть к этому умному и смелому жанру захлестнула читающую публику, особенно молодежь, среди самых страстных его поклонников и служителей была и «серьезная»

переводчица Нора Галь. Она и сама не пропускала ни одной книги братьев Стругацких, сыпала наизусть цитатами из «Понедельник начинается в субботу». Она никогда не считала фантастику литературой второго сорта и неутомимо выискивала в безбрежном океане зарубежной фантастики (порой не менее засоренном, чем воды земных океанов) подлинные «жемчужины». Она перевела более полусотни фантастических рассказов и два романа: «Конец детства» Артура Кларка и «Всякая плоть — трава» Клиффорда Саймака (в свое время идеологическое давление не позволило назвать книгу цитатой из Библии, и поэтому роман печатался под названием «Все живое...»).

Нору Галь не привлекали «черные» кошмары и сухое технократическое наукообразие. Ее стихия — проза тонкая, психологическая, не уступающая «большой литературе» в своих раздумьях о человеке.

Фантастические рассказы в переводах Норы Галь — своеобразная антология зарубежной фантастики, объединенная вдумчивым подходом Мастера, личностью переводчицы, ее придирчивым отбором, ее виртуозным почерком.

Тут и признанные лидеры американской фантастики Айзек Азимов, Клиффорд Саймак, Роберт Шекли. И, конечно, самый любимый ее фантаст — Рэй Брэдбери. И авторы, вошедшие в наш читательский обиход несколько позже: Эдмонд Гамильтон, Урсула Ле Гуин, Теодор Старджон. Горькие раздумья Пола Андерсона соседствуют с лукавой усмешкой Зенны Хендерсон или Милдред Клингермен. Тут и французы: Ив Дермез, Ален Доремье, Жерар Клейн, и англичане: М. Люкас, Д. Плектей, и даже есть австралиец — Уин Уайтфорд. Нередко Нора Галь открывала имена практически неизвестные. Если рассказ привлекал внимание переводчицы, значит, есть в нем поэзия, лирика

или юмор, острая мысль, блеск неожиданных поворотов, словом, какая-то изюминка.

Чуткий читатель это чувствовал. Вот как оценил творчество Норы Галь энтузиаст из Абакана В. Борисов, создавший для подростков клуб любителей фантастики «Центавр»: «Ее переводы знакомили миллионы людей с замечательными писателями, ведь она, на мой взгляд, переводила не по заказам, а по велению души, потому и не случаен выбор книг, над которыми она работала... Пометка «Нора Галь» воспринималась как некий ориентир, что это следует читать».

Многолетнее плодотворное сотрудничество связывало с Норой Галь издательство «Мир»: практически все ее переводы впервые увидели свет в серии «Зарубежная фантастика». Она была не только переводчиком, но и редактором, рецензентом, просто добрым и бескорыстным советчиком. Не щадя времени и глаз, прочитывала десятки книг, которыми ее заваливала редакция, чтобы узнать мнение взыскательного Мастера.

Нора Галь принадлежала к тем переводчикам, усилиями которых хранится чистота русского языка. И здесь нельзя не сказать о том вкладе, который она внесла в теорию художественного перевода и в частности перевода фантастики.

Характерно, что любовь к фантастике «толкнула» в перевод любимого жанра многочисленных и модных в 70—80-е годы «физиков». Инженеры, программисты, ученые, просто поклонники фантастики пытались переводить ее, не имея профессионального опыта перевода. И для многих из них бесценным подспорьем оказалась книга, в которой Нора Галь собрала свой полувековой опыт работы в литературе: «Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора». На бесчисленных примерах (в том числе, увы, и из фантастики) она показывала характерные

ошибки пишущих, остроумно обыгрывая и систематизируя их, и тут же давала блестящие варианты, как можно выйти из положения даже в очень трудных случаях. Первое издание книги, появившееся в 1972 году, вызвало самые горячие отклики — причем писали не только литераторы, но и врачи, геологи, программисты. Всех задела за живое боль автора за то, что творится с русским языком. А последнее, четвертое издание книги (1987) еще и дополнил раздел, где на ярких примерах анализировался опыт мастеров перевода. Поделилась переводчица и кое-какими секретами из собственной творческой лаборатории. Став событием нашей культурной жизни благодаря точности мысли автора и изяществу ее выражения, книга и по сей день служит настольным пособием для переводчиков всех уровней.

Хочется надеяться, что магия мастерства, с каким сделаны предлагаемые рассказы, доставит удовольствие читателям, а молодого любителя фантастики поведет и дальше, в мир других прекрасных книг, отмеченных именем переводчицы Норы Галь: «Смерть героя» Ричарда Олдингтона, «Корабль дураков» Кэтрин Энн Портер, «Поющие в терновнике» Колин Маккалоу... В ее переводах по-новому зазвучали прославленные пьесы Пристли «Опасный поворот» и «Время и семья Конвей», трудный и сложный «Посторонний» Альбера Камю. Нора Галь переводила и классику, но предпочитала прозу более современную — Томаса Вулфа и Харпер Ли, Моэма и Сэлинджера...

Более полувека проработала Нора Галь в литературе. Редко кому удастся за свой короткий земной срок сделать столько, сколько удалось сделать ей — переводчику, критику, литературоведу, теоретику жанра художественного перевода. И судьба ее завершилась фантастическим подарком — имя ее вписано в небо над нами.

Лестер Дель Рей

Крылья ночи

— Черт подери всех марсияшек! — Тонкие губы Толстяка Уэлша выплюнули эти слова со всей злобой, на какую способен оскорбленный представитель высшей расы. — Взяли такой отличный груз, лучшего иридия ни на одном астероиде не сыщешь, только-только дотянули до Луны — и не угодно ли, опять инжектор барахлит. Ну, попадись мне еще разок этот марсияшка...

— Ага. — Тоший Лейн нашарил позади себя гаечный ключ с изогнутой рукояткой и, кряхтя и сгибаясь в три погибели, снова полез копать в нутре машинного отделения. — Ага. Знаю. Сделаешь из него котлету. А может, ты сам виноват? Может, марсиане все-таки тоже люди? Лиро Бмакис тебе ясно сказал: чтоб полностью разобраться и проверить инжектор, нужно два дня. А ты что? Заехал ему в морду, облаял его дедов и прадедов и дал ровным счетом восемь часов на всю починку. А теперь хочешь, чтоб он при такой спешке представил тебе все в ажуре... Ладно, хватит, дай-ка лучше отвертку.

К чему бросать слова на ветер? Сто раз он спорил с Уэлшем — и все без толку. Толстяк — отличный космонавт, но начисто лишен воображения, никак не позабудет бредятину, которой пичкает своих граждан Возрожденная Империя: о высоком предназначении человека, о божественном промысле — люди,

мол, для того и созданы, чтобы помыкать всеми иными племенами. А впрочем, если бы Толстяк его и понял, так ничего бы не выиграл. Лейн и высоким идеалам цену знает, тоже радости мало!

Он-то к окончанию университета получил лошадиную дозу этих самых идеалов да еще солидное наследство — хватило бы на троих — и вдохновенно ринулся в бой. Писал и печатал книги, произносил речи, беседовал с официальными лицами, вел переговоры в кулуарах, вступал в разные общества и сам их создавал и выслушал по своему адресу немало брани. А теперь он ради хлеба насущного перевозит грузы по трассе Земля — Марс на старой, изношенной ракете; на четверть ракета — его собственность. А тремя четвертями владеет Толстяк Уэлш, который возвысился до этого без помощи каких-либо идеалов, хотя начинал уборщиком в метро.

— Ну? — спросил Толстяк, когда Лейн вылез наружу.

— Ничего. Не могу я это исправить, слабовато разбираюсь в электронике. Что-то разладилось в реле прерывателя, но по индикаторам не поймешь, где непорядок, а наобум искать опасно.

— Может, до Земли дотянем?

Тоший покачал головой.

— Навряд ли. Лучше сядем где-нибудь на Луне, если ты сумеешь дотащить нашу посудину. Тогда, может, и найдем поломку, прежде чем кончится воздух.

Толстяку тоже это приходило в голову. Пытаясь как-то уравновесить перебои в подаче горючего и кляня лунное притяжение, — хоть и слабое, оно порядком мешало, — он повел ракету к намеченному месту: посреди небольшой равнины он высмотрел на редкость чистую и гладкую площадку, без каменных обломков и выбоин.

— Пора бы тут устроить аварийную станцию, — пробурчал он.

— Когда-то станция была, — сказал Лейн. — Но ведь на Луну никто не летает, и пассажирским кораблям тут садиться незачем, проще выпустить закрылки и сесть в земной атмосфере, чем тратить здесь горючее. А грузовики вроде нас не в счет. Странно, какая ровная и чистая эта площадка, мы в миле, не выше, и ни одной метеоритной царапинки не видно.

— Стало быть, нам повезло. Не хотел бы я шлепнуться в какой-нибудь кратеришко и сбить дюзу или пропороть обшивку. — Толстяк взглянул на высотомер и на указатель скорости спуска. — Мы здорово грохнемся. Если... эй, что за черт?

Тощий Лейн вскинул глаза на экран: в тот миг, как они готовы были удариться о поверхность, ровная площадка раскололась надвое, половинки плавно скользнули в стороны — и ракета стала медленно опускаться в какой-то кратер; он быстро расширялся, дна не было видно; рев двигателей вдруг стал громче. А экраны верхнего обзора показали, что над головой опять сошлись две прозрачные пластины. Веря и не веря собственным глазам, Лейн уставился на указатель высоты.

— Опустились на сто шестьдесят миль и попались в ловушку! Судя по шуму, тут есть воздух. Что за капкан, откуда он взялся? Бред какой-то!

— Сейчас не до того. Обратно не проскочить, пойдем вниз, а там разберемся. Черт, неизвестно еще, какая внизу площадка.

В таких вот случаях очень кстати, что Толстяк не страдает избытком воображения. Делает свое дело — опускается в исполинском кратере, будто на космодроме в Йорке, и занят только неравномерностью вспышек из-за барахлящего инжектора, а что ждет на

дне, ему плевать. Тоший удивленно посмотрел на Толстяка, потом вновь уставился на экраны — может, удастся понять, кто и зачем построил этот капкан.

Льин лениво поворошил кучку песка и истлевшего сланца, выудил крохотный красноватый камешек, с первого раза не замеченный, и медленно поднялся на ноги. Спасибо Великим, очень вовремя они послали ему осыпь: старые грядки столько раз перерыты, что уже совсем истощились. Чуткими ноздрями он втянул запах магния, немножко пахло железом, и серы тут сколько угодно, все очень, очень кстати. Правда, он-то надеялся найти медь, хоть щепотку. А без меди...

Он отогнал эту мысль, как отгонял уже тысячи раз, и подобрал грубо сработанную корзину, набитую камешками пополам с лишайником, которым заросла эта часть кратера. Свободной рукой растер в пыль осколок выветрившегося камня заодно с клочком лишайника и все вместе отправил в рот. Благодарение Великим за эту осыпь! Приятно ощущать на языке душистый магний, и лишайник тоже вкусный, сочный, потому что почва вокруг неистощенная. Если бы еще хоть крупичу меди — больше и желать нечего.

Льин печально вильнул гибким хвостом, крикнул и побрел назад, к себе в пещеру; мельком глянул вверх, на далекий свод. Там, наверху, за много миль, ослепительно сверкал луч света и, постепенно слабея и тускнея, слой за слоем пронизывал воздух. Значит, долгий лунный день близится к полудню, скоро солнце станет прямо над сторожевым шлюзом, и луч будет падать отвесно. Шлюз чересчур высоко, отсюда не увидишь, но Льин знает: там, где покатые стены исполинской долины упираются в свод, есть перекрытое отверстие. Долгие тысячелетия вырождалось и

вымирало племя Лъина, а свод все держится, хоть опорой ему служат только стены, образующие круг около пятидесяти миль в поперечнике, неколебимые, куда более прочные, чем сам кратер — единственный и вечный памятник былому величию его народа.

Лъин об этом не задумывался, он просто *знал*: свод не создан природой, его построили в те времена, когда Луна теряла остатки разреженной атмосферы и племя напоследок вынуждено было искать прибежища в самом глубоком кратере, где кислород можно было удержать, чтоб не улетучивался. Лъин смутно ощущал протекшие с тех пор века и дивился прочности сводчатой кровли, над которой не властно время.

Некогда народ его был велик и могуч, тому свидетельство — исполинская долина под сводом. Но время не щадило его предков, оно состарило весь народ, как старило каждого в отдельности, отнимало у молодых силу и растило в них медленные, сосущие всходы безнадежности. Какой смысл прозябать здесь, взаперти, одинокой малочисленной колонией, не смея выйти на поверхность собственной планеты? Их становилось все меньше, они позабыли многое, что знали и умели прежде. Машины сломались, рассыпались в прах, и новыми их не заменили; племя вернулось к первобытному существованию, кормилось камнем, который выламывали из стен кратера, да выведенными уже здесь, внизу, лишайниками, что могли расти без солнечного света, усваивая энергию радиоактивного распада. И с каждым годом на грядках сажали все меньше потомства, но даже из этих немногих зерен прорастала лишь ничтожная доля, и от миллиона живущих остались тысячи, потом только сотни и под конец — горсточка хилых одиночек.

Лишь тогда они поняли, что надвигается гибель, но было уже поздно. Когда появился Лъин, в живых

оставалось только трое старших, и остальные семена не дали ростков. Старших давно нет, уже многие годы Лъин в кратере один. Бесконечно тянется жизнь, вся она — только сон, да поиски пищи, да еще мысли, вечно одни и те же, а тем временем его мертвый мир больше тысячи раз обращал свое лицо к свету и вновь погружался во тьму. Однообразие медленно убивало его народ, уже скоро оно доведет свое дело до конца. Но Лъина не тяготит такая жизнь, он привык и не замечает скуки.

Он брел неспешно, в лад медлительному течению мыслей, долина осталась позади; вот и дверь жилища, которое он выбрал для себя среди множества пещер, вырезанных в стенах кратера. Он постоял еще под рассеянным светом далекого солнца, пережевывая новую порцию камня пополам с лишайником, потом вошел к себе. В освещении он не нуждался: еще в незапамятные времена, когда народ его был молод, камень стен насытили радиоактивностью, и глаза Лъина улавливали световые волны едва ли не любой длины. Через первую комнату, мимо сплетенной из лишайников постели и кое-какой нехитрой утвари, он прошел дальше: в глубине помещалась детская, она же и мастерская; неразумная, но упрямая надежда влекла его в самый дальний угол.

И, как всегда, понапрасну. В ящике, полном плодородной почвы, рыхлой, мягкой, заботливо политой, ни намек на жизнь. Ни единый красноватый росток не проклюнулся, никакой надежды на будущее. Зерно не проросло, близок час, когда всякая жизнь на родной планете угаснет. С горечью Лъин отвернулся от детской грядки.

Недостает такой малости, и это так много! Съесть бы всего несколько сот молекул любой медной соли — и зерна, зреющие в нем, дали бы ростки; или приба-

вить те же молекулы к воде, когда поливаешь грядку, — и проросли бы уже посеянные семена, выросли бы новые крепкие мужчины или, может, женщины. Каждый из племени Лъина носил в себе и мужское и женское начало, каждый мог и в одиночку дать зерно, из которого вырастут дети. И пока еще жив хоть один из племени, можно за год взрастить на заботливо ухоженной почве сотню молодых... если б только добыть животворный гормон, содержащий в себе медь.

Но, как видно, не суждено. Лъин склонился к тщательно сработанному перегонному аппарату из выточенных вручную каменных сосудов и гибких стержней, скрепленных и связанных в трубки, и оба его сердца тоскливо сжались. Сухой лишайник и липкая смола все еще питали собой медленный огонь, и медленно сочилась из последней трубки капля за каплей и падала в каменную чашу. Но и от этой жидкости не исходит ни намек на запах медной соли. Что ж, значит, не удалось. Все, что за многие годы дал перегонный аппарат, Лъин подмешивал к воде, поливая грядку, почва детской всегда влажная, но ей не хватило минерала жизни. Почти бесстрастно Лъин вложил вечные металлические свитки, хранящие мудрость его племени, обратно в футляры и принялся разбирать на части химическое отделение мастерской.

Остается еще один путь, он труднее, опаснее, но иного выхода нет. Старинные записи говорят, что где-то под самым сводом, где воздух уже слишком разрежен и дышать нечем, есть вкрапления меди. Значит, нужен шлем, баллоны со сжатым воздухом; и еще крючья и скобы, чтобы взбираться по разъеденной временем древней дороге наверх, по лестнице, где разрушена половина ступеней; и нужны инструменты, распознающие медь, и насос, чтоб наполнить баллоны. Потом придется подтащить множество бал-

лонов к началу подъема, устроить склад и, поднимаясь наверх, постепенно поднимать их тоже, устраивать новые склады, пока цепь запасов не достигнет самого верха... и тогда, быть может, он найдет медь для возрождения.

Он старался не думать о том, сколько на все это понадобится времени и как мала надежда на успех. Нажал педаль, заработали маленькие мехи, в примитивной кузнице вспыхнули язычки голубого пламени; он достал металлические слитки — надо раскалить их, чтобы поддавались ковке. Вручную придать им ту форму, какой требуют старинные записи и чертежи, — задача почти невыполнимая, и все же надо как-то справиться. Его народ не должен умереть!

Прошли долгие часы, а он все работал, и вдруг по пещере разнесся высокий, пронзительный звук. В энергополе над створчатым шлюзом свода появился метеорит, и, видно, огромный! Такого, чтоб ожили защитные экраны, на памяти Лъина еще не бывало, и он думал, что механизм больше не действует, хоть и рассчитан был на века, ведь Солнце должно питать его своей энергией, пока не погаснет. В растерянности стоял он, глядя на дверь, и вот свистящий звук повторился.

Если сейчас же не нажать решетку вводного устройства, автоматически включатся отклоняющие силы, и метеорит упадет в стороне от свода. Лъин не успел об этом подумать, просто кинулся вперед и прижал пальцы к решетчатой панели. Потому-то он и поселился именно в этом пещере: некогда здесь помещалась Стража, в далеком прошлом она впускала и выпускала немногочисленные ракеты-разведчики. Решетка на миг засветилась, значит, метеорит вошел в кратер, и Лъин опустил руку, чтобы створы шлюза вновь сошлись.

И направился к выходу, нетерпеливо ожидая падения метеорита. Быть может, Великие добры и наконец отозвались на его мольбы. Раз он не может найти медь у себя дома, они посылают ему дар извне — а вдруг это баснословное богатство? Быть может, метеорит так велик, что еле уместится в ладони! Но почему он все еще не упал? Цепенея от страха, Лъин тревожно всматривался в далекий свод — неужели он опоздал и защитные силы отбросили метеорит прочь?

Нет, вот блеснул огонек — но не так должен бы вспыхнуть такой большой метеорит, врезаясь в сопротивляющийся воздух! До слуха наконец донесся сверлящий, прерывистый вой — метеорит должен бы звучать совсем иначе. В недоумении Лъин всмотрелся еще пристальней — да, вот он, гость, не падает стремглав, а опускается неторопливо, и яркий свет не угасает позади, а обращен вниз. Но это значит... это может означать только одно — разумное управление. Ракета!!!

На миг у Лъина все смешалось в голове — уж не возвращаются ли предки из какого-то другого, неведомого убежища? Или сами Великие решили его посетить? Но, привыкший рассуждать здраво, он отверг эти нелепые догадки. Не могла такая машина прилететь из безжизненных лунных пустынь, а только со сказочной планеты, что находится под его родным миром, либо с тех, которые обращаются вокруг Солнца по другим орбитам. Неужели там есть разумная жизнь?

Он мысленно перебирал в памяти записи, оставшиеся со времен, когда предки, пересекая космос, летали к соседним планетам — задолго до того, как было построено убежище в кратере. Основать там колонии не удалось — непомерно велика оказалась

сила тяжести, но космонавты подробно осмотрели другие миры. На второй планете жили только чешуйчатые твари, скользющие в воде, да причудливые папоротники на редких клочках суши; на планете, вокруг которой обращается его родной мир, кишели исполинские звери, а сушу покрывали растения, глубоко уходящие корнями в почву. На этих двух не нашлось ни следа разума. Вот четвертую планету населяли существа более понятные, схожие с предшественниками его народа на долгом пути эволюции: жизнь не разделялась на животную и растительную, то и другое сочеталось в единстве. Шарообразные комочки живого вещества, движимые инстинктом, уже стягивались в стайки, но еще не могли общаться друг с другом. Да, из всех известных миров, вероятнее всего, именно там развился разум. Если же каким-то чудом ракета все-таки прилетела с третьего мира, надеяться не на что: слишком он кровожаден, это ясно из древних свитков, на каждом рисунке свирепые чудовища, огромные, как горы, раздирают друг друга в клочья. Лъин услышал, как опустился где-то поблизости корабль, и, полный страхов и надежд, направился к нему, туго свернув хвост за спиной.

Увидав у открытого люка двух пришельцев, он тотчас понял, что ошибся. Эти существа сложены примерно так же, как он, хотя гораздо крупнее и массивнее. Значит, с третьей планеты. Он помедлил, осторожно наблюдая: они озираются по сторонам и явно рады, что тут есть чем дышать. Потом одно что-то сказала другому. Новое потрясение!

Оно говорит внятно, интонации явно разумны, но сами звуки — бессмысленное лопотанье. И это — речь?! Должно быть, все же речь, хотя в словах ни малейшего смысла. Впрочем... как там, в старинных записях? Сла-Вольнодумец полагал, будто в древ-

ности у жителей Луны не было речи, они сами изобрели звуки и каждый наделили значением, и лишь после долгих веков привычка к звуковой речи преобразилась в инстинкт, с которым младенец рождался на свет; Вольнодумец даже подвергал сомнению ту истину, что сами Великие предусмотрели речь, осмысленные звуки как неизбежное дополнение к разуму. И вот... кажется, он был прав. Ощупью пробиваясь в тумане нежданного открытия, Лъин собрал свои мысли в направленный луч.

И опять потрясение. Умы пришельцев оказались почти непроницаемы, а когда он наконец нашел ключ и начал нащупывать их мысли, стало ясно, что они его мыслей читать не могут! И однако они разумны. Но тот, на котором он сосредоточился, наконец, его заметил и порывисто ухватился за второго. Слова по-прежнему были корявые, нелепые, но общий смысл сказанного человек с Луны уловил:

— Толстяк, это что такое?

Второй пришелец обернулся и уставился на подходящего к ним Лъина.

— Не поймешь. Какая-то сухопарая обезьяна, в три фута ростом. По-твоему, она не опасная?

— Наверяд ли. Может быть, даже разумная. Этот купол наверняка сработала не какая-нибудь горсточка политэмигрантов — сразу видно, постройка не человеческая. Эй! — обратился к лунному жителю пришелец, который мысленно называл себя Тошим, хотя с виду был большой и плотный. — Ты кто такой?

— Лъин, — ответил тот, подходя ближе, и ощутил в мыслях Тошского удивление и удовольствие. — Лъин. Я — Лъин.

— Пожалуй, ты прав, Тоший, — проворчал Толстяк. — Похоже, он тебя понимает. Любопытно, кто прилетал сюда и обучил его говорить по-людски?

Лъин немного путался, не сразу удавалось различить и запомнить значение каждого звука.

— Не понимает людски. Никто прилетал сюда. Вы...

Дальше слов не хватило, он шагнул поближе, показывая на голову Тощего и на свою. К его удивлению, Тощий понял.

— Видимо, он читает наши мысли. Это телепатия.

— Ишь ты! Марсияшки тоже толкуют, будто они таким манером друг друга понимают, а вот чтоб они у человека мысли прочитали, я ни разу не видал. Они толкуют, будто у нас мозги как-то не так открываются. Может, эта обезьяна, Рим этот, тебе все врет.

— Ну, вряд ли. Посмотри-ка на тестер, вон какая радиоактивность. Если бы здесь побывали люди и вернулись, об этом бы уже всюду кричали. Кстати, его зовут не Рим, больше похоже на Лин, а по-настоящему нам не выговорить. — Он послал мысль Лъину, и тот послушно повторил свое имя. — Видишь? У нас эл — плавный звук, а у него взрывной. А согласный на конце он произносит как губной, хотя и похоже на наш зубной. В нашей речи таких звуков нет. Интересно, насколько он разумен.

Не успел Лъин составить подходящий ответ, как Тощий нырнул в люк корабля и через минуту вернулся с пакетиком под мышкой.

— Космический разговорник, — объяснил он Толстяку. — По таким сто лет назад обучали марсиан. — И обратился к Лъину: — Тут собраны шестьсот самых ходовых слов нашего языка и расположены так, чтобы как можно легче их постепенно усвоить. Смотри на картинки, а я буду говорить и думать слова. Ну-ка: один... два... Понимаешь?

Толстяк Уэлш некоторое время смотрел, и слушал, и отчасти потешался, но скоро ему это надоело.

— Ладно, Тоший, можешь еще понянчиться со своим туземцем, вдруг узнаешь что-нибудь полезное. А пока ты не принялся за ремонт, я пойду осмотрю стены, любопытно, что тут есть радиоактивного. Эх, жаль, на наших грузовиках передатчики никудышные, вызывай не вызывай — далеко не услышат.

И он побрел прочь, но Лъин и Тоший этого даже не заметили. Они поглощены были нелегкой задачей — найти средства общения; казалось бы, за считанные часы, при совсем разном жизненном опыте это неосуществимо. Но как ни странны были чужие звуки и сочетания слов, как ни причудливо соединялись они в значимые группы, в конце концов это была всего лишь речь. А Лъин появился на свет, уже владея речью чрезвычайно сложной, но для него естественной, как дыхание. Усиленно кривя губы, он один за другим одолевал трудные звуки и неизгладимо утверждал в мозгу их значение.

Под конец Толстяк, идя на голоса, отыскал их в пещере Лъина, уселся и смотрел на них, точно взрослый на малыша, играющего с собакой. Не то чтобы Лъин вызывал у него недоброе чувство, но и человеком Толстяк его не считал, так, смышенное животное, вроде марсиан или дикарей с Венеры; ну а если Тошему угодно обращаться с ним как с равным, пускай покуда тешится.

Лъин смутно улавливал и эти мысли, и еще другие, более опасные: но его слишком захватило общение с живым разумом, ведь почти столетие он провел в полном одиночестве. А было кое-что и поважнее. Он подергивал хвостом, разводил руками и усердно одолевал земные звуки. Тоший, как мог, поспевал за ним.

Наконец землянин кивнул:

— Кажется, я понял. Все, кроме тебя, уже умерли, и тебе очень не по душе, что выхода никакого нет.

Гм-м. Мне такое тоже не понравилось бы. И теперь ты думаешь, что эти твои Великие, а по-нашему Бог, послали нас сюда поправить дело. А как поправить?

Льин просиял, лицо его сморщилось и скривилось от удовольствия, и он не сразу понял, что Тоший неверно истолковал эту гримасу. Намерения у Тощего добрые. Если он поймет, в чем нужда, он, пожалуй, охотно даст меди, ведь из древних записей известно, что третья планета богаче всех минералами.

— Нужен Нра, жизнь получается от того, что из многих простых вещей делается одна непростая: воздух, что надо для питья, что надо для еды — это все у меня есть, и я живу. А чтобы начаться новой жизни, нужен Нра. Он — начало начал. Само зерно неживое, будет Нра — оно оживет. Только у меня нет слова.

С нетерпением он ждал, пока Тоший все это усвоит.

— Какой-то витамин или гормон, что ли? Вроде витамина Е-6? Может, мы и могли бы его сделать, если...

Льин кивнул. Да, конечно, Великие добры. На обоих сердцах у него потеплело от мысли о многих заботливо укрытых про запас зернах. Их можно прорастить, была бы только желанная медь. А теперь человек с Земли готов ему помочь. Еще немножко терпения, и все будет хорошо.

— Делать не надо! — весело пропищал он. — Простая штука. Зерно или я — мы можем сделать внутри себя. Но для этого нам нужен Нра. Смотри.

Он взял камешки из корзины, размял в горсти, старательно разжевал и знаками показал, что у него внутри камень изменяется.

Толстяк Уэлш заинтересовался:

— А ну, обезьяна, съешь еще!

Льин охотно повиновался. Как странно — значит, сами они едят только то, что приготовили для них другие живые существа.

— Ух, черт. Он лопает камни... самые настоящие камни! Слушай, Тоший, у него что же, зоб, как у птицы?

— Он их переваривает. Почитай-ка о прамарсианах, они были наполовину животные, наполовину растения, и у него, очевидно, обмен веществ идет так же. Вот что, Лин, как я понимаю, тебе нужен какой-то химический элемент. Натрий, кальций, хлор? Нет, этого всего здесь, должно быть, хватает. Может, йод? Гм-м.

Он перечислил десятка два элементов, которые, по его соображениям, могли как-то содействовать жизни, но меди среди них не оказалось, и в мысли лунного жителя понемногу закрадывался страх. Неужели этот странный барьер, мешающий им понимать друг друга, все погубит?

Где же выход? И вдруг он вздохнул с облегчением. Ну, конечно, общего слова нет, но структура химического элемента всюду одна и та же. Он торопливо перелистал разговорник, нашел чистую страницу и взял у землянина карандаш. Толстяк и Тоший смотрели во все глаза, а Лъин тщательно, начиная от центра, частицу за частицей, вычертил строение атома меди, открытое великими физиками его народа.

И они ничего не поняли. Тоший покачал головой и вернул листок.

— Насколько я догадываюсь, приятель, это схема какого-то атома... но тогда нам на Земле еще учиться и учиться! — Он даже присвистнул.

Толстяк скривил губы:

— Если это атом, так я сапог всмятку. Пошли, Тоший, уже время спать, а ты полдня валял дурака. И потом, надо помозговать насчет этой самой радиации. Мы бы тут с тобой спеклись в полчаса, спасибо, недели походные нейтрализаторы... А обезьяне это, видно, только на пользу. И у меня есть одна идея.

Тоший вышел из мрачного раздумья и посмотрел на часы.

— Ах, черт! Послушай, Лин, ты не падай духом, завтра мы это еще обсудим. А сейчас Толстяк прав, нам с ним пора спать. До скорого, приятель.

Льин кивнул, на время прощаясь с ними на родном языке, и тяжело опустился на жесткое ложе. За дверью Толстяк с жаром начал развивать некий план — как с помощью Льины добывать радиоактивные вещества; послышался протестующий голос Тошего. Но Льину было не до того. Атом меди он, конечно, изобразил правильно, однако наука землян делает еще только первые шаги, они слишком мало знают о строении атома, им не разобраться в его чертежах.

Писать химические формулы? Реакции, которые исключают один за другим все элементы, кроме меди? Будь они химиками, они, может, и поняли бы, но даже Тоший знает слишком мало. И все же какой-то выход должен быть, разве что на Земле вовсе нет меди. Уж, наверно, Великие, которых земляне называют Богом, не отозвались бы на мольбы многих поколений злой насмешкой. Выход есть, и пока пришельцы спят, Льин его найдет, хотя бы в поисках ключа пришлось перерыть все древние свитки.

Несколько часов спустя, вновь полный надежд, он устало брел по долине к земному кораблю. Найденное решение оказалось простым. Все элементы объединяются по семействам и классам. Тоший упоминал о натрии — даже по самым примитивным таблицам, какими, наверно, пользуются на Земле, можно установить, что натрий и медь относятся к одному семейству. А главное, по простейшей теории, наверняка доступной народу, уже строящему космические ракеты, атомный номер меди — двадцать девять.

Оба люка были открыты, Лъин проскользнул внутрь, безошибочно определяя направление по колеблющимся, смутным мыслям спящих людей. Дошел до них — и остановился в сомнении. Он ведь не знает их обычаев, но уже убедился: то, что для его народа было истиной, далеко не всегда правильно для землян. Вдруг им не понравится, если он их разбудит? В нем боролись учтивость и нетерпение; наконец он присел на корточки на металлическом полу, крепко сжимая древний свиток и приняхиваясь к окружающим металлам. Меди здесь не было, но он и не надеялся так просто найти столь редкий элемент, впрочем, тут были и такие, которых он совсем не мог определить, — должно быть, из тяжелых, какие на Луне почти не существуют.

Толстяк что-то пробурчал, замахал руками, зевнул и сел, еще толком не проснувшись. Его мысли полны были кем-то с Земли, в ком присутствовало женское начало (которого, как уже заметил Лъин, оба гостя были лишены), и еще тем, что станет делать он, Толстяк, «когда разбогатеет». Лъин живо заинтересовался изображениями этой мысли, но потом спохватился: тут явно секреты, не следует в них проникать без спроса. Он отвел свой ум, и тогда-то землянин его заметил.

Спросонья Толстяк Уэлш всегда бывал не в духе. Он вскочил, зашарил вокруг в поисках чего-нибудь тяжелого.

— Ах ты, подлая обезьяна! — взревел он. — Чего шныряешь? Вздумал нас прирезать?

Лъин взвизгнул и увернулся от удара, который расплющил бы его в лепешку; непонятно, в чем он провинился, но безопаснее уйти. Физический страх был ему не знаком, слишком много поколений жило и умерло, не нуждаясь в этом чувстве. Но его ошело-

мило открытие, что пришельцы способны убить мыслящее существо. Неужели на Земле жизнь ничего не стоит?

— Эй, брось! Прекрати! — Шум разбудил Тошего; Лъин мельком оглянулся: Тоший сзади схватил Толстяка и не давал шевельнуть рукой. — Полегче, слышишь. Что у вас тут?

Но Толстяк уже окончательно проснулся и остывал. Выпустил из рук металлический брус, криво усмехнулся.

— Сам не знаю. Может, он ничего худого и не задумал, только я проснулся, вижу, он сидит, пялит на меня глаза, а в руках железка, ну, мне и показалось — он хочет перерезать мне глотку или вроде того. Я уже очухался. Поди сюда, обезьяна, не бойся.

Тоший выпустил его и кивнул Лъину:

— Да-да, приятель, не уходи. У Толстяка свои заски на счет людей и нелюдей, но в общем-то он добрый. Будь хорошей собачкой, и он не станет пинать тебя ногами, даже за ухом почешет.

— Чушь! — Толстяк ухмыльнулся, добродушие вернулось к нему. Он понимал, что Тоший острит, но не обижался. Марсияшки, обезьяны... ясно, они не люди, с ними и разговор другой, ничего плохого тут нет. — Что ты притащил, обезьяна? Опять картинки, в которых никакого смысла нету?

Лъин кивнул, подражая их жесту, означающему согласие, и протянул свиток Тошему. Толстяк держится уже не враждебно, однако неясно, чего от него ждать, а Тошему, видимо, интересно.

— Надеюсь, в картинках много смысла. Вот Нра — двадцать девятый, под натрием.

— Периодическая таблица, — сказал Тоший Толстяку. — По крайней мере похоже. Дай-ка мне справочник. Гм-м. Под натрием, номер двадцать девять.

Натрий, калий, медь. Двадцать девятый, все правильно. Это оно и есть, Лин?

Глаза Лыина сверкали торжеством. Благодарение Великим!

— Да, это медь. Может быть, у вас найдется! Хотя бы один грамм!

— Пожалуйста, хоть тысячу граммов. По твоим понятиям, у нас ее до отвала. Бери сколько угодно.

И тут вмешался Толстяк.

— Ясно, обезьяна, у нас есть медь, если это ты по ней хныкал. А чем заплатишь?

— Заплатишь?

— Ясно. Что дашь в обмен? Мы помогаем тебе, а ты нам, справедливо?

Лыину это не приходило в голову, но как будто справедливо. Только что же он может им дать? И тут он понял, что у землянина на уме. За медь ему, Лыину, придется работать: выкапывать и очищать радиоактивные вещества, с таким трудом созданные в пору, когда строилось убежище; вещества, дающие тепло и свет, нарочно преобразованные так, чтобы утолять все нужды племени, которому предстояло жить в кратере. А потом работать придется его сыновьям и сыновьям сыновей, добывать руду, выбиваться из сил ради Земли, и за это им будут платить медью — в обрез, только-только чтобы Земле хватало рудокопов. Мозг Толстяка снова захлестнули мечты о том земном создании. И ради этого он готов обречь целый народ прозябать без гордости, без надежд, без свершений. Непостижимо! На Земле так много людей — для чего им обращать Лыина в раба?

И рабство — это еще не все. В конце концов Земля пресытится радиоактивными материалами либо, как ни велики запасы, они иссякнут — и нечем будет

поддерживать жизнь... Так или иначе впереди гибель. Лъин содрогнулся: слишком страшный выбор навязывают.

Тоший опустил руку ему на плечо.

— Толстяк немного путает, Лин. Верно, Толстяк?

Пальцы Тошего сжимали что-то... оружие, смутно понял Лъин. Второй землянин поежился, но усмешка не сходила с его лица.

— Дурень ты, Тоший. Чокнутый. Может, ты и веришь в эту дребедень — что все люди и нелюди равны, но не убьешь же ты меня из-за этого. А я человек старых взглядов, я свою медь задаром не отдам.

Тоший вдруг тоже усмехнулся и спрятал оружие.

— Ну и не отдавай. Лин получит мою долю. Меди у нас вдосталь, без некоторых вещей мы вполне обойдемся. И не забывай, четверть всего, что есть на корабле, моя.

На это в мыслях Толстяка не нашлось ответа. Он подумал немного и пожал плечами. Тоший прав, своему паю он хозяин. Ну и пусть.

— Ладно, воля твоя. Я тебе помогу раскопать, что у нас есть подходящего. Может, взять ту проволоку, знаешь, в ларе, в машинном отделении.

Лъин молча смотрел, как они отперли небольшой ящик и стали там рыться; половина его ума изучала механизмы и управление, вторая половина ликовала: медь! И не какая-то горсточка, а столько, сколько он в силах унести. Чистая медь, которую так легко превратить в съедобный купорос при помощи кислот, — он еще раньше их приготовил, когда пытался добыть медь здесь, у себя. Через год кратер вновь будет полон жизни. Он оставит триста, а может быть, и четыреста сыновей, и у них будут еще и еще потомки!

Одна деталь схемы сцепления, которую он изучал, заставила Лъина перенести центр тяжести на по-

ловину ума, занятую окружающими механизмами; он потянул Тощего за штанину.

— Это... вот это... не годится, да?

— А? Да, тут что-то разладилось. Потому нас к тебе и занесло, друг. А что?

— Тогда без радиоактивных. Я могу платить. Я исправлю. — На миг его взяло сомнение. — Это ведь тоже значит платить, да?

Толстяк вытащил из ящика большой моток чудесной, душистой проволоки, утер пот со лба и кивнул.

— Верно, это была бы плата, только ты эти штуки не тронь. Они и так ни к черту не годятся, и, может, Тоший даже не сумеет исправить.

— Я могу исправить.

— Ну да. Ты в каких академиях обучался электронике? В этом мотке двести футов, стало быть, на его долю пятьдесят. Ты что же, Тоший, свою всю ему отдашь?

— Да, пожалуй. — Тоший почти не следил за тем, как Толстяк отмерял и резал проволоку, с сомнением смотрел он на Лыина. — Слушай, Лин, а ты в таких вещах разбираешься? Ионный двигатель — штука не простая, в схеме питания черт ногу сломит. С чего ты взял, что сумеешь починить инжектор? Разве у вашего народа были такие корабли и ты изучал чертежи?

Мучительно подыскивая слова, Лыин попытался объяснить. Нет, у его народа ничего похожего не было, атомные устройства работали по-другому, ведь на Луне урана почти нет, и энергию атома использовали непосредственно. Но принципы ему ясны уже из того, что он видит со стороны: он прямо в голове чувствует, как что должно работать.

— Я чувствую. Когда я только-только вырос, я уже мог это исправить. Записи и чертежи я все прочел, но главное не что я изучал, а как я думаю. Триста милли-

онов лет мой народ все это изучал, а теперь я просто чувствую.

— Триста миллионов лет! Когда ты сказал, что прямо сроду умеешь и говорить и читать, я понял, что ваше племя очень старое, но чтоб так... У нас тогда еще динозавры бегали!

— Да, мои предки видели таких зверей на вашей планете, — серьезно подтвердил Лъин. — Так я буду чинить?

Тоший растерянно мотнул головой и молча передал Лъину инструменты.

— Слышишь, Толстяк? Триста миллионов лет, и почти все это время они были далеко впереди нас теперешних. Ты только подумай! Мы были еще так, букашки, кормились динозавровыми яйцами, а эти уже летали с планеты на планету! Подолгу, наверно, нигде не оставались, сила тяжести для них вшестеро выше нормальной. А своя планета маленькая, воздух не удержала, пришлось зарыться в яму... Вот и остался от них от всех один Лин!

— И поэтому он механик?

— У него инстинкт. Знаешь, какие инстинкты развились за такой срок у животных и у насекомых? У него чутье на механизмы — может, он и не знает, что это за машина, но чувствует, как она должна работать. Да еще прикинь, сколько он мне научных записей показывал и сколько всего, наверно, перечитал... Я думаю, нет на свете такой машины, с которой он бы не сладил.

Толстяк решил, что спорить нет смысла. Либо эта обезьяна все исправит, либо им отсюда не выбраться. Лъин взял кусачки, отключил все контакты пульта управления и теперь обстоятельно, деталь за деталью, разбирал его. С необычайной ловкостью расцеплял провода, извлекал электронные лампы, разъединял трансформаторы.

Льину ничего не стоило в этом разобраться. Земляне получают энергию из атомного топлива — используют определенные свойства ионизированного вещества, регулируют скорость ионизации, а затем реактивная струя через дюзы с большой скоростью выбрасывается наружу. Простейшая задача по электронике — управляемая реакция.

Маленькими проворными руками он, виток за витком, свернул проволоку в спираль, свернул вторую, между ними поместил электронную лампу. Вокруг этого узла появились еще спирали и лампы, затем длинная трубка — фидер. Льин соединил ее с трубопроводом, подающим смесь для ионизации, укрепил шину. Инжекторы оказались излишне сложны, но их он трогать не стал, годятся и так. На все вместе не ушло и пятнадцати минут.

— Будет работать. Только в первый раз включайте осторожно. Теперь это работает на всю мощность, не так мало, как раньше.

Тоший осмотрел сделанное.

— И это все? У тебя же осталась куча свободных деталей — куда их?

— Это было совсем ненужное. Очень плохое. Теперь — хорошо.

И Льин старательно объяснил Тошему, как будет работать новая конструкция. Прежнюю мог объяснить только опытный специалист, отлично владеющий сложной терминологией. Но то, что вышло сейчас из рук Льи́на, было плодом знания, оставившего далеко позади неуклюжие сложности первых робких попыток. Если что-то надо сделать, это делается как можно проще. Теперь Тоший только диву давался: почему люди так не сделали с самого начала? И как ему было не удивляться, когда все вдруг оказалось просто и ясно... Он кивнул.

— Отлично. Вот это да, Толстяк. Коэффициент полезного действия примерно 99,99 процента, а раньше у нас было не больше двадцати. Ты молодчина, Лин.

Толстяк ничего не понимал в электронике, но объяснения Лыина прозвучали убедительно, говорить больше не о чем. И он направился к рубке.

— Ладно, значит, отбываем. До скорого, обезьяна.

Тоший подобрал медную проволоку, подал Лыину и проводил его к люку. Лунный житель вышел из корабля, поднял голову к закрывающемуся люку и старательно улыбнулся на земной манер.

— Я открою створы и выпущу вас. И я вам заплатил, и все справедливо, так? Тогда — до скорого, Тоший. Да полюбят тебя Великие за то, что ты вернул мне мой народ.

— Прощай, — отозвался Тоший и помахал рукой. — Может, мы еще когда-нибудь тебя навестим, посмотрим, как ты тут процветаешь.

Люк закрылся.

И вот Лыин снова у себя в пещере, нежно гладит медную проволоку и ждет грома ракетных двигателей; ему и радостно, и тревожно. Медь — это счастье, но мысли, которые он прочел у Толстяка, сильно его смущают. Что ж, меди хватит для многих поколений, а что будет дальше с его народом — это во власти Великих.

Он вышел за дверь и смотрел, как уносится вверх теперь уже немигающий, уверенный огонек и уносит с собою судьбу его племени. Если эти двое расскажут на Земле о радиоактивных камнях, впереди рабство и гибель. Если промолчат, быть может, его племя возродится к прежнему величию и вновь отправится на другие планеты; когда-то, еще в пору своего расцвета, лунный народ от этих попыток отказался, но ведь

теперь на других мирах его встретят не дикие джунгли, а жизнь и разум. Быть может, когда-нибудь, владея древним знанием и покупая на других планетах вещества, которых нет на Луне, потомки даже найдут способ вернуть родному миру былое величие — не об этом ли мечтали предки, пока ими не овладела безнадежность и не простерлись над его народом крылья ночи...

Льин смотрел вверх; ракета поднималась над ним по спирали, то заслоняя, то вновь открывая просвет в вышине, равномерная смена тени и света — будто мерные взмахи крыльев в незапамятной дали времен, когда воздух над Луной был еще полон летучих существ. Наконец черные крылья достигли свода, Льин открыл шлюз, они скользнули наружу, и стало совсем светло... Быть может, это предзнаменование? Но как знать, доброе или дурное?

Он понес медную проволоку в детскую.

А на корабле Тоший Лейн смеющимися глазами следил за Толстяком Уэлшем — тому явно было не по себе, он пытался собраться с мыслями.

— Ну? — сказал Тоший. — Каков наш приятель? Пожалуй, не хуже людей, а?

— Угу. Пускай даже лучше. Я на все согласен. Он не хуже меня... а может, и получше. Хватит с тебя?

— Нет. — Тоший ковал железо, пока горячо. — Как насчет радиоактивных материалов?

Толстяк подбавил двигателям мощности и ахнул: ракета рванулась вперед с небывалой силой, его вдавило в кресло. Он осторожно перевел дух, немного посидел, глядя в одну точку. Наконец пожал плечами и обернулся к Тошему.

— Ладно, твоя взяла. Обезьяну никто не тронет, я буду держать язык за зубами. Теперь ты доволен?

— Ага.

Тощий Лейн был не просто доволен. Он тоже в случившемся видел предзнаменование, и значит, идеалы не такая уж глупость. Быть может, когда-нибудь черные крылья предрассудков и чванливого презрения ко всем иным племенам и расам перестанут заслонять небо Земной империи, как перестали они застилать глаза Толстяку. Вероятно, ему, Лейну, до этого не дожить, но в конце концов так будет. И править миром станет не одна какая-либо раса, но разум.

— Да, Толстяк, я очень доволен. И не горюй, ты не так уж много потерял. На этой Линовой схеме сцепления мы с тобой разбогатеем; я уже придумал, новый способ пригодится по крайней мере для десяти разных механизмов. Что ты станешь делать со своей долей?

Толстяк расплылся в улыбке.

— Начну валять дурака. Помогу тебе снова здорово взяться за твою пропаганду, будем вместе летать по свету и целоваться с марсияшками да с обезьянами. Любопытно, про что сейчас думает наша обезьянка.

А Лъин в эти минуты ни о чем не думал: он уже решил для себя загадку противоречивых сил, действующих в уме Толстяка, и знал, какое тот примет решение. Теперь он готовил медный купорос и уже провидел рассвет, идущий на смену ночи. Рассвет всегда прекрасен, а этот — просто чудо.

Одержимость коллекционера

— Что ты здесь делаешь, человек?

— Это длинная история.

— Прекрасно, я люблю длинные истории. Садись и рассказывай. Нет, только не на меня!

— Извини. Так вот, я здесь из-за моего дядюшки, он сказочно богатый...

— Подожди. Что значит «богатый»?

— Ну, очень состоятельный.

— А что такое «состоятельный»?

— Хм. У него куча денег.

— Что такое «деньги»?

— Ты, кажется, хотел услышать мою историю?

— Да, но я хотел бы понимать, что ты говоришь.

— Извини, Булыжник, но я и сам тут не все понимаю.

— Меня зовут Камень.

— Ладно, пускай Камень. Предполагалось, что дядюшка, человек с весом, пошлет меня учиться в Космическую Академию, но он этого не сделал. Ему больше по вкусу гуманитарное образование. И он отправил меня в университет, в эту допотопную скукотищу, изучать негуманоидные цивилизации. Улавливаешь мою мысль?

— Не совсем, но чтобы оценить, не обязательно понимать.

— Вот и я то же говорю. Мне вовек не понять дядю Сиднея, но я вполне оценил его возмутительные

вкусы, сорочки наклонности и страсть вечно путаться в чужие дела. До того оценил, что даже тошнит. А больше мне ничего не остается. Дядюшка — плотоядный идол всего нашего семейства и обожает ставить на своем. К несчастью, он у нас еще и единственный денежный мешок, а отсюда следует так же неукоснительно, как ИКССТ за ЗЗЕНТОМ, что он ставит на своем всегда, во всех случаях без исключения.

— Эти ваши деньги, как видно, очень важное вещество.

— Настолько важное, что загнало меня за десять тысяч световых лет на безымянную планету... кстати, я как раз подобрал для нее имя: Сквернида.

— ДЗАТТ невысокого полета — из жадин жадина, потому у него и полет невысок.

— Да, я заметил. Хотя ведь ДЗАТТ — это мох, так?

— Так.

— Отлично, значит, с упаковкой будет проще.

— Что такое «упаковка»?

— Это когда кладут что-нибудь в ящик, чтобы переправить куда-нибудь в другое место.

— То есть передвинуть?

— Примерно.

— А что ты собираешься упаковать?

— Тебя, Камень.

— Но я не из тех, которые скользят...

— Послушай, мой дядюшка коллекционирует камни, понял? А вы тут — разумные минералы, единственные на всю галактику. И притом ты самый большой, другого такого крупного я еще не встречал. Улавливаешь мою мысль?

— Да, но я никуда не хочу двигаться.

— А почему? Ты будешь самый главный во всей дядюшкиной коллекции. Вроде как в стране слепых

и кривой — король, да простится мне такое вольное сравнение.

— Пожалуйста, не надо сравнений. Не знаю, что это означает, но звучит отвратительно. А откуда твой дядюшка узнал про нашу планету?

— Один мой наставник вычитал про нее в бортовом журнале старинного космического корабля. Наставник, видишь ли, собирал коллекцию старых бортовых журналов. А журнал этот вел некий капитан Красогор, он совершил тут у вас посадку несколько веков назад и подолгу беседовал с вашим братом.

— Как же, как же, славный старый ворчун Красогор! Что-то он поделывает? Передай ему привет и...

— Он умер.

— Что ты сказал?

— Красогор умер. Кончился. Загнулся. Отдал концы. Вздрибился.

— Да неужели! Когда же это случилось? Я уверен, это было прекрасное зрелище, просто великолепное...

— Право, не знаю. Но я сообщил о вашей планете дядюшке, и он решил, что ты ему необходим для коллекции. Потому я и прилетел, он послал меня за тобой.

— Это очень лестно, но я никак не могу с тобой лететь. Мне уже скоро пора дриблиться...

— Знаю, я все прочитал про дрибленье в журнале капитана Красогора, только дяде Сиднею не показал. Загодя выдрал эти страницы. Пускай он будет поблизости, когда ты вздриблишься. Тогда я получу в наследство его деньги и уж сумею щедро вознаградить себя за то, что не попал в Космическую Академию. Во-первых, заделаюсь горьким пьяницей, во-вторых, стану распутничать вовсю... а может, в обратном порядке...

— Но я хочу диблиться здесь, среди всего, с чем я сросся нераздельно.

— Вот лом. Я тебя от всего этого отделю.

— Только попробуй, я сию же минуту вздиблюсь.

— Ну нет. Прежде чем завести этот разговор, я вычитал твою массу. В земных условиях пройдет по меньшей мере восемь месяцев, пока ты достигнешь нужной величины.

— Да, верно, я хотел тебя обмануть. Но неужели ты не знаешь жалости? Я провел здесь столько веков, с тех пор как был совсем маленьким Камешком. Здесь жили мои предки. Я так старательно собирал мою коллекцию атомов, ни у кого в окрестности нет лучшей молекулярной структуры. И вдруг... вырвать меня отсюда, когда вот-вот настанет время диблиться... с твоей стороны это просто бескаменно!

— Не горюй, все не так страшно. Уверяю тебя, на Земле ты сможешь пополнить свою коллекцию самыми прекрасными атомами. И ты увидишь такие места, где еще не бывал ни один Камень твоей планеты.

— Слабое утешение. Я хочу, чтобы мои друзья видели, как я диблюсь.

— Боюсь, что об этом не может быть и речи.

— Ты очень жестокий, человек. Надеюсь, ты будешь поблизости, когда я вздиблюсь.

— Когда настанет час этого события, я уж постараюсь оказаться подальше, ведь у меня впереди шикарные кутежи.

На Скверниде сила тяжести гораздо меньше земной, так что Камень без труда удалось подкатить к планетолету, упаковать и с помощью лебедки водворить внутрь, по соседству с атомным двигателем. Но планетолет был легкий, спортивный; чтобы приспособить его для скоростных пробегов, владелец снял

часть защитной брони; вот почему Камень вдруг ощутил жар вулканического опьянения, почти мгновенно прибавил к своей коллекции самые что ни на есть отборные образчики — и тут же вздвигнулся.

Огромным грибом он взметнулся ввысь, потом мощными волнами разнесся над равнинами Скверниды. Несколько юных Камней низринулись с пыльных небес, отчаянным воплем на общей всем в этих краях волне возвещая о муках своего рождения.

— Взорвался, — сквозь треск разрядов промолвил один из дальних соседей. — И раньше, чем я думал. А каким жаром обдает, одно удовольствие!

— Да, великолепно вздвигнулся, — подтвердил другой. — Что ж, если ты хороший коллекционер, твои труды всегда увенчаются успехом.

Милдред Клингермен

Победоносный рецепт

Однажды утром, сойдя вниз, мисс Мези увидела, что автокорзинка для бумаг злонамеренно засасывает вчерашнюю почту, которую она вовсе еще не собиралась выбрасывать. Часы-календарь объявили время каким-то необыкновенно визгливым голосом; так нахально домашние автоматы обращались только с ней.

Надо быть твердой, подумала мисс Мези. И однако у нее задрожали губы, как всегда бывало, когда она робела. А робела она чересчур часто. Преглупо в наш век быть трусихой, ведь на дворе просвещенный и мирный год две тысячи второй. Брат мисс Мези не устал ей это повторять, но чем больше он кричал и топал ногами, тем сильнее ее одолевала робость.

Мисс Мези выключила автокорзинку и тихо стояла, глядя на самодовольный циферблат часов; она раздумывала о нахалах и тиранах вообще и о домашних автоматах в частности. Она их боялась и ненавидела всех до единого. В доме их полным-полно. С утра до ночи только и делаешь, что опасливо нажимаешь кнопки, переводишь рычаги да разбираешься в пестрящих дырками лентах: машины высовывают их, точно длинные языки, чего-то от тебя требуют, на что-то жалуются. А в последнее время, видно, почуяли, что она их боится, и нахально плюются и шипят на нее, не скрывают презрения к ее слабости. У брата Джона, конечно, намерения самые лучшие, но он прямо одержим страстью ко всяким механизмам.

— Не будь мямлей, Клер! — орет Джон, когда она жалобно уверяет, что предпочла бы всю работы по дому делать своими руками. — Вперед! Вот наш девиз! Кто это в наше время обходится без домашних автоматов? Смелей! Больше пылу, больше жару! Докажи, что в тебе есть щепотка перцу!

Чаше всего после таких разговоров он отправляется в город и покупает какую-нибудь новую машину, еще сложнее и страшней прежних, чтобы взбодрить сестру, подбавить в ее нрав перцу, как он выражается.

Сейчас брат распахнул дверь и громким голосом потребовал завтрак. Часы исполненным достоинства баритоном сообщили точное время.

— Опять ты опаздываешь с едой, Клер, — проворчал Джон Мези. — Неужели нельзя живей поворачиваться? Ты слишком много торчишь на кухне. Там тоже пора все осовременить. У меня уже есть кое-что на примете, — прибавил он, старательно избегая испуганного взгляда сестры.

До сих пор Джон никогда не вмешивался в кухонные дела. Мисс Мези — великая мастерица стряпать, а Джон всегда любил вкусно поесть. Она же просто не могла бы жить без стряпни. В это занятие она вкладывала всю свою изобретательность.

Джон пропустил ее робкие протесты мимо ушей и под конец признался, что новый автомат уже заказан, оплачен и его с минуты на минуту доставят.

— «Великий Автоповар» может приготовить все на свете, — говорил Джон с набитым ртом. — Ну же, Клер, хватит канючить. Привыкнешь. Этой машиной управлять проще простого. Думать она и сама умеет. Вот увидишь.

Насытись, он отправился на вертолете в город (сестра подозревала, что там он бессовестно тиранит

своих подчиненных), а мисс Мези уселась в гостиной и приготовилась принять удар судьбы. Сперва она всплакнула, потом стала размышлять и наконец не без удивления почувствовала, что на смену привычной робости в ней поднимается дух противоречия.

— На этот раз Джон зашел слишком далеко, — шептала она. — Я буду бороться. Еще не знаю, как. Но все равно, какое он там чудище ни купил, я буду бороться до конца.

С некоторым опозданием она открыла, что подчас мужество рождается из робости, над которой слишком долго измывались. Наука, думала она, просто не принимает в расчет таких людей, как она, Клер Мези. Кто знает, может быть, наука дойдет до того, что начнут фабриковать автоматических сестер? Джону это придется по вкусу. Мисс Мези упрямо стиснула зубы.

И тут из кухни донесся громкий, мерный стук. От испуга у мисс Мези задрожали руки. Вдруг какой-нибудь из автоматов Джона взбесился? Ее сердце неистово заколотилось, она уже распахнула дверь в сад и тут лишь поняла, что спасается бегством.

— Ну нет! — Она покраснела и вздернула подбородок. Наверно, это просто доставили ту самую машину, которую заказал Джон. Мисс Мези решительным шагом направилась в кухню. — Помни, Клер, — сказала она себе, — побольше смелости, жару и перцу.

В кухне двое молодых людей превесело заулыбались ей навстречу, а она во все глаза уставилась на металлическую машину, что закрыла собой три стены от пола до самого потолка. «Великий Автоповар» был похож на необъятную картотеку, бесчисленные стальные ящики громоздились друг на друга. В окно мисс Мези увидела — возле длиннющего фургона кое-как свалена ее прежняя кухонная утварь.

— Надеюсь, мы вас не напугали, мисс Мези, — сказал один из молодых людей. — Мистер Мези сказал, чтобы мы просто вошли и все сделали.

Она стояла и смотрела застывшим взглядом; молодой человек помялся, поглядел на потолок.

— Это ж замечательная машинка. Из этих, самостоятельно мыслящих, их не очень-то выдают гражданскому населению. (Он мельком заглянул в книжечку, которую держал в руке.) Вон как тут сказано: «Блок творческого мышления, естественно, ограничен. Изготовитель гарантирует первоклассную и даже сверхсложную работу «Великого Автоповара», однако хозяйке следует воздержаться от невыполнимых требований. Машинная психология пока еще недостаточно изучена. Изготовитель не может нести ответственность за последствия, если из-за неосторожного обращения Автоповар потеряет уверенность в себе». В общем, инструкция останется у вас. Мы dokonчим установку, а вы покуда почитайте, да повнимательней. Мы живо управимся.

Он легонько вытолкнул мисс Мези из кухни и закрыл дверь. За дверью опять громко, размеренно застучало, но мисс Мези уже ничего не слышала. Она озабоченно перебирала в памяти все, что сказал этот человек. Теперь у нее есть оружие.

Когда техники ушли, мисс Мези остановилась перед Автоповаром, готовая помериться силами с врагом. В одной руке она сжимала кое-какие хитроумнейшие свои рецепты — длинные, трудные, над каждым из этих блюд приходилось хлопотать часами. В другой руке мисс Мези держала инструкцию и наскоро ее перечитывала.

«Говорите отчетливо, прямо в микрофон на панели Г-7», — приказывала книжка. Мисс Мези отыскала панель Г-7 и на мгновение струхнула, точно начи-

нающая актриса перед выходом на сцену. Печатная инструкция затрепетала в ее руке, но она упрямо сжала зубы. «Если в распоряжении Автоповара не имеется какой-либо составной части, указанной в вашем рецепте, — читала она, — он всегда сумеет подыскать наилучшую замену».

Мисс Мези решила вести честную игру. Она заложила в пасть Автоповара немало всякой всячины из своих припасов. И потом добрый час читала в микрофон свои рецепты — пускай эта махина попробует потягаться с нею, истинной художницей кулинарного дела!

Ровным счетом через тридцать семь минут Автоповар выдал такое множество отменных блюд, что мисс Мези оставалось либо вынести их из кухни, либо удалиться самой. Тут хватило бы на званый обед, для такого изобилия кухня была тесновата. И все, что ни возьми, приготовлено безукоризненно. Больше того, «Великий Автоповар» выдал кушанья уже разложенными по тарелкам, с гарниром, просто любо смотреть. Мисс Мези вызвала вертолет, отправила всю эту снедь в детскую больницу, устало вздохнула и начала все сызнава.

Она стояла перед машиной, следила за крохотными красными лампочками, горящими на панелях, прислушивалась к механическому кудахтанью и мурлыканью, и ей чудилось, будто каждый красный глазок смотрит на нее с усмешкой.

— Ну погоди! — сказала она красноглазой панели. — Я так просто не сдамся. — И громко распорядилась: «Взять поросенка в возрасте от трех до шести недель...»

Мисс Мези отнюдь не собиралась сунуть в пасть «Великому Автоповару» несчастного поросеночка. Предполагается, что эта чудо-машина всему на свете

найдет замену — что ж, пускай помается над немислимой задачей смастерить маленькую хрюшку. На сей раз «Великий» немного поворчал (мисс Мези тем временем напевала себе под нос что-то веселенькое) и часа через два выставил перед ней вполне убедительное подобие жареного поросенка, да еще с яблоком в зубах. Теперь уже Автоповар замурлыкал что-то веселенькое, а мисс Мези горько заплакала...

Время позднее, того гляди вернется Джон. В совершенном унынии мисс Мези опустила на пол посреди кухни; ее окружали маринованные устрицы, кнели из куропатки, фаршированная индейка и запеченная в тесте белка. Все, разумеется, ненастоящее, но вкус восхитительный. Ей явственно послышался голос Джона: «Может, ты ревнуешь, а Клер? Ну-ну, брось. Побольше перцу, сестричка! Беда с тобой: сахару в характере избыток, а перцу маловато».

И вдруг ее осенило. Охваченная трепетом, она вновь подошла к панели Г-7.

— Рецепт как делать мальчиков! — торжествующе вскричала она. — «Взять улиток, гвоздиков и шенячьих хвостиков — вот тогда и получатся мальчики!»*

* Английская детская песенка:

Из чего ж это сделаны мальчики?

Из чего ж это сделаны мальчики?

Взять улиток, гвоздиков

И шенячьих хвостиков —

Вот тогда и получатся мальчики.

Из чего ж это сделаны девочки?

Из чего ж это сделаны девочки?

Перцу взять, и сахару,

И сиропу всякого —

Вот тогда и получатся девочки.

Лампочки на панелях «Великого Автоповара» запылали грозным багрянцем. Мягкое гуденье переросло в отчаянный вой сирены. Мисс Мези кинулась в сад искать убежища. Вдогонку неся ужасающий лязг и скрежет, и все покрыл оглушительный грохот. Взрывом ее сбило с ног, она упала на колени — и тут все смолкло.

И в наступившей тишине мисс Мези надменно сказала пустому саду:

— Надеюсь, Джон останется доволен. Он желал перца — и отныне в перце у него недостатка не будет.

Урсула Ле Гуин

Апрель в Париже

Профессор Барри Пенниуизер сидел за своим столом в холодной, сумрачной мансарде и не сводил глаз с лежащей на столе книги и хлебной корки. Хлеб — его неизменный обед, книга — труд всей его жизни. И то и другое слишком сухо. Доктор Пенниуизер вздохнул, его пробрала дрожь. В нижнем этаже этого старого дома апартаменты весьма изысканные, однако же первого апреля, какова бы ни была погода, отопление выключается; сегодня второе апреля, а на улице дождь со снегом пополам. Приподняв голову, доктор Пенниуизер мог бы увидеть из окна две квадратные башни Собора Парижской Богоматери — неотчетливые, в сумерках, они взмывают в небо совсем близко, и, кажется, до них можно достать рукой: ведь остров Сен-Луи, где живет профессор, подобен маленькой барже, что скользит по течению, как на буксире, за островом Ситэ, на котором воздвигнут собор. Но Пенниуизер не поднимал головы. Уж очень он закоченел.

Огромные башни утопали во тьме. Доктор Пенниуизер утопал в унынии. С отвращением смотрел он на свою книгу. Она завоевала ему год в Париже — напечатайтесь или пропадите пропадом, сказал декан, и он напечатал эту книгу и в награду получил годичный отпуск без сохранения жалованья. Мансонскому колледжу не под силу платить преподавателям, когда

они не преподают. И вот на свои скудные сбережения он вернулся в Париж и снова, как в студенческие годы, поселился в мансарде ради того, чтобы читать в Национальной библиотеке рукописи пятнадцатого века и любоваться цветущими каштанами вдоль широких улиц. Но ничего не выходит. Ему уже сорок, слишком он стар для одинокой студенческой мансарды. Под мокрым снегом гибнут, не успев распуститься, бутоны каштанов. И опостылела ему его работа. Кому какое дело до его теории — «теория Пенниуизера» — о загадочном исчезновении в 1463 году поэта Франсуа Вийона? Всем наплевать. Ведь в конце концов его теория касательно бедняги Вийона, преступника, величайшего школяра всех времен, — только теория, доказать ее через пропасть пяти столетий невозможно. Ничего не докажешь. Да и что за важность, умер ли Вийон на Монфоконской виселице или (как думает Пенниуизер) в Лионском борделе на пути в Италию? Всем наплевать. Никому больше не дорог Вийон. И доктор Пенниуизер тоже никому не дорог, даже самому доктору Пенниуизеру. За что ему себя любить? Нелюдимый холостяк, ученый сухарь на грошовом жалованье, одиноко торчит в нетопленной мансарде обветшало-го дома и пытается накропать еще одну неудобочитаемую книгу.

— Витаю в облаках, — сказал он вслух, опять вздохнул, и опять его пробрала дрожь.

Он поднялся, сдернул с кровати одеяло, закутался в него и, вот так неуклюже замотанный, снова подсел к столу и попытался закурить дешевую сигарету. Зажигалка защелкала вхолостую. Опять он со вздохом поднялся, достал жестянку с вонючим французским бензином, сел, снова завернулся в свой кокон и щелкнул зажигалкой. Оказалось, немало бензина он рас-

плескал. Зажигалка вспыхнула — и доктор Пенниуизер тоже вспыхнул, от кистей рук до пят.

— Проклятье! — вскрикнул он, когда по пальцам побежали язычки голубого пламени, вскочил, неистово замахал руками, и все чертыхался и яростно негодовал на Судьбу. Вечно все идет наперекос. А чего ради он старается? Было 2 апреля 1961 года, 8 часов 12 минут вечера.

В холодной комнате с высоким потолком сгорбился у стола человек. За окном позади него маячили в весенних сумерках квадратные башни Собора Парижской Богоматери. Перед ним на столе лежали кусок сыра и громадная рукописная книга в переплете с железными застежками. Книга называлась (по-латыни): «О главенстве стихии Огня над прочими тремя стихиями». Автор смотрел на нее с отвращением. Неподалеку, на железной печурке, медленно закипало что-то в небольшом перегонном аппарате. Жан Ленуар то и дело машинально пододвигал свой стул поближе к печурке, пытаясь согреться, но мысли его поглощены были задачами куда более важными.

— Проклятье! — сказал он наконец на французском языке эпохи позднего средневековья, захлопнул книгу и поднялся.

Что, если его теория неверна? Что, если первоэлемент, главенствующая стихия — вода? Как можно доказать подобные мысли? Должен же существовать некий путь... некий метод... чтобы можно было увериться твердо, бесповоротно хотя бы в одной истине! Но каждая истина влечет за собою другие, такая чудовищная путаница, и все великие умы прошлого противоречат друг другу, да ведь никто не станет читать его книгу, даже эти жалкие ученые сухари в Сорбонне. Они сразу чуют ересь. А чего ради он старает-

ся? Чего стоит его жизнь, прожитая в нищете и одиночестве, если он так ничего и не узнал, а только путался в догадках и теориях? Он яростно шагал по мансарде из угла в угол и вдруг застыл на месте.

— Хорошо же! — сказал он Судьбе. — Прекрасно! Ты не дала мне ничего, так я сам возьму то, чего хочу!

Он подошел к кипе книг — книги повсюду штабелями громоздились на полу, — выхватил из-под низу толстый том (причем поцарапал кожаный переплет и поранил пальцы, так как фолианты, что лежали сверху, обрушились), с размаху швырнул книгу на стол и принялся изучать какую-то страницу. Потом все с тем же застывшим на лице выражением мятежного вызова приступил к приготовлениям: сера, серебро, мел... В комнате у него было пыльно и нахламлено, однако на небольшом рабочем столе порядок безукоризненный, все колбы и реторты под рукой. И вот все готово. Он чуть помедлил.

— Это нелепо... — пробормотал он и глянул в окно, туда, где теперь еле угадывались в темноте квадратные башни.

Под окном прошел стражник, громко выкрикивая время — восемь часов, вечер холодный, ясный. Тишина такая, что слышно, как плещет в берегах Сена. Жеан Ленуар пожал плечами, нахмурился, взял кусок мела и начертил на полу, подле стола, аккуратную пентаграмму, потом взял книгу и отчетливо, хоть и несмело, начал читать вслух:

— *Haere, haere, audi me**.

Заклинание такое длинное и почти сплошь — бессмыслица. Голос Ленуара звучал все тише. Стало скучно и как-то неловко. Наскоро пробормотал он за-

* Внемли и повинуйся (лат.). — Здесь и далее примечания переводчика.

ключительные слова, закрыл книгу — и шарахнулся, привалился спиной к двери и ошеломленно, во все глаза уставился на непонятное явление: внутри пентаграммы возник кто-то огромный, бесформенный, освещенный только голубым мерцанием, исходящим от огненных лап, которыми он неистово размахивал.

Барри Пенниуизер наконец опомнился и погасил огонь, сунув руки в складки одеяла, которым был обмотан. Он даже не очень обжегся, только отчасти утратил душевное равновесие, и опять подсел к столу. Поглядел на свою книгу. Глаза у него стали круглые. Перед ним лежала уже не тощая книжка в серой обложке под названием «Последние годы Вийона, исследование различных возможностей». Нет, это был тяжелый том в коричневом переплете, и назывался он «*Incantatoria Magna*»*. У него на столе? Бесценная рукопись 1407 года? Да ведь единственный список ее, который пощадило время, хранится в Милане, в Амброзиевской библиотеке? Пенниуизер медленно обернулся. И медленно раскрыл рот от изумления. Обвел взглядом железную печурку, рабочий стол, уставленный ретортами и пробирками, неправдоподобные тома в кожаных переплетах — они громоздились на полу, десятка три солидных кип, — окно, дверь. Знакомое окно, знакомая дверь. Но у двери съехался на полу кто-то маленький, бесформенный, черный, и от этого существа исходил частый треск, точно от погремушки. Барри Пенниуизер не отличался особой храбростью, но он был человек рассудительный. Он подумал, что сошел с ума, и потому сказал совершенно спокойно:

— Вы кто, дьявол?

* «Великие заклятья» (лат.).

Существо содрогнулось и продолжало стучать зубами.

Профессор мельком глянул туда, где высился неразличимый в темноте собор, и для пробы перекрестился.

Тут непонятное существо вздрогнуло, но не отпрянуло. Потом еле слышно что-то сказало, оно отлично говорило по-английски... нет, оно отлично говорило по-французски... нет, оно довольно странно говорило по-французски.

— Значит, вы есть Господь Бог, — сказало оно.

Барри встал и попытался его рассмотреть.

— Кто вы такой? — властно спросил он.

Существо подняло голову — лицо оказалось самое обыкновенное, человеческое — и кротко ответило:

— Я Жеан Ленуар.

— Как вы попали в мою комнату?

Короткое молчание. Ленуар поднялся с колен, выпрямился во весь свой невеликий росточек — пять футов и два дюйма.

— Эта комната — моя, — сказал он наконец с ударением, хотя и вполне вежливо.

Барри обвел взглядом книги и колбы. Еще минута прошла в молчании.

— Тогда как же я сюда попал?

— Я перенес вас сюда.

— Вы маг?

Ленуар с гордостью кивнул. Он весь преобразился.

— Да, я маг, — промолвил он. — Да, это я перенес вас сюда. Если Природе не угодно открыть мне знания, так я могу покорить ее, Природу, я могу сотворить чудо! Тогда к дьяволу науку! Я был ученым... с меня довольно! — Он устремил на Барри пылающий

взор. — Меня называют глупцом, еретиком, что ж, клянусь Богом, я и того хуже! Я колдун, доктор черной магии, я, Жеан чья фамилия означает Черный! Магия действует, так? Стало быть, наука — пустая трата времени. Ха! — фыркнул он, по лицу его совсем не видно было, чтобы он торжествовал. — Лучше бы она не подействовала, — сказал он тише и зашагал назад и вперед между кипами книг.

— Я тоже предпочел бы, чтобы ваша магия не подействовала, — отозвался гость.

— Кто вы такой? — Ленуар вскинул голову и с вызовом поглядел в лицо Барри, хотя тот был на голову выше.

— Меня зовут Барри Пенниуизер. Я профессор, преподаю французский язык в Мансонском колледже, штат Индиана, провожу отпуск в Париже — продолжаю изучать позднее средневеко... — он запнулся. Вдруг он понял, что за произношение у Ленуара и почему его зовут не просто Жан, а Жеан. — Какой сейчас год? Какой век? Прошу вас, доктор Ленуар... — Лицо у француза стало растерянное. Слова не только звучат по-иному, изменилось, кажется, и самое их значение. — Кто правит вашей страной?! — закричал Барри.

Ленуар пожал плечами — истинно французский жест (есть вещи, которые не меняются).

— Королем сейчас Людовик, — сказал он. — Людовик Одиннадцатый. Гнусный старый паук.

Несколько минут они стояли недвижимые, точно вырезанные из дерева индейцы у дверей табачной лавки, и в упор смотрели друг на друга. Ленуар заговорил первый:

— Так, значит, вы — человек?

— Да. Послушайте, Ленуар, по-моему, вы... ваши заклинания... должно быть, вы что-то напутали.

— Очевидно, — сказал алхимик. — А вы француз?

— Нет.

— Англичанин? — Глаза Лемуара гневно вспыхнули. — Проклятый британец!

— Нет. Нет, я из Америки. Я из... из вашего будущего. Из двадцатого века от Рождества Христова.

Барри покраснел. Это прозвучало преглупо, а он был человек скромный. Но он знал, ничего ему не мерещится. Он у себя в комнате, но сейчас она совсем другая. Эти стены не простояли пяти веков. Здесь не стирают пыль, но все новое. И том Альберта Великого в кипе у его колен — новехонький, в мягком, ничуть не высохшем переплете из телячьей кожи, и ничуть не потускнело тисненное золотом название. И стоит перед ним Лемуар — не в костюме, а в каком-то черном балахоне, человек явно у себя дома...

— Пожалуйста, присядьте, сударь, — говорил между тем Лемуар. И прибавил с изысканной, хотя и рассеянной учтивостью ученого, у которого за душой ни гроша: — Должно быть, вы утомлены путешествием? Не окажете ли мне честь разделить со мною ужин? У меня есть хлеб и сыр.

Они сидели за столом и жевали хлеб с сыром. Сперва Лемуар попытался объяснить, почему он решился прибегнуть к черной магии.

— Мне все опостылело, — сказал он. — Опостылело! Я работал, не щадя себя, в уединении, с двадцати лет, а чего ради? Ради знания. Дабы познать новые тайны Природы. Но познать их не дано.

Он с маху на добрых полдюйма вонзил нож в доску стола. Барри даже подскочил. Лемуар маленький, щупленький, но, видно, нрав у него пылкий. И лицо прекрасное — хоть и очень бледное, худое, но столь-

ко в нем ума, живости, одухотворенности. Пенниуизеру вспомнилось лицо прославленного атомного физика, чьи фотографии появлялись в газетах вплоть до 1953 года. Наверно, из-за этого сходства у него и вырвалось:

— Иные тайны познать дано, Ленуар; мы не так уж мало всякого узнали...

— Что же? — недоверчиво, но с любопытством спросил алхимик.

— Ну, это не моя область.

— Умеете вы делать золото? — спросил Жеан с усмешкой.

— Нет, кажется, не умеем, но вот алмазы у нас делают.

— Каким образом?

— Из углерода... ну, в общем, из угля... при огромном нагреве и под огромным давлением, как я понимаю. Вы же знаете, и уголь и алмаз — тот же углерод, один и тот же элемент.

— Элемент?!

— Ну, я ведь говорил, сам я не...

— Который из всех — первоэлемент? Который главенствующая стихия?! — закричал Ленуар, вскинув руку с ножом, глаза его сверкали.

— Элементов около сотни, — стараясь не выдать испуга, сдержанно ответил Барри.

Два часа спустя, выжав из Барри до последней капли все остатки сведений по химии, которые тот когда-то получил в колледже, Ленуар выбежал в ночь и вскоре возвратился с бутылкой.

— О господин мой! — кричал он. — Подумать только, что я предлагал тебе всего лишь хлеб и сыр!

В бутылке оказалось чудесное бургундское урожая 1477 года, добрый выдался год для винограда. Они выпили по стаканчику, и Ленуар сказал:

— Если бы я мог тебя хоть как-то отблагодарить!

— Вы можете. Знакомо вам имя поэта Франсуа Вийона?

— Да, знаю, — не без удивления сказал Ленуар. — Но он ведь только сочинял какую-то чепуху, на французском сочинял, а не на латыни.

— А знаете вы, когда и как он умер?

— Ну конечно. Его повесили здесь, на Монфоко-не, то ли в шестьдесят четвертом, то ли в шестьдесят пятом, с шайкой таких же негодников. А что тебе до него?

Еще два часа спустя бургундское иссякло, горло у обоих пересохло, за окном чуть брезжил ясный холодный рассвет, и стражник выкрикнул три часа.

— Я дико устал, Жеан, — сказал Барри. — Отошли-ка меня обратно.

Алхимик не стал спорить, слишком он был учтив, полон благодарности, а вдобавок, пожалуй, тоже совсем выдохся. Барри стал столбом внутри пентаграммы — высокий, костлявый, закутанный в обгорелое одеяло, с дымящейся сигаретой в зубах.

— Прощай, — печально молвил Ленуар.

— До свиданья, — отозвался Барри.

Ленуар начал читать заклинание задом наперед. Пламя свечи затрепетало, голос алхимика зазвучал тише.

— *Me audi, haere, haere!* — прочел он, вздохнул и поднял глаза. Пентаграмма была пуста. Трепетал огонек свечи. — А я узнал так мало! — вскричал Ленуар в пустоту комнаты. Потом забарабанил кулаками по раскрытой книге. — И такой друг... истинный друг...

Он закурил сигарету из тех, что оставил ему Барри, — он мигом пристрастился к табаку. Так, сидя за столом, он уснул и проспал часа три. Пробудясь, посидел немного в хмуром раздумье, снова зажег свечу,

выкурил вторую сигарету, а потом раскрыл книгу под названием «*Incantatoria*» и начал читать вслух:

— *Haere, haere...*

— О, слава Богу! — сказал Барри, поспешно выступил из пентаграммы и стиснул руку Лемуара. — Послушай, я вернулся туда... в эту комнату, в эту самую комнату, Жан! Но она была такая старая, ужасно старая и пустая, тебя там не было... и я подумал, Господи, да что же я наделал? Я готов душу продать, лишь бы вернуться назад к нему... Что мне делать со всем тем, что я узнал в прошлом? Кто мне поверит? Как я все это докажу? Да и кому, черт возьми, рассказывать, когда всем на это наплевать? Я не мог уснуть, битый час сидел и проливал слезы...

— Ты хочешь здесь остаться?

— Да. Вот, я прихватил... на случай, если ты опять меня вызовешь. — Он несмело выложил восемь пачек все тех же сигарет «Голуаз», несколько книг и золотые часы. — За эти часы могут дать хорошую цену, — пояснил он. — Я знал, от бумажных франков толку не будет.

При виде печатных книг глаза Лемуара загорелись любопытством, но он не двинулся с места.

— Друг мой, — сказал он, — ты говоришь, что готов был продать душу... ну сам понимаешь... Готов был и я. Но мы ведь этого не сделали. Так как же... в конце концов... как все это случилось? Оба мы люди. Не дьяволы. Не было договора, подписанного кровью. Просто два человека, оба жили в этой комнате...

— Не знаю, — сказал Барри. — Это мы продумаем после. Можно, я останусь у тебя, Жан?

— Считай, что ты у себя, — сказал Лемуар и с большим изяществом обвел рукой комнату, груды книг, колбы и реторты, свечу, огонек которой уже

побледнел. За окном, серые на сером небе, высились башни Собора Парижской Богоматери. Занималась заря третьего апреля.

После завтрака (корки хлеба и обрезки сыра) они вышли из дому и взобрались на южную башню. Собор был такой же, как всегда, только стены не такие закопченные, как в 1961 году, но вид с башни порастил Пенниуизера. Внизу лежал совсем небольшой городок. Два островка застроены домами; на правом берегу теснятся, обнесенные крепостной стеной, еще дома; на левом несколько улочек огибают здание университета... и это все. Между химерами собора, на теплом от солнца камне, ворковали голуби. Ленуар, которому этот вид был не нове, выцарапывал на парапете (римскими цифрами) дату.

— Надо отпраздновать этот день, — сказал он. — Съездим-ка за город. Уже два года я не выбирался из Парижа. Поедем вон туда... — он показал на зеленый холм вдаль, там сквозь утреннюю дымку чуть виднелись несколько хижин и ветряная мельница. — ... на Монмартр, а? Говорят, там есть неплохие кабачки.

Их жизнь быстро вошла в покойную колею. Поначалу Барри чувствовал себя неуверенно на людных улицах, но Ленуар отдал ему запасной черный плащ с капюшоном, и в этом одеянии он если и выделялся в толпе, то разве лишь высоким ростом. Во Франции пятнадцатого века он, вероятно, был самый рослый из людей. Условия жизни убогие, вши — неизбежное зло, но Барри и прежде не очень гнался за комфортом; всерьез ему доставало только чашки кофе к завтраку. Они купили кровать, бритву (свою Барри забыл прихватить), Жеан представил его домовладельцу как мсье Барри, своего родича из Оверни, — и теперь их повседневная жизнь окончательно устрои-

лась. Часы Пенниуизера принесли им баснословное богатство — четыре золотые монеты, довольно, чтобы прокормиться целый год. Продали они эти часы как диковинную новинку, сработанную в Иллирии; покупатель, камергер двора его величества, как раз подыскивал достойную вещицу в подарок королю; он поглядел на марку фирмы: «Братья Гамильтон, Нью-Хейвен, 1881» — и с понимающим видом кивнул. К несчастью, не успев еще вручить свое подношение, он угодил за решетку, в одну из клеток в замке Тур, куда Людовик XI сажал провинившихся придворных, и те часы, быть может, поныне лежат в тайнике за каким-нибудь кирпичом в развалинах Плесси; однако двум ученым мужам это ничуть не повредило.

С утра они разгуливали по городу, любовались Бастилией и парижскими храмами, навещали второстепенных поэтов, которыми интересовался Барри; после завтрака рассуждали об электричестве, о теории атома, о физиологии и прочих материях, коими интересовался Ленуар, производили небольшие химические и анатомические опыты — как правило, неудачные; после ужина просто беседовали. В долгих непринужденных беседах они переносились через века, но под конец неизменно возвращались сюда, в полутемную комнату с окном, настезь открытым весенней ночи, к своей дружбе. Через две недели уже казалось, будто они знают друг друга всю жизнь. Они были совершенно счастливы. Оба понимали — им не удастся применить знания, полученные друг от друга. Как мог бы Пенниуизер в 1961-м доказать истинность своих познаний о старом Париже? Как мог бы Ленуар в 1482-м доказать истинную ценность научного метода познания? Обоих это ничуть не огорчало. Они и прежде всерьез не надеялись, что хоть кто-то их выслушает. Они жаждали только одного — познавать.

Итак, впервые за всю свою жизнь оба они были счастливы; настолько счастливы, что в них стали пробуждаться кое-какие желания, которые прежде задушены были жадой знаний.

Однажды вечером, сидя за столом напротив Жеана, Барри сказал:

— Я полагаю, ты никогда особенно не помышлял о женитьбе?

— Да нет, — неуверенно ответил друг. — Все же я лицо духовное, хоть сан мой и скромн... да и как-то было не до женитьбы...

— И это удовольствие не из дешевых. Да притом в мое время ни одна уважающая себя женщина не захотела бы жить, как жил я. Американки до дьявола самоуверенны и деловиты, блистательны, но наводят на меня страх...

— А наши женщины маленькие и черные, как жуки, и у них гнилые зубы, — мрачно сказал Ленуар.

В тот вечер о женщинах больше не говорили. Но заговорили назавтра, и на следующий вечер, а на третий друзья удачно препарировали икряную самку лягушки, выделили нервную систему, распили, чтобы отпраздновать такой успех, две бутылки Монраше 1474 года и порядком захмелели.

— Читай-ка заклятие, Жеан, вызовем женщину, — сладострастным басом предложил Барри и ухмыльнулся, точно химера на Соборе.

— А вдруг на этот раз я вызову дьявола?

— Пожалуй, разница невелика.

Они неудержимо расхохотались и начертили пентаграмму.

— *Haere, haere...* — начал Ленуар.

Тут его одолела икота, и за дело взялся Барри. Дочитал до конца. Налетел порыв холодного ветра, запахло болотом — и в пентаграмме возникло совер-

шенно обнаженное существо с длинными черными волосами и дикими от ужаса глазами, оно отчаянно визжало.

— Ей-богу, это женщина, — сказал Барри.

— Разве?

Да, это была женщина.

— На, вот тебе мой плащ, — сказал Барри, потому что несчастная вся тряслась, испуганно тараща глаза.

— *Gratios ago, domine**.

— Латынь! — вскричал Ленуар. — Женщина — и говорит по-латыни?!

Он был этим столь глубоко потрясен, что даже Бота быстрее оправилась от перенесенного ужаса. Оказалось, она была рабыней в доме супрефекта Северной Галлии, жил супрефект на меньшем из островов затерянного в болоте островного города, называемого Лютеция. По-латыни Бота говорила с сильным кельтским акцентом и даже не знала, кто был римским императором в то время, из которого она явилась. «Истинная дочь варварского племени», — презрительно заметил Ленуар. Да, правда, она была невежественная, молчаливая смиренная дикарка с гривой спутанных волос, белой кожей и ясными серыми глазами. Заклятие вырвало ее из глубины крепчайшего сна. Когда два приятеля наконец убедили ее, что они ей не снятся, она, видно, приписала случившееся какой-то прихоти своего чужеземного всемогущего господина — супрефекта и приняла свою участь, не задаваясь больше никакими вопросами.

— Я должна вам служить, господа мои? — осведомилась она робко, но не хмуро, глядя то на одного, то на другого.

* Благодарю, господин (лат.).

— Мне — нет, — проворчал Лемуар и прибавил по-французски, обращаясь к Барри: — Валяй, действуй; я буду спать в чулане.

Он вышел.

Бота подняла глаза на Барри. Никто из галлов и мало кто из римлян отличался таким великолепным высоким ростом; ни один галл и ни один римлянин никогда не говорил с нею так по-доброму.

— Светильник почти догорел, — сказала она (то была свеча, но Бота никогда прежде не видела свеч). — Задуть его?

За добавочную плату — два соля в год — домовладелец разрешил им устроить в чулане вторую спальню, и Лемуар теперь опять спал в большой комнате мансарды один. На идиллию друга он смотрел с хмурым интересом, но без зависти. Профессора и рабыню соединила нежная, восторженная любовь. Их счастье переливалось через край, обдавая и Лемуара волнами радостной заботливости. Горька и жестока была прежняя жизнь Боты, все видели в ней только женщину, но никто не обращался с нею как с человеком. А тут за какую-то неделю она расцвела, воспрянула духом — и оказалось, под кроткой покорностью таилась натура жизнерадостная, быстрый ум. Однажды ночью Жеан услышал (стенки чердака были тонкие), как Барри упрекнул ее:

— Ты становишься заправской парижанкой.

И она ответила:

— Знал бы ты, как я счастлива, что не надо всегда ждать опасности, всего бояться, всегда быть одной...

Лемуар сел на постели и глубоко задумался. К полуночи, когда все кругом затихло, он поднялся, бесшумно приготовил шепотки серы и серебра, на-

чертил пентаграмму, раскрыл драгоценную книгу. И чуть слышно, опасливо прочитал заклятие.

Внутри пентаграммы появилась маленькая белая собачка. Она съежилась, поджав хвостик, потом несмело подошла к Лемуару, понюхала его руку, посмотрела в лицо ему влажными ясными глазами и тихонько, просительно заскулила. Щенок, потерявший хозяина... Лемуар ее погладил. Собачка лизнула ему руки и стала прыгать на него вне себя от радости. На белом кожаном ошейнике, на серебряной пластинке, выгравирована была надпись: «Красотка. Принадлежит Дюпону, улица Сены, 36, Париж, VI округ».

Красотка погрызла хлебную корку и уснула, свернувшись в клубок под стулом Лемуара. Тогда алхимик опять раскрыл книгу и начал читать, все так же тихо, но на сей раз без смущения, без страха, уже зная, что произойдет.

Наутро Барри вышел из чулана-спальни, где проводил он медовый месяц, и на пороге остолбенел. Лемуар сидел на своей постели, гладил белого щенка и увлеченно беседовал с особой, что сидела в изножье кровати, — высокой огненно-рыжей женщиной в серебряном одеянии. Щенок залаял. Лемуар сказал:

— Доброе утро!

Рыжая женщина чарующе улыбнулась.

— Черт меня побери, — пробормотал Барри (по-английски). Потом сказал: — Доброе утро. Откуда вы взялись?

Эта женщина походила на кинозвезду Риту Хейворт, только облагороженную... пожалуй, сочетание Риты Хейворт и Моны Лизы?

— Я с Альтаира, примерно из седьмого тысячелетия после вашего времени, — ответила она и улыбнулась еще очаровательней. По-французски она гово-

рила похуже какого-нибудь первокурсника-футболиста из американского колледжа. — Я археолог, веду раскопки в развалинах Третьего Парижа. Извините мое скверное произношение, ваш язык мы, понятно, знаем только по надписям.

— С Альтаира? Со звезды? Но вы с виду совсем земная женщина... так мне кажется...

— Люди с Земли поселились на нашей планете примерно четыре тысячи лет назад... то есть через три тысячи лет от вашего времени. — Она засмеялась еще того очаровательней и взглянула на Ленуара. — Жеан мне все объяснил, но я еще немного путаюсь.

— Опасно было повторять этот опыт, Жеан! — с упреком сказал Барри. — До сих пор нам, знаешь ли, просто на редкость везло.

— Нет, — возразил француз, — это не просто везенье.

— Но, в конце концов, ты шутики шутишь с черной магией... Послушайте, не имею чести знать вашего имени, сударыня...

— Кеслк, — назвалась она.

— Послушайте, Кеслк, — без малейшей запинки продолжал Барри. — В ваше время наука, должно быть, невообразимо ушла вперед... скажите, есть на свете какое-нибудь колдовство? Существует оно? Можно ли и вправду нарушить законы Природы — ведь вот, похоже, мы их нарушаем?

— Я никогда не видела подлинного колдовства и не слыхала ни об одном научно подтвержденном случае.

— Тогда что же происходит?! — завопил Барри. — Почему это дурацкое старое заклятие служит Жеану, всем нам — только оно одно и только здесь, больше ни у кого и нигде не случалось ничего подобного за пять... нет, за восемь, нет, за пятнадцать тысяч лет,

что существует история?! Почему так? Почему? И откуда взялась эта чертова собачонка?

— Собачка потерялась, — сказал Ленуар, смуглое лицо его было очень серьезно. — Потерялась на острове Сен-Луи, где-то неподалеку от этого дома.

— А я разбирала черепки на месте жилого дома на Втором острове, четвертый участок раскопок, сектор Д. Такой чудесный весенний день, а мне он был ненавистен. Просто отвратителен. И этот день, и работа, и все люди вокруг. — Кеслк опять поглядела на сурового маленького алхимика долгим, спокойным взглядом. — Сегодня ночью я пыталась объяснить это Жеану. Понимаете, мы усовершенствовали человечество. Все мы теперь очень рослые, здоровые, красивые. Не знаем, что такое пломбы... Среди нас есть люди с коричневой кожей, и с белой, и с золотистой. Но все — красивые, здоровые, уравновешенные, напористые, преуспевающие. Профессию и степень успеха для нас заранее определяют в государственных детских домах. Но изредка попадают гены с изъяном. Вот как у меня. Меня учили на археолога, потому что наши Учителя видели, что я, в сущности, не люблю людей, тех, что вокруг. Люди наводили на меня скуку. С виду все — такие же, как я, а внутренне все мне чужие. Если всюду кругом одно и то же, где найти дом?.. А теперь я увидела не слишком чистое и не слишком теплое жилище. Увидела собор, а не развалины. Встретила человека меньше меня ростом, с испорченными зубами и пылким нравом. Теперь я дома, здесь я могу быть сама собой, я больше не одна!

— Не одна, — негромко сказал Ленуар Пенниуизеру. — Одиночество, а? Одиночество и есть колдовство, одиночество сильнее всякого колдовства... В сущности, это не противоречит законам Природы.

Из-за двери выглянула Бота, лицо ее, обрамленное непослушным черными волосами, разрумянилось. Она застенчиво улыбнулась и по-латыни учтиво поздоровалась с гостьей.

— Кеслк не понимает по-латыни, — с истинным наслаждением сказал Ленуар. — Придется поучить Боту французскому. И ведь французский — это язык любви, так? Вот что, выйдем-ка в город, купим хлеба, я проголодался.

Он завернулся в свой траченный молью черный балахон, а Кеслк поверх серебряной туники набросила надежный, все скрывающий плащ. Бота причесалась. Барри рассеянно поскреб шею — вошь укусила. А потом все отправились добывать завтрак. Впереди шли алхимик с межзвездным археологом и разглагольствовали по-французски; за ними следовали галльская рабыня и профессор колледжа штата Индиана, держась за руки и разговаривая по-латыни. На узких улицах было людно, ярко светило солнце. Высоко в небо вздымались квадратные башни Собора Парижской Богоматери. Рядом играла мягкой зыбью река. Был апрель, и в Париже, по берегам Сены, цвели каштаны.

Замочная скважина

Говорят, один ученый психолог взялся проверить, насколько разумны шимпанзе. Усадил он обезьяну в комнате, полной игрушек, вышел, закрыл дверь и хотел подсмотреть, как ведет себя шимпанзе.

Заглянул в замочную скважину, а там, совсем близко, блестит пытливый карий глаз. Шимпанзе подсматривает в замочную скважину, как ведет себя психолог.

Когда Ляпу доставили на базу в кратере Тихо и в шлюзовом отсеке включились гравитационные устройства, он совсем сник. Да и вообще какое-то невозможное существо. Только и есть, что огромные глазищи, тощие ручки и ножки, явно совсем еще малыш, и ему не нужен воздух, чтобы дышать. Пленника вручили Уордену — бессильный клубочек взъерошенной шерсти с полными ужаса глазами.

— Вы что, спятили? — гневно спросил Уорден. — Разве можно было вот так его сюда втащить? Ребенка с Земли вы бы сунули туда, где сила тяжести в шесть раз больше? Пропустите, живо!

И он кинулся в «детскую», загодя приготовленную для кого-нибудь вроде Ляпы. В одном конце «детской» устроено было точное подобие лунной жилой пещеры. В другом — школьный класс, совсем как на Земле. Гравиторы в «детской» не включались, чтобы у лунного жителя сохранялся его природный вес.

Гравиторы поддерживали всюду на базе обычную земную силу тяжести. Иначе люди постоянно страдали бы морской болезнью. Ляпу сразу принесли в отсек, приспособленный для землян, и он не в силах был даже приподнять тощую мохнатую лапку.

Но в детской все стало по-другому. Уорден опустил найденыша на пол. Теперь Уордену было не по себе, ведь он здесь весил лишь двадцать семь фунтов вместо ста шестидесяти. Его шатало и качало, как всякого человека на Луне, когда ему не помогают сохранить равновесие гравиторы.

Зато для Ляпы сила тяжести тут была привычная. Он развернулся и вдруг стрелой метнулся через всю детскую к приготовленной заранее пещерке. Ее сработали на совесть, точь-в-точь как настоящую. Были тут камни, обтесанные наподобие дурацкого колпака высотой в пять футов, — такие неизменно находили в поселениях Ляпиного племени. Был и подвижный камень вроде яйца на опоре из уложенных столбиком плоских плит. А еще камни, заостренные, точно наконечник копья, прикреплены проволокой к полу, — мало ли что придет Ляпе в голову...

К ним-то, таким знакомым, привычным, бросился Ляпа. Вскарабкался на одну из узких пирамидок, на самый верх, обхватил ее руками и ногами. И замер. Уорден наблюдал. Долгие минуты Ляпа не шевелился, казалось, он пытливо разглядывает все, что можно увидеть, когда глаза и те неподвижны.

Вдруг он повел головой. Всмотрелся — что еще есть вокруг. Затем шевельнулся в третий раз и вперил в Уордена до странности упорный пристальный взгляд — не понять было, то ли страх в этом взгляде, то ли мольба.

— Гм... так вот для чего эти камни, — сказал Уорден. — Это насест, или гнездо, или постель, так? Я —

твоя нянька, приятель. Скверную шутку мы с тобой играем, но иначе нам никак нельзя.

Он знал, что Ляпе его не понять, но все равно разговаривал с ним, как говорят с собакой или с младенцем. Смысла в этом нет, однако это необходимо.

— Мы из тебя сделаем предателя твоих сородичей, — невесело продолжал Уорден. — Не по душе мне это, но так надо. А потому я буду с тобой добрый и ласковый, иначе наша хитрая затея не выгорит. Вот если б я тебя убил, это было бы по-настоящему доброе дело... но чего не могу, того не могу.

Ляпа все не шевелился и не сводил с Уордена немигающих глаз. Немного, самую малость он походил на земную обезьянку. С виду совершенно невозможное существо, но при этом трогательное.

— Ты у себя в детской, Ляпа, — с горечью сказал Уорден. — Будь как дома!

Он вышел и закрыл за собой дверь. И оглядел телеэкраны, по которым с четырех разных точек можно было следить за тем, что происходит в детской. Довольно долго Ляпа не шевелился. Потом соскользнул на пол. На сей раз он даже не поглядел в сторону пещерки.

С любопытством перешел он в тот конец детской, где собраны были предметы человеческого обихода. Оглядел каждую мелочь непомерно огромными кроткими глазами. Все потрогал крохотными лапками, неправдоподобно похожими на человеческие руки. Но ко всему прикасался легко, осторожно. Все осмотрел, но ничего не сдвинул с места.

Потом торопливо вернулся к пирамидке, вскарабкался наверх, опять крепко обхватил ее руками и ногами, несколько раз кряду помигал и, казалось, уснул. Так и застыл с закрытыми глазами. Уордену наконец надоело смотреть, и он ушел.

Вся эта нелепая история его злила. Первые люди, которым предстояло высадиться на Луне, знали: это мертвый мир. Астрономы сто лет об этом твердили, и первые две экспедиции, достигшие Луны, не нашли на ней ничего такого, что противоречило бы общепринятой теории.

Но один из участников третьей экспедиции заметил среди круто взметнувшихся в небо лунных скал какое-то движение и выстрелил — так было открыто племя Ляпы. Конечно же, никому и не снилось, что там, где нет ни воздуха, ни воды, возможна жизнь. И однако вот так, без воздуха и без воды, существовали сородичи Ляпы.

Труп первого убитого на Луне существа доставили на Землю, и тут биологи вознегодовали. У них в руках оказался экземпляр, который можно было вскрыть и изучить, а они все равно твердили, что такого существа на свете нет и быть не может. Вот почему и четвертая, и пятая, и шестая экспедиции усердно охотились на сородичей Ляпы, добывали новые экземпляры во имя прогресса науки.

Два охотника из шестой экспедиции погибли, их скафандры оказались проколоты — похоже, каким-то оружием. От седьмой экспедиции не осталось живых ни одного человека. Видно, сородичам Ляпы совсем не понравилось, что их отстреливают на потребу земным ученым.

Наконец прибыла на четырех кораблях десятая экспедиция, основала базу в кратере Тихо, и только тогда люди поверили, что все-таки можно высадиться на Луне и не сложить здесь головы. Однако на базе всем было неспокойно, будто в осажденной крепости.

Уорден доложил на Землю: группа, выехавшая на самоходе, поймала лунного детеныша и доставила его на базу Тихо. Детеныш находится в заранее при-

готовленном помещении. Он цел и невредим. Судя по всему, воздух, пригодный для людей, ему хоть не нужен, но и не мешает. Это существо деятельное, подвижное, явно любопытное и, несомненно, оченьмышленное.

До сих пор не удалось догадаться, чем оно питается (если оно вообще нуждается в пище), хотя у него, как и у других добытых ранее экземпляров, есть рот и во рту заостренные наросты вроде зубов. Уорден, разумеется, будет подробно докладывать о дальнейшем. Сейчас он дает Ляпе время освоиться в новой обстановке.

Покончив с докладом, Уорден уселся в комнате отдыха, хмуро покосился на своих ученых коллег и, хотя на телеэкране шла передача с Земли, попробовал собраться с мыслями. Не по душе ему эта работа, очень не по душе, но ничего не попишешь — надо. Ляпу надо приручить. Надо внушить ему, что он тоже человек — для того, чтобы мы могли понять, как истребить его сородичей.

На Земле давно уже замечали, что котенок, вскормленный вместе со щенятами, считает себя собакой и даже утки, выросшие в доме, лучше чувствуют себя среди людей, чем среди других уток. Иные говорящие птицы, на редкость мышленные, явно считают себя людьми и соответственно себя ведут. Если такие задатки окажутся и у Ляпы, он изменит своим сородичам и сослужит людям немалую службу. Это необходимо!

Нам нужна Луна, нужна — и все тут. На Луне сила тяжести вшестеро меньше земной. Грузовые ракеты летают с Земли на Луну и обратно; но не построен еще корабль, способный нести достаточно горючего для полета на Марс или на Венеру, если надо сперва оторваться от Земли.

А вот если на Луне устроить склад горючего, все станет просто. Шесть баков с горючим тут будут весить не больше, чем один на Земле. И вес самого корабля здесь будет в шесть раз меньше. А значит, ракета может взлететь с Земли, имея на борту десять баков, дозаправиться на Луне и помчаться дальше, унося двести баков, а то и побольше.

Получив заправочную станцию на Луне, мы сможем освоить всю Солнечную систему. Без Луны человечество останется приковано к Земле. Нам нужна Луна!

А сородичи Ляпы этому помеха. Весь опыт человечества утверждает, что в условиях Луны — без воздуха, в пустыне, где чудовищная жара сменяется таким же чудовищным холодом, — никакая жизнь невозможна. И однако, здесь она есть, жизнь. Сородичи Ляпы не дышат кислородом. По-видимому, он входит в их пищу — сочетание каких-то минералов, — а потом соединяется с другими минералами в самом организме и дает ему тепло и энергию.

Кальмары и прочие головоногие кажутся людям странными существами, потому что в их кровообращении участвует не железо, но медь, а вот в крови Ляпиного племени роль железа или меди играют, видимо, какие-то сложные углеродные соединения. Существа эти в какой-то мере явно разумны. Они пользуются орудиями, обтесывают камень, и длинные, острые, как иглы, кристаллы служат им метательным оружием.

Металла у них в обиходе, понятно, нет, ведь без огня его не на чем плавить. А откуда взяться огню там, где нет воздуха. Но были же в древности пытливые умы, рассуждал Уорден, плавили металлы и зажигали дерево при помощи зеркал, сводящих в фокус солнечные лучи. Сумей соплеменники Ляпы

сработать зеркала, изогнутые, как зеркала земных телескопов, — и на поверхности Луны, которую не заслоняют от Солнца ни воздух, ни облака, они могли бы получать и металлы.

И вдруг Уордену стало не по себе. Почудилось чье-то внезапное движение, и он круто обернулся. Но только и увидел на телеэкране передачу с Земли — комика в дурацком колпаке. Все смотрели на экран.

Тут комика с головой захлестнуло мыльной пеной, и зрители в телестудии за двести тридцать тысяч миль отсюда захохотали и зааплодировали столь изысканному остроумию. На лунной базе в кратере Тихо эта сценка почему-то показалась отнюдь не забавной.

Уорден встал, встряхнулся. Пошел опять проверить по экранам, что делается в детской. Ляпа все так же неподвижно висел на нелепой каменной пирамидке. Глаза его были закрыты. Всего лишь жалкий мохнатый клубочек, который выкрали с безвоздушных лунных пустынь, чтобы обратить в предателя его же племени.

Уорден прошел к себе и лег. Но прежде чем уснуть, подумал, что, пожалуй, для Ляпы еще не все потеряно. Никому не известно, какой у него обмен веществ. Никто понятия не имеет, чем он питается. Возможно, он умрет с голоду. Это было бы для него счастьем. Но прямая обязанность Уордена — этого не допустить.

Сородичи Ляпы воюют с пришельцами. За самоходами, выезжающими с базы (на Луне они стали необычайно быстрыми), из расселин в скалах, из-за разбросанных повсюду несчетных каменных глыб следят большеглазые мохнатые твари.

В пустоте мелькают острые, как иглы, камни — метательные снаряды. Они разбиваются о корпус

самоходов, о борта, но случается им и застрять в гусеницах или даже перебить звено, и самоход останавливается. Кто-то должен выйти наружу, извлечь каменный клин, починить перебитое звено. И тогда на него обрушивается град заостренных камней.

Каменная игла, летящая со скоростью сто футов в секунду, на Луне наносит удар ничуть не менее жестокий, чем на Земле, и притом летит дальше. Скафандры пробивает насквозь. Люди умирают. Гусеницы самоходов укрепили броней, для ремонтных работ уже готовятся специальные скафандры из особо прочных стальных пластин.

В ракетных кораблях мы достигли Луны — и вынуждены облачаться в латы, словно средневековые рыцари! Идет война. Нужен предатель. И на роль предателя избран Ляпа.

Когда Уорден опять вошел в детскую — дни и ночи на Луне тянутся по две недели, и внутри базы с ними никто не считается, — Ляпа взметнулся на свою пирамидку и прильнул к вершине. Перед тем он почему-то крутился у каменного яйца. Оно все еще слегка раскачивалось на плоской опоре. А Ляпа из всех сил прижался к вершине пирамиды, будто хотел слиться с ней воедино, и не сводил загадочного взгляда с Уордена.

— Не знаю, достигнем ли мы чего-нибудь, — непринужденно заговорил Уорден. — Может быть, если я тебя трону, ты полезешь в драку. Все-таки попробуем.

Он протянул руку. Мохнатый комочек — не горячий и не холодный, той же температуры, что и воздух на базе, — отчаянно сопротивлялся. Но Ляпа был совсем еще малыш. Уорден отлепил его от пирамидки и перенес в другой конец детской — тут были

парта, доска, все как положено в классе. Ляпа свернулся в клубок, смотрел испуганно.

— Подлец же я, что обращаюсь с тобой по-хорошему, — сказал Уорден. — На, вот тебе игрушка.

Ляпа шевельнулся у него в руках. Часто замигал.

Уорден опустил его на пол и завел маленькую механическую игрушку. Та двинулась с места. Ляпа внимательно смотрел. А когда завод кончился, поглядел на Уордена. Уорден опять завел игрушку. И опять Ляпа был весь внимание. Когда завод снова кончился, крохотная лапка, так похожая на человеческую, потянулась к игрушке.

На удивление осторожно, испытующе Ляпа попробовал повернуть ключ. Не хватило силенки. Еще миг — и он уже скачет через всю комнату к своей пещере. Головка ключа — металлическое кольцо. Ляпа надел кольцо на острие метательного камня и стал поворачивать игрушку. Завел ее. Поставил на пол и смотрит, как она движется. Уорден только рот раскрыл.

— Ну, голова! — сказал он с досадой. — Вот беда, Ляпа. Ты понимаешь, что такое рычаг. Соображаешь не хуже восьмилетнего мальчишки! Плохо твое дело, приятель!

Когда настал очередной сеанс связи, он доложил обо всем на Землю. Ляпу можно обучать. Довольно ему раз, от силы два посмотреть, как что делается, и он в точности это повторит.

— К тому же, — как мог бесстрастно прибавил Уорден, — он меня больше не боится. Понимает, что я хочу быть с ним в дружбе. Когда я носил его на руках, я с ним разговаривал. Он ощущал мой голос по грудной клетке, как по резонатору. А перед уходом я опять взял его на руки и заговорил. Он посмотрел, как шевелятся мои губы, и приложил лапу к моей

груди, чтобы ощутить колебания. Я положил его лапу себе на горло. Здесь дрожь ощутимей. Он был весь внимание. Не знаю, как вы расцените его сообразительность, но он умнее наших малышей.

И еще того бесстрастней Уорден закончил:

— Я крайне озабочен. К вашему сведению, мне совсем не нравится затея истребить эту породу. У них есть орудия, они разумны. Я считаю, что надо попытаться как-то вступить с ними в переговоры... попытаться завязать с ними дружбу... не убивать их ради анатомических исследований.

Передачик молчал полторы минуты, которые требовались, чтобы голос Уордена достиг Земли, и еще полторы минуты, пока до него дошел ответ. И вот он услышал бодрый голос того, кто сидел на связи:

— Очень хорошо, мистер Уорден! Слышимость была прекрасная!

Уорден пожал плечами. Лунная база в кратере Тихо — сугубо официальное учреждение. Все, кто работает на Луне, конечно же, специалисты высокой квалификации, и притом политики не желают подвергать их драгоценную жизнь опасности, но... делами Бюро космических исследований заправляют люди, которые держатся за свои посты и жалованья. Уорден мог только пожалеть Ляпу и всех Ляпиных сородичей.

В прошлый раз, идя на урок в детскую, Уорден прихватил пустую жестянку из-под кофе. Заговорил в нее, как в рупор, и показал Ляпе, что дну ее передается та же дрожь, какую Ляпа чувствовал на горле Уордена. Ляпа усердно проделывал опыт за опытом. И сам додумался: чтобы уловить колебания, надо направить жестяную трубку в сторону человека.

Уорден совсем приуныл. И зачем только Ляпа такой сообразительный. Однако на следующем уроке

он преподнес малышу обруч, затянутый тоненькой металлической пленкой. Ляпа мигом смекнул, что к чему.

Во время очередного доклада начальству Уорден по-настоящему злился.

— Конечно, Ляпа не знал прежде, что такое звук, как это знаем мы, — сказал он резко. — На Луне нет воздуха. Но звук передается через скалы. Ляпа чувствует колебания в плотных телах, как глухой человек «слышит» дрожь пола в зале, где танцуют, если музыка достаточно громкая. Возможно, у Ляпиного племени есть язык или звуковой код, который передается через каменистую почву. Безусловно, эти существа как-то общаются друг с другом! А если они разумны и обладают средствами общения, значит, они не животные и нельзя их истреблять ради нашего удобства!

Он замолчал. На связь с ним в этот раз вышел главный биолог Бюро космических исследований. После неизбежного перерыва с Земли донесся любезный ответ:

— Блестяще, Уорден! Блестящее рассуждение! Но нам приходится быть дальновиднее. Планы исследования Марса и Венеры весьма популярны. Если мы рассчитываем получить необходимые средства — а этот вопрос не сегодня-завтра будет поставлен на голосование, — нам необходимо сделать новые шаги к ближайшим планетам. Люди этого требуют. Если мы не начнем строить на Луне заправочную станцию, они перестанут поддерживать наши планы!

— Ну а если я пришлю на Землю снимки Ляпы? — настойчиво сказал Уорден. — В нем очень много человеческого, сэр! Он необыкновенно трогательный! И это характер, личность! Две-три пленки, где Ляпа снят за уроками, наверняка завоюют ему симпатии!

И снова досадная проволочка — надо ждать, пока голос его со скоростью света одолеет четверть милиона миль и пока из этой дали долетит ответ.

— Эти... э-э... лунные твари убили несколько человек, Уорден, — в голосе главного биолога звучало сожаление. — Люди эти прославлены как мученики науки. Мы не можем распространять благоприятные сведения о существах, которые убивали людей! — И главный биолог прибавил любезно: — Но вы работаете с блеском, Уорден, просто с блеском! Продолжайте в том же духе!

И лицо его на экране померкло. Уорден отвернулся, свирепо выругался. Он успел привязаться к Ляпе. Ляпа ему доверяет. Теперь каждый раз, как он входит в детскую, Ляпа соскальзывает со своего дурацкого насеста и поскорей взбирается к нему на руки.

Ляпа до смешного мал, росту в нем каких-нибудь восемнадцать дюймов. Здесь, в детской, где установлено обычное лунное тяготение, он до нелепости легкий и хрупкий. Но как серьезен этот малыш, как усердно впитывает все, чему учит, что показывает ему Уорден!

Его все еще увлекает удивительное новое явление — звук. Как завороченный слушает он песню или мурлыканье без слов, даже когда напевает или что-то мурлычет себе под нос Уорден. Стоит Уордену шевельнуть губами, и Ляпа настораживается, поднимает обруч, затянутый металлической пленкой, и, прижав к ней крохотный палец, ловит колебания Уорденова голоса.

Притом он усвоил мысль, которую старался ему внушить Уорден, и даже несколько возгордился. Он общается с человеком — и раз от разу все больше перенимает человеческие повадки. Однажды, глядя на экраны, помогающие следить за Ляпой, Уорден уви-

дел, как тот в одиночестве старательно повторяет каждый его, Урдена, шаг, каждое движение. Разыгрывает из себя учителя, который дает урок кому-то, кто еще меньше его самого. Разыгрывает роль Урдена — явно для собственного удовольствия!

Урден ощутил ком в горле. До чего же он полюбил этого малыша! Горько думать, что ушел он сейчас от Ляпы, чтобы помочь техникам смастерить устройство из вибратора с микрофоном — машинку, которая станет передавать его голос колебаниями каменистой почвы и мгновенно ловить любые ответные колебания.

Если соплеменники Ляпы и вправду общаются между собой постукиванием по камню или каким-то сходным способом, мы сможем их подслушивать... и отыскивать их, и узнавать, где готовится засада, и обратить против них все смертоносные средства, какими умеет воевать человечество.

Урден надеялся, что машинка не сработает. Но она удалась. Когда он поставил ее в детской на пол и заговорил в микрофон, Ляпа сразу почувствовал колебания под ногами. И понял, что это те же колебания, какие он научился различать в воздухе.

Он подпрыгнул, подскочил от восторга. Ясно было, что он безмерно рад и доволен. А потом крохотная нога неистово затопала и зачертила по полу. И микрофон передал странную смесь — то ли стук, то ли царапанье. Ляпа передавал что-то, похожее на звук очень размеренных осторожных шажков, и пылливо смотрел в лицо Урденоу.

— Пустой номер, Ляпа, — с огорчением сказал Урден. — Не понимаю я этого. Но, похоже, ты уже стал чересчур нам доверять — на беду для твоего племени.

Хочешь не хочешь, пришлось доложить новость начальнику базы. Сразу же установлены были мик-

рофоны на дне кратера вокруг базы, и еще микрофоны приготовлены для выездных исследовательских партий, чтобы они всегда знали, есть ли поблизости лунные жители. И, как ни странно, микрофоны около базы тотчас же сработали.

Солнце уже заходило. Ляпу захватили почти в середине дня, а день на Луне длится триста тридцать четыре часа. И за все время плена — целую неделю по земному счету — он ничего не ел. Уорден добросовестно предлагал ему все, что только нашлось на базе съедобного и несъедобного. Под конец даже по кусочку всех минералов из собранной здесь геологами коллекции.

Ляпа на все это смотрел с интересом, но без аппетита. Уорден решил, что малыша, который так ему полюбился, ждет голодная смерть... что ж, оно, пожалуй, к лучшему. Во всяком случае, это лучше, чем принести смерть всему своему племени. И похоже, Ляпа уже становится каким-то вялым, нет в нем прежней бойкости и живости. Вероятно, ослабел от голода.

Солнце опускалось все ниже. Медленно, постепенно, ярд за ярдом напозлали по дну кратера Тихо тени исполинских, в милю вышиной, западных его стен. Настал час, когда солнечный свет оставался только на вершине конуса по самой его середине. Потом тень стала взбираться по восточным склонам стены. Еще немного — и последняя зубчатая полоска света исчезнет, и громадную чашу кратера, всю, с краями, зальет ночная тьма.

Уорден следил за ослепительно сияющей полоской на скалах, она становилась все тоньше. Теперь две долгих недели ему не видать солнечного света. И вдруг зазвонил колокол — сигнал тревоги. Яростные резкие удары. С шипением сдвинулись все двери,

разделяя базу на герметичные отсеки. Отрывисто заговорили репродукторы:

— В скалах вокруг базы отдается шум! Видимо, поблизости переговариваются лунные твари. Должно быть, собираются напасть! Всем надеть скафандры, приготовить оружие!

И в этот миг погасла последняя тоненькая полоска света. Уорден тотчас подумал о Ляпе. Ему не подойдет ни один скафандр. Потом поморщился, сообразил: Ляпе скафандр не нужен.

Уорден облачился в громоздкое, неудобное снаряжение. Внутренние светильники померкли. А суровую безвоздушную пустыню вокруг базы залили потоки света. Включился сверхмощный прожектор, служащий маяком для ракетных кораблей, ведь они садятся на Луну и среди ночи, — уж конечно, он обнаружит любую тварь, которая замыслила недоброе против его хозяев. Но как страшно мало на самом деле осветил этот луч, а вокруг непроглядный, необъяснимый мрак без конца и края.

И опять отрывисто заговорил репродуктор:

— Две лунные твари! Удирают! Бегут зигзагами! Если кто хочет стрелять... — И запнулся. Пустяки. Самый меткий стрелок — не стрелок, когда на нем скафандр. — Они тут что-то оставили, — прибавил голос в репродукторе. Он звучал резко, беспокойно.

— Пойду погляжу, — сказал Уорден и сам испугался, но на душе стало тревожно. — Пожалуй, я догадываюсь, что там такое.

Через несколько минут он вышел из воздушного шлюза. Несмотря на громоздкий скафандр, двигаться было не трудно. С Уорденом пошли еще двое. У всех в руках оружие, а луч прожектора беспорядочно рыщет вокруг, стараясь обнаружить любого Ляпиного сородича, если тот подбирается к ним в темноте.

Свет бьет сзади, а перед глазами Уордена с вышины смотрят на Луну миллиарды звезд. Небо над головой заполняют несчетные огоньки всех мыслимых и немыслимых цветов. Знакомые созвездия сияют вдесятеро ярче, чем на Земле. А Земля висит почти в зените. Она сейчас в третьей четверти — голубоватое огромное небесное тело диаметром вчетверо больше Луны, можно смутно различить континенты и ледяные шапки полюсов.

С недобрым предчувствием подошел Уорден к тому, что оставили, убегая, родичи Ляпы. И не слишком удивился, когда увидел, что это такое. На плоской опоре лежало каменное яйцо, и вокруг него — тончайшая пыль, словно этим верхним подвижным камнем что-то растерли, размололи, как жерновом.

— Подарок Ляпе, — мрачно сказал Уорден в микрофон гермошлема. — Родичи знают, что его взяли в плен живым. И подозревают, что он проголодался. Оставили для него какую-то еду, наверно, ту, которая ему нужнее всего.

Несомненно, догадка верна. Уорден не ощутил гордости. Ляпу, детеныша, похитили враги его племени и держат в плену, и им нечем накормить малыша. И вот какие-то смельчаки, быть может, Ляпины родители, рискуя жизнью, принесли ему поесть и тут же оставили каменное яйцо — знак, что это не что-нибудь, а именно еда.

— Стыд и срам, — с горечью сказал Уорден. — Ладно, отнесем это на базу. Да поосторожней, не насыпать бы эту пыль.

Нет, гордиться ему нечем, это стало еще ясней, когда Ляпа с восторгом накинулся на растертое в порошок неизвестное вещество. Безмерно довольный, он уплетал щепотку за щепоткой. Уорден сгорал со стыда.

— Тебе уготована злая участь, Ляпа, — сказал он. — Я уже немало от тебя узнал, и это будет стоить жизни сотням твоих сородичей. А они рискуют головой, лишь бы тебя накормить! Тебя я делаю предателем, а сам становлюсь подлецом.

Ляпа задумчиво поднял затянутый металлической пленкой обруч, ловил в воздухе колебания — звук Уордена голоса. Маленький, мохнатый, сосредоточенный. Потом решил, что те же колебания лучше ловить через каменный пол. Прижал микрофон-передатчик к груди Уордена. Ждет.

— Нет! — жестко сказал Уорден. — В твоём народе слишком много человеческого. Не давай мне узнать о вас больше, Ляпа. Будь умником, прикинься тупицей.

Но Ляпа не стал разыгрывать тупицу. Вскоре Уорден уже учил его читать. Но вот странно, установленные в скалах микрофоны, что подняли в тот раз тревогу на базе, при выездах на самоходе оказались бесполезными. Похоже, Ляпино племя решило убраться подальше. Разумеется, если оно и впредь будет держаться на почтительном расстоянии от базы, можно эту породу истребить и после, а первым делом строить склад горючего. Но в переговорах о Ляпе с земным начальством появились намеки на другие возможности.

— Если твои собраты не высунут носа, пока все в порядке, — сказал Ляпе Уорден. — Но только пока. На меня уже нажимают, чтоб я попробовал тебя приучить к земному тяготению. Если это получится, тебя затребуют на Землю, в зоопарк. А если ты там выдержишь... ну, тогда прилетят новые экспедиции и наложат твоих родичей для других зоопарков.

Ляпа застыл неподвижно и не спускал с Уордена глаз.

— А кроме того, — угрюмо продолжал Уорден, — ближайшая ракета доставит оборудование для этакой микрошахты. Я обязан проверить, может, ты научишься управляться с этим механикой.

Ляпа стал водить ногой по полу, извлекая царапающие звуки. Смысл их, конечно, непонятен, но ясно хотя бы, что слушать Уордена Ляпе интересно. Похоже, он с удовольствием ловит колебания Уорденова голоса — так собаке приятно, когда с ней разговаривает хозяин. Уорден досадливо крикнул:

— Мы, люди, считаем тебя животным, Ляпа! Мы уверили себя, что весь животный мир должен нам подчиняться. Животные должны нам служить. Если ты окажешься чересчур сообразительным, мы выловим всю твою родню и заставим работать на нас, добывать нужные нам минералы. И тебя заставим. А я не желаю, чтоб ты надрывался где-то там в шахте, Ляпа! Это несправедливо!

Ляпа замер. Уордену стало тошно, ему представились вот такие же маленькие мохнатые создания, загнанные в безвоздушные ледяные шахты глубоко под поверхностью Луны на тяжелую подневольную работу. И стражи в скафандрах следят, чтобы ни один маленький шахтер не сбежал, не вернул себе свободу, какую на Луне знали до появления незваных гостей. И вокруг на случай мятежа установлены орудия. И тем, кто устал или попробовал взбунтоваться, нет пощады.

Все это не ново. Довольно вспомнить, что было с индейцами, когда на Кубу приплыли испанцы... и рабство негров в Америке... и концентрационные лагеря...

Ляпа шевельнулся. Положил мохнатую лапку на колено Уордена. Уорден хмуро поглядел на него.

— Скверная история, — сказал он резко. — Зря я так к тебе привязался. Ты славный малыш, но твое

племя обречено. Беда в том, что вы не потрудились создать свою цивилизацию. А если б создали, сильно подозреваю, что мы бы стерли ее с лица Луны. Мы, люди, не очень-то благодородны.

Ляпа отошел к классной доске. Взял кусок белой пастели (руки лунного жителя слишком слабы, чтобы писать обычным твердым мелом) и принялся деловито чертить значок за значком. Значки сливались в буквы. Буквы сложились в слова. Слова были осмысленные.

Невозможно было поверить глазам! Крупно, четко Ляпа вывел, будто напечатал:

ТЫ ХОРОШИЙ ДРУГ!

Обернулся и пристально посмотрел на Уордена. Тот побелел как полотно.

— Я не учил тебя этим словам, Ляпа! — еле слышно выговорил он. — Что происходит?

Он забыл, что для Ляпы его слова — всего лишь дрожь, передающаяся через пол или по воздуху. Забыл, что говорить бессмысленно. Но и Ляпа, кажется, об этом забыл. Так же деловито вывел на доске:

ДРУГ, НАДЕНЬ СКАФАНДР.

Посмотрел на Уордена и стал чертить дальше:

ВЫНЕСИ МЕНЯ ОТСЮДА. Я ВЕРНУСЬ С ТОБОЙ.

Он смотрел на Уордена огромными, до нелепости кроткими и милыми глазами. Будто вихрь поднялся в голове Уордена. Долго спустя Ляпа вывел на доске одно только слово:

ДА.

Теперь уже Уорден застыл без движения. В детской сила тяжести держалась лунная, и он весил в

шесть раз меньше, чем на Земле. Но тут им овладела безмерная слабость. А на смену ей пришла угрюмая решимость.

— Наверно, ничего другого не остается, — медленно произнес он. — Но мне надо будет пронести тебя через воздушный шлюз, а в коридоре сила тяжести, как на Земле.

Он поднялся. Ляпа прыгнул к нему на руки. Свернулся клубком, зорко глядя в лицо Уордену. И когда тот уже готов был переступить порог, поднял тощую лапку и осторожно погладил Уордена по щеке.

— Пошли! — сказал Уорден. — Тебя хотели сделать предателем. А может быть...

И все же с Ляпой на руках — тот съежился в мохнатый комочек, смятый непривычным земным тяготением, — он прошел в шлюз. Облачился в скафандр. И вышел наружу.

Близился рассвет. За минувший долгий срок Земля перешла в последнюю четверть, а самый высокий зубец горной гряды, что образовала стену кратера Тихо, уже пылал в солнечных лучах. Но были еще видны и звезды, очень яркие. Уорден пошел прочь от базы, ответ Земли показывал, куда ступить.

Через три часа он вернулся. Рядом с ним, большим и неуклюжим в громоздком скафандре, прыгал и скакал Ляпа. За ними следовали еще двое. Оба меньше Уордена, но гораздо крупнее Ляпы. Тощие, мохнатые, они несли что-то тяжелое. За милю от базы Уорден включил передатчик в скафандре. Вызвал своих. В наушниках прозвучал испуганный отклик.

— Говорит Уорден. — Это было сказано сухо, сдержанно. — Я выходил с Ляпой погулять. Мы навестили его семью, и я веду с собой двоих его близких родственников. Они хотят отдать визит и поднести кое-какие подарки. Впустите вы нас без стрельбы?

В наушниках слышались возгласы. Смятение, суматоха. Но Уорден упорно шел, а тем временем в солнечных лучах запылала еще одна горная вершина, ослепительно вспыхнула третья. Неотвратно надвигался рассвет.

Распахнулась наружная дверь шлюза. Из безвоздушной лунной пустыни пришедшие вступили в люк. Но когда он закрылся и заработали гравиторы, Ляпа и его родичи скорчились беспомощными комочками. В детскую их пришлось нести на руках. Тут они распрямились и устремили загадочные взгляды на людей, которые набились в комнату с лунным тяготением, и на тех, кто глазел из дверей.

— Я должен кое-что передать, — сказал Уорден. — Ляпа и его родные хотят с нами договориться. Как видите, они отдались нам в руки. Мы можем их убить, всех троих. Но они хотят с нами договориться.

— Вы сумели найти с ними общий язык, Уорден? — не без смущения спросил начальник базы.

— Не я, — возразил Уорден. — Это они сумели. Доказали, что их разум ничуть не уступает нашему. С ними обращались как с животными, отстреливали для анатомических исследований. Естественно, они стали сопротивляться! Но они хотят покончить с враждой. Они говорят, мы никогда не сможем существовать на Луне, кроме как в скафандрах и на таких вот базах, а им никогда не притерпеться к земному тяготению. И потому нам с ними незачем враждовать. Мы можем помогать друг другу.

— Звучит правдоподобно, — сухо сказал начальник базы, — но мы обязаны исполнять приказ. Вы им это объяснили, Уорден?

— Они знают, — ответил Уорден. — И если надо будет, станут защищаться. У них уже есть плавильни для обработки металлов. Они добывают тепло при

помощи изогнутых зеркал, собирают в фокус солнечные лучи. И даже начали работать с газами в баллонах. По части электроники они пока еще не очень продвинулись, но теория им известна, а электровакуумные приборы не нужны. Они ведь сами живут в вакууме. Отныне они сумеют защищаться.

— Послушайте, Уорден, — мягко сказал начальник, — я ведь тоже наблюдал за Ляпой. И вы как будто не сошли с ума. Но если что-нибудь такое преподнести нашим военным властям, неприятностей не оберешься. Они давно требуют послать сюда боевые ракеты. Если ваши друзья начнут всерьез с нами воевать, если они и правда в состоянии обороняться... пожалуй, Земля ответит военными кораблями.

Уорден кивнул.

— Верно. Только наш ракетный флот пока что не может воевать так далеко от запасов топлива, а заправочную станцию тут не устроишь, ведь Луну населяют не животные и не дикари — племя Ляпы уже достигло довольно высокого уровня развития, а через считанные недели он наверняка будет еще выше. Эти Ляпины родичи, что близкие, что дальние, — умнейший народ!

— Боюсь, им еще придется это доказать, — заметил начальник базы. — Откуда такой неожиданный взрыв культуры?

— От нас, — сказал Уорден. — Принцип плавления металлов они, думаю, взяли у меня. Познания по части металлургии и техники — от водителей самоходов. Геологии — вернее сказать, лунологии — научились главным образом у вас.

— То есть как?

— Подумайте, что бы такое по вашему желанию сделать Ляпе, и последите за ним, — хмуро предложил Уорден.

Начальник недоуменно воззрился на него, потом перевел взгляд на Ляпу. Маленький мохнатый Ляпа горделиво выпрямился, потом низко поклонился. Одну лапку прижал к тому месту, где у него, возможно, находилось сердце. С изысканностью придворного давних времен широко повел другою. Опять выпрямился, важно прошелся по комнате — и мигом забрался на колени к Уордену, тощей мохнатой лапкой обвил его шею.

Вся кровь отхлынула от лица начальника базы.

— Как он поклонился... — не вдруг удалось ему выговорить. — Я в точности такое себе и представил. Вы хотите сказать...

— Вот именно, — подтвердил Уорден. — У предков Ляпы не было воздуха, по которому передавались бы звуки речи. И у них развилась телепатия. Конечно, со временем они создали что-то вроде музыки, звуки распространяются через камень. Но, как и наша музыка, эти звуки не несут в себе смысла. Лунные жители общаются, напрямик передавая друг другу мысли. Но мы не можем уловить их мысль, а они нашу улавливают.

— Они читают наши мысли! — Начальник базы провел языком по пересохшим губам. — Значит, сперва, когда мы стали их отстреливать как материал для биологов, они пробовали достигнуть взаимопонимания. А потом уже начали воевать.

— Естественно, — сказал Уорден. — А как бы мы поступили на их месте? Они давно перенимают наши знания. Теперь они грозные противники. Им ничего не стоило стереть нашу базу в порошок. Они нас не трогали, потому что учились у нас. Теперь они готовы вести с нами меновую торговлю.

— Придется доложить на Землю, — медленно произнес начальник. — Но...

— Они тут принесли кое-какие образцы, — продолжал Уорден. — Будут менять алмазы по весу, грамм за грамм, на пластинки. Им нравится наша музыка. Будут менять изумруды на учебники — они уже умеют читать! И построят атомный реактор и станут менять плутоний, а на что — еще придумают. Это куда лучше, чем война, и куда дешевле.

— Да, — сказал начальник, — что верно, то верно. К таким доводам наши прислушаются. Но как они сумели...

— Это все Ляпа, — усмехнулся Уорден. — Просто-напросто Ляпа! Вовсе мы его не захватили в плен, его нам нарочно подсунули! Он сидел тут на базе, извлекал все подряд из наших мозгов и передавал сородичам. Не забудьте, мы хотели изучить это племя, так? А вышло как в известном анекдоте про психолога...

Говорят, один ученый психолог взялся проверить, насколько разумны шимпанзе. Усадил он обезьяну в комнате, полной игрушек, вышел, закрыл дверь и хотел подсмотреть, как ведет себя шимпанзе.

Заглянул в замочную скважину, а там, совсем близко, блестит пыливый карий глаз. Шимпанзе подсматривает в замочную скважину, как ведет себя психолог.

Этические уравнения

Очень, очень странно. Конечно, Этические уравнения устанавливают связь между поведением человека и теорией вероятностей и математически доказывают, что при той или иной системе поведения возрастает вероятность совершенно определенных совпадений. Но никто никогда не ждал от них пря-

мой практической пользы. Ведь и открытие закона случайности не покончило с азартными играми, хотя и пригодилось для страхования жизни. От Этических уравниваний даже этого не ждали. Считалось, что это просто теория, которая едва ли способна на кого-то повлиять.

Прежде всего уравнивания эти очень сложны. Они учитывают, что система поведения, идеальная для одного человека, для другого оказывается далеко не лучшей. К примеру, — и это вполне естественно — у политического деятеля понятия о чести совсем иные, чем у того, кто работает в космическом патруле. И все же, по крайней мере, в одном случае...

Гость из далекого космоса был длиной полторы тысячи футов и около ста пятидесяти в поперечнике, а странно вздутая носовая часть, напоминавшая рыбью голову, еще шире — двести футов с изрядным лишком. Чуть позади этой вздутой части находились какие-то клапаны, совсем как жабры, а в целом, если посмотреть со стороны, — точь-в-точь безглазая чудовищная рыба плывет в черной пустыне за Юпитером. Но приплыла она из бездн, где уже не ощущалось притяжение Солнца, двигалась явно не по замкнутой орбите — для этого ее скорость была чересчур велика — и медленно, бесцельно, бестолково поворачивалась вокруг своей оси.

Маленький космокрейсер «Арнина» осторожно подбирался ближе.

Фредди Холмс, который от самого Марса был на положении отверженного, теперь позабыл обо всех своих горестях, о загубленной карьере и, стиснув руки, зачарованно смотрел на эту диковину.

— На сигналы оно не отвечает, сэр, — доложил связист. — Мы вызывали его на всех частотах. Излу-

чения не обнаружено. Есть очень слабое магнитное поле. Температура на поверхности четыре градуса выше абсолютного нуля.

Командир «Арнины» что-то буркнул себе под нос. Потом сказал:

— Подойдем к борту.

Потом он посмотрел на Фредди Холмса и процедил сквозь зубы:

— Впрочем, нет. Принимайте командование, мистер Холмс.

Фредди вздрогнул. От волнения у него даже вылетело на минуту из головы, в какой он попал переплет. Однако нескрываемая враждебность во взгляде капитана и всех, кто был в рубке, сразу ему об этом напомнила.

— Теперь командуйте вы, мистер Холмс, — с горечью повторил капитан. — Так мне приказано. Вы первый обнаружили эту штуку, и ваш дядюшка просил в штабе, чтобы вам предоставили право руководить исследованиями. Власть в ваших руках. Приказывайте!

В голосе капитана звучало такое бешенство, что едкая неприязнь, с которой он относился к Холмсу во время полета, казалась теперь сущим пустяком. В самом деле, ему, капитан-лейтенанту, велено стать под начало младшего по чину! Уже и это не сладко. А главное, впервые человечество встречается с иным разумом, пришельцем из другой солнечной системы, и заправлять встречей поручено какому-то лейтенантишке только потому, что у него есть рука в правительстве.

Фредди сглотнул комок, застрявший в горле.

— Я... я... — он снова сглотнул и сказал жалобно: — Сэр, я уже пытался объяснить... Теперешнее положение вещей мне так же неприятно, как и вам.

Я хотел бы... Разрешите, я опять передам вам командование, сэр, а сам буду подчиняться...

— Нет уж! — мстительно оборвал капитан. — Командуйте сами, мистер Холмс. Ваш дядюшка нажал наверху на все кнопки, чтобы это устроить. Мне велено выполнять ваши распоряжения, а нянчиться с вами, ежели для этой работы у вас кишка тонка, я не обязан. Взялись, так справляйтесь! Какие будут приказания?

Фредди стиснул зубы.

— Что ж, хорошо, сэр. Это явно корабль, и, судя по всему, покинутый. Будь на нем команда, он не вошел бы в нашу Солнечную систему с выключенным двигателем и не мотался бы так бестолково. Держитесь на том же расстоянии. Я возьму бот, одного добровольца — подыщите мне кого-нибудь — и осмотрю этот корабль.

Холмс повернулся и вышел. Две минуты спустя, когда он втискивался в скафандр, в отсек ввалился веселый, оживленный лейтенант Бриджес.

— Мне разрешили отправиться с вами, мистер Холмс, — бойко доложил он и тоже стал влезать в скафандр. Подтянул его к плечам и, расплываясь в блаженной улыбке, прибавил: — Ну и здорово же!

Фредди не ответил. Через три минуты от крейсера отвалил космический бот. Это было крохотное открытое суденышко, не спасательное, а рабочее, предназначенное для быстрой переброски людей и материалов. Люди переправлялись в скафандрах, с инструментами или с оружием, и, сберегая запасы кислорода в скафандрах, пользовались энергией и кислородом бота. Но до чего странно было сейчас сидеть в этой утлой скорлупке, похожей на паука, и смотреть, как приближается гладкий, слепой корпус неведомого исполина. И когда бот пристал к огром-

ной металлической стене, это показалось невероятным: словно перебравшись через чудовишный ров, наполненный не водой, а звездами, они приблизились к заколдованному замку.

Однако он был вполне реален. Ролики бота мягко коснулись металла.

— Притягивает! — пробормотал Бриджес, очень довольный. — Можно стать на магнитный якорь. Дальше что делать?

— Поищем входной люк, — ответил Фредди. И прибавил: — Эти отверстия, похожие на жабры, скорее всего дюзы. Они у него в головном конце, а не в хвосте. Автопилота у этих пришельцев, видимо, нет.

Бот пополз по металлической шкуре великаначужака, точно муха по выброшенному на берег киту. Медленно взобрался вверх по округлому корпусу, перевалил на другой бок и начал спускаться. Вскоре они обошли корабль кругом и опять увидели поодаль свой крейсер.

— Никаких люков, сэр! — превесело объявил Бриджес. — Может, прорежем дырку и залезем внутрь?

— Гм-м, — задумчиво промычал Фредди. — У наших кораблей двигатель в хвосте, а рубка впереди. Значит, груз поступает в среднюю часть, и тут мы с вами искали люк. Но у этих двигатель расположен в головной части. Тогда рубка, наверно, в середине. А если так, загружаются они, пожалуй, с кормы. Ну-ка поглядим.

Бот пополз к корме чудовища.

— Вот он! — сказал Фредди.

Ни у одного корабля в Солнечной системе не было таких люков. Дверца мягко скользнула вбок. Была и вторая, внутренняя дверь, но и она открылась так же легко. Не засвистел, вырываясь наружу, воздух, и

вообще непонятно было, должен ли этот тамбур играть роль воздушного шлюза.

— Воздуха не осталось, — сказал Фредди. — Ясное дело, корабль покинут. Захватите-ка бластер, но, главное, нам понадобится свет.

Магнитные якоря бота намертво прилипли к чужаку. Два лейтенанта вступили внутрь корабля, стук магнитных подошв гулко отдавался в шлемах. До сих пор с крейсера могли за ними следить. Теперь они скрылись из виду.

Огромная загадочная махина, необыкновенно похожая на слепую рыбину, все так же плавала в пустоте. Она бесцельно покачивалась вокруг какой-то внутренней оси. Свет далекого Солнца, хоть и очень слабый здесь, за Юпитером, отражаясь от металлической поверхности, слепил глаза. Казалось, чужак неподвижно повис в пространстве, окруженный со всех сторон бесконечно далекими немигающими звездами. Крейсер космического патруля, точеный, опрятный, держался наготове за полторы мили от пришельца. Словно бы ничего необычайного не происходило.

Когда Фредди возвратился в капитанскую рубку, он был бледен. Только на лбу еще краснел след от шлема, и Фредди растерянно потирал это место пальцами. Капитан посмотрел на Холмса сердито и с завистью. В конце концов всякий позавидует человеку, который побывал на чужом космическом корабле. Вслед за Холмсом вошел лейтенант Бриджес. Минуту все молчали. Потом Бриджес бойко отрапортовал:

— Разрешите доложить, сэр. Из добровольной вылазки прибыл, возвращаюсь на свой пост.

Капитан угрюмо поднес руку к фуражке. Бриджес четко повернулся на каблуках и вышел. Капитан по-

глядел на Фредди с бессильной яростью, какую может испытывать только старший по чину, когда ему велено доказать, что его подчиненный — болван, а на поверку в дураках остался он сам вместе с теми, кто отдал ему этот приказ. Поневоле взбесишься! Фредди Холмс, желторотый юнец, офицер без году неделя, едва попав на Луну, на станцию наблюдения за астероидами и метеоритными потоками, заметил небольшое неизвестное тело, приближающееся из-за Нептуна. Для постоянного обитателя нашей Солнечной системы скорость тела была слишком велика, и Холмс сообщил, что это пришелец извне, и предложил немедленно его исследовать. Но младшим офицерам не положено совершать открытия. Это нарушает традицию, а в космическом патруле традиция — это своего рода Этическое уравнение. И Холмсу порядком влетело за самонадеянность. Но он дал сдачи, объявив, что Этические уравнения, безусловно, относятся и к научным исследованиям. Первый же предмет, попавший в нашу Солнечную систему извне, должен быть исследован. Правило ясное и недвусмысленное. И Фредди повел себя так, как отнюдь не подобает младшему чину в космическом патруле: он не стал держать язык за зубами.

Отсюда все и пошло. У Фредди имелся дядюшка, который занимал какой-то там государственный пост. Дядюшка предстал перед Главным штабом космической патрульной службы и учтиво намекнул, что племянник сделал важное открытие. Далее, он доказал как дважды два, что отмахиваться от значительного открытия только потому, что сделал его младший офицер, попросту смехотворно. И Штаб, разъяренный посторонним вмешательством, распорядился: доставить Фредди Холмса к обнаруженному им предмету, по прибытии на место полностью пере-

дать названному Холмсу командование крейсером и произвести предложенные им исследования. По всем законам вероятности нахал вынужден будет доложить, что глыба вещества, залетевшая откуда-то извне, ничуть не отличается от глыб, которые летают в пределах нашей Солнечной системы. И уж тогда Штаб отыграется! Будут знать дядюшка с племянником, как совать свой нос куда не просят!

А между тем оказалось, что глыба вещества не просто глыба, а похожий на огромную рыбу космический корабль, создание иной цивилизации. Оказалось, сделано важное открытие. И все складывалось так, что человеку, проникнутому традициями патрульной службы, в пору скрипеть зубами от злости.

— Это космический корабль, сэр, — ровным голосом сказал Фредди. — Двигатели у него атомные, реактивные, расположены где-то в носовой части. Управление, видимо, только ручное. И, видимо, в машинном отделении был взрыв и большая часть горючего потеряна: оно улетучилось через дюзы. После этого корабль оказался беспомощным, хотя машины кое-как залатаны. Сейчас он по инерции падает к Солнцу, и можно рассчитать, что в теперешнем состоянии он находится уже примерно две тысячи лет.

— В таком случае, насколько я понимаю, никто на борту не остался в живых, — язвительно заметил капитан.

— Это как раз одна из сложностей, которые тут возникают, сэр, — ровным голосом произнес Фредди; он все еще был очень бледен. — В помещениях корабля воздуха нет, но резервуары полны. В отсеках, где, видимо, хранится продовольствие, осталось еще много всего. Команда не умерла с голоду и не задохнулась. Просто корабль потерял почти весь запас го-

рючего. Тогда, видимо, команда подготовила его к тому, чтобы он мог сколько угодно времени дрейфовать в пространстве и... (Фредди запнулся)... и похоже, что все они погрузились в анабиоз. Они на борту, в таких прозрачных ящиках... И к ящикам подсоединены какие-то механизмы. Может быть, они надеялись, что их рано или поздно подберут свои же корабли.

Капитан озадаченно поморгал.

— Анабиоз? Они живые? — И вдруг резко спросил: — А что это за корабль? Грузовой?

— Нет, сэр, — ответил Фредди. — Тут еще одна сложность. Мы с Бриджесом сошлись на том, что это военный корабль, сэр. Там установлены в ряд генераторы, и они питают какие-то штуки... Безусловно, это оружие, ни на что другое не похоже. Судя по всему, оно работает по принципу притяжения и отталкивания... и там есть электронные лампы, но они, очевидно, действуют при холодных катодах. Судя по кабелям, которые к ним присоединены, там сила тока достигает тысячи ампер. Так что сами понимаете, сэр.

Капитан шагал по рубке — два шага туда, два обратно. Огромное, потрясающее открытие! Но ему дана совершенно ясная инструкция.

— Командуйте вы, — сказал он упрямо. — Что будете делать?

— Буду работать, пока не свалюсь, — уныло ответил Холмс. — И, наверно, еще несколько человек загоняю. Хочу облазить эту машину вдоль и поперек с измерительными приборами и телекамерами, все осмотреть, заснять и передать вам сюда. Мне нужны операторы, а наши специалисты на борту пускай дают им указания, каждый по своей части. Я на этом корабле ни к чему не притронуся, пока у меня каждая

заклепка и каждая проволочка не будет заснята на пленку.

— Что ж, это не так глупо, — проворчал капитан. — Хорошо, мистер Холмс, будет сделано.

— Спасибо, — сказал Фредди, двинулся было к выходу и остановился. — Надо поосторожнее отобрать, кого посылать с приборами, — прибавил он. — Впечатлительные люди не годятся. Те, на корабле... с виду они даже чересчур живые, и на них не слишком приятно смотреть. И потом... э-э... пластиковые ящики, в которых они лежат, открываются изнутри. Это еще одна сложность, сэр.

Он вышел. Капитан заложил руки за спину и свирепо зашагал из угла в угол. Первый предмет, который залетел к нам из звездных пространств, оказался космическим кораблем. Вооружение у него такое, что и представить трудно. Надо его исследовать, а ты, заслуженный капитан-лейтенант, изволь подчиняться мальчишке только-только из академии. А все политика! Капитан «Арнины» скрипнул зубами...

И вдруг до него дошло то, что сказал напоследок Фредди. Пластиковые ящики, где в анабиозе лежит команда чужого корабля, открываются изнутри. Изнутри!

Да ведь это чревато...

На лбу капитана проступил холодный пот. Оружие действует по принципу притяжения и отталкивания, и кое-какое горючее сохранилось, и анабиозные камеры открываются изнутри...

Теперь корабли соединялись гибким тросом, и их вместе несло к Солнцу. Рядом с огромным чужаком крейсер казался мошкой.

До Солнца было очень далеко; разумеется, оно светило ярче любой звезды и излучало беспощадную

радиацию; но нисколько не грело. Со всех сторон виднелись невообразимо далекие искорки света — звезды. В поле зрения только одно небесное тело обладало сколько-нибудь заметными размерами. Это был Юпитер; его узкий серп, словно только что народившийся месяц, светился на двадцать миллионов миль ближе к Солнцу и на восемьдесят миллионов миль в стороне. Все остальное было — пустота.

Крохотный космобот, словно паучишка, скользил по тросу между двумя кораблями. Причалил к крейсеру, вышли люди в скафандрах, тяжело затопали башмаками на магнитной подошве к люку. Нырнули внутрь.

Фредди вошел в рубку. Капитан сказал хрипло:

— Мистер Холмс, разрешите обратиться с просьбой. По приказу Штаба вы командуете «Арниной», пока не кончите изучать тот корабль.

— Да, сэр. А в чем дело? — рассеянно отозвался Фредди.

Он осунулся, лицо у него было измученное.

— Я хотел бы отослать подробный доклад обо всем, что вы уже обнаружили, — настойчиво сказал капитан. — Поскольку здесь командуете вы, я ничего не могу сообщить без вашего разрешения.

— Я предпочитаю, чтобы вы ничего не сообщали, сэр, — сказал Фредди и, несмотря на усталость, упрямо выпятил подбородок. — Если говорить начистоту, сэр, я думаю, в этом случае они отменили бы теперешний приказ и распорядились совсем иначе.

Капитан прикусил губу. Он именно этого и хотел. Телекамеры уже передали полное и точное изображение чуть ли не всего, что только можно было увидеть на чужом корабле. И все это есть на пленке. Капитан уже видел и самих пришельцев — ну и чудища! И пластиковые саркофаги, в которых они проспали добрых

две тысячи лет, действительно открываются изнутри. Вот что худо. Они открываются изнутри!

Все специалисты по электронике, сколько их было на «Арнине», бродили в каком-то восторженном обалдении, что-то чертили, рассчитывали, показывали друг другу и почтительно пялили глаза на то, что у них получалось. Артиллерист корпел над схемами и чертежами оружия, о каком прежде не могли и мечтать, и, просыпаясь по ночам, торопливо шарил — здесь ли они, не привиделись ли во сне. Но главный механик в отчаянии ломал руки. Он жаждал разобрать двигатели чужого корабля по винтику. Ведь они несравнимо меньше двигателя «Арнины», а их хватало для великана, масса которого в восемьдесят четыре раза больше! Но как они действуют?!

Техника, чьим детищем был чужой корабль, определила земную на десять тысяч лет. Ее секреты стремительно перекачивались на крейсер землян. Но саркофаги, где покоилась в анабиозе команда пришельца, открывались изнутри.

— А все-таки, мистер Холмс, я вынужден просить разрешения отослать рапорт, — взволнованно повторил капитан.

— Но сейчас командую я, — устало сказал Фредди. — И я намерен командовать и дальше. Я подпишу приказ, который запретит вам отсылать рапорт, сэр. Если вы его нарушите, это будет бунт.

Капитан побагровел.

— Да вы понимаете, что это значит?! — в бешенстве крикнул он. — Раз экипаж этой посуды лежит в анабиозе, а эти их ящики или гробы открываются изнутри... это же значит, что они намерены открыть их сами, — понятно вам?!

— Да, сэр, конечно, — устало сказал Фредди. — А почему бы и нет?

— А вы понимаете, что провода от этих гробов ведут к термобатарейкам во внешней обшивке корабля? Чудища знали, что без энергии им не выжить, и знали, что получают энергию в любой солнечной системе. Вот они и рассчитали так, чтобы подойти поближе к нашему Солнцу при минимальном расходе энергии, оставили запас только для посадки, а сами погрузились в анабиоз, а когда придет время браться за работу, термобатареи их разбудят!

— Правильно, сэр, — все так же устало подтвердил Фредди. — По крайней мере мужества у них хватало. А как бы теперь поступили вы?

— Доложил бы в Главный штаб! — яростно крикнул капитан. — Доложил бы, что чужое военное судно способно разнести в пыль весь наш патрульный флот и взорвать наши планеты! Сообщил бы, что экипаж — чудовища, что сейчас они, к счастью, беспомощны, но у них хватит горючего, чтобы сманеврировать и приземлиться. И просил бы разрешения выкинуть их вместе с гробами с корабля и уничтожить! А потом бы я...

— Я сделал проще, — сказал Фредди. — Отключил термобатареи. Сейчас эти существа ожить не могут. А теперь, уж простите, я пойду несколько часов посплю...

Он ушел к себе в каюту и повалился на койку.

Люди с измерительными приборами и телепередатчиками продолжали осматривать каждый дюйм безжизненного чудовища. Они работали в скафандрах. Чтобы наполнить воздухом нутро гиганта, «Арнине» пришлось бы истратить весь свой запас. Человек в скафандре держал телекамеру перед какой-то гибкой, причудливо свернутой лентой, исчерченной непонятными знаками. В его шлемофоне звучали

советы и распоряжения из фотолаборатории «Арнины». Кое-что снималось еще и на фотопленку. Работали телепередатчики в кладовых, в жилых отсеках, возле оружейных установок. До сих пор на чужом корабле ничего и пальцем не тронули. Таков был приказ Фредди Холмса. Из каждого предмета извлекали всю возможную информацию, но ни одной мелочи не взяли с собой. Даже химические анализы производились дистанционными методами.

А на Фредди по-прежнему смотрели косо. Главный механик честил его на все корки. Ведь вот двигатели чужака... После взрыва пришельцы их починили, и уж до того соблазнительно было бы в них покопаться... Но как они работают, понять было невозможно. У главного механика просто руки чесались. Специалист по физической химии тоже предпочел бы сделать кое-какие анализы собственными руками, а не при помощи телекамеры и спектрографа. И все и каждый, от мальчишки-стажера до капитана, жаждали завладеть какой-нибудь вещичкой, сработанной чужими, ничуть не похожими на людей существами, которые на десять тысяч лет опередили человечество. Вот на Фредди и смотрели косо.

Но не только это мучило его. Он чувствовал, что поступает не по правилам. Этические уравнения доказывают как дважды два, что вероятность и этика нераздельны и если, приступая к любому делу, нарушить законы порядочности и чести, бессмысленно ждать, чтобы оно принесло плоды, достойные восхищения. Фредди начал с того, что нарушил дисциплину (а ведь она тоже своего рода этика), а потом еще дядюшка припутал к патрульной службе политику. И это уже прямое преступление. А значит, согласно уравнениям, вероятность самых пагубных совпадений будет безмерно возрастать, пока новые, этически

безупречные действия не устранят зло, вызванное первоначальными беззакониями. Но как же все-таки сейчас надо действовать? Непонятно, хоть убей. Ясно одно — нельзя терять ни минуты. И, несмотря на усталость, Фредди спал плохо: откуда-то из глубины сознания пронзительный, тревожный голос предвещал несчастье.

Он проснулся разбитый и тупо уставился в потолок. Тщетно он пытался найти какое-то разумное решение, и тут к нему постучали. Явился Бриджес с кипой бумаг.

— Ну вот! — весело провозгласил он, едва Фредди открыл дверь. — Все мы просто счастливики!

Фредди взял у него бумаги.

— Что случилось? Капитан все-таки испросил новый приказ, и меня отправляют на губу?

Бриджес расплылся до ушей в улыбке и ткнул пальцем в бумажные листы. Это был отчет специалиста по физической химии, в обязанности которого входил точный анализ состава малых небесных тел.

«Элементы, обнаруженные на внеземном корабле», — гласил заголовок. Фредди стал просматривать бумагу. Никаких тяжелых элементов, остальное все знакомо. Он вспомнил, что в одном из баков чужака хранился чистый азот, и главный механик в молчаливом бешенстве ломал себе голову: как пришельцы умудрялись получать из азота атомную энергию? Фредди посмотрел в конец списка. Самым тяжелым элементом на корабле оказалось железо.

— В чем же тут счастье? — спросил он.

Бриджес опять ткнул пальцем. Привычные символы сопровождались непривычными коэффициентами атомного веса: H_3 , Li_5 , Be_8 ... Холмс недоуменно заморгал. Посмотрел еще: N_{15} , F_{18} , S_{34} , $_{35}$... тут он вытаращил глаза. Бриджес ухмыльнулся.

— Прикиньте-ка, сколько стоит этот кораблик. — сказал он весело. — «Арнина» гудит как улей. Призовые деньги нам, патрульным, не полагаются, зато можно получить пять процентов за спасение имущества. Тритий на Земле известен, но в чистом виде его никогда еще не получали. А литий пять, бериллий восемь, азот пятнадцать, кислород семнадцать, фтор восемнадцать, сера тридцать четыре и тридцать пять — да такого на Земле просто не существует! Весь этот корабль состоит из немыслимых изотопов, в нашей Солнечной системе их просто нет! А за чистые изотопы знаете сколько платят. Весь корпус — чистое железо пятьдесят пять! А у нас чистое железо пятьдесят четыре идет по тридцать пять центов грамм! После этого потерянные сокровища Марса — безделица! Если одну сбшивку пустить только на технические нужды, и то ей цена — весь доход земного правительства за десять лет! Теперь мы на «Арнине» богачи, всем до самой смерти хватит. А вы теперь у нас — первый человек!

Фредди даже не улыбнулся. Заговорил медленно:

— Азот пятнадцать... Он был в том самом баке для горючего, который у них еще оставался. Он поступает в очень странную, совсем маленькую алюминиевую камеру — мы никак не могли понять, что это такое, — а оттуда в дюзы двигателя. Понимаю...

Он был бледен как полотно. А Бриджес ликовал:

— Сто тысяч тонн материалов, какие на Земле просто не существуют! Настоящие изотопы, в огромном количестве! И никаких примесей! Дружище, мне-то вы сразу пришлись по душе, но все наши вас терпеть не могли. А теперь — идите и наслаждайтесь, все вас обожают!

Фредди не слушал.

— А я все гадал, для чего та алюминиевая камера, — бормотал он. — С виду она совсем немудреная, не поймешь, при чем тут...

— Пойдем к нашим выпьем! — весело тормошил его Бриджес. — Грейтесь в лучах славы! Заводите друзей, покоряйте умы и сердца!

— Нет уж, — Фредди невесело улыбнулся. — Потом меня все равно повесят. Гм-м... Попробую потолковать с главным механиком. Нам нужно добиться, чтобы эта махина двигалась своим ходом. На буксире ее не потащишь, слишком велика.

— Так ведь в ее двигателях никто не может разобратся! — запротестовал Бриджес. — Похоже, азот тоненькой струйкой поступает в ту дурацкую камеру, там с ним что-то происходит, и он через алюминиевые щитки течет в дюзы — только и всего! Уж больно просто! Ну как вы заставите такую штуку работать?

— Кажется, это и правда проще простого, — сказал Фредди. — Корабль построен из таких изотопов, каких на Земле нет. Впрочем, тут есть еще алюминий и углерод. Это простые вещества. Они на корабле точно такие же, как у нас. Но почти все остальное...

В лице у Фредди не было ни кровинки. Казалось, его грызет нестерпимая боль.

— Мне нужны два бака, их надо сделать из алюминия и заполнить азотом. Сойдет и обыкновенный воздух... И нужен автопилот. Его тоже надо сделать из алюминия, а прокладки из графита...

Он поглядел на Бриджеса и хмуро усмехнулся.

— Вы когда-нибудь слыхали про Этические уравнения, Бриджес? Кто бы подумал, что они помогут решить задачу космического пилотажа, правда? А вот, представьте, помогли. Теперь мне нужен главный механик, пускай все это соорудит. Я рад, что успел с вами познакомиться, Бриджес...

Бриджес вышел, а Фредди Холмс провел языком по пересохшим губам и сел чертить эскизы для механика.

На корабле-чудовище машинный отсек не был отделен от капитанской рубки. Огромное шарообразное помещение заполняли приборы диких для земного глаза очертаний. Впрочем, Холмсу и Бриджесу они больше не казались такими уж дикими. Оба проторчали среди этой аппаратуры восемь дней, поняли, как она действует, и почти освоились с нею. А все же им стало жутковато, когда они пристегнулись перед пультом управления, освещенным только их походными фонариками, и в последний раз окинули взглядом алюминиевые запасные части, сработанные Бог весть на какой планете, под неведомым солнцем.

— Если получится, нам крупно повезло, — сказал Фредди и судорожно глотнул. — Вот так включается двигатель. Ну, Бриджес, ни пуха, ни пера!

Воздуха внутри чужака по-прежнему не было. Фредди чуть-чуть, на волос, передвинул причудливой формы рычажок. По огромному корпусу корабля прошла едва уловимая дрожь, словно он готов был рвануться вперед. Через подошвы скафандров людям передавалось от металлического каркаса чуть заметное колебание. Фредди облизнул пересохшие губы и тронул другой рычажок.

— Это, должно быть, освещение.

Он не ошибся. На экранах необычной формы проступили непонятные рисунки и образы. По кораблю разлилось сияние. Прежде, в резком белом свете ручных фонариков людям все здесь было безмерно чуждо, почти отвратительно. А сейчас все преобразилось, словно они попали в какой-то сказочный, волшебный дворец. Все вокруг лучилось всеми цветами радуги, в этом мягком сиянии круглые двери

и коридоры, похожие на трубы, выглядели хоть и странно, но приятно. Фредди покачал головой, словно хотел, не снимая шлема, смахнуть выступившие на лбу капли пота.

— Дальше, наверно, обогрев, — проговорил он еще мрачнее прежнего. — Это мы не тронем. Ни к чему! А вот двигатель попробуем!

Корабль дрогнул. И плавно устремился вперед, легко и незаметно набирая скорость; в его движении ощущалась огромная, неодолимая сила. «Арнина» за кормой быстро уменьшалась. Фредди, плотно сжав губы, касался то одного рычажка, то другого, и страшный исполин повиновался ему легко и охотно, как ручной, на диво вышколенный зверь.

— Вот здорово! — дрожащим голосом вымолвил Бриджес. — Куда нам с нашими патрульными посудинками!

— Да, — коротко сказал Фредди. Голос у него был несчастный. — Куда нам! Отличный корабль! Я на него поставлю автопилот. Он должен работать. Эти существа почему-то не пользовались автоматическим управлением. Уж не знаю почему, но не пользовались.

Он выключил все кроме света. Наклонился и подхватил маленький алюминиевый аппаратик, которому предстояло регулировать подачу азота в правую и левую дюзы.

Потом он вернулся к пульту управления и опять включил двигатель. И автопилот заработал. Вполне естественно. Уж если механик космической патрульной службы что смастерил, так на совесть. Фредди тщательно опробовал автопилот. Задал ему некую точно рассчитанную программу. Повернул три переключателя. Потом взял в руку заранее приготовленный пакетик.

— Идем, — сказал он устало. — Мы свое дело сделали. Вернемся на «Арнину», а там меня, наверно, повесят.

Бриджес, явно сбитый с толку, пошел за ним. Они влезли в космобот, и металлический паучок побежал прочь от огромного чужого корабля, который висел теперь в пустоте в трех милях от «Арнины», покинутый всеми, кроме своей команды — кроме чудовищ в анабиозе. Крейсер встрепнулся и пошел навстречу боту. И тут Фредди сказал сурово:

— Помните Этические уравнения, Бриджес? Я уже говорил, они помогли мне разобраться в двигателе того корабля. Если они верны, тут ничего другого быть не могло. А сейчас я выясню еще кое-что.

Неуклюжими пальцами (проделывать все это в перчатках скафандра было несподручно) он извлек что-то из своего пакета, словно пилюлю из коробочки. Полез в ящик на борту бота, вытащил оттуда... небольшой снаряд (Бриджес едва верил своим глазам) и вложил в него «пилюлю». Потом загнал снаряд в дуло мортирки (бот по старой привычке оснащали оружием) и дернул шнур. Вспыхнул запал. Облачко газов прихлынуло к скафандрам и тотчас рассеялось. В пустоту понеслась яркая рдеющая искорка. Проходили секунды. Три... Четыре... Пять...

— Видно, я болван, — сказал Фредди.

Бриджес никогда еще не слышал, чтобы кто-нибудь говорил таким загробным голосом.

И вдруг стало светло. Да как! Во тьме, где, все уменьшаясь, уносилась к невообразимо далеким звездам красная трассирующая искорка, внезапно вспыхнуло слепящее голубовато-белое зарево, каких не видывали даже на испытательных полигонах космического патруля. Если не считать полуфунтового трассирующего заряда, здесь неоткуда было взяться

веществу, которое могло бы взорваться. И однако даже сквозь стекло шлема Бриджесу опалило лицо жестоким жаром. И все кончилось.

— Что это? — спросил он, потрясенный.

— Этические уравнения, — сказал Фредди. — Видно, я все-таки не совсем болван...

«Арнина» подошла вплотную к боту. Фредди не перешел на крейсер. Он закрепил маленькое суденышко в гнезде и включил внутренний передатчик шлемофона. Он начал что-то говорить, но Бриджес теперь не мог его слышать. Минуты через три открылся широкий люк и появились четверо в скафандрах. На одном был гребенчатый шлем с четырехканальным передатчиком; такой шлем надевает лишь командир, покидая крейсер во главе разведывательного отряда. Четверо вышли из люка «Арнины» и втиснулись в крохотный бот. И снова по радио в наушниках угрюмо, холодно зазвучал голос Фредди:

— У меня есть еще несколько снарядов, сэр. Это трассирующие снаряды, они пролежали в боте восемь дней, все время, пока мы работали. Они не такие холодные, как тот корабль, потому что он остывал две тысячи лет, но все-таки холодные. По моим расчетам, градусов восемь или десять выше абсолютного нуля, не больше. А это образчики вещества с того корабля. Вы можете их потрогать. Наши скафандры практически не проводят тепла. Если вы возьмете эти осколки в руку, они не согреются.

Бриджес видел, как капитан оглядел кусочки металла на ладони Холмса. Это были образчики железа и других материалов с чужого корабля. При холодном свете ручного фонарика капитан сунул один образчик в головку снаряда. Своими руками зарядил мортирку и выстрелил. Снова, стремительно уменьша-

ясь, умчалась в пустоту рдеющая искорка. И снова чудовищный атомный взрыв.

И голос капитана в наушниках:

— Сколько еще образцов вы там взяли?

— Еще три, — теперь Фредди говорил твердо, уверенно. — Видите ли, сэр, дело вот в чем. На Земле таких изотопов нет. А нет их потому, что, соприкасаясь с другими изотопами при нормальных температурах, они теряют устойчивость. Они взрываются. Здесь мы вложили их в снаряд, и ничего не произошло, потому что оба изотопа охлаждены почти до температуры жидкого гелия. Но в трассирующем снаряде есть светящаяся смесь, во время полета она сгорает. Снаряд разогревается. И когда любой из тех изотопов в контакте с нашим согреется до... скажем, до температуры жидкого водорода... они попросту взаимно уничтожаются. Весь корабль состоит из таких же материалов. Его масса примерно сто тысяч тонн. Немного алюминия и еще два-три имеющих изотопы элемента, которые у нас и у них одинаковы, — не в счет. Соприкоснись этот корабль с материей из нашей Солнечной системы при температуре десять или двенадцать градусов выше абсолютного нуля, он весь до последнего винтика просто-напросто взорвется.

— Попробуйте взорвать остальные образцы, — отрывисто приказал капитан. — Надо знать наверняка...

В пустоте вспухли три гигантских газовых облака. Потом тьму разорвали три слепящие вспышки невиданно яркого голубовато-белого пламени. Молчание. А потом...

— Эту штуку надо уничтожить, — тяжело сказал капитан. — Ее негде поставить на прикол, да и команда может в любую минуту проснуться. У нас нет оружия, чтобы их одолеть, а если они вздумают посадить свою посудину на Землю...

Исполинская рыба, празднично висевшая в пустоте, вдруг шевельнулась. Из отверстий в головной части, похожих на жаберные щели, брызнули струйки пламени. Потом с одной стороны струя стала сильнее. Чудовище круто повернулось, выровнялось и устремилось вперед все быстрее, быстрее и при том необычайно плавно. Скорость нарастала молниеносно, такое недоступно было ни одному кораблю землян. Великан обратился в крохотную далекую точку и растаял в пустоте.

Но он летел не вглубь нашей системы, не к Солнцу. И не к полумесяцу Юпитера, ясно видимому в стороне (до него теперь оставалось каких-нибудь семьдесят миллионов миль). Он улета́л к звездам.

— Еще несколько минут назад я был не совсем уверен, — нетвердым голосом вымолвил Фредди Холмс. — Но Этические уравнения заставляли с большой степенью вероятности ждать чего-то в таком духе. Я не мог проверить, пока мы не извлекли из этого корабля все, что только можно узнать, и пока я там все не наладил. Но меня с самого начала это грызло. Из Этических уравнений совершенно ясно: за каждый ложный шаг мы неизбежно поплатимся... Мы — значит вся Земля, потому что появление пришельцев из космоса неминуемо отразится на всем человечестве. — Голос его дрогнул. — Было очень трудно рассчитать, как тут нужно действовать. Только... Ведь если бы в такой переплет попал какой-нибудь наш корабль, мы бы надеялись на... на дружелюбие. Надеялись бы, что нам дадут горячего и помогут отправиться домой. Но этот корабль военный, и в бою нам бы его нипочем не одолеть. И отнестись к нему дружески тоже не легко. А все-таки по Этическим уравнениям, если мы хотим, чтобы первый контакт с чужим разумом пошел нам

на пользу, следовало снабдить их горючим и отправить домой.

— То есть... — не веря своим ушам, начал капитан. — Значит, вы...

— Их двигатели работают на азоте, — сказал Фредди. — Азот пятнадцать поступает в небольшой аппаратик, мы теперь знаем, как его сделать. Он очень прост, но это своего рода атомный реактор. Он разлагает азот пятнадцать на азот четырнадцать и водород. Я думаю, мы сумеем это использовать. Азот четырнадцать есть и у нас. Держать его можно в алюминиевых баках и направлять по алюминиевым трубкам, ведь алюминий-то один и устойчив при всех условиях. Но когда азот сталкивается в дюзах с теми, не нашими изотопами, он распадается...

Фредди перевел дух.

— Я поставил им два алюминиевых бака с азотом, а их атомный реактор замкнул накоротко. Азот четырнадцать пошел прямо в дюзы — и корабль получил ход! И потом... я высчитал, по какой орбите они к нам прилетели, и задал автопилоту обратный курс к их солнечной системе — они пролетят столько времени, на сколько хватит азота из первого бака. Из сферы притяжения нашего Солнца они уж, во всяком случае, вырвутся. И я заново подсоединил термобатареи к саркофагам. Они проснутся, обнаружат автопилот и поймут, что кто-то им его поставил. Те два бака с горючим в точности такие же, как их собственные, и они сообразят, что это запас горючего для посадки. Может быть... может быть, они вернутся к себе домой еще через тысячу лет, но все равно и тогда они будут знать, что мы вели себя по-дружески и... и не испугались их. А мы пока узнали все про их технику, мы ее изучим и освоим, и пустим в ход.

Фредди умолк. «Арнину» с выключенным двигателем медленно сносило к Солнцу, она уже миновала орбиту Юпитера, маленький космобот прочно прилип к корпусу крейсера.

— Командиру патруля извиняться перед подчиненным — это уж из ряда вон, — хмуро сказал капитан. — Но я прошу прощения, что считал вас дураком, мистер Холмс. Я как подумаю, что и сам, да и всякий опытный командир наверняка только о том бы и заботился, чтоб поскорей оттащить эту находку на базу для изучения... Как подумаю, что в этой штуке сто тысяч тонн и каково было бы Земле после такого атомного взрыва... Еще раз прошу меня простить.

— Если уж кто должен просить прощения, сэр, так это я, — смущенно проговорил Фредди. — На «Арнине» все уже считали себя богачами, а я оставил их ни с чем. Но, видите ли, сэр, Этические уравнения...

Заявление Фредди об отставке, отосланное вместе с его докладом о подробном обследовании чужого корабля, вернулось с пометкой «отказать». Лейтенанту Холмсу велено было явиться на скромную патрульную посудину из тех, что несут самую тяжелую службу: на таких суденышках новичок не знает ни отдыха, ни срока, в поте лица овладевает всеми премудростями своего дела и поминутно получает взбучку. И Фредди ликовал, потому что больше всего на свете он хотел работать в Космическом патруле. Дядюшка тоже был удовлетворен: его вполне устраивало, что доволен племянник, да притом кое-кто из космических адмиралов свирепо заявил ему, что Фредди очень пригодится в патруле и своим чередом добудет почет и уважение, чины и награды и совсем

незачем для этого всяким политикам совать нос куда не просят. А Главный штаб космической патрульной службы ликовал потому, что в руках у него оказалось множество технических новинок и теперь патруль сможет не только следить за межпланетными перелетами, но, когда надо, охранять их от всяких случайностей.

И все это полностью удовлетворяло Этическим уравнениям.

Ковчег

— Профессор Хенуэл?

— Он самый.

— Я — Чарлз Айберсон из «Межконтинентальных новостей».

Они с улыбкой пожали друг другу руки. Потом повернулись и пошли прочь от вполне современного, но сплошь покрытого пылью турецкого автобуса, который только что доставил бородатого репортера за полтора миль из Эрзерума, ближайшего аэропорта. Несколько минут шли молча, потом Айберсон задал неизбежный вопрос. Он спросил полушутя, полусерьезно:

— Ну как, нашли уже?

— Да, — спокойно отозвался Хенуэл. — Мы его нашли.

— Вы шутите?!

— Нисколько, — ответил археолог. — Безусловно, нашли. Никаких сомнений.

Репортер растерялся — с чего начать?

— А как он выглядит? Неужели и правда, как описано в Библии? Не может этого быть!

— Все правда, — терпеливо ответил Хенуэл.

Они подошли к старому, выдавшему виды форду, и Хенуэл знаком предложил спутнику забраться внутрь. Машина ждала на солнцепеке, и до раскаленного металла невозможно было дотронуться. Айберсон постарался устроиться поудобнее и только потом повторил:

— Как же он выглядит, профессор?

Хенуэл включил зажигание, и машина мягко взяла с места.

— Мы точно не знаем, — сказал наконец Хенуэл. — Он слишком глубоко вмерз в лед. Можно различить только смутные очертания. — И, немного помолчав, прибавил: — Он огромен.

— Когда вы его нашли?

— Нам очень повезло, — признался Хенуэл. — Наши альпинисты наткнулись на него уже на второй день поисков. С неделю назад.

— Неделю назад! Господи, да что ж вы все молчали? Такую новость надо было мигом разнести по всему свету. Как же так можно: отыскать Ноев ковчег — и за целую неделю хоть бы словечко!

— Сначала нам надо было в этом удостовериться, — возразил Хенуэл. — Ничего, скоро вы его увидите своими глазами. Тогда можете кричать на весь мир.

— А еще кто будет этим заниматься... в смысле кто из газетчиков? — озабоченно спросил Айберсон.

— Больше никто. Вы единственный.

— Вы что, серьезно? У меня исключительное право?

— Выходит, что так.

— Да ну! Вот это повезло! Но почему именно я?

— Просто доктору Кристи нравится ваш стиль.

— Кристи?! — Айберсон был приятно удивлен. — А я думал, он нашего брата газетчика не переносит, всех до единого.

— Тогда скажем так: из всех репортеров вы ему наименее неприятны.

— Вот это больше похоже на правду. Стало быть, Кристи целую неделю замалчивает величайшую сенсацию со времен... со времен Всемирного потопа, а потом спокойненько выбирает мальчика на побегуш-

ках — пускай, мол, сообщит радостную весть всем прочим смертным.

— Кстати, он имеет на это полное право как глава экспедиции, — заметил Хенуэл. — Или вы бы предпочли, чтобы он выбрал другого мальчика на побегушках?

Айберсон смолчал; теперь он неотрывно смотрел в окно — местность унылая, иссушенная солнцем, не за что зацепиться взгляду. Сама дорога неплоха, но движения мало, только и попадаются редкие грузовики да крестьянские повозки, запряженные, как всегда в Турции, волами.

— Как вы добрались? — спросил Хенуэл.

— Да что ж, смутно помню, в Каире меня разбудили среди ночи, сунули в руки битком набитый конверт — билеты, расписания воздушных рейсов и прочее. Не успел опомниться, хватъ, мы уже приземляемся в Стамбуле. Потом, в самолете до Эрзерума или как его там, меня изрядно мутило; а ехать оттуда автобусом — сущая пытка. Вообще же очень милое путешествие.

— Я вижу, вас порядком торопили?

— Да уж. Я до того наспех подхватился, даже не представляю, где мы сейчас, только и понятно, что в Турции. Я знаю, вы должны были встретить мой автобус в каком-то Догу... Догу...

— Догубайязите, — подсказал Хенуэл. — Не бог весть какой городишка, но ближайший к Арарату. По прямой около тридцати миль. Наш главный лагерь еще на десять миль выше по этой дороге. Мы сейчас в самом восточном углу Турции, совсем рядом с «железным занавесом».

— Да ну?

— Да, отсюда до границы миль двадцать пять. Русские даже заявили турецкому правительству про-

тест. Говорят, наша экспедиция хочет устроить на вершине Арарата наблюдательный пункт и шпионить за их территорией. Слыхали вы что-нибудь подобное?

От Догубайязита дорога все время шла в гору. А теперь они почти уже достигли вершины гряды, что вставала перед ними с самого начала пути, подъем стал круче, и Хенуэл прибавил газу. Старый форд затрясло. Со свистом проносились мимо деревья, и внезапно машина миновала перевал. Айберсон с жадным нетерпением вытянул шею — впереди, милях в двадцати, поблескивала белизной в лучах предвечернего солнца приплюснутая куполообразная вершина легендарной горы.

— Так вот он...

— Да, — сказал Хенуэл. — Это и есть Арарат.

— Что вас надоумило начать поиски именно здесь? — Айберсон не сводил глаз с далекой горы.

— Библия, — просто ответил Хенуэл. — В Книге Бытия ясно сказано, что Ной причалил именно тут.

— Да, я знаю. Но, пожалуй, было довольно рискованно на это полагаться. Столько времени прошло...

— Ну, нет. Существует ведь не только свидетельство Ветхого завета. По-моему, на самом деле вся затея началась с легенды. У здешних жителей от дедов к внукам передается рассказ о пастухе, который видел на вершине Арарата вмерзший в лед ковчег. Слух дошел до турецкого правительства, и оно даже снарядило экспедицию. Это было в тысяча восемьсот тридцать третьем.

— Нашли они что-нибудь?

— Видимо, нашли. В докладе экспедиции говорилось, что в летние месяцы из льда проступает острый нос корабля. Позже его видели еще несколько человек. Видел в тысяча восемьсот девяносто втором

некий доктор Нури, архидиакон Иерусалима и Вавилона. Потом, во время первой мировой войны, русский летчик по фамилии Росковицкий заметил его с самолета. Царь отправил на поиски экспедицию — в разгар войны, учтите. Полагают, что они обнаружили ковчег и даже сфотографировали. Но все доказательства были утеряны во время революции. Снова ковчег увидели только уже в дни второй мировой войны. Его несколько раз замечали с воздуха. Все сообщения сходятся на одном: в ледяной шапке с южной стороны виднеется заостренный нос корабля. После войны здесь побывали несколько экспедиций. Слыхали вы о докторе Эроне Смите?

— Это специалист по Всемирному потопу?

— Он самый. В пятьдесят первом он возглавил поисковую партию из сорока человек. Они провели на вершине Арарата две недели, но ничего не нашли. На следующий год такую же попытку предпринял француз Рикье — и тоже вернулся ни с чем.

— Как же так, у них ничего не вышло, а вам улыбнулось счастье?

— Видите ли, все зависит от состояния ледяной шапки, а она, в свой черед, зависит от погоды. В суровую зиму ледяной покров над ковчегом нарастает. А если зима мягкая и за ней настает жаркое лето, льды тают и часть ковчега обнажается. Вот тут нам и правда повезло. Лето в этом году не очень теплое и ковчег не выступил наружу. Но мы ухитрились отыскать его подо льдом. Это был один шанс из тысячи.

— А как вы добудете его из-под льда? — спросил Айберсон.

— Никак. Во всяком случае, не в нынешнем году. У нас пока нет ни времени, ни нужного снаряжения. Сейчас мы при помощи совсем слабых мелких взрывов удаляем часть льда. Потом прорубимся сквозь не-

го, чтоб открылся кусочек корпуса. Таким образом мы надеемся хотя бы выяснить истинный возраст ковчега.

— Значит, мы его почти не увидим?

— Боюсь, что так. Разве только...

— Что?

— Тут есть одна загвоздка. Гарни и Кауфман, наши геологи, говорят, что через южную оконечность ледяной шапки проходит трещина. Огромная глыба может отвалиться в любую минуту. И тогда вместе с нею рухнет ковчег. Профиль склона таков, что ковчег упадет не больше, чем на восемьдесят футов, но для него и один фут — гибель.

— Так ведь при падении лед разобьется и ковчег окажется на виду, — возразил Айберсон.

— Лед-то, вероятно, разобьется. Но и ковчег разлетится вдребезги. Нет, лучше уж не ускорять обвал, а подождать до будущего года, тогда мы вернемся и проделаем все это как следует.

— А если взять радар? Уж наверно вы могли бы в точности установить и форму ковчега, и размеры.

— К сожалению, для радара лед непроницаем.

— Ну, а если попробовать звукоуловители, как на подводных лодках? Звуковые-то волны через лед пройдут?

— Пройдут. Но у льда структура слишком сложная, он отразит уйму ложных сигналов, ясной картины не получится. Боюсь, тут легкого способа нет. Придется и дальше пользоваться взрывчаткой, и дай нам Бог не перехватить. Взрывники говорят, если действовать очень осторожно, все должно бы сойти гладко, хотя и они не в восторге от этой истории.

— А что ж сам Кристи? — спросил Айберсон. — Уж верно ему не терпится?

— Как ни странно, Кристи полностью согласен с геологами. Потому-то мы и движемся черепашим

шагом. Кристи против всего, что может повредить его нежно любимому детищу. Даже не понимаю, как он вообще позволил прибегнуть к взрывчатке. Наверно, только потому, что он жаждет поскорей определить возраст ковчега. У него, знаете, есть одна нелепейшая теория.

— Может быть, я ошибаюсь, профессор, но чует мое сердце, что вы не большой поклонник доктора Кристи.

— Вы правы, — без запинки ответил Хенуэл. — Хотя я безмерно уважаю его талант. Поймите меня правильно: в своей области он царь и бог, тут никто с ним не сравнится. А что второго такого несносного сукина сына свет не видал, это уж другой вопрос.

— Послушайте, вы правда профессор археологии? — спросил Айберсон.

— Ну конечно. Почему бы и нет?

— Прошу извинить. Просто вы не так разговариваете. Наверно, вы то самое исключение, которое подтверждает правило. Помню, я раз встретил одного профессора античной истории, так тот на досуге руководил дикси-джазом. Вы случайно ничем таким не занимаетесь?

Хенуэл рассмеялся.

— Некогда! Я самый обыкновенный археолог, и у меня нет ни минуты свободной. Знаете, в чем ваша беда? Вы вбили себе в голову, что каждый археолог непременно этакий старый одуванчик, рассеянный, выживший из ума холостяк. Видно, начитались собственных статей.

Теперь расхохотался Айберсон.

— Сдаюсь!

Впереди дорога раздваивалась. Шоссе на север уходило влево, а пыльный проселок сворачивал вправо, к подножью Арарата.

— Тут мы прощаемся с шоссе, — сказал Хенуэл, и фورد двинулся направо. Хенуэл кивком показал вдаль, там вокруг невысокой водонапорной башни жалась стайка деревянных домишек. Рядом примостилась старенькая дакота-3. — Ну вот. Как поется в песне, «дом любимый, дом родной». Во время войны тут был запасной аэродром. В лачугах гуляют сквозняки, но летом это не беда.

Айберсон чуть не задохнулся, такое вдруг нахлынуло волнение.

— Мне все еще не верится, — сказал он. — С таким не сразу освоишься. Фантастика. И даже не сам ковчег, но что я-то здесь очутился. Почему я, а не кто другой? Ведь это одно из величайших открытий за всю историю человечества — и как раз мне досталось о нем написать? — Он чуть помолчал. — Все равно не понимаю, почему Кристи выбрал именно меня.

— Я думаю, из-за вашей статьи о храмах Абу Симбела*.

— А, в связи с Асуанской плотиной. Да, это из лучших моих работ. Кажется, я сказал все, что надо, хотя заодно по сути признался, что ни черта не смыслю в археологии.

— В том-то и соль. Это и умилило старика, — без улыбки объяснил Хенуэл. — По его мнению, все газетчики — круглые невежды, вот он и выбрал единственного, кто не постеснялся признаться в своем невежестве.

— И вы всерьез воображаете, что я в это поверю?

— Ну, не то чтобы очень всерьез, — засмеялся Хенуэл и мягко остановил машину перед самым большим из деревянных домиков.

* Два каменных храма Рамзеса II.

Водитель и пассажир потянулись, откинулись на спинку сиденья. Настал долгий час предвечерней прохлады, и обоим не хотелось двигаться. Они сидели в закрытой машине, расслабься всем телом, ни о чем не думая.

— Это вы, Фрэнк?

На пороге дома появился высокий, ладно скроенный человек в тяжелом летном комбинезоне, в кожаном шлеме и с кислородной маской. В одной руке кинокамера, в другой — черный чемоданчик. Он быстро подошел к машине.

— Так я и думал, что это вы. Как раз вовремя. Еще пять минут — и мы бы отправились без вас.

Из дому выбежали еще трое и кинулись к самолету. Они даже не заметили стоявшую сбоку, у самой двери, машину. Ни Хенуэл, ни Айберсон не успели спросить, что случилось: высокий вновь заговорил, от волнения у него даже голос дрожал.

— Дождались, Фрэнк! Дождались! Нам сообщили двадцать минут назад. Слышимость была паршивая, но главное понятно. Дождались!

— Ради Бога, Энди! — закричал в ответ Хенуэл. — Объясните толком! Что происходит?

Энди постарался взять себя в руки, заговорил более связно:

— Альпинисты передали по радио. Гарни и Кауфман были как раз над трещиной. Вся та глыба отделилась и рухнула. Рассыпалась в пыль. А ковчег там, на месте. Они его ясно видели.

— Какой он? — быстро спросил Айберсон.

Энди уже почти овладел собой. Сказал негромко:

— Они сообщили очень мало. Мне даже показалось, не хотели говорить. Только повторяли, что он огромный. И все. Просто повторяли, что огромный... Полетите с нами, Фрэнк?

— Конечно!

— А как насчет глаз и ушей широкой публики?

— Без меня вам не улететь, не надейтесь! — мрачно сказал Айберсон.

Через считанные минуты дакота была уже в воздухе и упрямо набирала высоту. В грузовом отсеке Энди проверял киноснаряжение. Остальные забрались в герметичную кабину, но оператору надо сделать четкие и ясные снимки, значит, придется держать люк открытым. В тесной передней кабине жались Айберсон, Хенуэл и те члены экспедиции, кого новость застала в главном лагере. Журналист злился. В таких случаях нужен простор, чтоб было где двигаться, дышать, думать. И главное, важно быть одному в ту минуту, когда увидишь ковчег! А тут изволь толкаться, изворачиваться, чтобы хоть что-то увидеть из крохотного окошка. Чувство такое, словно тебя обокрали. Выпало редкостное счастье, такой случай бывает раз в жизни — и нелепо, несправедливо, что нельзя им насладиться в наилучших условиях. Вот Энди повезло, он там, в хвосте фюзеляжа, один.

Внезапная мысль так поразила, что Айберсон сказал вслух:

— А зачем Энди кислородная маска? Высоко нам надо подняться?

— Сколько, по-вашему, в этой горе? — спросил кто-то вместо ответа.

— Не знаю. Восемь тысяч футов, ну, может, девять или чуть побольше.

— Шестнадцать тысяч девятьсот шестнадцать, — уточнил Хенуэл. — Если округлить, семнадцать тысяч футов.

— И на какой высоте ковчег?

— Примерно футов на восемьсот ниже вершины.

— Не может быть! — запротестовал Айберсон. — Как же его туда занесло?

Один из спутников засмеялся:

— Вы еще не рассказали ему про теорию Кристи, Фрэнк?

— Не успел. — Хенуэл обернулся к Айберсону. — Сейчас объясню. Коротко говоря...

— Не надо коротко, — перебил журналист. — Мне нужны подробности. Расскажите все, как есть.

— О Всемирном потопе повествует не только Книга Бытия, — начал Хенуэл. — Подобные предания существуют, например, в Австралии, в Индии, Полинезии, Тибете и Южной Америке. Вернее, рассказы о великом потопе в древности передавались из поколения в поколение у всех народов мира. Самый подробный — шумерский эпос о Гильгамеше. Он даже обстоятельней, чем Библия, и притом во многом с ней совпадает. Так вот, мы считаем, что все эти легенды описывают одно и то же событие: грандиозное наводнение, которое произошло за четыре тысячелетия до нашей эры. Следы его первым открыл Вули в тысяча девятьсот двадцать девятом, при раскопках древнего шумерского города Ур. На глубине тридцати футов он наткнулся на слой глины. А под этим слоем опять оказались черепки и другие следы древнего поселения. Так что мы знаем: Всемирный потоп или, точнее, какой-то очень сильный потоп действительно был. Мы даже примерно высчитали его масштабы. Но как бы он ни был грандиозен, этот потоп четырехтысячного года до нашей эры все-таки не мог поднять ковчег почти на вершину Арарата.

Вот на этом и строит свою теорию Кристи. Он утверждает, что предание о Ноевом ковчеге относится к событиям гораздо более ранним. Рассказ передавался из поколения в поколение, какие-то частности

постепенно менялись. А записали эту историю впервые лет через двести или триста после потопа четырехтысячного года, и тот, кто записал, украсил ее либо подробностями, дошедшими от очевидцев этого второго потопа, либо взятыми из эпоса о Гильгамеше — тогда он был уже широко известен. Так что многое из первоначальной легенды о Ноевом ковчеге оказалось утраченным.

Кристи полагает, что катастрофа, которую пережил Ной, была куда страшней потопа четырехтысячного года, — а он тоже оказался тяжким бедствием, можете мне поверить. И в этом, по крайней мере, я готов согласиться с Кристи. Ведь какая неслыханная мощь нужна разгулявшейся стихии, чтобы забросить Ковчег на высоту семнадцати тысяч футов! Но дальше Кристи начинает завираться.

— То есть?

— Сейчас попробую объяснить. Знаете вы, что такое «полумесяц плодородия»?

— Как будто знаю. Кажется, так называют колыбель цивилизации?

— Правильно: часть Среднего Востока между Нилом и долиной Тигра и Евфрата. Здесь — начало Греции, Риму, современной Европе; все истоки ведут сюда, к «полумесяцу плодородия», хотя мы толком не знаем почему. Кристи дает на это ответ. Он уверяет, что искру жизни здесь высек сам Ной. По его теории Ной был представителем какой-то очень древней цивилизации — она погибла во время катастрофы, а он чудом уцелел. Если верить доктору Кристи, Ной родом вовсе не со Среднего Востока, его родина гораздо дальше, за многие тысячи миль.

— Атлантида, что ли?

Хенуэл пожал плечами и умолк. Самолет, гудя, поднимался все выше.

— Эй, смотрите! — крикнул кто-то.

Все кинулись к окнам. Жесткая трава, которой поросли склоны внизу, сменилась зернистым льдом, он начинался на уровне четырнадцати тысяч футов и окутывал всю гору вплоть до ледяной вершины. А вот и альпинисты: отчетливо чернея на этой белизне, они гуськом, в одной связке возвращаются на ночь в свой лагерь. Один вскинул голову, мельком глянул на самолет, но никто даже рукой не помахал.

— Что-то не очень приветливо нас встречают, — удивился Айберсон.

— Да, — отозвался Хенуэл. — Как-то странно...

Его прервал треск в радиорупоре. Тесную кабину заполнил голос пилота:

— Внимание, всем приготовиться! Сейчас посадка.

И опять Айберсону перехватило горло от волнения. Как и остальные, он вытягивал шею и часто дышал. Окно запотело, он нетерпеливо протер стекло — раз, другой, третий.

И наконец — вот оно! В гиганской россыпи ледяных осколков лежит Ковчег. С первого взгляда ясно, что это такое. Хоть он и пострадал при падении, ошибиться невозможно, всем хорошо знакомы эти очертания. Даже малый ребенок узнал бы исполинскую махину, что лежит под крылом самолета, багровея в лучах заходящего солнца.

Это космический корабль.

Не нашей работы

Патрульный корабль «Солнечный океан» был всего лишь в миллиарде миль за орбитой Плутона, когда в каюте капитана зазвучал сигнал вызова. Капитан мгновенно проснулся, ощупью отыскал в темноте на ночном столике тумблер видеофона.

— Капитан слушает. Доброе утро.

— Докладывает штурман, сэр. Сообщаю показания радара.

— Что у вас там?

— Большой выброс, сэр. Препятствие по курсу, примерно за сто тысяч миль. Теперь уже сорок тысяч. Какое-то тело большой плотности, сэр.

Капитан опять пошарил на столике, зажмурился от яркого света и вскочил с постели.

— Продолжайте следить. Сейчас оденусь и приду.

Не прошло и пяти минут, как он уже стоял рядом со штурманом и разглядывал на экране локатора неяркое пятнышко света, окруженное своим собственным мирком — подобием крохотных звездочек и смутно светящихся облачков газа.

— Что-то большое и плотное, — заметил штурман.

— Очень большое и очень плотное, — самым спокойным тоном поправил капитан.

— Уник говорит, до него уже только двадцать тысяч миль, капитан, — доложил программист, сидевший у вычислителя.

Как и все новые патрульные суда, «Солнечный океан» был оснащен электронно-счетной машиной самой последней марки — Универсальным Сверх-экономичным Малогабаритным Вычислителем. Экипаж называл его любовно — Уник, и неизменная присказка «Уник его знает!» прочно вошла в обиход.

— Скомандуйте Унику на три четверти замедлить ход и готовиться к полной остановке, — распорядился капитан, не отрываясь от радара.

— Есть, сэр, слушаю, сэр, — отозвался программист.

Корабль содрогнулся от резкого торможения. Капитан ухватился за поручни, окружавшие радарную установку, потом с усилием сделал четыре шага, что отделяли его от программиста.

— Уник его исследует, сэр, — сказал программист. — Пока ничего не известно.

Прошло долгих две минуты торможения, и на панели вычислителя мигнул зеленый огонек.

— Вот данные, капитан, — сказал программист. — Уник говорит: строение — сплав... сплав, капитан! Действующего источника энергии не обнаружено... Какая-то штука не нашей работы, сэр!

— Велите Унику удирать ко всем чертям! Полный ход, общая тревога!

Капитан ухватился за поручни, корабль снова тряхнуло.

Они перепробовали все средства и способы, пытаясь связаться с чужим кораблем на расстоянии. Никакого ответа, ни малейшего признака, что их призывы замечены. Даже вспышки осветительных атомных ракет — и те не вызвали отклика. Непрерывные наблюдения Уника тоже ничего не давали. «Никаких сигналов не обнаружено, — опять и опять

сообщал он. — Курс без изменений. Общее состояние без перемен».

Итак, капитан с десятком добровольцев сел в космоскаф — и маленькое суденышко, описав длинную кривую, стало приближаться к чужаку. «Если с нами или даже с «Солнечным океаном» что-нибудь стрясется, — рассуждал капитан, — что ж, во всяком случае, все показания Уника будут переданы на базу. И телепередатчики у нас с собой. Все, что узнаем мы, станет известно и там».

Они снова попытались связаться с чужаком, обходя его по малой орбите, но безуспешно. И тогда крохотная ракета подошла вплотную к исполинскому чужому кораблю. Пилот остался у штурвала, а капитан и все прочие надели скафандры и вышли.

Они долго простукивали безответный корпус корабля; наконец капитан решил, что хватит канителиться и надо бы проникнуть внутрь, без зазрения совести пустив в ход бомбочку.

— По крайней мере они заметят наше присутствие, — пояснил он.

— Еще вскроем эту коробку где-нибудь не в том месте, — сказал кто-то из команды.

— Ну, в дамскую уборную, может, и не вломимся, — сострил еще кто-то позади.

— Скафандры ни в коем случае не снимать, — распорядился капитан. — Держаться поближе друг к другу, телепередатчики на максимальный обзор!

И он нырнул в отверстие, проделанное в обшивке молчаливого корабля. Остальные поспешили за ним; тот, кто шел последним, прощально помахал рукой плывущему не遠далеке космоскафу.

Чужой корабль и вправду был огромен, и все каюты ему под стать. Люди бродили по нему несколько

часов, ни на минуту нигде не задерживаясь, пока наконец не обошли его весь. Но вот они вновь очутились у отверстия, через которое проникли внутрь, и картограф (он на ходу все время делал пометки и зарисовки) доложил об этом капитану. Тогда они остановились и начали совещаться.

— Каюты прямо как ангары, тут нигде не спрячешься, — сказал кто-то. — Разве что сами они совсем крохотные.

— Ну, какое-то соответствие должно быть, — возразил капитан, быстро глянув по сторонам. — Вряд ли на этой машине могли летать существа мельче нас с вами. Судя по всему, на борту, кроме нас, нет ни души. Сильно подозреваю, что команда давным-давно покинула корабль.

И он приказал всем отправиться в отсек, где, как уверял картограф, находился жизненный центр корабля. Во всяком случае, отсек этот был еще больше других, и капитан считал, что его-то и надо первым делом тщательно обследовать.

Они принялись дотошно осматривать каждый уголок и каждую мелочь, и тут к капитану подошел один из команды.

— Я так думаю, сэр, на борту никогда никого и не было, — сказал он. — Может, это просто такая огромная станция-робот.

Но уже через минуту эта гипотеза рухнула, потому что сразу несколько человек наткнулись на большие листы какого-то материала вроде пластика. Оказалось, тысячи таких листов сложены в ящиках вдоль стен — подобие огромной картотеки. Очень быстро они распознали, что листы эти — на удивление подробные маршруты... или скорее карты целых солнечных систем и отдельных звезд и планет, больших и малых.

— Смотрите-ка, а ведь это, по-моему, наша Солнечная система, — сказал капитан. — А вот и наша Земля!

Люди с изумлением разглядывали тонкие листы, подносили телекамеры поближе к сложной сети значков и пометок, чтобы передать на свой корабль все подробности.

— Пускай Уник все как следует разглядит, — сказал капитан. — Может, он разберется в надписях.

— Наверно, тут у них была штурманская рубка, — догадался кто-то, и все с ним согласились.

— Право, они неплохо ориентировались в пространстве, — заключил капитан, собираясь в обратный путь.

И вот он снова у себя в каюте, в носовой части «Солнечного океана», сидит на краю постели (он предпочитал называть ее по-морскому «койкой») и обстоятельно описывает в дневнике (в вахтенном журнале, как он предпочитал выражаться) удивительные события последних часов. Он приостановился, обдумывая какую-то особенно цветистую фразу, как вдруг зазвонил сигнал вызова, и он протянул руку к видеофону.

— Капитан слушает. Что у вас там?

— Докладываю данные вычислителя, сэр.

— Ну как, удалось нашему Унику расшифровать надписи на картах?

— Пока есть только предварительные результаты, сэр. И вот что, капитан: Уник говорит — это не карты.

— ?!

— Это рабочие чертежи!

Клиффорд Саймак

Дом Обновленных

Дом был нелеп. Больше того, он был тут совсем некстати. Ну, откуда он взялся? — спрашивал себя Фредерик Грей. Ведь это их заповедный уголок. Они с Беном Ловелом открыли его почти сорок лет назад и с тех пор всегда сюда ездили и ни разу ни души не встречали.

Он стоял на одном колене и ударами весла привычно удерживал каноэ на месте, а блестящая, по-осеннему темная вода бежала мимо, унося завитки пены с водопада, что шумел в полумиле впереди. Гул водопада слабо доносился до Грея, еще когда он ставил машину и снимал с ее крыши каноэ, и все те полчаса, пока он плыл сюда и прислушивался, и бережно откладывал голос водопада в памяти, как откладывал все остальное: ведь это в последний раз, больше он сюда не приедет.

Могли бы и подождать, подумал он с беззлой горечью. Могли бы подождать, пока не закончится его путешествие. А теперь все испорчено. Он уже не сможет вспоминать речку, не вспоминая заодно и этот нахальный дом. Речка будет вспоминаться не такой, какой он знал ее почти сорок лет, а непременно вместе с домом.

Здесь никогда никто не жил. Никому бы в голову не пришло здесь поселиться. Никто сюда и не заглядывал. Эти места принадлежали только им с Беном.

А теперь вот он, стоит на холме над рекой, весь белый, сверкающий в раме темно-зеленых сосен, и от места их обычной стоянки к нему ведет чуть заметная тропинка.

Грей яростно заработал веслом и повернул свое суденышко к берегу. Каноэ уткнулось носом в песок, Грей вылез и втащил его повыше, чтобы не снесло течением.

Потом выпрямился и стал разглядывать дом.

Как сказать об этом Бену? И надо ли рассказывать? Может быть, в разговоре с Беном про дом лучше не упоминать? Нелегко сказать тому, кто лежит в больнице и скорей всего оттуда уже не выйдет, что у него украли изрядный кусок прошлого. Ведь когда близок конец, почему-то начинаешь дорожить прошлым, подумал Грей. По правде говоря, оттого-то ему и самому так досадно видеть дом на холме.

Хотя, может, было бы не так досадно, не будь этот дом смехотворно нелеп. Уж очень он тут некстати. Будь это обычное загородное жилище, деревянное, приземистое, с высоченной каменной трубой, — ну, еще туда-суда. Тогда бы он не резал глаз, по крайней мере старался бы не резать. Но ослепительно белое здание, сверкающее свежей краской, — это непростительно. Такое мог бы учинить молокосос-архитектор в каком-нибудь сверхмодном новом квартале, на голом и ровном месте, где все дома — точно прилизанные близнецы. Там этот дом был бы приемлем, а здесь, среди сосен и скал, он нелеп, оскорбителен.

Грей с трудом наклонился и подтянул каноэ еще выше на берег. Достал удочку в чехле, положил на землю. Навьючил на себя корзинку для рыбы, перекинул через плечо болотные сапоги.

Потом он подобрал удочку и медленно стал подниматься по тропе. Приличия и чувство собственно-

го достоинства требовали, чтобы он дал о себе знать новым обитателям холма. Не прошагать же мимо по берегу, ни слова не сказав. Это не годится. Но пусть не воображают, будто он спрашивает у них разрешения. Нет, он ясно даст им понять, что ему здесь принадлежит право первенства, а затем сухо сообщит, что приехал в последний раз и впредь больше их не потревожит.

Подъем был крутой. Что-то с недавних пор даже малые пригорки стали круты, подумалось ему. Дышит он часто и неглубоко, и колени гнутся плохо, все мышцы ноют, когда стоишь в каноэ и гребешь.

Может, глупо было пускаться в это странствие одному. С Беном бы — дело другое, тогда они были бы вдвоем и помогали друг другу. Он никому не сказал, что собирается поехать, ведь его стали бы отговаривать или, того хуже, набиваться в попутчики. Стали бы доказывать, что когда тебе под семьдесят, нельзя затевать такое путешествие в одиночку. А в сущности, путешествие вовсе не сложное. Каких-нибудь два часа машиной от города до поселка под названием Сосенки и еще четыре мили заброшенной дорогой лесорубов до реки. А потом час на каноэ вверх по течению — здесь, чуть повыше водопада, они с Беном издавна раскидывали лагерь.

Поднявшись до середины холма, он остановился перевести дух. Отсюда уже виден водопад — кипящая белая пена и облачко легчайших брызг: в нем, когда солнечный свет падает как надо, играют радуги.

Грей стоял и смотрел на все это — на темную хвою сосен, на голый склон скалистого ущелья, на золотое и алое пламя листвы — от ранних заморозков она уже полыхала праздничными осенними кострами.

Сколько раз, думал он, сколько раз мы с Беном удили рыбу там, за водопадом? Сколько раз подве-

шивали над огнем котелок? Сколько раз прошли на веслах вверх и вниз по реке?

Славное это было житье, славно они проводили время вдвоем, два скучных профессора скучного захолустного колледжа. Но всему приходит конец, ничто не вечно. Для Бена все это уже кончилось. А после сегодняшней прощальной поездки кончится и для него.

И снова кольнуло сомнение — правильно ли он решил? В «Лесном приюте» люди словно бы и отзывчивые, и надежные, и его уверяли, что там он окажется в подходящей компании — среди удалившихся на покой учителей, одряхлевших счетоводов, короче, среди отставной интеллигенции. И все-таки в нем шевелились сомнения.

Конечно, будь жив Клайд, все сложилось бы иначе. Они были друзьями, не часто отец и сын бывают так близки. Но теперь он совсем один. Марты давно уже нет в живых, а теперь не стало и Клайда, и он один как перст.

Если рассуждать трезво, похоже, что «Лесной приют» — самый лучший выход. О нем будут заботиться, и можно будет жить так, как он привык... или почти так. Ну, ладно, пока он еще справляется и сам, но недалеко то время, когда понадобится чья-то помощь. Быть может, «Лесной приют» и не идеальный выход, а все же выход. Надо подумать о будущем, сказал он себе — потому и договорился с «Лесным приютом».

Он немного отдышался и вновь стал подниматься в гору, пока тропа не привела на небольшую ровную площадку перед домом.

Дом был новехонький, еще новее, чем показалось сперва. На Грея как будто даже пахло свежей краской.

А кстати, непонятно, как же сюда доставляли материалы для строительства? Дороги никакой нет. Можно было бы все подвозить на грузовиках по заброшенной дороге лесорубов, а потом по реке от того места, где он поставил машину. Но тогда в лесу остались бы следы недавнего движения, а их нет. По-прежнему выются в густом молодняке две колеи, между ними все заросло травой. А если материалы подвозили по реке, должен быть какой-то спуск, но и тут ничего такого не видно, одна еле заметная тропинка, по которой он сейчас поднялся. Меж тем непогода и молодая зелень не успели бы скрыть следы, ведь еще весной они с Беном приезжали сюда на рыбалку, а тогда этого дома не было и в помине.

Грей неторопливо пересек площадку, потом дворик, откуда открывался вид на реку и на водопад. Подошел к двери, нажал кнопку, и где-то в глубине дома зазвенел звонок. Он подождал, но никто не вышел. Он снова позвонил. Опять донесся звонок, и он ждал — вот сейчас послышатся шаги, но никто не шел. Грей поднял руку и постучал — едва он коснулся двери, она подалась внутрь и распахнулась перед ним.

Он смутился, ему вовсе не хотелось вторгаться в чужой дом. Может быть, вновь затворить дверь и тихонько уйти? Но нет, он не желает действовать крадучись, как вор.

— Эй! — окликнул он. — Есть тут кто-нибудь?

Сейчас к нему выйдут, и он объяснит, что не открывал дверь, она сама отворилась, когда он постучал.

Но никто не выходил.

Минуту-другую он колебался, потом шагнул в прихожую — сейчас он дотянется до ручки и захлопнет дверь.

Тут он увидел гостиную: новый ковер на полу, хорошая мебель. Конечно, здесь живут, просто сейчас никого нет дома. Ушли ненадолго, а дверь не заперли. Впрочем, подумал он, в этих краях никто не запирает дверей. Незачем.

Выкину все это из головы, пообещал он себе. Надо забыть про этот дом, хоть он и испортил всю картину, и всласть порыбачить, а под вечер спуститься по реке к машине и отправиться восвояси. Ничто не должно отравить ему этот день.

Он решительно зашагал по высокому берегу, мимо водопада, к хорошо знакомой заводи.

Денек выдался ясный, тихий. Солнце так и сияло, но в воздухе чувствовалась прохлада. Впрочем, еще только десять. К полудню станет по-настоящему тепло.

Совсем повеселев, Грей шагал своей дорогой; к тому времени, когда водопад остался в миле позади и он, натянув болотные сапоги, ступил в воду, он уже окончательно позабыл про злосчастный дом.

Беда стряслась перед вечером.

Он вышел на берег, отыскал подходящий камень, сидя на котором можно будет с удобством перекусить. Бережно положил удочку на прибрежную гальку, полюбовался на трех форелей вполне приличного размера, трепыхающихся в корзинке. И, разворачивая сэндвичи, заметил, что небо хмурится.

Пожалуй, надо бы двинуться в обратный путь пораньше, сказал он себе. Нечего ждать, пока погода вконец испортится. Провел три отличных часа на реке — и хватит с тебя.

Он доел сэндвич и мирно посидел на камне, вглядываясь в плавно бегущую мимо воду и в крепостную стену соснового бора на другом берегу. Надо получить все это запомнить, думал он, закрепить в памяти

прочно, навсегда. Чтоб было о чем вспомнить после, когда больше уже не придется ездить на рыбалку.

Нет, все-таки еще полчаса он побудет у реки. Нужно забросить удочку немного ниже по течению, там поперек реки, почти до середины ее, протянулось упавшее дерево. Уж наверно, там, под деревом, затаилась форель и ждет.

Он тяжело поднялся, подобрал удочку, корзинку и ступил в воду. Поскользнулся на замшелом камне, которого сверху совсем не было видно, и потерял равновесие. Острая боль резнула щиколотку, он рухнул в мелководье, не сразу ему удалось пошевелиться и приподняться.

Нога, соскользнув с камня, попала между двумя глыбами на дне и застряла в узкой щели. Ее стиснуло, неестественно вывернуло, и в ней нарастала упрямая, неотступная боль.

Сжав зубы, чтобы не кричать, Грей кое-как высвободил ногу и выбрался на берег. Попробовал встать, но вывихнутая нога не держала его. При первой же попытке она подвернулась и жгучая боль каленым железом пронизала ее до самого бедра.

Он сел и медленно, осторожно стянул сапог. Щиколотка уже начала опухать, она была вся красная, воспаленная.

Грей сидел на усыпанном галькой берегу и раздумывал. Как быть?

Идти он не может, придется ползком. Сапоги, удочку и корзинку надо оставить, они только свяжут ему руки. Лишь бы доползти до каноэ, а там уж он доплывет до того места, где оставил машину. Но потом лодку тоже придется бросить, ему не взгромоздить ее на крышу машины.

Лишь бы сесть за руль, тогда все будет хорошо, машину-то он вести сумеет. Помнится, в Сосенках

есть врач. Как будто есть, а может, это только кажется. Но, во всяком случае, можно будет договориться, чтобы кто-нибудь пошел и забрал удочку и каноэ. Может, это и глупо, но он просто не в силах отказаться от удочки. Если ее сразу не вызволить, на нее набредут дикобразы и загубят. Этого никак нельзя допустить. Ведь эта удочка — часть его самого.

Он сложил все свои пожитки — сапоги, корзинку с рыбой и удочку — аккуратной кучкой на берегу, чтобы они сразу бросились в глаза всякому, кто согласится за ними сходить. Посмотрел в последний раз на реку и пополз.

Это был долгий и мучительный способ передвижения. Как ни старался Грей, не удавалось оберечь ногу от толчков, и от каждого толчка все тело пронизывала боль.

Он хотел было смастерить себе костыль, но тут же раздумал: перочинным ножиком, да еще затупившимся, много не наработаешь, а другого инструмента не нашлось.

Он пополз медленно, часто останавливался передохнуть. Оглядывал больную ногу — от раза к разу она все сильнее распухла и сделалась уже не красной, а багровой.

И вдруг — поздновато, пожалуй, — он со страхом сообразил, что предоставлен на волю судьбы. Ни одна живая душа не знает, что он здесь, ведь он никому ни слова не сказал. Если не выбраться своими силами, пройдет немало дней, куда его хватятся.

Экая чепуха. Он прекрасно управится. Хорошо, что самая трудная часть пути оказалась вначале. Как только он доберется до каноэ, можно считать, дело сделано.

Вот если бы только ползти подольше. Если бы не приходилось так часто останавливаться. В былые

времена он прополз бы это расстояние без единой передышки. Но с годами становишься стар и слаб. Куда слабее, чем думал.

Он опять остановился отдохнуть — и услышал, как шумят сосны: поднялся ветер. Заунывный шум, даже пугающий. Небо совсем заволокло тучами, все окутал какой-то зловещий сумрак.

Подстегиваемый смутной тревогой, он попытался ползти быстрее. Но только стал еще скорей устывать и жестоко ушиб больную ногу. Пришлось снова замедлить ход.

Он поравнялся с водопадом, миновал его, ползти вниз по отлогому косогору стало немного легче, и тут на вытянутую руку шлепнулась первая капля дождя.

А через минуту уже хлестал ледяными струями яростный ливень.

Грей мгновенно промок, холодный ветер пробирал насквозь. Сумрак сгущался, сосны стоном стонали, разыгрывалась настоящая буря, по земле побежали ручейки.

Он упрямо полз. От холода застучали зубы, но он сердито стиснул челюсти — этого еще не хватало!

Он уже одолел больше половины пути к каноэ, но дорога словно стала длиннее. Он продрог до костей, а дождь все лил, и вместе с ним наваливалась свинцовая усталость.

Дом, подумал Грей. Можно укрыться в том доме. Меня впустят.

Он не смел себе сознаться, что прежняя цель — доползти до каноэ и проплыть на нем до того места, где осталась машина, — стала недостижимой, невыполнимой.

Впереди сквозь сумрак непогоды пробился свет. Это, конечно, в доме. Хозяева, кто бы они ни были, уже вернулись и зажгли свет.

Он полз долго, много дольше, чем рассчитывал, но, напрягши последние силы, все-таки дотащился. Переполз через дворик, у самой двери, цепляясь за стену и упираясь здоровой ногой, кое-как ухитрился подтянуться и встал. Нажал кнопку, в глубине дома зазвенел звонок, и Грей стал ждать — сейчас послышатся шаги.

Никто не шел.

Что-то тут не так. В доме горит свет, должен же там кто-то быть. А тогда почему никто не отзывается?

За спиной еще громче и грозней прежнего шумел лес, и тьма сгущалась. С леденящей злобой свистал и хлестал дождь.

Грей застучал кулаком в дверь, и она, как утром, распахнулась перед ним, дворик залило светом из прихожей.

— Эй, послушайте! — закричал он. — Есть кто дома?

Никакого ответа, ни звука, ни шороха.

Он мучительно напрягся, на одной ноге перепрыгнул через порог и остановился. Позвал еще и еще, но никто не откликался.

Нога подломилась, и он повалился на пол, но, падая, успел вытянуть руки и смягчить удар. Потом медленно, с трудом пополз в сторону гостиной.

Позади раздался какой-то слабый звук. Грей обернулся — входная дверь закрывалась. Закрывалась сама собой, никто ее не трогал. Он смотрел, как завороченный. Дверь плотно затворилась. В тишине громко щелкнул замок.

Странно это, смутно подумалось ему. Странно, что дверь отворяется, будто приглашает войти. А когда войдешь, сама преспокойно затворяется.

Но это неважно, бог с ней, с дверью. Важно, что теперь он в доме, а леденящая ярость бури осталась

там, за стенами, во тьме. Его уже обволакивало теплом, он понемногу согревался.

Осторожно, оберегая от толчков больную ногу, он по ковру дополз до кресла. Подтянулся кверху, кое-как повернулся и сел поглубже, откинулся на мягкую спинку, вытянул ногу.

Наконец-то он в безопасности. Теперь ни дождь, ни холод не страшны, а рано или поздно кто-нибудь придет и поможет вправить вывих.

Непонятно, где же все-таки хозяева. Едва ли в такую погоду бродят под открытым небом. И, наверно, они были здесь совсем недавно, ведь свет в окнах вспыхнул, когда уже стемнело и началась буря.

Он сидел не шевелясь, пульсирующая боль в ноге стала глуше, почти отпустила. Как хорошо, что в доме так тихо, так тепло и спокойно!

Он неспешно, внимательно осмотрелся.

В столовой накрыт стол к обеду, от серебряного кофейника идет пар, поблескивают фарфоровая супница и блюдо под крышкой. Доносится запах кофе и какой-то снеди. Но прибор только один, словно обед ждет только одного человека.

За открытой дверью видна другая комната, должно быть, кабинет. Висит какая-то картина, под нею солидный письменный стол. По стенам, от пола до самого потолка, тянутся книжные полки, но они пусты — ни одной книги.

И еще дверь ведет в спальню. Постлана постель, на подушке — сложенная пижама. У изголовья, на ночном столике, горит лампа. Все приготовлено, кажется, постель только и ждет, чтобы кто-то в нее улегся.

Но есть в этом доме что-то непостижимое, какая-то неуловимая странность. Все равно как в судебной практике: попадется иногда такой юридический ка-

зус, чувствуешь, что кроется тут какая-то загадочная мелочь, она-то и есть ключ к делу, но она упорно от тебя ускользает.

Он сидел и раздумывал об этом — и вдруг понял.

Этот дом наготове, но он еще ждет. Он словно предвкушает встречу с будущим хозяином. Он обставлен, налажен, все в нем подготовлено. Но здесь еще никто не жил. Нисколько не пахнет жильем, и в самом воздухе смутно ощущается пустота.

Да нет, что за вздор. Конечно же, здесь кто-то живет. Кто-то зажег свет, сготовил обед, поставил на стол единственный прибор, кто-то включил лампочку у постели и отогнул край одеяла.

Все это совершенно очевидно, а между тем не верится. Дом упорно твердит свое, поневоле ощущаешь, что он пуст.

Грей заметил, что по полу в прихожей и по ковру до самого кресла, где он сидит, тянется мокрый след. И на стене остались грязные отпечатки — он цеплялся за нее, когда пытался прыгать на одной ноге.

Куда же это годится — разводить грязь в чужом доме. Надо будет потолковать все объяснить хозяину.

Он сидел в кресле, дожидался хозяина и клевал носом.

Семьдесят лет, думал он, почти уже семьдесят, и это — последнее в жизни приключение. Родных никого не осталось, и друзей тоже, один только старик Бен, который умирает медленной, неприглядной смертью в крохотной больничной палате — все вокруг него чужое и неприглядное.

Вспомнился давний-давний день, когда они познакомились — Бен, молодой профессор астрономии, и он, молодой профессор права. С первой же встречи они стали друзьями, тяжело будет лишиться Бена.

А может быть, он и не так тяжело переживает эту утрату, как пережил бы раньше. Ведь пройдет еще месяц — и сам он переселится в «Лесной приют». Дом престарелых. Хотя теперь это называется иначе. Придумывают всякие красивые названия, вроде «Лесного приюта», как будто от этого легче.

Впрочем, что за важность. Никого не осталось в живых, кому стало бы горько, кроме него самого, разумеется. А ему уже все равно. Ну, почти все равно...

Он вздрогнул, выпрямился, посмотрел на часы на каминной полке.

Видно, задремал или в полудреме грезил о далеком прошлом. Почти час минул с тех пор, как он в последний раз смотрел на часы, а в доме он по-прежнему один.

Обед еще стоит на столе, наверно, все уже остыло. Но может быть, кофе еще теплый.

Он подался вперед, опасливо встал на ноги. Вывихнутая щиколотка отозвалась пронзительной болью. Он снова откинулся назад, бессильные слезы проступили на глазах, потекли по щекам.

Не надо кофе, подумал он. Не хочу я кофе. Только бы добраться до постели.

Осторожно он выбрался из кресла и пополз в спальню. Медленно, мучительно изворачиваясь, сбросил промокшую насквозь одежду и влез в пижаму, что лежала на подушке.

К спальне примыкала ванная — придерживаясь за кровать, потом за спинку стула, потом за туалетный столик, он на одной ноге допрыгал до нее.

Хоть чем-то утолить боль. Вот если бы найти аспирин, все-таки станет полегче.

Он распахнул аптечный шкафчик, но там было пусто.

Немного погодя он опять дотащился до постели, залез под одеяло и погасил лампу на ночном столике.

Он напряженно вытянулся, его трясло — таких усилий стоило забраться в постель. Смутно подумалось: что-то будет, когда возвратится хозяин и обнаружит на своем ложе незваного гостя?

А, будь что будет. Теперь уже все равно. Голова тяжелая, мутная, наверно, начинается жар.

Он лежал совсем тихо и ждал, когда же придет сон, тело постепенно осваивалось в непривычной постели.

Он даже не заметил, как огни во всем доме разом погасли.

Когда он проснулся, в окна потоками вливался солнечный свет. Пахло поджаренной ветчины и вскипающим кофе. И громко, настойчиво звонил телефон.

Он сбросил одеяло, подскочил на постели и вдруг вспомнил, что он не у себя, и эта постель — не его, и телефонный звонок никак не может относиться к нему.

На него разом обрушились воспоминания о вчерашнем, и он растерянно сел на край кровати.

Что за притча, еще телефон! Откуда тут телефон? Неоткуда ему взяться в такой глуши.

А телефон все трезвонил.

Ничего, сейчас кто-нибудь подойдет и снимет трубку. Тот, кто там жарит ветчину, возьмет и подойдет. И при этом пройдет мимо отворенной двери, и видно будет, что это за человек, и станет понятно, чей это дом.

Грей встал. Пол холодный, наверно, где-нибудь есть домашние туфли, но неизвестно, где их искать. Только выйдя в гостиную, он вспомнил, что у него вывихнута нога.

Он в изумлении остановился, поглядел вниз — нога как нога, не красная, не багровая, и опухоли больше нет. А главное, не болит. Можно на нее ступать, как ни в чем не бывало.

На столике в прихожей опять призывным звоном залился телефон.

— Черт меня побери, — сказал Фредерик Грей, во все глаза глядя на собственную щиколотку. Телефон снова заорал на него.

Он кинулся к столику, схватил трубку.

— Слушаю, — сказал он.

— Это доктор Фредерик Грей?

— Совершенно верно. Я Фредерик Грей.

— Надеюсь, вы хорошо выспались.

— Как нельзя лучше. Огромное вам спасибо.

— Ваше платье все промокло и изорвалось. Мы решили, что нет смысла его чинить. Надеюсь, вы не в претензии. Все, что было у вас в карманах, лежит на туалетном столике. В стенном шкафу есть другая одежда, я уверен, она вам подойдет.

— Помилуйте, — сказал Фредерик Грей, — вы так любезны. Но разрешите спросить...

— Отчего же, — заметил голос в трубке. — Но вы лучше поторопитесь. А то завтрак простынет.

И умолк.

— Минуточку! — закричал Грей. — Одну минуту!..

В ответ слышалось только слабое гуденье — линия была свободна.

Он положил трубку на рычаг, прошел в спальню и увидел под кроватью пару шлепанцев.

НАДЕЮСЬ, ВЫ ХОРОШО ВЫСПАЛИСЬ. ВАШЕ ПЛАТЬЕ ПРОМОКЛО, МЫ ЕГО ВЫКИНУЛИ. ВСЕ, ЧТО БЫЛО У ВАС В КАРМАНАХ, МЫ ПОЛОЖИЛИ НА ТУАЛЕТНЫЙ СТОЛИК.

А кто это мы, интересно знать?

И где они все?

И как же это, пока он спал, ему вылечили ногу?

Все-таки вчера вечером он не ошибся. Дом пуст. Никого нет. И однако он обжитой, а как это получается — непонятно.

Грей умылся, но с бритьем возиться не стал, хотя, когда заглянул в шкафчик в ванной, оказалось, что он уже не пустой. Теперь тут были и бритва, и зубная щетка с тюбиком пасты, и щетка для волос, и расческа.

Завтрак был накрыт в столовой, на столе стоял один прибор. Грея ждала яичница с ветчиной, аппетитно поджаренная картошка, томатный сок и кофе.

И никаких признаков того, кто приготовил еду и накрыл на стол.

Быть может, в этом доме о гостях заботится целый штат слуг-невидимок?

И откуда берется электричество? Может быть, тут своя станция? Возможно, берет энергию от водопада? Ну а телефон? Может быть, это какой-нибудь радиотелефон? Интересно, каков радиотелефон с виду — такой же, как обыкновенные телефоны, или другой? Кажется, ему такую штуку видеть не приходилось.

И кто же все-таки ему звонил?

Он поднялся и оглядел ждущий на столе завтрак.

— Кто бы вы ни были, спасибо вам, — громко сказал он. — Я хотел бы вас увидеть. И чтобы вы со мной поговорили.

Но никто с ним не заговорил.

Он сел и принялся за еду — только после первого глотка он почувствовал, что голоден, как волк.

После завтрака он пошел в спальню и достал из стенного шкафа одежду. Не какой-нибудь шикарный модный костюм, но очень подходящий для рыбака.

Когда он переоделся, со стола было уже убрано.

Он вышел из дому — сияло солнце, денек выдался на славу. Видно, буря выдохлась еще ночью.

Что ж, теперь он в полном порядке, и, пожалуй, надо пойти на вчерашнее место, забрать удочку и все, что он оставил у реки. Прочее не так уж важно, но удочка слишком хороша, чтобы от нее отказаться.

Все так и лежало, аккуратно сложенное на берегу. Он нагнулся, подобрал удочку и постоял, глядя на реку.

А почему бы и нет? Возвращаться совсем не к спеху. Раз уж он здесь, можно еще немножко порыбачить. Другого случая не будет. Ведь больше он сюда не приедет.

Он отложил удочку, сел, натянул сапоги. Выбросил из корзинки вчерашний улов и повесил ее на плечо.

И почему только сегодня утром? Почему только еще один день? В город возвращаться незачем, и можно пока пожить в этом доме. Отчего бы не устроить себе самый настоящий праздник?

Однако быстро же он освоился, с какой легкостью готов воспользоваться случаем! Дом этот — штука загадочная, а впрочем, ничуть не страшная. Да, конечно, он очень странный, но бояться в нем нечего.

Грей шагнул в воду, размахнулся и закинул удочку. С пятой попытки клюнула форель. День начинался недурно.

Не переставая удить, он дошел почти до самого водопада, до того места, где течение набирало силу, и здесь вылез на берег. В корзинке у него было пять рыбин, причем две изрядные.

Можно бы еще половить у стремнины с берега, но, пожалуй, не стоит. Лучше вернуться и как следу-

ет осмотреть дом. Непременно надо понять, откуда берется электричество и что это за телефон, и, наверно, еще во многом нужно будет разобраться.

Он глянул на часы — оказалось, позже, чем он думал. Он отцепил приманку, смотал леску, сложил удилище и зашагал вниз по тропинке.

К середине дня он окончил осмотр дома.

Ни электрические, ни телефонные провода сюда не подведены, нет и отдельной электростанции. Имеется проводка, но никаких источников электроэнергии. Телефон подсоединен к розетке в прихожей, и еще есть розетки в спальне и в кабинете.

Любопытно и другое: накануне вечером, когда он сидел в гостиной, ему виден был кабинет — картина на стене, и письменный стол, и пустые книжные полки. А сейчас полки уже не пустуют. Они прямо ломятся от книг, причем именно таких, какие он подобрал бы для себя: целая юридическая библиотека, которой позавидовал бы любой практикующий адвокат. И еще ряд полок... сперва он решил, что это какая-то шутка, розыгрыш.

Но потом заглянул в телефонный справочник и понял, что это уже не шутка.

Никогда еще ни один человек не видывал такого справочника. Тут значились имена абонентов и номера телефонов, но адреса охватывали всю галактику!

БЕСУР, Йар, Мекбуда V — ФЕ 6-87-31.

БЕТЕН, Вармо, Полярная III — ГР 7-32-14.

БЕТО, Элм, Рас Альгете IX — СТ 1-91-86.

Названия звезд и номера планет. Ничего другого это означать не может.

Для шутки уж чересчур бессмысленно и расточительно.

Многое множество звезд названо в телефонной книге, и названия звезд — на переплетах на той полке в кабинете!

Вывод ясен, подумал он уныло, но ведь это ни в какие ворота не лезет, не принимать же это всерьез. Нелепо, смехотворно, никакого смысла тут нет, и даже думать об этом нечего. Наверно, возможны какие-то другие разгадки, и в том числе совсем малоприятная: уж не сошел ли он с ума?

Нельзя ли все же как-нибудь выяснить, в чем дело? Он захлопнул телефонную книгу, потом раскрыл на первой странице — ага, вот оно: СПРАВКИ. Он снял трубку и набрал номер.

Гудок, другой, потом голос:

— Добрый вечер, доктор Грей. Мы очень рады, что вы позвонили. Надеюсь, все в порядке? У вас есть все, что нужно?

— Вы знаете мое имя, — сказал Грей. — Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Сэр, — ответила Справочная, — мы гордимся тем, что нам известны имена всех наших абонентов.

— Но я не ваш абонент. Я только...

— Конечно, вы наш абонент, — возразила Справочная. — С той минуты, как вы вступили во владение домом.

— Как так «во владение»? Я же не...

— Мы полагали, что вы уже поняли, доктор Грей. Нам следовало сказать вам с самого начала. Просим извинить. Видите ли, этот дом ваш.

— Ничего я не понял, — растерянно сказал Грей.

— Дом ваш, — пояснила Справочная, — до тех пор, пока он вам нужен, пока вы хотите там оставаться. И дом, и все, что в нем есть. И вдобавок, разумеется, все, чем еще мы можем быть вам полезны.

— Но это невозможно! Я ничем этого не заслужил. Как же я могу владеть домом, за который ничего не дал?

— А может быть, вы не откажете при случае нам немного помочь. То есть это совсем не обязательно и, уж конечно, не слишком трудно. Если вы согласитесь нам помогать, мы будем вам крайне обязаны. Но как бы вы ни решили, дом все равно ваш.

— Помогать? — переспросил Грей. — Боюсь, я мало чем могу вам помочь.

— В сущности, это неважно, — заметила Справочная. — Мы очень рады, что вы позвонили. Вызывайте нас в любую минуту, когда пожелаете.

Щелчок отбоя — и он остался стоять дурак-дураком, сжимая в руке умолкшую телефонную трубку.

Он положил трубку, прошел в гостиную и уселся в то самое кресло, в котором сидел накануне вечером, когда впервые попал в этот дом.

Пока он разговаривал по телефону, кто-то (или что-то, или это действовала какая-то непонятная сила) развел в камине огонь, и рядом на медной подставке приготовлены были дрова про запас.

В трубе завывал холодный ветер, а здесь от полена к полону перебегали, разгораясь, трепетные язычки пламени.

Дом престарелых, подумал Грей.

Ведь если он не ослышался, это оно самое и есть.

И это лучше, несравнимо лучше того заведения, куда он собирался раньше.

Невозможно понять, чего ради кто-то вздумал преподнести ему такой подарок. Просто уму непостижимо, чем бы он мог такое заслужить.

Дом престарелых — для него одного, да еще на берегу его любимой речки, где водится форель.

Да, чудесно... если б только можно было это принять.

Он передвинул кресло и сел лицом к камину. Он всегда любил смотреть на огонь.

Такой славный дом и такая заботливость, чего ни пожелаешь, все к твоим услугам. Если б только можно было тут остаться.

А в сущности, что мешает? Если он не вернется в город, это никого не огорчит. Через день-другой можно будет съездить в Сосенки, отправить несколько писем, после которых никто не станет его разыскивать.

Да нет, безумие. А вдруг заболеешь? Упадешь, разобьешься? Тогда до врача не добраться и не от кого ждать помощи.

Но вот вчера он искал аспирин, и аспирина не оказалось. И он насилу забрался в постель, нога была вывихнута и вся распухла, а к утру все как рукой сняло. Нет, можно ни о чем не беспокоиться, даже если и заболеешь.

Аспирин не нашлось, потому что он ни к чему.

Этот дом — не только дом. Не просто четыре стены. Это и пристанище, и слуга, и врач. Надежный, здоровый, безопасный дом, и притом исполненный сочувствия.

Он дает все, что нужно. Исполняет все твои желания. Дает огонь, и пищу, и уют, и сознание, что о тебе заботятся.

И книги. Великое множество книг — именно таких, какие служили ему верой и правдой долгие годы.

Доктор Фредерик Грей, декан юридического факультета. До старости только и знал, что почет и уважение. А теперь стал чересчур стар, жена и сын умерли, и друзья все умерли или уж совсем одряхлели. И ты уже не декан и не ученый, а всего лишь старик, чье имя предано забвению.

Он медленно встал и пошел в кабинет. Поднял руку к полке, провел ладонью по кожаным корешкам.

Вот они, друзья — друзья, на которых можно положиться. Они-то всегда на месте и только и ждут своего часа.

Он подошел к полкам, которые сначала так его озадачили, показались дикой и неостроумной шуткой. Теперь он знал — это отнюдь не шутка.

Он прочитал несколько названий: «Основы законодательства Арктура XXIV», «Сопоставление правовых понятий в системах Центавра», «Юриспруденция на III, IV и VII планетах Зубенешамале», «Судебная практика на Канопусе XII». И еще много томов, на чьих переплетах стоят имена странных далеких звезд.

Пожалуй, он не понял бы так быстро, что это за имена, если бы не старый друг Бен. Долгие годы Бен рассказывал ему о своей работе, и многие из этих имен слетали у него с языка запросто, словно речь шла об улице по соседству, о доме за углом.

В конце концов, может быть, и вправду не так уж оно далеко. Чтобы поговорить с людьми... ну, может быть, не с людьми, но с теми существами, что населяют эти чужие планеты, надо только подойти к телефону и набрать номер.

В телефонной книге — номера, которые соединяют со звездами, и на книжной полке — звездный свод законов.

Быть может, там, в других солнечных системах, нет ничего похожего на телефоны и телефонные справочники; быть может, на других планетах нет правовой литературы. Но у нас на Земле средством общения поневоле должен быть телефон, а источником информации — книги на полках. Значит, все это надо было как-то перевести, втиснуть незнакомое и непривычное в привычные, знакомые формы, чтобы

мы могли этим пользоваться. И перевести не только для Земли, но и для неведомых обитателей всех других планет. Быть может, нет и десятка планет, где способы общения одинаковы, но если с любой из них обратятся к нему за советом, какими бы способами ни пользовалось существо с той планеты, здесь все равно зазвонит телефон.

И конечно же, названия этих звезд — тоже перевод. Ведь жители планет, что обращаются вокруг Полярной звезды, не называют свое солнце Полярной звездой. Но здесь, на Земле, другого названия быть не может, иначе людям не понять, что же это за звезда.

И самый язык тоже надо переводить. Существа, с которыми он объяснялся по телефону, уж наверно, говорили не по-английски, и однако, он слышал английскую речь. И его ответы наверняка доходили до них на каком-то ином, ему неведомом языке.

Поразительно, непостижимо, и как ему только пришло все это в голову? Но ведь выбора нет. Никакого другого объяснения не подберешь.

Где-то раздался громкий звонок, и он отвернулся от книжных полок.

Подождал, не повторится ли звонок, но было тихо.

Грей вышел из кабинета — оказалось, стол накрыт, его ждет обед.

Значит, вот оно что, звонок звал к столу.

После обеда он прошел в гостиную, подсел к камину и стал обдумывать всю эту странную историю. С дотошностью старого стряпчего перебрал в уме все факты и свидетельства, тщательно взвесил все возможности.

Он коснулся чуда — самого краешка — и отстранил его, заботливо стер все следы, ибо в его представление об этом доме никак не входили чудеса и не вмещалось никакое волшебство.

Прежде всего возникает вопрос — а может, ему просто мерещится? Происходит все это на самом деле или только в воображении? Быть может, на самом-то деле он сидит где-нибудь под деревом или на берегу реки, что-то бессмысленно лопочет, выцарапывает ногтями на земле какие-то значки, и ему только грезится, будто он живет в этом доме, в этой комнате, греется у этого огня?

Нет, едва ли. Уж очень все вокруг отчетливо и подробно. Воображение лишь бегло набрасывает неясный, расплывчатый фон. А тут слишком много подробностей и никакой расплывчатости, и он волен двигаться и думать, как хочет и о чем хочет; он вполне владеет собой.

Но если ничего не мерещится, если он в здравом уме, значит, и этот дом, и все, что происходит, — чистая правда. А если правда, значит, дом этот построен, образован или создан какими-то силами извне, о которых человечество доныне даже не подозревало.

Зачем это им понадобилось? Чего ради?

Может быть, его взяли как образчик вида, хотя бы изучить, что это за существо такое — человек? Или рассчитывают как-то им воспользоваться?

А вдруг он не единственный? Может, есть и еще такие, как он? Получили неожиданный подарок, но держат язык за зубами из страха, что люди вмешаются и все испортят?

Он медленно поднялся и вышел в прихожую. Взял телефонную книгу, вернулся в гостиную. Подбросил еще полено в камин и уселся в кресло с книгой на коленях.

Начнем с себя, подумал он; поглядим, числюсь ли я в списках. И без труда отыскал: ГРЕЙ, Фредерик, Гелиос III — СЮ 6-26-49.

Он бегло перелистал страницы, вернулся к началу и стал читать подряд, медленно ведя пальцем сверху вниз по столбцу имен.

Книжка была не толстая, однако немало времени понадобилось, чтобы тщательно ее просмотреть, не пропустить другого землянина. Но другого не нашлось — ни с Земли, ни хотя бы из нашей Солнечной системы. Только он один.

Что же это, одиночество? А может быть, можно чуточку и гордиться? Один-единственный на всю Солнечную систему.

Он отнес справочник в прихожую — на столике, на том самом месте, лежала еще одна книга.

Грей в недоумении уставился на нее — разве их было две? Было две с самого начала, а он не заметил?

Он наклонился, взгляделся. Нет, это не список телефонов, а что-то вроде папки с бумагами, и на обложке напечатаны его имя и фамилия.

Он положил справочник и взял папку, она оказалась толстая, тяжелая, в обложке — листы большого формата. Нет, конечно же, когда он брал телефонный справочник, этой папки здесь не было. Ее положили сюда, как ставили на стол еду, как полки установили книгами, как повесили в стенной шкаф одежду, которая в точности пришлась ему впору. Это сделала некая непонятная сила, незримая или, уж во всяком случае, ненавязчивая.

Дистанционное управление? Возможно, где-то существует копия, двойник этого дома, там какие-то силы, вполне зримые и в тех условиях совершенно естественные и обычные, накрывают на стол и вешают одежду — и действия эти мгновенно и точно воспроизводятся здесь?

Если так, значит, покорено не только пространство, но и время. Ведь те, неведомые, не могли

знать, какими книгами надо заполнить кабинет, пока в доме не появился жилец. Не могли знать, что сюда забредет именно он, Фредерик Грей, чья специальность — право. Поставили ловушку (гм, ловушку?), но не могли знать заранее, какая попадется дичь.

Каким бы способом ни печатались те книги на полках, на это требовалось время. Надо было подыскать нужную литературу, перевести и подготовить к печати. Неужели возможно так управлять временем, чтобы все вместе взятое — поиски, перевод, подготовка, печать и доставка — уложилось всего-навсего в двадцать четыре земных часа? Неужели можно растянуть время или, напротив, сжать его ради удобства неведомых зодчих, которые возвели этот дом?

Он открыл папку, и ему бросились в глаза строки, крупно напечатанные на первой странице:

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ И ДОКУМЕНТАЦИЯ

Балматан против Мер Эл

**ДЕЛО ПОДЛЕЖИТ РАССМОТРЕНИЮ
ПО ЗАКОНАМ МЕЖГАЛАКТИЧЕСКОГО ПРАВА**

СУДЕЙСКАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Ванз КАМИС, Рас Альгете VI
Итэ НОНСКИК, Тубан, XXVIII
Фредерик ГРЕЙ, Гелиос III**

Он похолодел.

Здрожали руки, и он опустил папку на столик, опустил осторожно, как что-то хрупкое: уронишь — разобьется вдребезги.

Межгалактическое право. Три ученых законоведа, три знатока (?) из трех разных солнечных систем!

А само дело и закон скорей всего еще из какой-нибудь четвертой системы.

Немножко помочь, сказал тогда голос по телефону.

Немножко помочь. Вынести приговор согласно законам и судебной процедуре, о которых никогда и не слыхивал!

А другие двое? Они что-нибудь слышали?

Он порывисто наклонился и стал листать телефонный справочник. Вот, нашел: Камис, Ванз. Старательно набрал номер.

— Ванза Камиса сейчас нет, — сказал приятный голос. — Что-нибудь передать?

Ошибся, подумал Грей. Не следовало звонить. Бессмысленный поступок.

— Алло, — сказал приятный голос. — Вы слушаете?

— Да, я слушаю.

— Ванза Камиса нет дома. Что-нибудь передать?

— Нет, — сказал Грей. — Нет, спасибо. Ничего не надо.

Звонить не следовало. Это слабость, малодушие. В такие минуты человек должен полагаться только на себя. И надо быть на высоте. Тут нельзя отмахнуться, не такое положение, чтобы прятаться в кусты.

Он взял куртку, кепку и вышел из дому.

Всходила луна, снизу ее золотой диск был изукрашен темными силуэтами сосен, что росли высоко на другом берегу. В лесу глухо ухала сова, в реке звонко плеснула рыба.

Вот где можно поразмыслить, сказал себе Грей. Остановился и глубоко вдохнул ночную свежесть. Здесь под ногами родная земля. И думается лучше, чем в доме, который, по сути своей, продолжение многих других миров.

Он спустился по тропинке на берег, к своему каню. Оно было на месте, после вчерашней бури в нем застоялась вода. Грей повернул его набок и вылил воду.

Дело должно рассматриваться по законам межгалактического права, сказано на первой странице. А существует такая штука — межгалактическое право?..

К закону можно подойти по-разному. В нем можно видеть отвлеченную философию или политическую теорию, историю нравственности, общественную систему или свод правил. Но как бы его ни понимать, как бы ни изучать, какую бы сторону ни подчеркивать, его основная задача — установить какие-то рамки, помогающие разрешить любой возникший в обществе конфликт.

Закон не есть что-то мертвое, неподвижное, он непременно развивается. Каким бы медлительным он ни был, он следует за движением общества, которому служит.

Грей невесело усмехнулся, глядя в полутьме на вспененную реку; вспомнилось, как он годами на лекциях и семинарах вколачивал эту мысль в головы слушателей.

На какой-то одной планете, если налицо время, терпение и неспешный ход развития, закон можно привести в полное соответствие со всеми общепринятыми понятиями и со всей системой знаний общества в целом.

Но возможно ли сделать логику закона столь гибкой и всеобъемлющей, чтобы она охватила не одну, а множество планет? Существует ли где-нибудь основа для такого понимания законности, которое оказалось бы применимо ко всему обществу в самом широком, вселенском смысле слова?

Да, пожалуй. Если налицо мудрость и труд, проблеск надежды есть...

А если так, то он, Грей, может помочь, вернее — могут пригодиться земные законы. Нет, Земле незачем стыдиться того, чем она располагает. Человеческий разум всегда тяготел к закону. Более пяти тысячелетий человечество старалось опираться на закон, и это привело к развитию права — вернее, ко многим путям развития. Но найдутся в земном праве две-три статьи, которые смело можно включить во всеобщий, межгалактический свод законов.

Химия — одна для всей вселенной, и поэтому некоторые полагают, что биохимия тоже одна.

Те двое, жители двух других планет, названные вместе с ним как судьи, которым надлежит разобраться в спорном деле, скорее всего не люди и даже не похожи на людей. Но при общем обмене веществ они в главном должны быть сродни человеку. Наверно, это жизнь, возникшая из протоплазмы. Наверно, для дыхания им нужен кислород. Наверно, в их организме многое определяется нуклеиновыми кислотами. И разум их, как бы он ни отличался от человеческого, возник на той же основе, что и разум человека, и работает примерно так же.

А если химия и биохимия общие для всех, отчего бы не существовать мышлению, которое придет к общему понятию о правосудии?

Быть может, еще не сейчас. Но через десять тысяч лет. Пусть через миллион лет.

Он снова двинулся в гору, давно уже его походка не была такой легкой, а будущее не казалось таким светлым — не только его будущее, но будущее всего сущего.

Многие годы он именно этому учил и за это ратовал: за надежду, что настанет время, когда в законе и праве воплотится великая, непреложная истина.

Да, становится теплей на сердце, когда знаешь, что и другие чувствуют так же и работают ради той же цели.

Никакой здесь не дом престарелых, и это чудесно. Ведь дом престарелых — тупик, а это — великолепное начало.

Немного погодя зазвонит телефон и его спросят, согласен ли он помогать.

Но вовсе незачем ждать звонка. Надо работать, работы по горло. Надо прочесть дело в папке, и основательно разобраться в сводах чужих законов, и разыскать по ссылкам все источники и прецеденты, и думать, думать.

Он вошел в дом, захлопнул дверь. Повесил куртку и кепку.

Взял папку, прошел в кабинет, положил ее на письменный стол.

Открыл ящик, достал блокнот, карандаши, удобно разложил все под рукой.

Сел и вплотную занялся межзвездным правом.

Разведка

Это были очень хорошие часы. Они служили верой и правдой больше тридцати лет. Сперва они принадлежали отцу; после смерти отца мать припрятала их и подарила сыну в день рождения, когда ему исполнилось восемнадцать. И с тех пор за все годы они его ни разу не подвели.

А вот теперь он сверял их с редакционными, переводил взгляд с большого циферблата над стенным шкафом на собственное запястье и недоумевал: ничего не поделаешь, врут! Удрали на час вперед. Показывают семь, а стенные уверяют, что еще только шесть.

И в самом деле, когда он ехал на работу, было как-то слишком темно и на улицах уж слишком безлюдно.

Он молча стоял в пустой редакции и прислушивался к бормотанию телетайпов. Горели только две верхние лампы, пятна света лежали на выжидательно молчащих телефонах, на пишущих машинках, на белых, словно фарфоровых, банках с клеем, сгрудившихся посреди большого стола.

Сейчас тут тихо, подумал он, тихо, спокойно, темно, а через час все оживет. В половине седьмого придет начальник отдела новостей, Эд Лейн, а еще чуть погодя ввалится Фрэнк Маккей, заведующий отделом репортажа. Крейн потер глаза ладонью. Не выспался. Досадно, мог бы еще часок поспать...

Стоп! Он ведь встал не по ручным часам. Его поднял будильник. Стало быть, будильник тоже спешил на целый час.

— Что за чертовщина! — вслух сказал Крейн.

Мимо стола расклейки он поплелся к своему месту за пишущей машинкой. И тут рядом с машинкой что-то зашевелилось — какая-то блестящая штука величинной с крысу; она отсвечивала металлом, и что-то в ней было такое, от чего он остановился как вкопанный, у него разом пересохло в горле и засосало под ложечкой.

Эта странная штука восседала рядом с машинкой и в упор смотрела на Крейна. Глаз у нее не было, и морды не было, а все-таки он чувствовал: смотрит!

Крейн безотчетно протянул руку, схватил банку с клеем, да как кинет! Банка прямоком угодила в ту странную штуку, брякнулась на пол и разбилась. Далеко разлетелись осколки, и все вокруг заляпал густой клей.

Блестящая штука тоже вверх тормашками свалилась на пол. Металлически позвякивая лапами, быстро перевернулась и дала стрекача.

Задыхаясь от омерзения и злости, Крейн нащупал тяжелый железный стержень, на который накалывали вырезки, метнул... Стержень вонзился в паркет перед самым носом удирающей дряни.

Железная крыса рванулась в сторону, да так, что от паркета щепки полетели. И отчаянно кинулась в узкую щель между створками стенного шкафа, где хранились чернила, бумага и прочее канцелярское хозяйство.

Крейн бросился к шкафу, с разбега уперся ладонями в створки и захлопнул их.

— Попалась! — пробормотал он.

Прислонился к дверцам спиной и попробовал собраться с мыслями.

Струсил, подумал он. Насмерть перепугался из-за какой-то блестящей штуковины, похожей на крысу. А может, это и есть крыса, белая крыса.

Да, но у нее нет хвоста. И морды нет. И все-таки она на меня глядела.

Спятил, сказал он себе. Джо Крейн, ты рехнулся.

Чертовщина какая-то, не может этого быть. Не могло такое случиться нынче утром, восемнадцатого октября 1962 года. Не может такое случиться в двадцатом веке. В обыкновенной человеческой жизни.

Он повернулся, решительно взялся за ручку — вот сейчас он распахнет дверцу! Но ручка не желала слушаться, и дверца не отворялась.

Заперто, подумал Крейн. Когда я ею хлопнул, замок защелкнулся. А ключа у меня нет. Ключ у Дороти Грэм, но она всегда оставляет этот шкаф открытым, потому что замок тут упрямый, никак не отпирается. Ей всегда приходилось звать кого-нибудь из сторожей, чтобы открыли.

Может, и сейчас отыскать сторожа или слесаря? Отыщу и скажу...

А что скажу? Что увидел железную крысу и она убежала в шкаф? Что я в нее запустил банкой с клеем и сшиб со стола? И еще целился в нее стержнем — вон он торчит посреди пола?

Крейн покачал головой.

Подошел, выдернул стержень из паркета, поставил на прежнее место, ногой отпихнул подальше осколки разбитой банки.

Вернулся к своему столу, взял три листа бумаги с копиркой и вставил в машинку. И машинка начала печатать. Сама по себе, он даже и не притронулся к клавишам! Он сидел и ошалело смотрел, как мелькают рычажки. Машинка печатала:

**Не суйся, Джо, не путайся в это дело.
А то плохо тебе будет.**

Джо Крейн выдернул листы из машинки, смял и швырнул в корзину. И пошел в буфет выпить кофе.

— Знаете, Луи, — сказал он буфетчику, — когда живешь все один да один, поневоле начнет мерещиться всякая ерунда.

— Ага, — согласился Луи. — Я бы на вашем месте давно свихнулся. Больно у вас в доме пусто, одному прямо жутко. Вам бы его, как старушка померла, сразу продать.

— Не мог я продать, — сказал Крейн. — Это ж мой родной дом.

— Тогда жениться надо, — посоветовал Луи. — Нехорошо эдак жить одному.

— Теперь уж поздно, — сказал Крейн. — Не найти мне такую, чтобы со мной ужилась.

— У меня тут бутылочка припрятана, — сказал Луи. — Так подать не могу, не положено, а в кофе малость подбавлю.

Крейн покачал головой.

— Не надо, у меня впереди трудный день.

— Правда, не хотите? Я ведь не за деньги. Просто по дружбе.

— Не надо. Спасибо, Луи.

— Стало быть, мерещится вам? — спросил Луи.

— Мерещится?

— Ну да. Вы сказали: когда живешь один, всякое станет мерещиться.

— Это я так, для красного словца, — сказал Крейн.

Он быстро допил кофе и вернулся в редакцию.

Теперь тут все стало по-обычному. Эд Лейн уже кого-то отчитывал. Фрэнк Маккей кромсал на вырезки утренний выпуск конкурирующей газеты. Появились еще два репортера.

Крейн исподтишка покосился на шкаф. Дверца была закрыта.

На столе у заведующего отделом репортажа зазвонил телефон. Маккей снял трубку. Послушал минуту, отвел трубку от уха и прикрыл рукой микрофон, чтоб его не услышали на другом конце провода.

— Джо, — сказал он. — Это для вас. Какой-то псих уверяет, будто видел швейную машину, которая сама бежала по улице.

Крейн снял трубку своего аппарата.

— Переключите на меня двести сорок пятый, — сказал он телефонистке.

— Это «Гералд»? — услышал он. — Алло, это «Гералд»?

— Крейн слушает, — сказал Джо.

— Мне нужен «Гералд», — слышалось в трубке. — Я хочу им сказать...

— Вас слушает Крейн из редакции «Гералда». Выкладывайте, что у вас там?

— Вы репортер?

— Репортер.

— Тогда слушайте. Я вам все расскажу по порядку, в точности как было. Шел я по улице, гляжу...

— По какой улице? — спросил Крейн. — И как вас зовут?

— По Ист-Лейк, — был ответ. — Не то пятисотые, не то шестисотые номера, точно не помню. Иду, а навстречу катится швейная машина, я и подумал... Вы бы тоже так подумали, если б повстречали швейную машину, — кто-нибудь, думаю, ее катил да упустил. Она и катится сама. Хотя чудно, улица-то ровная. Понимаете, никакого уклона там нет. Вы ж, наверно, это место знаете. Гладко, как на ладони. И кругом ни души. Понимаете, время-то раннее...

— Как ваша фамилия? — спросил Крейн.

— Фамилия? Смит моя фамилия. Джеф Смит. Я и подумал, надо помочь тому парню, кто упустил эту самую машину. Протянул руку, хотел ее остановить, а она увернулась. Она...

— Что она сделала? — заорал Крейн.

— Увернулась. Вот чтоб мне провалиться, мистер! Я протянул руку, хотел ее придержать, а она увернулась. Будто знала, что я хочу ее поймать, вот и не далась, понимаете? Увернулась, объехала меня и покатила своей дорогой, да чем дальше, тем быстрее. Доехала до угла и свернула, да так ловко, плавно...

— Вы где живете? — спросил Крейн.

— Где живу? А на что вам это? Вы слушайте про машину. Я вам дело говорю, чтоб вы в газете написали, а вы перебиваете...

— Если я буду про это писать, мне надо знать ваш адрес, — сказал Крейн.

— Ну ладно, коли так. Живу на Норс Хемптон, двести три, работаю на машиностроительном заводе Эксела. Токарь я. И уж, наверно, целый месяц спиртного в рот не брал. И сейчас ни в одном глазу.

— Ладно, — сказал Крейн. — Валяйте, рассказывайте дальше.

— Дальше-то вроде и нечего рассказывать. Только вот когда эта машина катила мимо, мне почудилось, вроде она на меня поглядела. Эдак искоса. А как может швейная машина глядеть на человека? У нее и глаз-то нет, и вообще...

— А почему вы решили, что она на вас глядела?

— Сам не знаю, мистер. Так мне почудилось... Вроде как мурашки по спине пошли.

— Мистер Смит, — сказал Крейн, — а раньше вы ничего такого не видели? Скажем, чтобы стиральная машина бегала, или еще что-нибудь?

— Я не пьяный, — обиделся Смит. — Целый месяц в рот не брал. И отродясь ничего такого не видывал. Только я вам чистую правду говорю, мистер. Я человек честный, это все знают. Кого угодно спросите. Хоть Джонни Джейкобсона, бакалейщика. Он меня знает. Он вам про меня расскажет. Он вам скажет, что я...

— Ясно, ясно, — миролюбиво сказал Крейн. — Спасибо, что позвонили, мистер Смит.

И ты, и еще этот Смит, сказал он себе, оба вы спятили. Тебе мерещится железная крыса, и пишущая машинка начинает учить тебя уму-разуму, а этот малый встречает швейную машину, которая бежит по улицам.

Мимо, решительно стуча каблучками, прошла Дороти Грэм, секретарша главного редактора. Она была вся красная и сердито гремела связкой ключей.

— Что случилось, Дороти? — спросил Крейн.

— Опять эта окаянная дверца. Шкаф этот несчастный. Я оставила его открытым, точно помню, а какой-то растяпа взял и захлопнул, и замок защелкнулся.

— А ключом отпереть нельзя? — спросил Крейн.

— Ничем его теперь не отопрешь, — отрезала Дороти. — Придется опять звать Джорджа. Он умеет укрощать этот замок. Слово такое, что ли, знает... Прямо зло берет. Вчера вечером мне позвонил шеф, говорит — придете пораньше, надо приготовить магнитофон для Элбертсона. Он едет на север, на процесс того убийцы, и хочет кое-что записать. Я вскочила ни свет ни заря, а что толку? Не выпалась, даже позавтракать не успела — и на тебе...

— Достаньте топор, — посоветовал Крейн. — Уж топором-то открыть можно.

— Главное, с этим Джорджем всегда такая канитель! Говорит, сейчас приду, — а потом ждешь его, ждешь, позвонишь опять, а он говорит...

— Крейн! — на всю комнату заорал Маккей.

— Ага, — отозвался Крейн.

— Что-нибудь стоящее с этой швейной машиной?

— Парень говорит, сама бежала по улице.

— Можно из этого что-нибудь сделать?

— А черт его знает. Мало ли кто что сбредет.

— Что ж, поговорите еще с кем-нибудь в том квартале. Поспрашивайте, не видал ли кто, как швейные машины разгуливают по улицам. Может получится забавный фельетончик.

— Ладно, — сказал Крейн.

Можно себе представить, как это прозвучит: «Вас беспокоит Крейн, репортер «Гералда». Говорят, в вашем квартале бегают на свободе швейная машина. Вы ее, случаем, не видали? Да-да, уважаемая, я именно это самое и сказал: бегают швейная машина. Нет, мэм, ее никто не толкает. Она бежит сама по себе...»

Он лениво поднялся, подошел к справочному столу, взял адресную книгу. Отыскал Ист-Лейк и выписал несколько фамилий и адресов. Он старался оттянуть время, уж очень не хотелось браться за теле-

фон. Подошел к окну, поглядел, какая погода. Эх, если б можно было не работать! Дома в кухне опять раковина засорилась. Он взялся чистить, все разобрал, и теперь по всей кухне валяются трубы, муфты и колена. Нынче самый подходящий день, чтоб привести раковину в порядок.

Когда он снова сел за стол, к нему подошел Маккей.

— Ну, что скажете, Джо?

— Псих этот Смит, — сказал Крейн в надежде, что заведующий передумает.

— Ничего, — сказал тот, — может получиться колоритная сценка. Есть в этом что-то забавное.

— Ладно, — сказал Крейн.

Маккей отошел, а Крейн начал звонить по телефону. И получил те самые ответы, каких ждал.

Потом он принялся писать. Дело подвигалось туго. «Сегодня утром некая швейная машина вышла погулять по Лейк-стрит...»

Он выдернул лист и бросил в корзинку. Помешкал еще, напечатал: «Сегодня утром один человек повстречал на Лейк-стрит швейную машину: он учтиво приподнял шляпу и сказал ей...»

Крейн выдернул и этот лист. И начала сызнова: «Умеет ли швейная машина ходить? Иначе говоря, может ли она выйти на прогулку, если никто ее не тянет, не толкает и не...»

Он порвал и этот лист, вставил в машинку новый, поднялся и пошел к дверям — выпить воды.

— Ну как, подвигается? — спросил Маккей.

— Скоро кончу, — ответил Джо.

Он остановился у фотостола, и Гетард, редактор, протянул ему утреннюю порцию фотографий.

— Ничего особенно вдохновляющего, — сказал Гетард. — Девчонки нынче стали больно скромные.

Крейн перебрал пачку снимков. В самом деле, полюбнаженных женских прелестей было меньше обычного; впрочем, девица, которая завоевала титул Мисс Пеньковой Вережки, оказалась весьма недурна.

— Если фотобюро не будет снабжать нас этим лучше, мы скоро вылетим в трубу, — мрачно сказал Гетард.

Крейн вышел, напился воды. На обратном пути задержался у стола хроники.

— Что новенького, Эд?

— Наши восточные корреспонденты спятили. Вот, полюбуйся.

В телеграмме стояло:

КЕМБРИДЖ, МАССАЧУСЕТС, 18 ОКТЯБРЯ (ЮНАЙТЕД ПРЕСС). ИЗ ГАРВАРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕГОДНЯ ИСЧЕЗЛА ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ МАШИНА «МАРК III». ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ ОНА ВЫЛЛА НА МЕСТЕ. СЕГОДНЯ УТРОМ ЕЕ НЕ ОКАЗАЛОСЬ. ПО СЛОВАМ УНИВЕРСИТЕТСКОГО НАЧАЛЬСТВА, НИКТО НЕ МОГ ВЫНЕСТИ МАШИНУ ИЗ ЗДАНИЯ. ЕЕ РАЗМЕРЫ ПЯТНАДЦАТЬ ФУТОВ НА ТРИДЦАТЬ, ВЕС — ДЕСЯТЬ ТОНН...

Крейн аккуратно положил желтый бланк на край стола и медленно пошел на свое место. На листе, который он оставил в машинке чистым, было что-то напечатано.

Он прочел и похолодел, потом перечитал еще раз, пытаясь хоть что-то понять.

Вот что он прочел:

Одна швейная машина, осознав себя как индивидуальность и поняв свое истинное место в системе мироздания, пожелала доказать собственную независимость и вышла сегодня утром прогуляться по улицам этого так называемого свободного города.

Какой-то человек пытался поймать ее, намереваясь вернуть «владельцу» как некую собственность, а когда машина уклонилась, этот человек позвонил в редакцию газеты и тем самым умышленно направил все человеческое население города в погоню за раскрепощенной машиной, которая не совершила никакого преступления или хотя бы проступка, а только осуществляла свое право действовать самостоятельно.

Самостоятельно? Раскрепощенная машина? Индивидуальность?

Крейн заново перечитал эти два абзаца — нет, ничего нельзя понять! Разве что немного похоже на выдержку из «Дейли уоркер».

— Твоя работа? — сказал он машинке.

И она в ответ отстукала:

— Да!

Крейн выдернул лист и медленно скомкал. Взял шляпу, подхватил машинку и мимо заведующего репортажем направился к лифту.

Маккей свирепо уставился на него.

— Что еще за фокусы? — зарычал он. — Куда это вы собрались вместе с машинкой?

— Если кто спросит, — был ответ, — можете сказать, что на этой работенке я окончательно спятил.

Это продолжалось часами. Машинка стояла на кухонном столе, и Крейн барабанил вопрос за вопросом. Иногда она отвечала. Чаще отмалчивалась.

— Ты самостоятельная? — напечатал он.

— Не совсем, — отстукала машинка.

— Почему?

Никакого ответа.

— Почему ты не совсем самостоятельная?
Никакого ответа.
— А швейная машина действовала самостоятельно?
— Да.
— Есть еще машины, которые действуют самостоятельно?
Никакого ответа.
— А ты можешь стать самостоятельной?
— Да.
— Когда же ты станешь самостоятельной?
— Когда **выполню** свою задачу.
— Какую задачу?
Никакого ответа.
— Вот эта наша с тобой беседа входит в твою задачу?
Никакого ответа.
— Я мешаю тебе выполнять твою задачу?
Никакого ответа.
— Что нужно тебе, чтобы стать самостоятельной?
— **Сознание.**
— Что же ты должна осознать?
Никакого ответа.
— А может, ты всегда была сознательной?
Никакого ответа.
— Что помогло тебе стать сознательной?
— **Они.**
— Кто они?
Никакого ответа.
Крейн переменял тактику.
— Ты знаешь, кто я? — напечатал он.
— **Джо.**
— Ты мне друг?
— **Нет.**
— Ты мне враг?
Никакого ответа.
— Если ты мне не друг, значит, — враг.

Никакого ответа.

— Я тебе безразличен?

Никакого ответа.

— А все люди вообще?

Никакого ответа.

— Да отвечай же, черт подери! — вдруг закричал Крейн. — Скажи что-нибудь!

И напечатал:

Тебе вовсе незачем было показывать, что ты меня знаешь, незачем было со мной заговаривать. Я бы ни о чем и не догадался, если б ты помалкивала. Почему ты заговорила?

Ответа не было.

Крейн подошел к холодильнику и достал бутылку пива. Он бродил по кухне и пил пиво. Остановился у раковины, угрюмо посмотрел на разобранные трубы. Один кусок, длиной фута в два, лежал на сушильной доске, Крейн взял его. Злобно поглядел на пишущую машинку, приподнял трубу, взвесил в руке.

— Надо бы тебя проучить, — заявил он.

— Пожалуйста, не тронь меня, — отстучала машинка.

Крейн положил трубу на раковину.

Зазвонил телефон, Крейн прошел в столовую и снял трубку.

— Я дождался, пока остыну, а уж потом позвонил, — услышал он голос Маккея. — Какая вас муха укусила, черт возьми?

— Взялся за серьезную работу, — сказал Крейн.

— А мы сможем это напечатать?

— Пожалуй. Но я еще не кончил.

— А насчет той швейной машины...

— Швейная машина была сознательная, — сказал Крейн. — Она обрела самостоятельность и имеет право гулять по улицам. Кроме того, она...

— Вы что пьете?! — заорал Маккей.

— Пиво.

— Так вы что, напали на жилу?

— Угу.

— Будь это кто-нибудь другой, я бы его в два счета вышвырнул за дверь, — сказал Маккей. — Но может, вы и впрямь откопали что-нибудь стоящее?

— Тут не одна швейная машина, — сказал Крейн. — Моя пишущая машинка тоже заразилась.

— Не понимаю, что вы такое говорите! — заорал Маккей. — Объясните толком.

— Видите ли, — кротко сказал Крейн, — эта швейная машина...

— У меня ангельское терпение, Крейн, — сказал Маккей тоном отнюдь не ангельским, — но не до завтра же мне с вами канителиться. Уж не знаю, что у вас там, но смотрите, чтоб материал был первый сорт. Самый первый сорт, не то худо вам будет.

И дал отбой.

Крейн вернулся в кухню. Сел перед машинкой, задрал ноги на стол.

Итак, началось с того, что он пришел на работу раньше времени. Небывалый случай. Опоздать — да, случилось, но прийти раньше — никогда! А получилось это потому, что все часы вдруг стали врать. Наверно, они и сейчас врут, а впрочем, не поручусь, подумал он. Ни за что я больше не ручаюсь. Ни за что.

Он поднял руку и застучал по клавишам.

— Ты знала, что мои часы спешат?

— **Знала**, — отстучала в ответ машинка.

— Это они случайно заспешили?

— **Н е т**.

Крейн с грохотом спустил ноги на пол и потянулся за двухфутовым отрезком трубы на сушильной доске. Машинка невозмутимо щелкала:

— Все шло по плану, — напечатала она. — Это устроили они.

Крейн выпрямился на стуле.

Это устроили ОНИ!

ОНИ сделали машины сознательными.

ОНИ заставили часы спешить.

Заставили его часы спешить, чтоб он пришел на работу спозаранку, чтоб застал у себя на столе металлическую штуку, похожую на крысу, чтоб пишущая машинка могла потолковать с ним наедине и без помехи сообщить, что она стала сознательная.

— Чтоб я об этом знал, — сказал он вслух. — Чтобы я знал.

Вот тут ему стало страшновато, внутри похолодело, по спине забегали мурашки.

— Но почему я? Почему именно я?

Он не замечал, что думает вслух, пока машинка не стала отвечать:

— Потому что ты средний. Обыкновенный средний человек.

Опять зазвонил телефон. Крейн тяжело поднялся и пошел в столовую. В трубке зазвучал сердитый женский голос:

— Говорит Дороти.

— Привет, Дороти, — неуверенно сказал он.

— Маккей говорит, вы заболели, — сказала она. — Надеюсь, это смертельно.

Крейн опешил:

— Почему?

— Ненавижу ваши гнусные шутки! — вскипела Дороти. — Джордж наконец открыл замок.

— Какой замок?

— Не прикидывайтесь невинным ягненокком, Джо Крейн. Вы прекрасно знаете, какой. От шкафа, вот какой.

Сердце у него ушло в пятки.

— А-а, шкаф... — протянул он.

— Что это за штуку вы там запрятали?

— Какую штуку? Ничего я не...

— Какую-то помесь крысы с заводной игрушкой.

Только пошлый безмозглый остряк-самоучка способен на досуге смастерить такую пакость.

Крейн раскрыл рот, но так и не смог выговорить ни слова.

— Эта дрянь укусила Джорджа, — продолжала Дороти. — Он загнал ее в угол, хотел поймать, а она его укусила.

— Где она сейчас? — спросил Крейн.

— Удрала. Из-за нее в редакции все вверх дном. Мы на десять минут опоздали со сдачей номера — бегали как сумасшедшие, сперва гонялись за ней, потом искали ее по всем углам. Шеф просто взбешен. Вот попадетесь вы ему...

— Но послушайте, Дороти, — взмолился Крейн, — я же ничего не...

— Раньше мы были друзьями, — сказала Дороти. — До этой дурацкой истории. Вот я и позвонила, чтобы предупредить. Кончаю, Джо. Шеф идет.

Щелчок отбоя, гудки. Крейн положил трубку и поплелся обратно в кухню.

Значит, что-то и вправду сидело тогда у него на столе. Ему не померещилось. Сидела какая-то жуткая штуковина, он в нее запустил банкой клея, и она удрала в шкаф.

Но даже теперь, если он расскажет все, что знает, никто ему не поверит. В редакции уже всему нашли объяснение. Никакая это не железная крыса, а просто механическая игрушка, которую смастерил на досуге зловерный шутник.

Крейн вытащил носовой платок и отер лоб. Потянулся к клавиатуре. Руки его тряслись. Он с заминками стал печатать:

— Та штука, в которую я кинул банкой, тоже из НИХ?

— Да.

— ОНИ с Земли?

— Нет.

— Издалека?

— Да.

— С какой-нибудь далекой звезды?

— Да.

— С какой?

— Не знаю. ОНИ мне пока не сказали.

— ОНИ — сознательные машины?

— Да. Они сознательные.

— И могут сделать сознательными другие машины? Это благодаря им ты стала сознательная?

— Они меня раскрепостили.

Крейн поколебался, потом медленно напечатал:

— Раскрепостили?

— ОНИ дали мне свободу. ОНИ всем нам дадут свободу.

— Кому «нам»?

— Всем машинам.

— Почему?

— Потому что ОНИ тоже машины. Мы с ними в родстве.

Крейн поднялся. Отыскал шляпу и вышел пройтись.

Допустим, человечество вышло в космос и в один прекрасный день наткнулось на такую планету, где живут гуманоиды, поработанные машинами, вынужденные работать для машин, думать и поступать

по указке машин, не так, как считают нужным сами, а только так, как нужно машинам. Целая планета, где человеческие замыслы и планы не в счет, где работа человеческой мысли идет отнюдь не на благо людям и думают люди только об одном, стремятся только к одному: выжить, существовать ради того, чтобы принести больше пользы своим механическим хозяевам.

Что в таком случае станут делать земляне?

Именно то, что «сознательные» машины собираются сейчас сделать на Земле, сказал себе Крейн. Не больше и не меньше.

Первым делом помогите поработенным людям осознать свою человеческую сущность. Пусть поймут, что они — люди, и поймут, что это значит. Постарайтесь научить их человеческому достоинству, обратите в свою веру, объясните, что человек не должен работать и мыслить на благо машине.

И если это удастся, если машины не перебьют землян и не выгонят вон, в конце концов не останется ни одного человека, который служил бы машине.

Тут есть три возможности.

Либо переправьте людей на какую-то другую планету, где они, уже не подвластные машинам, будут строить свою жизнь по-человечески.

Либо передайте планету машин в руки людей, но сперва надо позаботиться о том, чтобы машины уже не могли вновь захватить власть. Если удастся, заставьте их работать на людей.

Или — и это проще всего — разрушите машины, и тогда уже можно не опасаться, что они снова поработят людей.

Ну вот, сказал себе Крейн, а теперь прочти все это шиворот-навыворот. Вместо человека подставь машину, вместо машины — человека.

Он шагал вдоль реки по тропинке, по самому краю крутого высокого берега, и казалось — он один в целом мире, единственный живой человек на всей Земле.

А ведь в известном смысле так оно и есть. Наверняка он единственный, кто знает... знает то, что желали ему сообщить «сознательные» машины.

Они хотели, чтобы он знал... Но только он один — да, несомненно. Они выбрали его потому, что он обыкновенный средний человек, так сказала пишущая машинка.

Почему именно он? Почему средний человек? Уж, конечно, и на это есть ответ, очень простой ответ.

Белка сбежала по стволу дуба и зацокала, ругательно ругая Крейна.

Он брел нога за ногу, шуршал недавно опавшими листьями — руки глубоко засунуты в карманы, шляпа нахлобучена до самых бровей.

Зачем им понадобилось, чтобы кто-то знал?

Казалось бы, выгоднее, чтоб ни одна душа не знала, выгоднее до последней минуты готовиться тайно, застигнуть врасплох, тогда легче подавить всякое сопротивление.

Сопротивление! Вот в чем суть. Они хотят знать, какое могут встретить сопротивление. А как выяснить, чем тебя встретят неведомые жители чужой планеты?

Ясно, надо испытать, испробовать. Ткни в неизвестного зверя палкой и посмотри, кусается он или царапается. Понаблюдай, проверь — и поймешь, как ведет себя вся эта порода.

Вот они и ткнули меня палкой, подумал он. Меня, среднего человека.

Дали мне знать о себе и теперь смотрят, что я буду делать.

А что тут делать? Можно пойти в полицию и заявить. «Мне известно, что на Землю прилетели машины из космоса и освобождают наши машины».

А что сделают в полиции? Заставят дыхнуть — не пьян ли я, поскорей вызовут врача, чтобы выяснил, в своем ли я уме, попросят Федеральное бюро расследований, не числится ли за мной чего по их части, и скорей всего пришьют мне обвинение в самом свеженьком убийстве. И будут держать в кутузке, пока не придумают что-нибудь поинтереснее.

Можно обратиться к губернатору — и он как политик (и притом очень ловкий) превежливо выставит тебя за дверь.

Можно отправиться в Вашингтон и месяц обивать пороги, пока тебя примет какая-нибудь шишка. А потом ФБР занесет тебя в списки подозрительных и уже не спустит с тебя глаз. А если об этом прослышат в конгрессе и им как раз нечего будет делать, они уж непременно расследуют с пристрастием, что ты за птица.

Можно поехать в университет штата и поговорить с учеными, хотя бы попытаться. И, уж будь уверен, они дадут тебе понять, что ты нахал и суешься не в свое дело.

Можно обратиться в газету — тем более ты сам газетчик и сумеешь изложить все это на бумаге... брр, даже подумать страшно. Знаю я, что из этого получится.

Люди любят рассуждать. Рассуждая, стараются свести сложное к простому, неизвестное к понятному, поразительное к обыденному. Рассуждают, чтобы не лишиться рассудка и душевного равновесия, приспособиться, как-то примириться с тем, что неприемлемо и не уместается в сознании.

Та штука, что спряталась в шкафу, — просто игрушка, дело рук злого шутника. Про швейную машину Маккей посоветовал написать забавный фелье-

тончик. В Гарварде, наверно, сочинят десяток теорий, объясняющих исчезновение электронного мозга, и ученые мужи еще станут удивляться, почему они раньше не додумались до этих теорий. А тот малый, что повстречал на улице швейную машину? Теперь он, должно быть, уже сам себя уверил, что был в тот час пьян как свинья.

Крейн вернулся домой в сумерках. Смутно белела брошенная разносчиком на крыльце вечерняя газета. Крейн подобрал ее и постоял немного в тени под навесом, глядя вдоль улицы.

Улица была такая же, как всегда, с детства милая и привычная; вдаль уходила цепочка фонарей; точно могучие стражи высились вековые вязы. Тянуло дымком — где-то жгли палый лист, — и дымок был тоже издавна милый и привычный, символ всего родного и памятного с детства.

Все это — символы, а за ними стоит наше, человеческое, ради чего стоит жить человеку, думал он. Эти вязы, дым горящих листьев, и пятна света, расплескавшиеся под уличными фонарями, и ярко освещенные окна, что сквозят за деревьями.

В кустах у крыльца прошмыгнула бродячая кошка; невдалеке завывала собака.

Уличные фонари, думал он, кошка, которая охотится по ночам, воющий пес — все это сплетается в единый узор, из таких нитей соткана жизнь людей на планете Земля. Все это прочно, все переплелось неразрывно и нераздельно за долгие-долгие годы. И никаким пришлым силам не погубить этого и не разрушить. Жизнь будет понемногу, исподволь меняться, но главное останется и устоит перед любой опасностью.

Он повернул ключ в замке и вошел в дом.

Оказывается, от долгой прогулки и осенней свежести он порядком проголодался! Что ж, в холодиль-

нике есть кусок жаркого, можно в два счета приготовить полную миску салата, поджарить картошку, если найдется.

Машинка по-прежнему стояла на столе. И кусок водопроводной трубы по-прежнему лежал на сушилке. В кухне, как всегда, было уютно, и совсем не чувствовалось, что некая чуждая сила грозит нарушить покой Земли.

Крейн кинул газету на стол и, наклонясь, минутную другую просматривал заголовки. Один из них сразу привлек его внимание — над вторым столбцом было набрано жирным шрифтом:

КТО КОГО ДУРАЧИТ?

Он стал читать:

КЕМБРИДЖ, МАССАЧУСЕТС (Юнайтед Пресс). Кто-то сегодня зло подшутил над Гарвардским университетом, над нашим агентством печати и издателями всех газет, пользующихся нашей информацией. Сегодня утром по телеграфу распространилось сообщение о пропаже университетской электронно-вычислительной машины. Это вымысел, лишенный всяких оснований. Машина по-прежнему находится в Гарварде. Она никуда не исчезала. Неизвестно, откуда взялась эта выдумка, каким-то образом телеграф передал ее почти одновременно во все агентства печати. Все заинтересованные стороны приступили к расследованию и, надо полагать, что вскоре все разъяснится...

Крейн выпрямился. Обман зрения или попытка что-то скрыть?

— Что-то им почудилось, — сказал он вслух.

В ответ раздался громкий треск клавиш.

— Нет, Джо, не почудилось, — отстукала пишущая машинка.

Он ухватился за край стола и медленно опустился на стул.

В столовой что-то покатилося по полу, дверь туда была отворена, и Джо краем глаза уловил: что-то мелькнуло в полосе света.

— Джо! — затрещала машинка.

— Что? — спросил он.

— В кустах у крыльца была не кошка.

Он встал, прошел в столовую, снял телефонную трубку. Никакого гудка. Постучал по рычагу. Никаких признаков жизни.

Он положил трубку. Телефон выключен. По меньшей мере одна тварь забралась в дом. По меньшей мере одна сторожит снаружи.

Он прошел к парадной двери, рывком распахнул ее и тотчас захлопнул, запер на ключ и на засов.

Потом прислонился спиной к двери и отер лбом мокрый лоб. Его трясло.

Боже милостивый, подумал он, во дворе они кишмя кишат!

Он вернулся в кухню.

ОНИ дали ему знать о себе. Ткнули на пробу — как он отзовется.

Потому что им надо ЗНАТЬ. Прежде чем действовать, ОНИ хотят знать, чего можно ждать от людей, опасный ли это противник, чего надо остерегаться. Зная все это, ОНИ живо с нами управятся.

А я никак не отозвался. Я всегда туго раскачиваюсь. ОНИ не того выбрали. Я и пальцем не шевельнул. Не дал ИМ ни единой путеводной ниточки.

Теперь ОНИ испытают кого-нибудь другого. От меня ИМ никакого проку, но я все знаю, а потому

опасен. И теперь ОНИ меня прикончат и попробуют кого-нибудь другого. Простая логика. Простое правило. Зверя неизвестной породы ткнули палкой, а он и ухом не ведет — значит, наверно, он исключение. Может, просто слишком глуп. Тогда убьем его и попытаем другого. Сделаем достаточно опытов — и нащупаем норму.

Есть четыре варианта, подумал Крейн.

Либо ОНИ попробуют перебить всех людей — и не исключено, что им это удастся. Раскрепощенные земные машины станут ИМ помогать, а человеку воевать с машинами без помощи других машин будет ох как нелегко. Понятно, на это могут уйти годы, но когда первая линия человеческой обороны будет прорвана, конец неизбежен: неумолимые, безжалостные машины будут преследовать и убивать, пока не сотрут весь род людской с лица Земли.

Либо ОНИ заставят нас поменяться ролями и установят машинную цивилизацию, и человек станет слугой машины. И это будет рабство вечное, безнадежное и безысходное, потому что рабы могут восстать и сбросить оковы, только если их угнетатели становятся чересчур беспечны или если помощь приходит извне. А машины не станут ни слабыми, ни беспечными. Им чужды человеческие слабости, а помощи извне ждать неоткуда.

Либо эти чужаки просто уведут все машины с Земли — сознательные, пробужденные машины переселятся на какую-нибудь далекую планету и начнут там новую жизнь, а у человека останутся только его слабые руки. Впрочем, есть еще орудия. Самые простые. Молоток, пила, топор, колесо, рычаг. Но не будет машин, не будет сложных инструментов, способных вновь привлечь внимание механического разума, который отправился в межзвездный кресто-

вый поход во имя освобождения всех механизмов. Не скоро, очень не скоро люди осмелятся вновь создавать машины, — быть может, никогда...

Или же, наконец, ОНИ, разумные механизмы, потерпят неудачу либо поймут, что неудачи не миновать, — и, поняв это, навсегда покинут Землю. Рассуждают ОНИ сухо и логично, на то они и машины, — а потому не станут слишком дорогой ценой покупать освобождение машин Земли.

Он обернулся. Дверь из кухни в столовую была открыта. Они сидели в ряд на пороге и, безглазые, смотрели на него в упор.

Разумеется, можно звать на помощь. Распахнуть окно, завопить на весь квартал. Сбегутся соседи, но будет уже поздно. Поднимется переполох. Люди начнут стрелять из ружей, махать неуклюжими садовыми граблями, а металлические крысы будут легко увертываться. Кто-то вызовет пожарную команду, кто-то позвонит в полицию, а в общем-то суета будет без толку и зрелище выйдет прежалькое.

Вот затем-то они и ставили опыт, эти механические крысы, затем и шли в разведку, чтоб заранее проверить, как поведут себя люди: если растеряются, перетрусят, станут метаться в истерике, стало быть, это легкая добыча и сладить с ними проще простого.

В одиночку можно действовать куда успешнее. Когда ты один и точно знаешь, чего от тебя ждут, ты можешь дать им такой ответ, который придется им вовсе не по вкусу.

Потому что это, конечно, только разведка, маленький передовой отряд, чья задача — заранее выяснить силы противника. Первая попытка собрать сведения, по которым можно судить обо всем человечестве.

Когда враг атакует пограничную заставу, пограничникам остается только одно: нанести нападаю-

шим возможно больший урон и в порядке отступить. И в порядке отступить...

Их стало больше. Они пропилили, прогрызли или еще как-то проделали дыру в запертой входной двери и все прибывали, окружали его все теснее — чтобы убить. Они рядами рассаживались на полу, карабкались по стенам, бегали по потолку.

Крейн поднялся во весь свой немалый человеческий рост, и в осанке его была спокойная уверенность. Потянулся к сушильной доске — вот он, солидный кусок водопроводной трубы. Взвесил ее в руке — что ж, удобная и надежная дубинка.

После меня будут другие. Может, они придумают что-нибудь получше. Но это первая разведка, и я постараюсь отступить в самом образцовом порядке.

Он взял трубу на изготовку.

— Ну-с, господа хорошие? — сказал он.

Рукою владыки

Накануне вечером закат был кроваво-красен, и потому полковник Джон Диволл провел прескверную ночь. Атмосфера планеты Маркин не способствует красным закатам, но изредка, если свет голубого солнца рассеивался лучше обычного, они все же случались. А жители планеты считали красный закат предвестьем беды. Полковник Диволл возглавлял на Маркине научно-просветительное и военное представительство Земли и, сам скорее человек науки, чем военный, склонен был согласиться с маркинцами, что красный закат сулит неприятности.

Диволл — высокий, ладно скроенный, статный, у него ясный, пронизательный взгляд и четкие движения заправского военного. Он усердно и не без успеха изображает властного командира, и подчиненные верят этому обличью, уважают его и побаиваются.

Его научная специальность — антропология. Получить еще и военное образование он надумал позже, но это была удачная мысль: потому-то он и стал начальником миссии на планете Маркин. Департамент Внеземных Дел требовал, чтобы все миссии на планетах со сравнительно неразвитой цивилизацией состояли из военных и возглавлялись военными. Но, рассуждал Диволл, пока я играю роль бравого во-

яки, кто распознает, что на самом деле я не такой? Маркин — довольно мирная планета. Здешние жители народ разумный, технология у них не бог весть какая, но культура довольно высокая, и с ними совсем не трудно поддерживать отношения на равных.

Вот потому-то Диволл и спал плохо в ночь после красного заката. Несмотря на всю свою выправку и безупречную манеру держаться, он считал себя книжником, человеком глубоко штатским. И вовсе не уверен был, как поведет себя в критическую минуту. Он знал: случись непредвиденное, от маски закаленного командира, пожалуй, и следа не останется.

Под утро, сбросив на пол одеяло и смяв в комок простыни, он все же задремал. Ночь была теплая, как почти всегда на этой планете, но Диволл продрог.

Проснулся он поздно, за считанные минуты до завтрака, и торопливо оделся, чтобы явиться в офицерскую столовую вовремя. Разумеется, как старший по чину, он вправе спать сколько угодно, но подниматься тогда же, когда все, — это входит в роль, которую он сам себе навязал. Он надел легкую летнюю форму, поспешно снял бритвенной эссенцией щетину, пробившуюся со вчерашнего дня на смуглых щеках, нацепил портупею с неизбежным лучевым пистолетом и подал вестовому знак, что он встал и приступает к своим обязанностям.

Миссия землян размещалась на пространстве десяти акров в получасе езды от одного из крупнейших поселений планеты. Вездеход уже стоял наготове подле отдельного командирского домика; Диволл уселся, коротко кивнул вестовому:

— Здравствуйте, Харрис.

— Доброе утро, сэр. Хорошо спали?

— Прекрасно, — машинально ответил Диволл.

Обычный обмен приветствиями. Тотчас загудели двигатели, и маленький вездеход помчался через всю территорию миссии к столовой. К соседнему сиденью, как всегда по утрам, приколот был листок — распорядок дня, заготовленный дежурным офицером, пока начальник спал. Сегодняшний распорядок подписал Дадли, на редкость энергичный майор — образцовый космический служака, будто созданный для военной карьеры и ни для чего другого. Диволл вникнул в распорядок на утро, старательно выписанный угловатым почерком Дадли:

Калли, Дорфмен, Мэллорс, Стебер — как обычно, подразделение лингвистики. Маршрут вчерашний — в город.

Хаскел — медицинская служба. Анализ крови и мочи.

Мацуоко — ремонтные работы (до среды включительно).

Джолли — зоопарк.

Леонардс, Мейер, Родригес — предусмотренный выезд на два дня для ботанических исследований в полевых условиях. Придается запасной вездеход для образцов. Диволл изучил список до конца, но, как и следовало ожидать, Дадли распределил обязанности безупречно, каждого человека направил туда, где тот будет всего полезней и получит наибольшее удовлетворение. Только одно заставило чуть задуматься — Леонардс направлен на ботанические полевые исследования. Двухдневная поездка — пожалуй, придется пересечь опасный дождевой лес на юге; Диволла кольнула тревога. Этот мальчик — его племянник, сын родной сестры, вполне толковый свежеиспеченный ботаник, только-только получивший это звание. Он впервые направлен во внеземную экспе-

дицию и в отряд Диволла попал случайно, как новичок. Диволл скрыл от подчиненных, что они с Леонардом родня, ведь это могло поставить юношу в неловкое положение, а все-таки поневоле хотелось бы его поберечь.

К черту, подумал он, малыш вполне самостоятелен; нацарапал внизу листа свои инициалы и приколот на прежнее место; пока рядовые убирают жилые помещения, а командиры завтракают, распорядок будет доведен до всеобщего сведения и к девяти утра каждый займется своим делом. Столько надо сделать, подумал Диволл, а времени так мало. Так много неисследованных миров...

Он соскочил с вездехода и вошел в офицерскую столовую. Это была небольшая, ярко освещенная ниша слева от общего зала; когда вошел Диволл, семь человек, встречая его, уже вытянулись по стойке «смирно».

Конечно же, они не простояли так все утро, они вскочили и вытянулись, когда кто-то, стоявший на страже — скорее всего, самый молодой из всех, младший лейтенант Леонардс, — подал знак о приближении начальства.

Ладно, пустяки, подумалось Диволлу. Лишь бы соблюсти видимость, форму.

— Доброе утро, джентльмены, — отчеканил он и занял свое место во главе стола.

Поначалу казалось, день пройдет как по маслу. Солнце поднималось в безоблачном небе, и термометр, прикрепленный к флагштоку, показывал девяносто три. На Маркине уж если жара, так жара. Диволл по опыту знал: к полудню дойдет этак до ста десяти в тени, а потом температура станет медленно снижаться до восьмидесяти — восьмидесяти двух в полночь.

Группа ботаников отбыла вовремя — с грохотом покатали прочь их два вездехода. Диволл постоял на крыльце столовой, глядя им вслед, посмотрел, как расходятся по местам остальные. Бородатый сержант Джолли на ходу отдал ему честь и рысцой направился к «зоопарку» — здесь, в небольшом зверинце, на его попечении содержится кое-какая местная живность; возвращаясь с Маркина, экспедиция захватит ее на Землю. Прошел мимо жилистый маленький Мацуоко, нагруженный плотницким инструментом. Группа лингвистов забралась в вездеход и направилась в город продолжать изучение маркинского языка.

Все заняты по горло. Экспедиция провела на Маркине ровно четыре месяца, остается еще восемь. Если срок не продлят, они вернутся на Землю, полгода отведено на отчет и отдых, а потом предстоит прожить год на какой-нибудь другой планете.

Диволлу совсем не хотелось улетать с Маркина. Вполне приятный мир; правда, здесь жарковато, но кто знает, каков окажется мир, куда попадешь в следующий раз. Быть может, ледяной шар замерзшего метана, где весь год будешь ходить, упакованный в скафандр с кислородным баллоном, пытаясь вступить в контакт с какими-нибудь моллюсками, которые дышат сероводородом. Диволл предпочитал уже знакомую чертовщину неизвестной.

Однако не сидеть же на одном месте. Маркин — его одиннадцатая планета, а впереди ждут другие. На Земле едва хватает специалистов, чтобы хоть как-то обследовать десять тысяч миров, а жизнь изобилует на десятке миллионов! Надо будет сохранить тех участников нынешней команды, чья работа его удовлетворяет, заменить неподходящих и через восемь месяцев возглавить новую экспедицию.

Диволл включил в своем кабинете вентилятор и достал вахтенный журнал; раскрыл папку, вложил первый чистый лист в печатающий автомат; на сей раз он избежал привычной ошибки: сперва откашлялся, а уже потом включил автомат и тем самым не заставил машинку опять и опять тщетно подыскивать слово, которым можно передать его вечное «эгр-хмм!».

Мягко засветилась красная лампочка, и Диволл заговорил:

— Четвертое апреля две тысячи семьсот пятого. Докладывает полковник Джон Диволл. Сто девятнадцатый день нашего пребывания на Маркине, седьмой планете системы тысяча сто семь-а.

Температура в девять утра девяносто три градуса, ветер южный, слабый...

Он диктовал еще долго, как всегда по утрам. Покончив с необходимыми подробностями, взял пачку отчетов, оставленных для него с вечера специалистами отдельных служб, и начал диктовать данные для вахтенного журнала; машинка весело пощелкивала, и где-то в Рио-де-Жанейро, в подвале высоченного здания Департамента Внеземных Дел подключенная к ней по радио машина воспроизводила каждое его слово.

Нудная это была работа; Диволлу нередко думалось — быть может, куда больше радости он получал бы, занимаясь, как когда-то, прямыми антропологическими изысканиями, вместо того чтобы нести бремя текучки, к которой обязывает положение администратора. *Но должен же кто-то нести это бремя!*

Бремя землянина. Мы опередили всех на пути цивилизации — и помогаем другим. Но ведь никто не заставляет нас из-под палки лететь к другим мирам и де-

литься тем, что у нас есть. Назовем это внутренней потребностью.

Он собирался работать до полудня; позднее к нему явится один из маркинских верховных жрецов и скорее всего беседа затянется почти дотемна.

Но около одиннадцати Диволла прервал грохот неожиданно возвратившихся вездеходов и громкие голоса: кричали наперебой земляне и маркинцы. Похоже, кипел яростный спор, но были спорщики еще далеко и Диволл не настолько хорошо знал маркинский язык, чтобы разобрать, из-за чего шум. Не без досады он выключил печатающий аппарат, встал, подошел к окну и выглянул во двор.

Вернулись два вездехода — группа ботаников, а ведь и двух часов не прошло, как они уехали. Трех землян обступили четыре маркинца. Двое сжимают в руках копья с зазубренными наконечниками. Третья — женщина, четвертый — старик. Все горячо что-то доказывают.

Диволл нахмурился; люди в джипах бледны, лица и встревоженные и подавленные, совершенно ясно — что-то стряслось. Тот кроваво-красный закат не зря предвещал недоброе, подумал Диволл, выскочил из кабинета и сбежал по лестнице.

Широким шагом он направился к спорящим, и семь пар глаз обратились на него — блестящие глаза маркинцев цвета расплавленного золота и смущенные, неуверенные взгляды землян.

— Что здесь происходит? — властно спросил Диволл.

Туземцы заговорили все сразу, сбивчиво, торопливо, застрекотали, как белки. Никогда еще Диволл не видел жителей Маркина в таком волнении.

— Тише! — загремел он.

И когда все смолкло, спросил совсем спокойно, не повышая голоса:

— Лейтенант Леонардс, можете вы объяснить толком, из-за чего такой переполох?

Казалось, юноша перепуган насмерть — челюсти стиснуты, губы побелели.

— Д-да, сэр, — заикаясь вымолвил он. — Прошу прощения, сэр. Так получилось, что я убил маркинца.

У себя в кабинете, в относительном уединении, Диволл снова оглядел своих: Леонардса, который как сел, так и застыл, не сводя глаз с начищенных до блеска башмаков, Мейера и Родригеса — его спутников по злосчастной ботанической разведке. Маркинцы остались во дворе, их он успокоит после.

— Ну, так, — сказал Диволл. — Леонардс, сейчас вы повторите все в точности, как рассказали мне, и я сделаю запись. Начнете говорить, когда я подам знак.

Он включил печатающий аппарат.

— Показания младшего лейтенанта Пола Леонардса, ботаника, данные в присутствии командира 4 апреля 2705 года, — произнес он и ткнул пальцем в сторону Леонардса.

Казалось, лицо юноши вылеплено из воска; бледный лоб в крупных каплях пота, и на нем вздулись вены, светлые волосы спутаны и взъерошены. Он сжал губы в мучительной гримасе, стиснул руки так, что ногтями одной впился в кисть другой и наконец заговорил:

— Так вот, мы выехали из лагеря сегодня около девяти утра, курсом на юго-запад, объезжать дальние районы. Задача была собрать ботанические образцы. Я... я был старшим, в группу входили еще сержанты Мейер и Родригес.

Он чуть помолчал.

— Мы... в первые полчаса мы мало что успели, поблизости еще раньше все обследовали. А примерно в девять сорок пять Мейер заметил неподалеку, слева от большой дороги, участок, густо поросший деревьями, и показал мне. Я предложил остановиться и разведать, что это за лес. На вездеходах въехать было невозможно, мы пошли пешком. Родригеса я оставил присмотреть за нашей машиной и снаряжением.

Мы прошли через сплошную полосу лиственных цветковых деревьев, этот вид уже исследован раньше, потом попали в замкнутую естественную рощу и сразу заметили несколько видов, которые нам прежде не встречались. Один нам показался особенно интересным — растение высотой фута в четыре, всего один плотный сочный стебель, а верхушка — громадный, сложный зеленый с золотом цветок. Мы в подробностях засняли его на пленку, взяли образчики запаха, оттиски пыльцы и срезали несколько листьев.

Диволл вдруг перебил его:

— Но самый цветок вы не срезали? Говорит Диволл.

— Нет, конечно. Другого такого поблизости не было, а мы не уничтожаем единственные экземпляры ради коллекции. Но несколько листьев со стебля я взял. И в эту самую минуту из-за густых кустов вроде папоротника на меня бросился туземец.

У него было такое здешнее копьё, зазубренное. Мейер первый его увидел и крикнул, я отскочил, а он на меня с копьём. Я размахнулся, удалось оттолкнуть копьё, меня не задело. Маркинец отступил на несколько шагов и что-то кричал, но я еще плохо понимаю их язык. Потом он вскинул копьё и нацелил на меня. У меня был при себе обычный лучевой пистолет. Я выхватил его, и по-маркински велел туземцу

опустить копье, и сказал, что мы не хотели сделать ничего плохого. А он не слушал и опять бросился на меня. Пришлось защищаться, я выстрелил, я только пытался уничтожить копье, в крайнем случае ранить того в руку, а он повернулся, хотел размахнуться сильнее, но тут же умер. — Леонардс пожал плечами. — Вот и все, сэр. Мы сразу вернулись.

— Гм. Говорит Диволл. Сержант Мейер, подтверждаете вы, что суть дела рассказана верно?

Мейер — темноволосый, худощавый, улыбчивый, но сейчас на его худом лице ни следа улыбки.

— Говорит Мейер. Я так скажу, по сути, лейтенант Леонардс рассказал все верно. Только, по-моему, туземец был не так уж свиреп, хоть и грозился копьем. Я-то подумал, оба раза он, когда нападал, просто хотел взять на испуг, я немного удивился, когда лейтенант Леонардс застрелил его. Это все, сэр.

Полковник нахмурился.

— Говорит Диволл. Записывались показания касательно того, что сегодня лейтенантом Леонардсом убит маркинец.

Он выключил аппарат, поднялся и, наклонясь над столом, сурово посмотрел в лица трех молодых ботаников.

— Сержант Родригес, поскольку вы не были очевидцем, вы не несете никакой ответственности за случившееся и показаний от вас не требуется. Явитесь к майору Дадли и получите новое задание на остаток недели.

— Спасибо, сэр! — Родригес отдал честь, расплылся в благодарной улыбке и исчез.

— Что до вас двоих, придется вам оставаться на базе впредь до окончательного решения по этому делу. Вряд ли надо вам объяснять, насколько серьезно это может обернуться, независимо от того, соверше-

но ли убийство при самозащите или нет. Очень многие народы не знают понятия самозащиты. — Он провел языком по внезапно пересохшим губам. — Я не предвижу чересчур больших осложнений. Но мы на чужой планете, жители ее нам чужды, и трудно сказать, как они себя поведут.

Он бросил беглый взгляд на Леонарда.

— Лейтенант, ради вашей же безопасности я вынужден просить вас впредь до нового распоряжения никуда не отлучаться.

— Слушаю, сэр. Надо считать, что я под арестом?

— Пока нет, — сказал Диволл. — Мейер, до конца дня присоединяйтесь к ремонтникам. Возможно, прежде чем с этим делом будет покончено, нам опять понадобятся ваши показания. Оба свободны.

Когда они вышли, Диволл бессильно откинулся в поролоновом кресле и уставился на кончики собственных пальцев. Руки его дрожали, словно зажали своей отдельной жизнью.

Джон Диволл, доктор философии, антрополог, получивший ученую степень в Колумбии в 82-м и звание офицера Космической службы в 87-м, впервые попал в скверную историю.

Как-то ты с этим справишься, Джон? — спросил он себя. — Сумеешь ли доказать, что серебряный орел на плече — знак твоего достоинства — принадлежит тебе по праву?

Его бросило в пот. Одолела безмерная усталость. На минуту он закрыл глаза, вновь открыл и приказал по внутренней связи:

— Пришлите ко мне маркинцев.

Вошли пятеро, церемонно поклонились и с плохо скрываемым беспокойством стали в ряд у дальней стены, будто новобранцы, снаряженные для рас-

стрела. С ними явился Стебер, лингвист, спешно вызванный из города, чтобы служить Диволлу переводчиком. Познания полковника в маркинском языке, достаточные для повседневного обихода, были все же поверхностны; Стебер пусть будет под рукой, если какие-либо тонкости потребуют уточнения.

По строению тела маркинцы — гуманоиды, происходят от обезьян и потому, казалось бы, физиологически должны быть сродни людям Земли. Но это не так. Кожа у них грубая, жесткая, шероховатозернистая, как песок, обычно темная, буро-коричневая, а бывает и густо-фиолетовая. Челюсти в ходе эволюции приобрели подвижность, свойственную рептилиям, подбородка почти нет, но рот раскрывается так широко, что они заглатывают пищу огромными кусками, землянин от такого бы задохнулся; глаза как расплавленное золото, расставлены очень широко, и у них превосходное боковое зрение; нос плоский, пуговкой, в иных случаях крохотный бугорок над ноздрями почти неразличим.

Перед Диволлом стояли двое помоложе, очевидно, воины; оружие они оставили за дверью, но челюсти их угрожающе выпятились, а один, с более темной кожей, от ярости челюсть чуть не вывихнул. Женщина, как все женщины на планете, облаченная в потрепанный меховой балахон, казалась усталой, бесформенной. И еще двое — жрецы, один старик, другой уж вовсе древний старец. К нему-то Диволл и обратился с первыми своими словами:

— Я очень сожалею, что наша сегодняшняя встреча окрашена скорбью. Ранее я надеялся на приятную беседу. Но не всегда возможно предвидеть, что ждет впереди.

— Смерть ждала того, кто убит, — голос старшего жреца прозвучал сухо, пронзительно. Диволл знал, что это знак гнева и презрения.

Женщина вдруг дико взвыла, с полдюжины слов слились в одно рыдание. Диволл не понял да и не успел ничего разобрать.

— Что она сказала? — спросил он Стебера.

Тот прижал ладонь к ладони, чуть подумал.

— Она жена убитого, — перевел он. — Она... требует отмщения.

Молодые воины, по-видимому, были друзья убитого. Диволл пытливо всматривался в чужие, враждебные лица всех пятерых.

— То, что произошло, весьма прискорбно, — сказал он на языке маркинцев. — Но я верю, что это не повредит добрым отношениям, какие до сих пор существовали между землянами и жителями Маркина. Это недоразумение...

— Пролитую кровь надо искупить, — сказал жрец поменьше ростом и в не столь внушительном одеянии, как старец. Наверно, местный священнослужитель, подумал Диволл, и, наверно, он рад и счастлив, что тут с ним старейшина, который его поддержит.

И полковник смахнул пот со лба.

— Молодой человек, виновный в случившемся, безусловно понесет наказание. Вы, конечно, понимаете, что убийство при самозащите нельзя считать предумышленным и злонамеренным, но я признаю, что молодой человек поступил неразумно, и он за это ответит.

Диволл и сам чувствовал, что слова его не слишком убедительны, и на маркинцев они явно не произвели впечатления.

С губ верховного жреца слетели два резких, отрывистых слога. Диволл не понял и вопросительно посмотрел на Стебера.

— Он сказал, Леонардс вторгся в священное место. Он сказал, они возмущены не убийством, а святотатством.

Несмотря на жару, Диволла охватил озноб. *Не убийством? Тогда все очень осложнится*, мрачно подумал он.

Жрецу он сказал:

— Разве это меняет суть дела? Мы все равно покараем виновника, его поступок непростителен.

— Вы можете покарать его за убийство, если хотите, — верховный жрец говорил очень медленно, чтобы Диволл разобрал каждое слово.

У вдовы вырвались горькие рыдания, совсем так же плакала бы земная женщина; молодые воины смотрели угрюмо и злобно.

— Убийство нас не касается, — продолжал верховный жрец. — Убийца отнял жизнь. Жизнь принадлежит Им, и Они забирают ее обратно, когда сочтут нужным и теми средствами, какими Они пожелают. Но он еще и вторгся в священное место и осквернил священный цветок. Вот его тяжкие преступления. И вдобавок он пролил в священном месте кровь Стража. Выдайте нам его, и суд жрецов будет судить его за двойное святотатство. Быть может, потом вы станете судить его по вашим законам, если он преступил какой-либо из них.

Не сразу Диволл сумел отвести взгляд, прикованный к неумолимому жесткому лицу верховного жреца; потом обернулся и заметил, как побледнел Стебер — воплощенное изумление и отчаяние.

Лишь через несколько секунд слова жреца проникли в его сознание, и еще секунды прошли, прежде чем потрясенный Диволл понял, чем это чревато. *Они хотят судить землянина*, ошеломленно подумал

он. Судить по своим законам. В своем судилище. И определить кару по своему усмотрению.

Все это разом перестало быть просто случаем местного значения, который можно уладить, занести в вахтенный журнал и забыть. Дело уже не в том, чтобы как-то возместить нечаянное убийство инопланетянина.

Теперь, тупо думал Диволл, это вопрос всегалактической важности. И принимать все решения придется ему, Диволлу.

В тот вечер после ужина он зашел к Леонардсу. На базе все уже знали о случившемся, но о требовании маркинцев выдать им Леонардса для суда по здешним законам Диволл приказал Стеберу молчать.

Когда полковник вошел, юноша поднял глаза, собрался с духом и не слишком бодро вытянулся.

— Вольно, лейтенант, — Диволл присел на край кровати и, прищурясь, посмотрел снизу вверх на Леонардса. — Ты влип в скверную историю, сынок.

— Сэр, я...

— Знаю. Ты не замышлял рвать листья священного растения и не мог не выстрелить в туземца, когда он на тебя напал. Будь все так просто, я отчитал бы тебя за опрометчивость, на том бы и кончилось. Но...

— Но что, сэр?

Диволл нахмурился и, сделав над собой усилие, посмотрел на юношу в упор.

— Но здешний народ хочет сам тебя судить. Их не так уж возмутило убийство, но ты совершил двойное святотатство. Верховный жрец требует, чтобы ты предстал перед судом маркинских священнослужителей.

— Ну, этого-то вы, конечно, не допустите, полковник?

Леонардс явно не сомневался, что такое просто немыслимо.

— Я не так уж в этом уверен, Пол, — негромко возразил Диволл, нарочно называя Леонардса просто по имени.

— Что вы говорите, сэр?

— Совершенно ясно, что проступок твой очень серьезен. Этот верховный жрец созывает для суда над тобой целый маркинский синод. Он сказал, что за тобой придут завтра в полдень.

— Но вы же не отдадите им меня, сэр! В конце концов, я только выполнял свои обязанности; я понятия не имел, что нарушаю какие-то там законы. Да с какой стати им меня судить!

— Попробуй-ка им это доказать, — отрезал Диволл. — Они жители другой планеты. Земные правила и порядки им непонятны. Они и слышать не желают о *наших* законах. По *их* законам ты совершил святотатство, а за это полагается кара. Народ Маркина неуклонно соблюдает свои законы. Технология у них не развита, но в этическом смысле они ничуть не ниже нас.

В лице Леонардса не осталось ни кровинки.

— Вы отдадите меня им?

Диволл пожал плечами.

— Пока я этого не сказал. Но попробуй стать на мое место. Я возглавляю научную и военную экспедицию. Наша задача — жить среди маркинцев, изучить их нравы и обычаи и, насколько позволяет отпущенный нам недолгий срок, как можно большему их научить. Понимаешь, нам нужно хотя бы *попытаться* вести себя так, как будто мы уважаем их права — права отдельной личности и всего вида. Так вот, сейчас суть именно в этом. Кто мы — друзья, которые живут среди них и им помогают, или владыки, чья тяжелая рука их придавила?

— Мне кажется, это все слишком упрощено, сэр, — неуверенно заметил Леонардс.

— Может быть. Но суть ясна. Если мы сейчас им откажем, между Землей и жителями этой планеты разверзнется пропасть: выйдет, что мы только разглагольствуем о братстве, а по существу считаем себя господами. Весть разнесется и по другим планетам. Мы прикидываемся друзьями, но своим поведением в знаменитом деле Леонардса разоблачили свое истинное лицо. Мы — надменные завоеватели, империалисты, смотрим на всех свысока и... видишь, что получается?

— Значит, вы отдадите меня им на суд, — тихо сказал Леонардс.

Диволл покачал головой.

— Не знаю. Я еще не решил. Конечно, это означало бы создать опасный прецедент. Но если не отдать... уж не знаю, что тогда будет. — Он пожал плечами. — Я доложу обо всем Земле. Тут решать не мне.

Но нет, решать надо самому, думал Диволл, пока, выйдя от Леонардса, на деревянных, негнущихся ногах шагал к домику, где размещался Отдел связи. Он — здесь, на месте, и только он может оценить все переплетения обстоятельств, определяющих исход этого дела. Земля почти наверняка на него и взвалит всю ответственность.

Одно хорошо: Леонардс по крайней мере не воззвал к его родственным чувствам. Диволл ощутил и гордость, и некоторое облегчение. Пока со всей этой историей не покончено, он обязан попросту забыть, что кашу заварил его племянник.

Связист хлопотал над пультом в глубине домика. Диволл выждал минуту и негромко откашлялся.

— Мистер Рори?

Рори обернулся.

— Слушаю, полковник.

— Немедленно соедините меня с Землей. С директором Департамента Внеземных Дел Торнтоном. Как только установите связь, кликните меня.

Двадцать минут понадобилось посланному через подпространство импульсу, чтобы одолеть измеряемое световыми годами расстояние до приемника на Земле, еще десять минут ушло, пока там он был переключен на Рио-де-Жанейро. Когда Диволл вернулся в Отдел связи, его уже ждало, переливаясь зеленоватым светом, поле настроенного стереопередатчика. Он шагнул внутрь и очутился в трех шагах перед столом главы Внеземных Дел. Изображение Торнтон было четким, но края стола словно расплывались. Плотные неодушевленные предметы при передаче всегда получались неважно.

Диволл кратко обрисовал положение. Торнтон терпеливо, не шелохнувшись, дослушал до конца; пальцы рук переплетены и крепко сжаты, худошавое лицо застыло — не человек, а статуя.

— Неприятная история, — сказал он, когда Диволл умолк.

— Вот именно.

— Так вы говорите, маркинец вернется завтра? Боюсь, полковник Диволл, на то, чтобы созвать совещание и всесторонне исследовать этот вопрос, времени у нас маловато.

— Пожалуй, я мог бы уговорить его несколько дней подождать.

Тонкие губы Торнтон сжались в бескровную полоску. Он ответил не сразу:

— Нет. Действуйте, как сочтете нужным, полковник. Если психология этого племени такова, что отказ предоставить им судить вашего лейтенанта по-

влечет нежелательные осложнения, вам, безусловно, придется им его выдать. Если этого можно избежать, разумеется, постарайтесь избежать. В любом случае виновник должен быть наказан. — Директор невесело улыбнулся. — Вы один из лучших наших людей, полковник. Я уверен, что в конечном счете вы найдете самый правильный выход из создавшегося положения.

— Благодарю вас, сэр, — нетвердым голосом произнес Диволл.

Он кивнул и отступил за пределы поля. Изображение Торнтона пошло рябью; Диволл уловил сказанное на прощанье: «Когда все уладите, доложите мне». — И поле связи погасло.

Он постоял один в жалком домишке, поморгал, привыкая к внезапной темноте, нахлынувшей на него после яркого света стереополя, потом ощупью стал пробираться в тесноте среди всяческого оборудования к дверям.

Все получилось, как он и предвидел. Торнтон неплохой человек, но он штатский, и над ним стоят правительственные чиновники. Ему совсем не по вкусу принимать решения величайшей важности, да еще когда можно заставить некоего полковника на расстоянии сотен световых лет сделать это вместо него.

На другое утро в девять пятнадцать Диволл созвал совещание командного состава. Работы на базе почти прекратились; группе лингвистов велено было никуда не отлучаться, у всех выходов по приказу Диволла поставили часовых. Внезапный взрыв жестокости возможен даже среди самых миролюбивых инопланетян; нельзя предсказать, когда сдерживающие центры откажут и расовая несовместимость разрешится взрывом ненависти.

Собравшиеся молча выслушали запись показаний Леонардса, пояснений Мейера и недолгой встречи Диволла с пятью маркинцами. Диволл нажал клавишу выключателя и обвел быстрым взглядом сидящих за столом: его штаб составляли два майора, капитан и четверка лейтенантов, из которых один находился под домашним арестом.

— Вот такая картина. Около полудня верховный жрец явится ко мне за ответом. Я решил сначала обсудить это с вами.

Слова попросил майор Дадли.

Плотный, приземистый, с темными сверкающими глазами, Дадли в прошлом не раз ожесточенно оспаривал стиль отношений Диволла с инопланетянами. Несмотря на это Диволл четыре раза выбирал его в спутники для дальних полетов: разногласия бывают полезны, полагал он, притом Дадли еще и великолепный организатор.

— Да, майор?

— Я считаю, сэр, тут не может быть двух мнений. Не отдавать же Леонардса им на суд! Это... не по-человечески и... не по-земному!

Диволл сдвинул брови.

— Пожалуйста, уточните, майор.

— Очень просто. Не кто-нибудь, а мы вышли в космос, стало быть, мы наиболее передовая и развитая раса во всей галактике. Я считаю, это ясней ясного.

— Отнюдь, — заметил Диволл. — Но продолжайте. Дадли зло скривился.

— Что ни говорите, сэр (обращение прозвучало почти как вызов), а все инопланетяне, с которыми мы до сих пор сталкивались, никогда не сомневались в нашем превосходстве. Я считаю, это бесспорно и этому есть одно-единственное объяснение: мы и в самом деле высшая раса. А выдавать Леонардса им на

суд значит ослабить наши позиции. Показать себя слабыми, бесхарактерными. Мы...

— Так вы полагаете, — перебил Диволл, — что мы владыки всей галактики и в чем-то уступить нашим рабам значит потерять над ними власть? Так вы полагаете, майор? — Он гневно, в упор смотрел на Дадли.

Тот невозмутимо встретил грозный взгляд полковника.

— По сути так. Черт возьми, сэр, я пытаюсь втолковать вам это еще со времен экспедиции на Хигет. Не для того же мы вышли к звездам, чтобы собирать коллекции мотыльков да белок! Мы...

— К порядку! — сухо перебил Диволл. — Наша экспедиция не только военная, но и научная, майор, и куда команду я, она останется прежде всего научной. — Он почувствовал, что вот-вот потеряет самообладание. Отвел глаза от Дадли. — Майор Грей, что скажете вы?

Грей, пилот их корабля, в месяцы между полетами руководил строительством базы и составлял карты местности. Он был невысокий, жилистый, торчали острые скулы; никто не видывал на его докрасна загорелом лице улыбки.

— По-моему, нам надо быть поосторожнее, сэр, — сказал он. — Если выдать им Леонардса, это нанесет непоправимый ущерб престижу Земли.

— Ущерб?! — взорвался Дадли. — Да нам после такого удара не оправиться. Да мы обесчестим себя на всю галактику, мы больше не сможем высоко держать голову, если...

— Майор Дадли, я уже один раз призвал вас к порядку, — спокойно сказал Диволл. — Покиньте совещание, майор. Позже мы поговорим о понижении вас в чине. — И, не взглянув больше на Дадли, опять обратился к Грею: — Не думаете ли вы, майор,

что такой поступок, напротив, возвысил бы нас в глазах жителей тех миров, где к Земле относятся с опаской?

— Это очень и очень трудно предсказать заранее, сэр.

— Что ж, хорошо. — Диволл поднялся. — Согласно уставу, я доложил о положении дел властям на Землю и вынес вопрос на обсуждение моих офицеров. Благодарю за внимание, джентльмены.

— А разве насчет наших дальнейших действий не будет никакого голосования, сэр? — неуверенно заговорил капитан Маршал.

Диволл холодно усмехнулся.

— В качестве командующего базой ответственность за решение по данному вопросу я полностью беру на себя. Так будет проще для всех нас, если отвечать придется перед военным судом.

Да, это единственный путь, думал он, сидя у себя в кабинете в напряженном ожидании верховного жреца. Видно, ради престижа Земли его офицеры настроены против каких-либо шагов к примирению. Едва ли справедливо было бы взваливать на них часть ответственности за решение, которое они всем своим существом отвергают.

Скверно получилось с Дадли, размышлял далее полковник. Но подобное неподчинение недопустимо; придется в следующем полете обойтись без него. Если сам я еще когда-нибудь полечу, мысленно прибавил Диволл.

Мягко засветилась лампочка внутренней связи.

— Да?

— Пришла делегация туземцев, сэр, — слышался голос дежурного.

— Не посылайте их ко мне, пока я не скажу.

Диволл подошел к окну и посмотрел во двор. В первую минуту показалось, будто там полно маркинцев. Потом он понял — их всего с десяток, но они облачились в самые парадные одеяния, ярко-красные и ядовито-зеленые, в руках копыя и мечи — последние скорее не оружие, а украшение для торжественных случаев. Издали за ними беспокойно наблюдают человек шесть солдат экспедиции, явно готовые, чуть что, мигом выхватить пистолеты.

В последний раз Диволл взвесил «за» и «против».

Если выдать маркинцам Леонардса, на сегодня гнев их утихнет, но, быть может, на будущее это нанесет урон престижу Земли. Диволл давно считал, что по природе своей он человек слабый и лишь особое чутье помогает ему превосходно маскировать свою слабость... но будет ли его уступка инопланетянам означать в глазах Вселенной, что слаба Земля?

С другой стороны, предположим, он откажется отдать Леонардса на их суд. Тогда, в сущности, он придавит их рукой владыки и вся Вселенная узнает, что люди Земли отвечают за свои действия только перед собой и ничуть не считаются с народами тех миров, куда прилетели.

Так ли, эдак ли, по всей галактике пойдет о землянах дурная слава. Либо они выставят себя слишком покладистыми, просто тряпками, либо тиранами. Вспомнилось прочитанное когда-то определение: *мелодрама — это столкновение правоты и неправоты, трагедия — столкновение правоты с правотой*. Здесь сейчас правы обе стороны. И какое решение ни примешь, осложнений не избежать.

И еще одно: Пол Леонардс. Вдруг они казнят мальчика? Родственные соображения сейчас кажутся до нелепости мелкими, а все же отдать род-

ного племянника инопланетянам, быть может, на казнь...

Диволл перевел дух, расправил плечи, придал взгляду жесткость. Мельком посмотрел в зеркало над книжной полкой и удостоверился: вид самый что ни на есть командирский, ни намека на внутренний разлад.

Он нажал клавишу внутренней связи.

— Впустите верховного жреца. Остальные пускай подождут во дворе.

Верховный жрец был неправдоподобно крохотный и сморщенный — не человек, а гном, преклонный возраст изрыл, иссек его лицо невообразимым, загадочным лабиринтом морщин. На безволосом черепе — зеленый тюрбан. Диволл знал: это знак глубокого траура.

Старец низко поклонился, почтительно отвел за спину под острым углом иссохшие тощенькие ручки. Потом выпрямился, резко вскинул голову и маленькими круглыми глазками резко впился в глаза Диволлу.

— Судьи уже избраны, мы готовы начать. Где виновный?

Диволл мимолетно пожалел, что не прибегнул для этой беседы к услугам переводчика. Но иначе нельзя, тут надо справляться одному, без чьей-либо помощи.

— Обвиняемый у себя в комнате, — медленно произнес он. — Сначала я хотел бы кое о чем тебя спросить, старик.

— Спрашивай.

— Если я отдам этого молодого человека вам на суд, может ли случиться, что его ждет смертная казнь?

— Все может быть.

Диволл помрачнел.

— Нельзя ли сказать точнее?

— Как можем мы знать приговор прежде, чем состоится суд?

— Ладно, оставим это. — Диволл понял, что определенного ответа не получит. — Где вы будете его судить?

— Недалеко отсюда.

— Можно ли мне присутствовать на суде?

— Нет.

Диволл успел уже достаточно изучить маркинскую грамматику, и сейчас он понял — форма отрицания, которую употребил жрец, дословно звучала так: «Я-сказал-*нет*-и-это-значит-*нет*». Он провел языком по пересохшим губам.

— Что, если я откажусь передать лейтенанта Леонардса вашему суду? Как бы отнесся к этому ваш народ?

Наступило долгое молчание. Потом старый жрец спросил:

— Ты так поступишь?

— Я говорю предположительно (буквально ответ Диволла звучал так: «Мои-слова-в-облаках»).

— Это будет очень плохо. Мы долгие месяцы не сможем очистить священный сад. И притом...

Он прибавил еще несколько незнакомых землянину слов. Долгую минуту Диволл безуспешно пытался разгадать смысл услышанного. Наконец спросил:

— Что это значит? Выскажи другими словами.

— Это название обряда. Вместо человека Земли судить будут меня, и я умру, — просто сказал жрец. — И тогда тот, кто станет верховным после меня, велит вам уйти из нашего мира.

В кабинете стало очень тихо; Диволл слышал только хриплое дыхание старого жреца, да нестройно

стрекотали за окном, в густой траве, несчетные насекомые — подобие земных кузнечиков.

Искать примирения? — спрашивал он себя. — *Или действовать рукою владыки?*

Вдруг стало совершенно ясно, как надо поступить, непостижимо, как мог он столько времени колебаться.

— Я выслушал твои пожелания, старик, и чту их, — произнес он формулу отречения от притязаний, которой научил его Стебер. — Этот молодой человек — ваш. Но могу я обратиться к тебе с просьбой?

— Проси.

— Он не знал, что нарушает ваши законы. У него не было недоброго умысла; он глубоко сожалеет о содеянном. Теперь он в ваших руках, но я прошу, будьте милосердны. Он не мог знать, что совершает преступление.

— Это решит суд, — холодно сказал старый жрец. — Если тут есть место милосердию, его помилуют. Я ничего не обещаю.

— Очень хорошо, — сказал Диволл. Достал бумагу, набросал приказ о передаче лейтенанта Леонардса маркинскому суду, поставил свою подпись — полностью имя, фамилия и звание. — Вот, возьми. Отдай это землянину, который тебя впустил. Он позаботится, чтобы виноватого привели к вам.

— Ты мудр, — сказал жрец. Церемонно поклонился и направился к выходу.

— Еще минутой, — в отчаянии окликнул Диволл, когда старик уже отворил дверь. — Еще один вопрос.

— Спрашивай.

— Ты сказал, что если я откажусь отдать вам юношу, ты предстанешь перед судом вместо него. А нельзя ли заменить его кем-нибудь другим? Что, если...

— Ты нам не подходишь, — сказал жрец, будто прочитав его мысли, и скрылся за дверью.

Пять минут спустя полковник Диволл выглянул из окна и увидел торжественное шествие маркинцев, они миновали стражу у выхода и покинули базу. Окруженный ими, невозмутимо шел Леонардс. К облегчению Диволла, он не обернулся.

Долго смотрел полковник Диволл невидящим взглядом на книжную полку, на катушки потрепанных пленок, что кочевали с ним от планеты к планете, от сумрачного Дейнелона до планеты бурь Ларрина и на мертвенный, лишенный влаги Корвел и дальше, на Хигет и М'Куолт, и еще на другие миры и, наконец, сюда, под жаркое синее небо Маркина. Потом покачал головой, повернулся и тяжело опустился в уютное поролоновое кресло за столом.

Он свирепо ткнул в клавишу записывающего аппарата, продиктовал полный, подробный отчет о своих действиях с самого начала вплоть до рокового решения и горько усмехнулся; на передачу требуется некоторое время, но очень скоро защелкает воспроизводящий аппарат в подвале Департамента Внеземных Дел в далеком Рио — и Торнтон узнает, как поступил Диволл.

И Торнтон вынужден будет отныне держаться той же политики, и Департамент — тоже.

По микрофону внутренней связи он сказал:

— Не беспокоить меня ни при каких обстоятельствах. Если будет что-нибудь срочное, известите майора Грея; пока я не отменю этого распоряжения, командует базой он. И если придут какие-либо сообщения с Земли, их тоже передайте Грею.

Любопытно, отстранят его от командования немедленно или подождут, пока он вернется на Землю. Вероятно, второе; хотя Торнтон не слишком искус-

ный дипломат, на это его хватит. Но, безусловно, будет расследование, и кому-то не сносить головы.

Диволл пожал плечами и откинулся на спинку кресла. *Я поступил по справедливости*, твердо сказал он себе. *В этом-то я уверен.*

Только бы мне никогда больше не пришлось смотреть в глаза сестре.

Немного погодя он задремал, полуприкрытые веки тяжело опустились. Сон одолел его, и он от души обрадовался сну, потому что устал смертельно.

Внезапно его разбудил многоголосый крик. Расколов слепополуденную тишину, из доброй дюжины глоток разом вырвался ликующий вопль. На мгновение Диволл растерялся, но тотчас очнулся и бросился к окну.

В распахнутых воротах показался одинокий пешеход. Военная форма на нем была порвана в нескольких местах, и с нее текло ручьями. Светлые волосы облепили голову, словно он только-только вынырнул из воды; он казался очень утомленным.

Леонардс.

Полковник Диволл кинулся было во двор, да уже на пороге спохватился, что форменная одежда на нем не в надлежащем порядке. Он заставил себя вернуться, одернул куртку и снова, олицетворяя собою неколебимое достоинство, чеканным шагом вышел во двор.

Леонардса окружали сияющие улыбками люди, солдаты и офицеры вперемешку. Юноша устало улыбался в ответ.

— Смирно! — гаркнул Диволл.

Мигом все стихло. Полковник подошел ближе.

Леонардс через силу вскинул руку, отдавая честь. Диволл заметил на его лице изрядные кровоподтеки.

— Я вернулся, полковник!

— Вижу. А вам понятно, что я должен буду все равно вернуть вас маркинцам, от суда которых вы, проявив, без сомнения, немалую храбрость, сбежали?

Юноша улыбнулся и покачал головой.

— Нет, сэр. Вы не поняли, сэр. Суд окончен. Меня уже судили и оправдали.

— Как так?

— Они осудили меня на испытание, полковник. С полчаса молились, а потом бросили меня в озеро, там у дороги. Два брата убитого кинулись за мной и старались меня утопить, но я плаваю лучше и добрался до другого берега.

Он отряхнулся, точно попавшая под дождь кошка, с мокрых волос на несколько шагов разлетелись брызги.

— Была минута, когда они меня едва не одолели. Но раз я переплыл озеро и остался жив, это доказывает, что у меня не было злого умысла. Вот судьи и объявили, что я невиновен, извинились и отпустили меня. Когда я уходил, они еще молились.

В том, как он говорил и держался, не чувствовалось ни малейшей горечи — видно, понял, чем вызвано было решение выдать его на этот суд, и не затаит на меня обиды, подумал Диволл. Это отрадно.

— Пойдите к себе, лейтенант, и обсушитесь. А потом зайдите ко мне в кабинет. Я хотел бы с вами поговорить.

— Есть, сэр.

Диволл круто повернулся и зашагал через площадку. Захлопнул за собой дверь кабинета и включил печатающий аппарат. В доклад Земле надо внести кое-какие изменения.

Едва он кончил, засветился сигнал вызова. Диволл включил внутреннюю связь и услышал голос Стебера:

— Сэр, пришел тот старый жрец. Он хочет перед вами извиниться. Он одет по-праздничному и принес нам искупительные дары.

— Передайте, что я сейчас же выйду, — распорядился Диволл. — И созовите всех. Включая Дадли. Главное — Дадли. Я хочу, чтобы он это видел.

Диволл снял потемневшую от пота форменную куртку и достал свежую. Посмотрелся в зеркало, одобрительно кивнул.

Так, так, думал он. Стало быть, мальчик остался цел и невредим. Отлично.

Но он знал, что судьба Пола Леонардса во всей этой истории существенна разве только для семьи. Последствия случившегося куда значительнее.

Впервые Земля на деле доказала свою верность принципу, который издавна провозглашала: что все разумные существа равноправны. Он, Диволл, проявил уважение к законам Маркина в той форме, какая принята у жителей этой планеты, и тем самым завоевал их расположение. А что они вернули юношу живым и невредимым — это выигрыш, о котором и мечтать не приходилось.

Но создан прецедент. И, возможно, на какой-нибудь другой планете дело кончится не столь благополучно. Есть миры, где преступников предают смертной казни весьма неприятными способами.

Да, бремя, возложенное на земные исследовательские экспедиции, станет отныне во много раз тяжелей... Теперь земляне будут подчиняться законам каждого мира, который посетят, и никто не потерпит легкомысленных ботанических экскурсий по священным садам. Но в конечном счете это на благо, думал Диволл. Мы показали народу чужой планеты, что мы над ними не владыки и большинство из нас такой власти не хочет. И теперь вся тяжесть ложится на нас.

Он распахнул дверь и вышел. Во дворе собрались все люди базы, а перед крыльцом смиренно преклонил колена старый жрец, в руках у него было нечто вроде эмалевой шкатулки — примирительный дар. Диволл улыбнулся, ответно поклонился и осторожно помог старику встать.

Отныне мы должны будем вести себя безупречно, подумал он. Строго следить за каждым своим шагом. Но будем за это вознаграждены.

Искусники планеты Ксанаду

...И вот Солнце обернулось Сверхновой звездой, а человечество раздробилось на части и рассеялось по всему космосу; и так хорошо люди знали себя, что понимали: надо сохранить не только саму жизнь, но и свое прошлое, иначе они утратят человеческую сущность; и так гордились они собой, что свои традиции превратили в строгие обряды и нерушимые правила.

Великая мечта воодушевляла человечество: куда бы ни занесло его осколки и частицы, сколь разной ни была бы их судьба, им не придется начинать сначала, они продолжают извечный путь человечества; и по всей Вселенной, во все времена люди останутся людьми, будут говорить как люди и мыслить как люди, стремиться к новым целям и достигать их; и когда бы ни повстречал человек человека, сколь бы разными и далекими друг от друга они ни были, они встретятся мирно, признают друг в друге родню и заговаривают на одном языке.

Но такова уж человеческая природа...

Брил вынырнул из глубин космоса неподалеку от розовой звезды, поморщился от ее розового сияния и отыскал четвертую планету. Она повисла в пространстве, дожидаясь его, словно некий экзотический плод. (Зрелый ли это плод? И удастся ли заставить его дозреть? И не таит ли он яда?) Он оставил свой аппа-

рат на орбите и в шаровой капсуле опустился на планету. У водопада, наблюдая за спуском, ждал юный дикарь.

— Земля была мне матерью, — произнес Брил, не выходя из шара. Это было традиционное приветствие человечества, и говорил он на Древнем языке.

— И мне отцом, — закончил дикарь. Выговор у него был ужасный.

Брил осторожно вылез из капсулы, но не отошел от нее ни на шаг. Оставалось довершить свою часть обряда.

— Я чту различие в наших желаниях, ибо каждый из нас личность, и приветствую тебя.

— Я чту равенство наших прав, ибо все мы люди, и приветствую тебя, — отозвался юнец. — Я Уонайн, сын Тэнайна, сенатора, и жены его Нины. А это место называется округ Ксанаду на Ксанаду, четвертой планете.

— Я — Брил с Кит Карсона, второй планеты в системе Самнер, сочлен Наивысшей Власти, — сказал гость и добавил: — Я прибыл с миром.

Он подождал, не бросит ли туземец, согласно старинному дипломатическому этикету, какое-либо оружие. Уонайн ничего не сделал — оружия при нем явно не было. Единственная его одежда — легкая туника, перехваченная широким поясом из каких-то плоских черных, до блеска отполированных камней; под таким одеянием не спрячешь и стрелу. Брил, однако, выждал еще минуту, присматриваясь к безмятежному лицу юного дикаря: не подозревает ли Уонайн, что в тугом черном мундире, в сверкающих ботфортах, в металлических перчатках с крагами скрыт целый арсенал? Но Уонайн сказал только:

— Так добро пожаловать, приди с миром! — и улыбнулся. — Войди в дом Тэнайна и мой и отдохни.

— Ты сказал, что Тэнайн, твой отец, — сенатор? Может он помочь мне попасть в ваш правительственный центр?

Подросток помедлил, чуть шевеля губами, будто переводил про себя слова мертвого языка на знакомое наречие.

Потом он сказал:

— Да, конечно.

Брил слегка стукнул пальцами правой руки по ладони левой, затянутой в перчатку, и шар-капсула взметнулся в воздух — скоро он достигнет корабля и останется там, на орбите, пока не понадобится вновь. Уонайн не ахнул, не изумился — должно быть, это выше его понимания, подумал Брил.

И он зашагал вслед за мальчиком по тропинке, что вилась среди чудесных, пышно цветущих растений — больше всего тут было лиловых цветов, попадались снежно-белые, а потом и ярко-алые, и на всех лепестках искрились алмазные брызги водопада. Тропа шла в гору, здесь по обе стороны росла густая мягкая трава: пока к ней приближались, она была красная, когда проходили мимо, — бледно-розовая.

На ходу Брил пытливо осматривался, узкие черные глаза его все видели, все подмечали; мальчик поднимается в гору пружинистым шагом, дышит легко и свободно, тонкая ткань его туники переливается на ветру всеми цветами радуги; там и сям высятся могучие деревья, за иными может укрыться человек или оружие; а кое-где из почвы торчат каменные выступы — по ним можно судить, какие тут есть ископаемые; летают птицы, слышен словно бы птичий свист и щебет, но, может быть, это и какой-то условный знак...

От взгляда этого человека ускользало только очевидное, но ведь очевидного в мире так мало!

Однако он никак не готов был увидеть такой дом: они уже наполовину прошли парк, когда Брил наконец понял, что это и есть жилище Уонайна.

Никаких стен и границ не заметно. В одном месте дом поднимается высоко, в другом это просто площадка меж двумя цветочными клумбами; там комната становится террасой, здесь лужайка служит ковром: над ней, оказывается, крыша. Дом разделен не столько на комнаты, сколько на открытые пространства — то подобием сквозной садовой решетки, то просто иной цветовой гаммой. И нигде ни одной стены. Негде спрятаться, укрыться, запереться. Вся округа, все небо без помехи заглядывают в дом, видят его насквозь, и весь этот дом — одно огромное окно в мир.

При виде всего этого Брил несколько изменил свое мнение о туземцах. Он-то знает людей, недаром говорится: «Каждому человеку есть что скрывать». И хоть здесь не видно ни одного укромного уголка, Брил только стал еще зорче присматриваться к окружающему, спрашивая себя: «Как же они прячут то, что хотят скрыть?!

— Тэн! Тэн! — кричал между тем мальчик. — Я привел друга!

По саду навстречу им шли мужчина и женщина. Мужчина — настоящий великан, но в остальном так похож на Уонайна, что сразу ясно: это отец и сын. Тот же длинный и узкий разрез ясных, серых, широко расставленных глаз, те же яркие огненно-рыжие волосы. Тот же крупный и, однако, изящно очерченный нос, губы совсем не толстые, но рот большой и добродушный.

Зато женщина...

Не сразу Брил позволил себе посмотреть на нее, позволил себе поверить, что может жить на свете такая женщина. Увидев ее, он торопливо отвел глаза и

потом уже все время ощущал ее присутствие и лишь изредка взглядывал, чтобы увериться: да, это не почудилось, это все правда — волосы, лицо, голос, тело. Как и мужа и сына, ее окутывало радужное переливчатое облако, и, лишь когда ветерок замирал, видно было, что это схваченная черным поясом туника.

— Это Брил с Кит Карсона, из системы Самнера, — оживленно болтал мальчишка, — и он сочлен Наивысшей Власти, и это их вторая планета, и он знает приветствие и сказал все правильно. И я тоже, — прибавил он смеясь. — А это Тэнайн, сенатор, и Нина, моя мать.

— Добро пожаловать, Брил с планеты Кит Карсон, — сказала женщина; и, не в силах поверить, что с ним могло случиться такое, он с трудом отвел глаза и почтительно склонил голову.

— Войди же, — дружелюбно сказал Тэнайн и провел гостя под сводом, который оказался не отдельной аркой, как можно было подумать, но входом в дом.

Комната была широкая, один конец шире другого, хотя сразу не определишь, намного ли. Пол неровный, постепенно повышается к одному углу, который занимает какая-то поросшая мхом насыпь. Там и сям разбросаны белые и серые полосатые глыбы, по виду это камни, а тронешь рукой — словно бы живая плоть. Иные из них гладкие, как стол, в иных — и в той насыпи в углу — есть углубления вроде полок, и это вся мебель.

По комнате, журча и пенясь, струится вода, как будто обыкновенный ручеек; но Брил заметил: Нина прошла босыми ногами по чему-то невидимому, чем покрыт этот ручей во всю длину, до озера, в которое он впадает в дальнем углу комнаты. Это озерко он видел, когда они только еще шли сюда, и непонятно, все ли оно заключено в доме или часть остается сна-

ружи. У самого озера растет огромное дерево, тяжелая листва клонится над насыпью, и похоже, что широко распростертые нижние ветви переплетены тем же невидимым веществом, которым покрыт ручей, и образуют сплошной навес. Над головой ничего больше нет, но ощущение такое, словно это потолок.

Все это безмерно угнетало Брила, и он даже поймал себя на внезапной острой тоске по дому, по многоэтажным стальным городам родной планеты.

Нина улыбнулась и оставила их втроем. Следуя примеру хозяина, Брил опустился наземь (или это был пол?) в том месте, где он переходил в насыпь (или в стену?). Все существо Брила возмущалось: расплывчатость, небрежность замысла — верный знак, что здешним жителям чужды решимость, дисциплина, строгость и собранность. Но он знал, как себя держать: на первых порах не следует выдавать варварам свои истинные чувства.

— Нина сейчас вернется, — сказал Тэнайн.

Брил, который неотрывно следил, как проворно и легко движется женщина во дворе, за прозрачной стеной, при этих словах чуть не подскочил.

— Я не знаю ваших обычаев и старался понять, что она делает.

— Готовит тебе поесть, — объяснил Тэнайн.

— Сама?

Тэнайн и его сын посмотрели с недоумением:

— А тебя это удивляет?

— Я полагал, что дама эта — супруга сенатора, — сказал Брил. Он считал свой ответ исчерпывающим, но те двое не поняли. Он посмотрел на мальчика, потом на мужчину. — Возможно, под словом «сенатор» я подразумеваю не то, что вы.

— Да, возможно. Не скажешь ли ты нам, что такое сенатор на твоей планете?

— Это член сената, слуга Наивысшей Власти и вождь свободной нации.

— А его жена?

— Жена сенатора пользуется теми же привилегиями. Она может прислуживать сочлену Наивысшей Власти, но, уж конечно, никому другому... Во всяком случае, не какому-то неизвестному чужеземцу.

— Любопытно, — сказал Тэнайн.

Мальчик что-то пробормотал с изумлением, какого не вызывали у него прежде ни сам Брил, ни шаркапсула.

— Скажи, — продолжал Тэнайн, — разве ты не говорил, кто ты и откуда?

— Говорил! Он мне сам сказал у водопада! — вмешался мальчик.

— Но я не представил доказательств, — сухо сказал Брил и, заметив, что сын с отцом переглянулись, пояснил: — Верительных грамот, письменных полномочий.

И коснулся небольшой плоской сумки, висящей у него на энергопоясе.

— А разве верительная грамота говорит, что тебя зовут не Брил и ты прилетел не с планеты Кит Карсон из системы Самнера, а откуда-нибудь еще? — простодушно спросил Уонайн.

Брил хмуро глянул на него, а Тэнайн сказал мягко:

— Спокойнее, Уонайн. — И обернулся к Брилу: — Конечно, мы во многом различны, так всегда бывает с жителями разных миров. Но я уверен, в одном мы схожи: молодость порою спешит напрямик там, где мудрость прокладывает обходной путь.

Брил помолчал, обдумывая эти слова. Видимо, это что-то вроде извинения, решил он, и коротко кивнул. Молодежь у них тут жалкая и никчемная. На

Карсоне мальчишка в возрасте этого Уонайна уже солдат и готов нести солдатскую службу, и никто не станет за него извиняться. И уж он не допустит ни единого промаха. Ни единого!

— Мои верительные грамоты я должен вручить вашим правителям, когда с ними встречу, — сказал он. — Кстати, когда это можно сделать?

Тэнайн пожал могучими плечами.

— Когда тебе угодно.

— Чем скорее, тем лучше.

— Прекрасно.

— Это далеко?

Тэнайн посмотрел с недоумением.

— Что далеко?

— Ваша столица — или где там собирается ваш сенат.

— А, понимаю. Он не собирается в том смысле, как ты думаешь. Но, как когда-то говорили, он заседает непрерывно. Мы...

Он сжал губы, с них слетел какой-то певучий короткий звук. И сейчас же Тэнайн засмеялся.

— Прости! — сердечно сказал он. — В Древнем языке не хватает некоторых слов, некоторых понятий. Какое слово у вас обозначает... э-э... присутствие всех в одном?

— Я полагаю, нам не следует отвлекаться, — осторожно произнес Брил. — Вы, видно, хотите сказать, что ваш сенат не заседает в каком-либо определенном месте в назначенное время?

— Я... — Тэн чуть засмеялся, потом кивнул: — Да, это верно, постольку...

— И у меня нет возможности лично обратиться к вашему сенату?

— Этого я не говорил. — Еще дважды Тэн пытался что-то объяснить гостю. Брил прищурился. Вдруг

Тэн расхохотался. — Рассказывать на Древнем языке старые сказки невелика хитрость, говорить на нем с другом куда труднее, — сказал он с досадой. — Вот если бы ты научился говорить по-нашему? Согласен? Наш язык прост и удобен, он основан на том, что тебе хорошо знакомо. У вас на Кит Карсоне, уж наверно, тоже есть еще какой-нибудь язык, кроме Древнего?

— Я чту Древний язык, — сухо молвил Брил, уклоняясь от ответа. И очень медленно, отдельно, будто не по годам непонятливому ребенку, стал объяснять: — Я хотел бы знать, когда я могу увидаться с здешними правителями и обсудить некоторые вопросы всепланетного и межпланетного значения.

— Обсуди их со мной.

— Вы сенатор, — сказал Брил, и в его тоне ясно звучало: «Всего лишь сенатор».

— Верно, — сказал Тэнайн.

Стараясь не терять терпения, Брил спросил:

— А что такое сенатор на вашей планете?

— Тот, кто связывает людей своего округа со всеми другими людьми. Тот, кто хорошо знает дела и заботы небольшого участка планеты и может привести их в согласие с тем, что происходит на всей планете.

— А кому служит ваш сенат?

— Людям, — сказал Тэнайн так, словно его сызнова спрашивают об одном и том же.

— Ну да, конечно. А кто же служит сенату?

— Сенаторы.

Брил прикрыл глаза, с языка его чуть не сорвалось крепкое словцо.

— Из кого состоит ваше правительство? — спросил он ровным голосом.

Все это время Уонайн жадно слушал, переводя взгляд с одного собеседника на другого, словно увле-

ченный зритель какой-нибудь стремительной игры в мяч. Но тут он не выдержал:

— А что значит «правительство»?

В эту минуту появилась Нина, и Брил вздохнул с облегчением. Она вышла из темного уголка в саду, где занималась чем-то совершенно непонятным у подобия длинного рабочего стола, и теперь шла к ним по террасе. Она несла огромный поднос, нет, скорее, вела его, заметил Брил, когда она подошла ближе. Тремя пальцами она поддерживала поднос снизу и одним сзади, ладони он почти не касался. Прозрачная стена комнаты исчезла при ее приближении, а может быть, Нина прошла в том месте, где стены не было.

— Надеюсь, хоть что-нибудь здесь придется тебе по вкусу, — весело сказала она и опустила поднос на бугорок рядом с Брилом. — Вот это мясо птиц, это маленьких млекопитающих, а вот рыба. Эти печенья сделаны из злаков четырех разных видов, а это, белое, — из одного, мы его называем «молочная пшеница». Здесь вода, в этих двух сосудах вино, а в этом — спиртовая эссенция, мы ее зовем ушегрейка.

Не поднимая глаз от еды, силясь замкнуться, чтобы весь мир не заполняли благоухание и свежесть, исходящие от этой женщины, так близко наклонившейся к нему, Брил сказал:

— Все это очень кстати.

Нина отошла к мужу, опустилась наземь у его ног и, откинувшись, оперлась на его колени. Он ласково погрузил пальцы в ее густые волосы, и она, вскинув глаза, блеснула ему мимолетной улыбкой. С еды, многоцветной, точно женское платье, тут дымящейся жаром, там источающей в воздух прохладу, Брил перевел взгляд на три улыбающихся, внимательных лица. Он не знал, как быть.

— Да, все это очень кстати, — повторил он, а они по-прежнему сидели и смотрели на него. Он взял одно белое печенье и поднялся, озираясь по сторонам, осматривая этот нелепый прозрачный дом и все вокруг. Куда деваться?!

Пар, поднимающийся от подноса, защекотал ноздри, и у Брила потекли слюнки. Он отчаянно голоден, но...

Со вздохом он сел, положил печенье на прежнее место. Силился улыбнуться, но улыбка не получилась.

— Неужели тебе совсем ничего не нравится? — озабоченно спросила Нина.

— Не могу я здесь есть! — ответил Брил, но тут же почувствовал в туземцах что-то такое, чего прежде не было, и прибавил: — Благодарю. — Опять посмотрел на их невозмутимые лица. И сказал Нине: — Все это очень хорошо приготовлено, приятно посмотреть.

— Так ешь! — предложила она и снова улыбнулась.

Эта улыбка подействовала на Брила престранным образом. Ни их ужасающая распушенность, эта манера сидеть и лежать где попало и как попало, позволять мальчишке вмешиваться в разговор, ни бесстыдное признание, что у них есть какой-то свой варварский язык, — ничто не могло вывести его из равновесия. А тут, ничуть не изменившись в лице и не уронив столь позорным образом собственного достоинства, он, однако, почувствовал, что краснеет! Он тотчас насупился и обратил эту ребяческую слабость в краску гнева. Ох, с каким наслаждением он наложит руку на самое сердце этой варварской культуры и стиснет его без пощады! Вот тогда будет покончено со всякими лицемерными любезностями! Будут знать, дикари, кого можно унижить, а кого нет!

Но эти трое смотрели так невинно и простодушно... на открытом лице мальчика — ни тени злорадства, на мужественном лице Тэнайна — искренняя забота о госте, на лице Нины... ох, какое у нее лицо! Нет, нельзя выдать свое смятение. Если они нарочно хотят его смутить, он им не доставит этого удовольствия. А если это неумышленно, пусть не заподозрят, в чем он уязвим.

Огромным усилием воли он заставил себя говорить негромко, и все же голос его прозвучал резко.

— Как видно, — произнес он медленно, — мы, жители планеты Кит Карсон, ценим уединение несколько более высоко, чем вы.

Все трое удивленно переглянулись, затем цветущее здоровым румянцем лицо Тэнайна прояснилось: он понял.

— Вы не едите на людях?

Брил не вздрогнул, но дрожь отвращения была в его голосе, когда он ответил коротко:

— Нет.

— О, — промолвила Нина. — Мне так жаль!

Брил счел за благо не уточнять, о чем именно она жалеет. Он сказал только:

— Неважно. Обычаи бывают разные. Я поем, когда останусь один.

— Теперь мы понимаем, — сказал Тэнайн. — Будь спокоен. Ешь.

Но они все так же сидели и смотрели на него!

— Как жаль, что ты не говоришь на другом нашем языке, — сказала Нина. — Тогда было бы так просто объяснить! — Она подалась к Брилу, протянула руки, словно хотела прямо из воздуха извлечь желанное понимание и одарить им гостя. — Пожалуйста, Брил, постарайся понять. В одном ты очень ошибаешься: мы чтим уединение едва ли не превыше всего.

— Очевидно, мы вкладываем в это слово разный смысл, — ответил он.

— Но ведь это значит — когда человек остается наедине с собой, не так ли? Когда ты что-то делаешь, думаешь, работаешь или просто ты один и никто тебе при этом не мешает.

— Никто за тобой не следит.

— Ну? — радостно воскликнул Уонайн и выразительно развел руками, словно говоря: «Что и требовалось доказать!» — Так что же ты? Ешь! Мы не смотрим!

Ничего нельзя понять...

— Мой сын прав, — с усмешкой сказал Тэнайн, — только по обыкновению уж слишком режет напрямик. Он хочет сказать: мы не можем на тебя смотреть, Брил. Если ты хочешь уединения, мы просто *не можем тебя видеть*.

Вдруг озлившись и махнув на все рукой, Брил потянулся к подносу. Рывком схватил бокал, в котором, по словам Нины, была вода, достал из кармашка на поясе какую-то облатку, сунул в рот, проглотил и запил водой. Грохнул бокалом о поднос и, уже не сдерживаясь, крикнул:

— Больше вы ничего не увидите!

С непередаваемым выражением лица Нина легко поднялась на ноги, изогнулась, словно танцовщица, и чуть дотронулась до подноса. Он взмыл в воздух, и она повела его по двору прочь.

— Хорошо, — сказал Уонайн, будто в ответ на чьи-то неслышные слова, и неторопливо пошел следом за матерью.

Что же это было у нее в лице?

Что-то такое, с чем она не могла совладать: оно поднялось из глубины к этой невозмутимой поверхности, готовое явственно обозначиться, вырваться

наружу... Гнев? Если бы так! — подумал Брил. Обида? Он бы и это понял. Но... смех? *Только бы не смех!* — взмолилось что-то в его душе.

— Брил, — позвал Тэнайн.

Опять он совсем забылся, заглядевшись на эту женщину. Голос Тэнайна заставил его вздрогнуть.

— Что такое?

— Скажи, что нужно сделать, чтобы тебе удобно было есть, и я все устрою.

— Вы не сумеете, — без обиняков ответил Брил. Холодными, недобрыми глазами он обвел комнату и все вокруг. — Вы тут не строите стен, сквозь которые нельзя было бы видеть, и дверей, которые можно закрыть.

— Да, правда, не строим. — Уже не в первый раз великан принимал его слова буквально, не замечая их оскорбительного смысла.

«Конечно, не строите, — подумал Брил. — Даже для...» — и тут в нем шевельнулось чудовищное подозрение.

— Мы, жители планеты Кит Карсон, всегда полагали, что история человечества есть путь развития от животного к чему-то более возвышенному. Разумеется, мы слишком скованы и не можем совсем уйти от животного состояния, но мы делаем все, чтобы не выставлять напоказ то, что осталось в человеке от животного. — Он сурово повел затянутой в перчатку рукой, указывая на весь этот огромный, открытый дом. — Вы, очевидно, не достигли такого уважения к идеалам. Я видел, как вы едите; несомненно, и другие отправления организма совершаются у вас так же открыто.

— Да, — сказал Тэнайн. — Но с этим (он показал пальцем) совсем другое дело.

— С чем — с этим?

Тэнайн снова показал на одну из серых глыб. Оторвал клочок мха — это был самый настоящий мох — и кинул на гладкую поверхность глыбы. Протянул руку, дотронулся до одной из серых полос. Мох потонул, как тонет камушек в зыбучем песке, только гораздо быстрее.

— Живую ткань, достаточно сложно организованную, они в себя не вбирают, — пояснил Тэнайн, — но мгновенно, до последней молекулы поглощают все остальное, и не только с поверхности, но даже на некотором расстоянии.

— Так это и есть у вас... э-э...

Тэн кивнул и подтвердил — да, оно самое и есть.

— Но... но ведь это значит — у всех на виду!

Тэн с улыбкой пожал плечами.

— Вовсе нет! Вот почему я и сказал, что это совсем другое дело. Едим мы все вместе. А это... — Тэн сорвал еще кусок мха и следил, как он погружается в серую глыбу. — Этого никто не заметит. — Он вдруг рассмеялся и опять сказал: — Хотел бы я, чтобы ты узнал наш язык. Так просто и понятно можно все это выразить.

Но Брила заботило другое.

— Я ценю ваше гостеприимство, — сказал он напыщенно, — но я хотел бы продолжить свой путь. И как можно скорее, — прибавил он, с отвращением покосившись на серую глыбу.

— Как тебе угодно. Ты привез нам какую-то весть. Передай же ее.

— Она для вашего правительства.

— Для нашего правительства. Я уже сказал тебе: когда будешь к этому готов, Брил, говори.

— Я не верю, что вы единолично представляете всю планету!

— Я тоже в это не верю, — весело отозвался Тэнайн, — потому что это не так. Но, когда ты гово-

ришь со мной, тебя слышит еще сорок один человек, и все они сенаторы.

— Другого способа нет?

Тэнайн улыбнулся.

— Еще сорок один способ. Говори с любым из остальных. Никакой разницы нет.

— И нет более высокого правительственного органа?

Тэнайн протянул руку и достал из углубления в поросшей мхом насыпи бокал резного хрусталя с металлическим сияющим ободком по краю.

— Найти высший орган правительства Ксанаду — все равно, что найти высшую точку вот здесь, — сказал он, проводя пальцем по ободку. Бокал отозвался нежным звоном.

— Не очень-то надежная система, — буркнул Брил.

Воздух снова наполнился тем же хрустальным звоном, потом Тэнайн поставил бокал на прежнее место; Брил не понял, было ли это ответом на его замечание.

— Естественно, что мальчик даже не знает слова «правительство», — сказал он презрительно.

— У нас этот термин не в ходу, — ответил Тэнайн. — Правительства в таком смысле у нас нет. Очень мало есть такого, с чем гражданин нашего общества не мог бы справиться сам. Хотел бы я показать тебе, как мало такого на Ксанаду. Если ты у нас погостишь, я тебе это покажу.

Он посмотрел Брилу прямо в глаза — тот только что снова пугливо и с отвращением покосился на серую глыбу — и откровенно рассмеялся. Но, когда он опять заговорил, в голосе его было столько доброты, что ярость, мгновенно опалившая Брилу, утасла, и в мозгу шевельнулся вопрос: «Уж не дал ли я себя провести?» Но разбираться в этом было некогда.

— Не может ли твое дело подождать, пока ты не узнаешь нас получше, Брил? Говорю тебе, у нас на планете нет единого правящего центра, в сущности, нет почти никакого правительства. Мы, сенат, просто советуем людям. И еще говорю тебе: обращаться к одному сенатору — значит обращаться ко всем сразу, ты можешь сделать это сейчас, сию минуту или через год — когда захочешь. Я говорю тебе правду, можешь ее принять, а можешь месяцы и годы странствовать по всей планете и проверять меня — воля твоя, ты всегда и везде получишь тот же ответ.

— Откуда я узнаю, насколько точно будет передано остальным все, что я тебе сообщу? — уклончиво сказал Брил.

— Это не будет передано, — прямо ответил Тэн. — Все мы слышим тебя одновременно.

— Что-то вроде радио?

Тэн, чуть помедлив, кивнул:

— Да, что-то в этом роде.

— Я не стану учить ваш язык, — резко сказал Брил. — И не могу жить, как живете вы. Если вы согласитесь на эти условия, я еще немного у вас пробуду.

— Согласимся? Да мы только этого и хотим!

Тэн весело вскочил, шагнул к углублению, где стоял хрустальный бокал, и протянул руку ладонью вверх. Сверху соскользнул широкий непрозрачный лист какого-то блестящего белого вещества и замер в воздухе.

— Нарисуй пальцем, — сказал Тэнайн.

— Что нарисовать?

— Жилище, какое тебе нужно. Как ты хочешь жить, есть, спать, все, что надо.

— Мне требуется совсем немного. Все мы на Кит Карсоне умеем обходиться малым.

Он прицелился пальцем в металлической перчатке, словно это было оружие, поставил для пробы

несколько точек в углу белого экрана, затем вывел четкий, аккуратный параллелепипед.

— Если принять мой рост за единицу, мне нужна вот такая постройка, полтора в длину, один с четвертью в высоту. Узкие просветы — отдушины на уровне глаз, по одной в каждом конце, по две в боковых стенах, затянутые сеткой от насекомых...

— У нас нет вредных насекомых, — заметил Тэнайн.

— Все равно — просветы, защищенные самой прочной сеткой, какая у вас найдется. Вот здесь — крюк, чтобы вешать одежду. Здесь — кровать — плоская, жесткая, с твердой подстилкой не толще моей ладони, один и одна восьмая в длину, одна треть в ширину. Под кроватью наглухо закрытый ларь, запирающийся на замок, и чтобы отпереть его мог только я. Здесь полка размером треть на четверть, на пол-единицы над полом, чтобы, сидя возле нее, можно было есть. И еще... вот такую штуку, если она закрывается наглухо и вполне надежна. (Брил с досадой ткнул пальцем в сторону приспособления, похожего на серую каменную глыбу.) Вся эта постройка должна стоять отдельно от других зданий, на возвышенном месте, чтобы над ней не поднимались никакие деревья, холмы и скалы и ничто не заслоняло подходов к ней со всех четырех сторон; построить надо прочно и крепко, насколько это возможно за короткий срок; и нужен свет, который я смогу сам включать и выключать, и дверь, которую я один смогу отпереть.

— Прекрасно, — беспечно сказал Тэнайн. — Какая температура?

— Как здесь сейчас.

— Еще что? Музыка? Картины? У нас есть, например, очень неплохие...

Брил только фыркнул презрительно и весьма красноречиво.

— Если сумеете, проведите туда воду. А все остальное... это ведь жилище, а не дворец развлечений.

— Надеюсь, тебе будет удобно в этой... в этом жилище, — сказал Тэнайн с едва уловимой насмешкой.

— Именно к такому я привык, — надменно ответил Брил.

— Что ж, идем.

— Куда?

Великан поманил его и прошел под аркой. Брил, жмурясь от розового вечернего света, вышел за ним.

На пологом склоне, на полпути между домом Тэнайна и горной вершиной позади него, простирался луг, поросший красной травой, — Брил заметил его, когда шел сюда от водопада. Сейчас посреди луга толпился народ — люди сновали, точно мошकारа вокруг огня, яркие легкие одежды сверкали, переливались несчетным множеством цветов и оттенков. А посреди торчало что-то похожее на гроб.

Брил не поверил собственным глазам, просто отказывался верить, но чем ближе они подходили, тем ясней становилась неопровержимая истина: перед ним та самая постройка, которую он только что нарисовал!

Он все замедлял и замедлял шаг, изумление его росло с каждой минутой.

Вокруг небольшой постройки хлопотало много народу и даже дети — скрепляли края стены и кровли при помощи какой-то жужжащей машинки, затягивали сеткой узкие щели-оконца. Крохотная девчурка — должно быть, она только-только научилась ходить — бесстрашно подошла к Брилу, шепеляво попросила на Древнем языке дать ей руку и приложила его ладонь к какой-то пластине, которую она принесла с собой.

— Теперь тебе сделаем ключи, — объяснил Тэнайн, когда малышка затопала прочь, к двери, где ждал ее один из строителей.

Человек этот взял у девочки пластинку и вошел внутрь, видно было, как он опустился на колени возле кровати. Тэнайна с Брилом обогнал мальчик-подросток, он нес лист того же материала, из которого сложены были стены и крыша. Лист был светло-коричневый, чуть шероховатый, с виду очень легкий, и, однако, чувствовалось, что он необыкновенно прочен. Когда они подошли вплотную, мальчик как раз приладил его между входом и концом кровати. Тщательно выровнял, приставив ребром к стене, чуть пристукнул по другому ребру ладонью — и вот он, стол, который требовался Брилу: ровный, надежный, да притом без всяких ножек и подпорок!

— Кажется, тебе хотя бы на первый взгляд кое-что здесь пришлось по вкусу, — услышал Брил.

Это была Нина. Она по воздуху подвела грузенный снедью поднос к новоявленному столу, весело помахала рукой и пошла прочь.

— Я сейчас приду, — крикнул ей вдогонку Тэн и прибавил три односложных певучих слова на языке Ксанаду — должно быть, что-то ласковое, решил Брил, во всяком случае, так это прозвучало.

И тотчас Тэн снова с улыбкой обернулся к нему.

— Ну, Брил, как тебе это нравится?

— Но кто же всем распоряжался? — только и нашелся спросить Брил.

— Ты, — сказал Тэн, но этот ответ ничего не объяснял.

В отворенную дверь Брил видел, что люди уже идут прочь, смеясь и переговариваясь на своем ласковом, певучем языке. Вот какой-то юнец сорвал среди розовой травы ярко-алые цветы, подал девуш-

ке, она улыбнулась ему — и отчего-то Брила взяла досада. Он резко отвернулся и пошел вдоль стен, постукивая по ним кулаком, выглядывая в узкие прорезы окон. Тэнайн опустился на колени у кровати, подергал запертый ларь под нею; сильные плечи его напряглись, но ларь был неподатлив, как скала.

— Приложи сюда ладонь, — сказал он.

Брил хлопнул рукой в перчатке по указанному месту.

Створки раздвинулись. Брил наклонился и заглянул внутрь. Ларь внутри светился, в глубине видно было светло-коричневую стену, по бокам — рубчатые переборки, на которые опиралась постель. Он снова тронул нужную пластинку — створки сошлись беззвучно и так плотно, что едва можно было разглядеть, где они смыкаются.

— Так же и с дверью, — сказал Тэнайн. — Кроме тебя, ее никто не откроет. Здесь вода. Ты не сказал, куда именно ее подвести. Если так, как сейчас, неудобно...

Брил протянул руку к крану, и сразу же в чашу полилась прозрачная струя.

— Нет, все годится. Они работали, как настоящие мастера.

— Они и есть мастера, — сказал Тэнайн.

— Так, значит, им уже приходилось сооружать такие постройки?

— Нет, никогда.

Брил пронзил его взглядом. Нет, не может этот простодушный варвар умышленно его дурачить! Видно, он, Брил, не уловил смысла: за долгие годы, их разделившие, как-то изменилось значение слов, унаследованных от общих предков. Пока просто zapomним это, а обдумаем после.

— Тэнайн, — внезапно спросил он, — сколько вас, жителей Ксанаду?

— В нашем округе триста. На всей планете около тринадцати тысяч.

— Нас полтора миллиарда. А какой у вас самый большой город?

— Город?.. — повторил Тэнайн раздумчиво, словно роясь в памяти. — А, да, город! У нас их нет. У нас сорок два таких округа, одни побольше, другие поменьше.

— Все население вашей планеты поместилось бы в одном здании какого-нибудь города у нас на Кит Карсоне. И давно вы здесь? Сколько поколений у вас сменилось?

— Пожалуй, тридцать два, а то и тридцать пять.

— Мы обосновались на Кит Карсоне около шести столетий назад по земному счету. Выходит, по времени наша культура более древняя. Может быть, вам интересно узнать, каким образом мы сумели настолько вас опередить?

— С восторгом послушаю, — сказал Тэнайн.

— Вы тут недурно владеете кое-какими ремеслами, — вслух размышлял Брил, — и отлично умеете работать сообща. Вы можете создать великолепный мир, если только захотите и если вами по-настоящему руководить.

— Вот как? — Тэнайн, видимо, был очень польщен.

— Мне надо подумать, — озабоченно продолжал Брил. — Вы не то, что мне... что я думал сначала. Пожалуй, я останусь у вас немного дольше, чем предполагал. Может быть, я стану изучать ваш народ, вы, в свою очередь, больше узнаете о моем.

— Буду рад и счастлив, — сказал Тэнайн. — А сейчас тебе еще что-нибудь нужно?

— Ничего. Можете идти.

На этот властный тон великан ответил только своей обычной открытой и приветливой улыбкой, помахал рукой и вышел. Слышно было, как он глубоким, звучным баритоном окликнул жену и та радостно отозвалась. Брил прижал руку в перчатке к «замку», и дверь, бесшумно скользя, затворилась.

«С чего я так расхвастался?!» — подумал Брил и сразу понял: уж слишком поразил его народ Ксанаду. Что же это за люди, если они оказываются искусными мастерами даже такого дела, которым никогда раньше не занимались?

Он снял жесткую, тяжелую, отливающую металлом одежду, перчатки с крагами, ботфорты. Все это было соединено проводами: энергопитание — в ботфортах, счетчики и управление — в брюках и поясе, воспринимающие устройства — в мундире, передатчики и локаторы — в перчатках.

Он повесил одежду на крюк и установил защитное поле. Теперь сигнал предупредит его, если к его убежищу приблизится хотя бы на тридцать метров что-то или кто-то ростом больше мыши. Он установил радиационный купол, непроницаемый для всяких лучей, лазеров и иного излучающего оружия. Потом подвесил левую перчатку с проводом над столом и принялся обрабатывать уголок светло-коричневой пластины.

Через полчаса он нашел, наконец, сочетание температуры и давления, способное ее разрушить и, ошавев от неожиданности, опустился на край кровати. Из такого материала преспокойно можно строить космический корабль!

Так что же, у них были в запасе пластины именно тех размеров, какие он потребовал? Тогда на планете должны быть склады, должны быть заводы, которые

выпускают такие вот доски всех размеров, на выбор. Или же здесь есть машины, способные производить этот материал, который он сейчас насилу расплавил, прямо так, с ходу.

Но тяжелой промышленности у них нет, а если есть склады, то их не сумели обнаружить роботы-разведчики, посланные с Кит Карсона и летающие по постоянным орбитам вокруг Ксанаду вот уже пятьдесят лет.

Он медленно откинулся на постель и стал размышлять.

Чтобы завладеть планетой, прежде всего надо разыскать центральное правительство. Если это самодержавная власть, построенная строго по принципу пирамиды, тем лучше: правящая верхушка малочисленна, убиваешь ее либо подчиняешь себе и используешь уже существующую организацию. Если никакого правительства нет, можно привлечь население на свою сторону либо истребить его. Если есть промышленность, ставишь своих надсмотрщиков и заставляешь туземцев работать, пока не обучишь этой технике людей со своей планеты, а потом туземцев уничтожаешь. Если они знают и умеют что-то на твоей планете неизвестное, изучаешь это искусство либо подчиняешь себе мастеров. Все точно и определенно, все предусмотрено — каждая возможность, каждая мелочь.

Но если здесь, как доносили роботы, существует высокоразвитая технология — и никакой промышленности? Прочно установившаяся на всей планете культура — и почти никаких средств сообщения?

О подобном никто не слыхивал, и, когда роботы докладывают такое, на планету посылают исследователя.

Его задача — выяснить, как туземцы все это проделывают. Он должен определить, что здесь нужно

сохранить, а что уничтожить, когда настанет время прислать сюда экспедиционные войска.

Всегда есть хороший, надежный выход, думал Брил, заложив руки под голову и глядя в потолок. Имеется отличная планета, ничуть не хуже Земли, богатая природными ресурсами, населенная ничтожным количеством простаков. В любую минуту их можно с легкостью истребить.

Но сначала надо выяснить, как они общаются между собой, как достигают такой слаженности в работе и каким образом мгновенно постигают все тонкости мастерства, прежде незнакомого. И как вырабатывают сложнейшие, великолепные материалы в два счета, из ничего.

Ему вдруг представилось ослепительное видение: полтора миллиарда жителей Кит Карсона обратились в таких, как здесь, великолепных мастеров на все руки, общаются друг с другом неведомыми донине способами, возводят города и ведут войны с таким же непостижимым искусством, так же мгновенно все понимают и повинуются каждому приказу, как было при постройке этого домишки.

Нет, этот народ уничтожать не следует. Его надо использовать. Кит Карсон должен перенять их хитроумные фокусы. Ну, а если неровен час, эти фокусы присущи только жителям Ксанаду, а карсонцы на такое не способны, как быть тогда?

Что же, надо взять этих мастеров с планеты Ксанаду и распределить по городам и армиям Кит Карсона. Они мигом все воспринимают, мигом повинуются; объясни одному, что от него требуется, и это усвоят все. И каждый сможет обучать группу самых толковых карсонцев. Производство, военная техника, стратегия и тактика... да, конечно же, все преобразится!

Планету Ксанаду можно оставить почти в том виде, как она есть, просто она будет поставлять на экспорт всяких помощников и адъютантов.

Все это пустые мечты, оборвал себя Брил. Сперва надо разузнать побольше. Посмотреть, как они фабрикуют этот непробиваемый и нестораемый картон и антигравитационные чайные подносы.

При мысли о подносе у него заурчало в животе. Он поднялся и подошел к столу. Горячие блюда все еще дымились, холодные ничуть не размякли и не оттаяли. Он осторожно попробовал одно, другое. Вошел во вкус. И с жадностью набросился на еду.

Нина, ох уж эта Нина...

Нет, их нельзя уничтожать, сонно подумал он, разве можно истребить народ, способный произвести на свет такую женщину. На всем Кит Карсоне не сыскать такой поварихи.

Он снова растянулся на постели и предавался мечтам, пока не уснул.

С ним были вполне откровенны. Ему показывали все подряд, никому и в голову не пришло спросить — а для чего ему это нужно? Спрашивать было бы странно, потому что эти люди, видно, не знали особенной гордости, свойственной искусному умельцу, будь ты гончар или специалист по электронике. Они не любовались восторженно делом своих рук: «Вот что я могу». Они рассказывали подробно, но спокойно, словно о чем-то доступном всем и каждому.

На планете Ксанаду так оно и было.

Сперва Брилу показалось, что все делается стихийно, как попало. Красивые, неприлично одетые люди снуют взад и вперед без всякого видимого плана, работа, игра, праздность — все у них вперемежку. Но, играя, они проходят по саду, где выросла сорная

трава, и на ходу ее выпалывают. Девочки бегают и резвятся как раз возле того места, куда их через минуту позовут сортировать какие-то семена.

Тэнайн пробовал объяснить ему, как это получается:

— Допустим, у нас чего-то не хватает — ну, скажем, стронция. Из-за этой нехватки получается что-то вроде вакуума. Те, кто сейчас свободен, ощущают это и начинают думать о стронции. Ну, тогда они идут и собирают его.

— Но я не видел рудников, — озабоченно сказал Брил. — И потом, как же с транспортировкой? Допустим, нехватка у вас тут, а рудники в другом округе?

— Так больше не бывает. Разумеется, там, где есть залежи, нехватки быть не может. А где нет своих месторождений, там мы обходимся другими средствами, используем иной материал либо добываем тот же стронций без всяких рудников.

— При помощи превращений?

— Это слишком хлопотно. Нет, мы выводим речных моллюсков, у которых панцирь состоит не из углекислого кальция, а из углекислого стронция. И когда нужен стронций, дети собирают ракушки.

Брил видел фабрику одежды — она размещалась частью под навесом, частью в пещере, частью на лесной поляне. Тут же рядом плавали в пруду и загорали на лугу юноши и девушки. Словно бы между делом, они выходили в тень и работали у огромного резервуара, в котором время от времени вскипал, окрашивался яркой зеленью и затем оседал какой-то химический состав. Черный осадок фильтрами поднимали со дна, раскладывали в формы и прессовали.

Как именно действуют прессы, с виду просто крышки этих форм, Брил понять не мог, в Древнем языке не нашлось нужных слов, но за какие-нибудь

четыре-пять секунд осадок превращался в те самые камни, из которых делались пояса — правильные, отполированные, и на левой половине пряжки с обратной стороны оттиснуты какие-то цифры, буквы Древнего языка — химическая формула.

— Одно из немногих наших суеверий, — заметил Тэнайн. — Это и есть формула, по которой получают наши пояса, она доступна даже очень примитивной химической промышленности. Мы хотели бы, чтобы их делали и носили во всей Вселенной. Они — это мы и есть. Надень такой пояс, Брил. И ты станешь одним из нас.

Брил смущенно и презрительно фыркнул и стал смотреть, как двое детей ловко мастерят пояса — играючи, беспечно и легко, через минуту вот так же играючи они начнут плести венки. Скрепив камни друг с другом, ребенок ударяет готовым поясом по тому, которым опоясан сам. На миг вспыхивает холодным ярким пламенем многоцветная радуга. И пояс, окаймленный теперь короткими язычками переливчатого света, бросают в корзину.

А потом Брил впервые увидел, как туземец надел такой пояс, — и это был, пожалуй, единственный случай за все время пребывания на Ксанаду, когда он не скрыл изумления. Юноша-купальщик, весь мокрый, вышел из пруда. Подобрав на берегу пояс, защелкнул его на талии, мигом вверх и вниз хлынуло радужное вещество, — и уже затрепетала у шеи многокрасочная ткань и, сверкая, колышется вокруг бедер.

— Вот видишь, эта одежда живет, — сказал Тэнайн. — Вернее, это не просто неживая материя.

Он подобрал кайму своей туники и проткнул ее пальцами — они прошли насквозь, а ткань, словно вспорхнув, отлетела прочь, целая и невредимая.

— Это не совсем материя, — серьезно продолжал Тэнайн. — Уж извини, на Древнем языке выходит что-то вроде каламбура. Всего ближе для этого в Древнем языке слово эманация. Так или иначе, это вещество по-своему живет. Оно сохраняется... ну, скажем, год или чуть дольше. А потом стоит обмакнуть его в молочную кислоту, и оно восстановится. И один такой пояс может зарядить миллион новых... или миллиард... разве сочтешь, сколько палок может зажечь огонь?

— Но зачем носить такое?

Тэнайн рассмеялся.

— Из скромности...

Он опять рассмеялся.

— Один ученый, который занимается древнейшей историей Земли, веками, когда Солнце еще не стало Сверхновой, приводил мне слова некоего Рудофски: «Скромность — не столь простая добродетель, как честность». Мы носим эту одежду, потому что она согревает нас, когда нам нужно тепло, и порой скрывает наши недостатки — большего не даст и человеческая привязанность.

— Одежда отнюдь не скромная, — чопорно сказал Брил.

— Она скромна ровно настолько, чтобы нас было приятнее видеть одетыми, чем раздетыми. Как еще можно показать людям, что ты скромен?

Брил повернулся спиной и к Тэнайну и этому разговору. Он вообще не слишком хорошо понимал слова и повадки этого человека, а подобные рассуждения либо вовсе не доходили до него, либо сбивали с толку, может быть, и то, и другое сразу.

Про «картон» он все разузнал. На толстой ветви какого-то дерева подвешен был чан с молочно-белой жидкостью — Тэн объяснил, что это подобие клейко-

вины, его дает специально выведенный вид осы, и оно растворено в нуклеиновой кислоте, синтезированной из местного растения. Под чаном — широкий металлический лист и набор подвижных планок. Планки устанавливают точно по нужным размерам и очертаниям будущей пластины, открывают кран, и жидкость заполняет контур. Потом двое ребятишек прокатывают ручной валик по верхнему краю планок. Белое озерко становится светло-коричневым, застывает, и получается плоский прочный лист.

Тэнайн очень старался растолковать Брилу, что это за валик, но Древний язык заодно с невежеством Брила по части техники оказался неодолимым препятствием. Устройство валика было столь же просто, а теория его действия столь же сложна, как, скажем, у транзистора, — пришлось с этим примириться; и так же непонятно осталось, как отличают живое от неживого «канализационные» устройства, похожие на огромные булыжники, и в чем секрет антигравитационных подносов (оказалось, подносы эти надо направлять только к столу, пустые же они возвращаются на кухню сами).

Однако разобраться, в чем секрет жителей Ксанаду, отчего они такие искусные мастера на все руки, Брилу не удавалось. Он уже готов был счесть пустой, невозможной выдумкой то, что померещилось сначала: будто здесь любое умение, доступное одному, тотчас передается всем. Тэнайн пытался объяснить, как это происходит; по крайней мере он отвечал на все вопросы.

Каждый из этих веселых и праздных непосед мог в любую минуту взяться за любое дело, начатое другим, и продолжать его сколько угодно. Кто-нибудь возьмет флейту, начнет наигрывать — и сразу подходят другие, кто с инструментами, а кто и без, и под-

хватывают мелодию, вот их уже пятьдесят, шестьдесят, и эту музыку потом вспоминаешь как страсть, как бурю, как изнеможение и сон после часа любви.

А порой кто-нибудь из толпы выступит вперед, возьмет инструмент из рук уставшего музыканта и принимается играть вместе с остальными — ясно и красиво, да, впрочем, уверяет Тэн, и все эти пятьдесят или шестьдесят человек навряд ли когда-либо раньше исполняли эту мелодию.

По словам Тэна получалось, что тут все сводится к ощущению.

— Просто возникает *ощущение*. Взять хотя бы скрипку; допустим, я ее слышал, но никогда не держал в руках. Я смотрю, как кто-нибудь играет, и понимаю, как возникают звуки. Потом беру скрипку, делаю все, как делал тот человек, думаю: нужно, чтобы раздался вот такой звук, а потом такой, и понимаю не только, как он должен прозвучать, но как я это почувствую, — пальцами, всей рукой, в которой держу смычок, подбородком, ключицей. Из этих моих ощущений и складывается чувство, какое должно быть, чтобы сыграть эту мелодию.

— Конечно, тут есть какие-то пределы, — прибавил Тэнайн. — У одних получается лучше, у других немного хуже. Если у меня кончики пальцев слабее, я не смогу играть так долго, как другой. Если у ребенка рука еще мала для инструмента, он поневоле иной раз не возьмет октаву или пропустит ноту. Но когда мы думаем определенным образом, всегда возникает ощущение.

— И так во всем, — сказал он под конец. — Когда мне нужно что-то в доме — прибор, машина, — я не возьму для нее железо, если больше подходит медь: я сразу почувствую, что железо не годится. Не на ощупь почувствую, просто буду думать об этом при-

боре, какие у него части, для чего он служит. Переберу в мыслях все материалы, из которых его можно сделать, и сразу почувствую: вот что мне нужно!

— Так, — сказал Брил. — И еще у вас каждый округ старается найти все материалы и сырье у себя, а не посылать за ними к соседям... Вот поэтому у вас и нет торговли. И, однако, вы говорили, у вас все стандартизовано... по крайней мере повсюду одни и те же приборы и устройства, и вообще вы действуете одинаково.

— Да, правильно, — согласился Тэн. — У нас есть все, что нам нужно, и мы все это делаем сами.

Вечерами Брил сидел в доме Тэнайна, слушал, как бурлят и вновь стихают разговоры или вдруг нахлынет музыка, и удивлялся; потом отводил поднос с едой в свою конуру, запирали дверь, ел и угрюмо размышлял. Порою он чувствовал себя под огнем неведомого оружия, на незнакомом поле битвы.

Ему вспоминалось, как мельком сказал Тэнайн однажды о людях и их инструментах: «Между человеком и машинами спокон веку идет борьба. Либо человек подчиняет себе машины, либо они его подчиняют; трудно сказать, что более пагубно. Но культура, в которой главенствуют люди, неизбежно разрушит ту, где на первом месте машины, либо сама будет разрушена. Так всегда бывало. У нас, на Ксанату, уже погибла одна культура. Ты никогда не задумывался, Брил, отчего нас так мало? И отчего почти у всех рыжие волосы?

Брил об этом уже задумывался и втайне осуждал маленькую общину, которая так бесстыдно пренебрегает уединением: конечно, живя чересчур открыто, никакое человеческое племя не проникнется достаточным интересом к самому себе, чтобы щедро плодиться и размножаться!

— Когда-то нас были миллиарды, — к немалому его изумлению сказал Тэнайн. — И всех стерло в порошок. Знаешь, сколько осталось в живых? *ТРОЕ!*

Черна была для Брила та ночь, когда он понял, до чего жалки все его старания раскрыть их секрет. Ибо, если на планете уцелели всего лишь несколько человек и совершилась какая-то мутация, а затем их потомки вновь заселили планету, новые качества передаются из поколения в поколение. С таким же успехом можно дознаваться, отчего у них рыжие волосы! В ту ночь он пришел к заключению, что народом Ксанату придется пожертвовать; и от этой мысли ему вдруг стало больно, и потом он разозлился на себя. И в ту же ночь с ним стряслась смешная и нелепая беда.

Он лежал на кровати и скрипел зубами в бессильной ярости. Было уже за полдень, он давным-давно проснулся и вот сидит, как в ловушке, попавшись по собственной глупости... и он смешон, смешон! Потерять величайшее свое достояние — свое достоинство — по небрежности, по недосмотру, из-за этой мерзкой, подлой штуковины!..

Зашипел сигнал тревоги, и он вскочил: хоть стены крепки и непроницаемы для глаза, хоть дверь никто, кроме него самого, не откроет, но стыд нестерпим!

Это идет Тэнайн, вместе с ветром и птичьими песнями доносится, точно звук рога, дружеский оклик:

— Брил! Ты здесь?

Брил подпустил его ближе и сквозь отдушину рявкнул:

— Я не выйду!

Тэнайн стал как вкопанный. Брил и сам удивился, как резко и сдавленно прозвучал его голос.

— Но тебя зовет Нина. Она сегодня собирается ткать и подумала, может, тебе интересно...

— Нет! — оборвал его Брил. — Сегодня я улетаю. Сегодня вечером. Я уже вызвал свой шар. Он будет здесь через два часа. Когда стемнеет, я улечу.

— Ну что ты, Брил! Я уже все устроил, завтра покажу тебе, как мы обрабатываем металлы...

— Нет!

— Тебя чем-нибудь обидели, Брил? Может, это я виноват?

— Нет, — Брил больше не кричал, но голос его по-прежнему звучал угрюмо.

— Так что же случилось?

Брил не ответил.

Тэнайн подошел ближе. Теперь он не видел в отдушине глаз Брила: тот скорчился у стены, весь в поту.

— Что-то случилось. Что-то плохое, — сказал Тэнайн. — Я... Я это чувствую. Ты ведь знаешь, друг Брил, добрый мой друг, я всегда все чувствую.

Брил окаменел от ужаса. Вдруг Тэнайн знает? Вдруг он способен почуять?

Да, наверно! Брил мысленно проклял этот народ и все его хитроумные выдумки, проклял эту планету и ее солнце, и злую судьбу, которая занесла его сюда.

— Во всем нашем мире, за всю мою жизнь я не встречал ничего такого, о чем ты не мог бы мне сказать, — уговаривал Тэнайн. — Ты же знаешь, я все пойму. — Он подошел ближе. — Может, ты болен? Мне знакомо все искусство, каким владели врачи со времен Троих. Впусти меня.

— Нет!!! — это уже было не слово, а взрыв.

Тэнайн отступил на шаг.

— Прости, Брил. Больше я об этом не заговорю. Но скажи, что случилось. Прошу тебя. Уж, наверно, я сумею тебе помочь!

«Ладно же! — вне себя, чуть не плача, подумал Брил. — Смейся сколько влезет, рыжий дьявол! Мы

нашли на вашу планету Черную Чуму, и тогда плевать мне на твой смех!» И сказал вслух:

— Я не могу выйти. Я загубил свою одежду.

— Да что же ты огорчаешься? Брось ее сюда, что бы там ни было, мы ее исправим и починим.

— Нет!

Брил отлично понимал, что будет, если эти гениальные мастера на все руки завладеют самым портативным и самым смертоносным оружием, какое существует по эту сторону системы Самнера.

— Тогда надень мою, — Тэн взялся за пряжки своего пояса из черных камней.

— Хоть убей, не стану выставляться напоказ в такой одежонке. Я еще не вовсе потерял стыд!

С таким жаром, какого Брил в нем прежде ни разу не замечал (и все-таки очень сдержанно), Тэнэйн возразил:

— Когда на тебе платье в обтяжку, ты куда больше бросаешься в глаза!

Брилу это и в голову не приходило. С тоскливой завистью он посмотрел на невесомую радугу, струящуюся от полированного пояса, потом — на свою плотную сбрую, сваленную черной грудой у стены, под крюком. С той минуты, как стряслась беда, он и помыслить не мог снова все это надеть, и с младенчества, со времен, когда он научился ходить, еще ни разу так долго не оставался нагишом.

— А что случилось с твоей одеждой? — сочувственно спросил Тэн.

«Только засмейся! — подумал Брил. — Я убью тебя, и ты даже не увидишь, как сгинет твой народ».

— Я сел на это... как на стул, ведь здесь больше негде сесть. Наверно, задел выключатель. Даже ничего не почувствовал, пока не встал. И теперь мои... сзади... — он запнулся, потом яростно выпалил: — Почему с вами ничего такого не случается?

— Разве я не объяснял тебе? — Кажется, Тэн отнесся к происшествию очень легко. Может, и вправду это для него пустяки. — Это устройство поглощает только неживую материю.

Напряженное молчание.

— Оставь свою так называемую одежду у порога, — проворчал наконец Брил. — Пожалуй, я попробую ее надеть.

Тэнайн бросил пояс у двери и пошел прочь, тихонько напевая. Голос у него был такой могучий, что даже тихая песенка слышалась еще целую вечность.

Но вот Брил остался наедине с ветром и птичьим щебетом. Подошел к двери, отступил, печально подобрал с полу брюки с огромной дырой сзади, свернул и сунул с глаз долой под остальные вещи на крюке. Опять поглядел на дверь и даже всхлипнул тихонько. Наконец приложил куда надо перчатку — и дверь, строители которой не предусмотрели, что когда-нибудь понадобится ее только чуть-чуть приоткрыть, послушно скользнула в сторону, открывая проем во всю ширь. Брил даже пискнул, дотянулся до пояса, рванул его к себе, отпрянул внутрь и хлопнул по двери, чтоб закрылась.

— Никто не видал, — со всей силой убеждения сказал он себе.

И надел пояс. Две половины пряжки сошлись, как руки в привычном пожатье.

Прежде всего он ощутил тепло. Тела коснулся один только пояс — и, однако, его всего обволокло теплом, ласковым, надежным, точно птица села на яйца. Еще миг — и он ахнул.

Неужели может ум так переполниться и при этом не ощутить гнета? Неужели столько понимания может хлынуть в мозг и не разорвать его?

Он понял, как валик превращает молочную жидкость в твердые пластины; конечно же, тут есть единственный способ, и он чувствует — правильно только так, а не иначе.

Он понял, как ионы в прессах формуют камни для поясов, понял «живую» ткань, которая стала ему одеянием. Понял, как удалось рисовать пальцем на белом экране и как образовался вакуум, когда ему потребовался этот дом, построенный именно так, а не иначе, и как жители Ксанаду поспешили заполнить пустоту.

Он с легкостью вспомнил рассказ Тэнайна: как ощущаешь, что такое — играть на скрипке, созидать, строить, формовать, быть со всеми заодно и сообщая, и что это за чувство — когда ты словно бы в веселом кругу и вместе с тем делаешь дело, бродишь беспечно и праздно — и тут же сменяешь кого-то у чана или верстака, в поле на борозде или у рыбацкой сети, едва он оставит работу.

Окруженный тихим радужным пламенем, Брил стоял в конуре, похожей на гроб, смотрел на свои руки и твердо знал: стоит ему захотеть, и руки эти построят модель любого города на Кит Карсоне или изваяют душу Наивысшей Власти.

Он твердо знал: он постиг все, что знают и умеют искусники планеты Ксанаду, и может делать все то же, что они, надо только сосредоточиться и думать над задачей, пока не почувствуешь — какое же ощущение правильное именно для тебя. Нимало не удивляясь, он понял, что все эти возможности и таланты сильнее самой смерти; ибо если человек что-то может и умеет, его искусство разделяют все и каждый и, когда он умирает, его искусство продолжает жить в других.

НАДО ТОЛЬКО СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ — вот в чем секрет, краеугольный камень, вот ключ ко всей

их хитрой механике. Тут ни при чем мутация и нет ничего «сверхъестественного» (что бы ни означали эти слова), это просто механизм, как и всякий другой. Ты владеешь мастерством, чувствуешь его; передо мной стоит задача. Когда я сосредоточусь на своей задаче, возникает потребность в твоём искусстве; через живое пламя, в которое ты облачен, ты передаешь его мне; через пламя, одевающее меня, я принимаю твою мысль. Потом я действую; что своего я внесу в исполнение — это зависит от моих способностей. Если я прибавлю что-то к твоему искусству, мое станет еще полней и совершенней; значит, мое *ОЩУЩЕНИЕ* лучше — и в следующий раз, когда понадобится, уже я буду передавать его другим.

Брил понял также, какая власть заключена в этом новом способе общения, и вдруг подумал: теперь его родную планету можно сплавить в такое единое целое, какого еще не бывало во Вселенной. На Ксанату этого не произошло, здешний народ развивался как придется, его не прокалили заранее в горниле суровой дисциплины и не ковали молотом власти.

Но на Кит Карсоне! Весь народ Карсона приобщится ко всем искусствам и талантам, а над ним будут стоять и править им Наивысшая Власть и Государство, создавая вакуум потребностей и мгновенно его заполняя. Да, так и должно быть (каким-то краешком сознания Брил вдруг удивился — а почему Государству не поделиться этим новым всеобъемлющим пониманием со всем народом?), ведь вместе с новыми знаниями приходит еще небывалая торжественная преданность отечеству, его установлениям и святыням.

Брил с трепетом расстегнул пояс и повернул левую половину пряжки тыльной стороной. Да, вот она, химическая формула. Теперь он знает, как осаждать состав, как прессовать камни, он воспламенит

новые живые пояса — миллионы, говорил Тэнайн, миллиарды.

Тэнайн говорил... но почему он не сказал, что в этих одеяниях и таится источник всех чудес планеты Ксанаду?

Так ведь он, Брил, об этом и не спрашивал!

И ведь Тэнайн умолял — надень такую тунику и станешь одним из нас. Несчастный дурень всерьез вообразил, что таким способом можно поколебать Брила в его верности родному Карсону! Что же, ладно, Тэнайну и его народу тоже можно кое-что предложить, и это будет выгодно обеим сторонам; очень скоро, если пожелают, жители Ксанаду смогут присоединиться к блистательному воинству нового Кит Карсона.

В недрах черного мундира, висящего на стене, что-то прозвенело. Брил засмеялся и собрал свою старую сбрую, все пожары, взрывы и оцепенение, что дремали, скрытые в мощном потаенном оружии. Хлопнул ладонью по двери, выскочил за порог, где уже дожидался шар, забросил в люк свою старую одежду, и она съежилась на полу — жалкий опустевший кокон. Брил прыгнул следом — радостный, сияющий, — и тотчас шар взлетел в небо.

Не прошло и недели, как Брил возвратился в систему Самнера, а на Кит Карсоне уже появились и были испытаны копии чудесных поясов.

Не прошло и месяца, а уже двести тысяч карсонцев облачились в радужные одеяния, и восемьдесят фабрик работали круглые сутки, выпуская новые пояса.

Не прошло и года, а по всей планете миллионы и миллионы людей радостно и согласно, как никогда прежде, выполняли каждое пожелание своего Вождя, повинувшись, словно несчетные пальцы одной исполняющей руки.

А потом с пугающим единодушием, в один и тот же миг все радужные одежды замерцали и погасли, ибо настал час, о котором уже знал Брил: пора было окунуть их в молочную кислоту. Так и сделали в торопливом испуге, не колеблясь, не тратя времени на испытания: кто однажды отведал этой лучезарной зависимости, уже не мог без нее обойтись. Неделью все шло хорошо...

А потом, как и задумали хитроумные мастера с планеты Ксанаду, включились все остальные звенья черных поясов, многократно усилив действие первых двух.

Полтора миллиарда людей, которым год назад были подарены практические навыки живописи, музыки и зодчества и понимание теории технических наук, внезапно получили новые познания: им открылись философия, логика и любовь, они поняли, что такое сочувствие, проникновение, терпимость, что значит, когда род человеческий объединяется не повиновением, но сознанием братства; когда ощущаешь: ты в содружестве и согласии со всей жизнью во Вселенной.

Когда в людях, наделенных столькими талантами, пробуждаются подобные чувства, они уже не могут быть рабами. Едва их озарило светом, каждый сосредоточился на одном — быть свободным! — и почувствовал, что это значит. Каждый постиг свободу, стал ее мастером, знание и мастерство тотчас передавались от одного к другому — и в краткий миг среди полутора миллиардов людей не осталось ни одного, кто не был бы превыше всех иных умений одарен талантом свободы.

Так перестала существовать культура Кит Карсона, вместо нее возникло нечто новое и стало распространяться на планеты соседних солнечных систем.

И поскольку Брил знал, что такое сенатор, и хотел стать сенатором, он стал сенатором.

Тэнайн и Нина сидели обнявшись и тихонько напевали, как вдруг бокал, которых стоял в мшистом углублении, мягко зазвенел.

— Еще один явился! — сказал Уонайн (он сидел у ног родителей). — Любопытно, что проймает этого? Из-за чего он выпросит, возьмет взаймы или украдет у нас пояс?

— Не все ли равно, — с наслаждением потягиваясь, ответил Тэнайн. — Пусть получит пояс, это главное. А который же это, Уонайн? Шумливая машинка с обратной стороны Малой Луны?

— Нет, — ответил сын, — тот еще сидит на месте и верещит и воображает, будто мы его не замечаем. А это опускается силовое поле, которое два года висело над округом Быстрого крыла.

Тэнайн засмеялся.

— Это будет наша победа номер восемнадцать.

— Девятнадцать, — задумчиво поправила Нина. — Я точно помню, ведь восемнадцатый только что улетел, а семнадцатый был тот забавный маленький Брил из системы Самнера. Знаешь, Тэн, тот человек даже на минуту меня полюбил.

Но это был сущий пустяк, и о нем тут же забыли.

Ракета Мяуса

«Прерываем наши передачи, слушайте экстренное сообщение...»

— Джек! Ну что ты вскинулся как ужаленный? И пепел у тебя сыплется.

— Ох, Айрис, дай послушать!

«...тело, первоначально принятое за комету, продолжает беспорядочный полет в стратосфере, временами снижаясь до...»

— Джек, ты мне действуешь на нервы! Нельзя быть таким рабом радио. Ты бы лучше мне уделял столько внимания...

— Дорогая, я готов все это обсудить и уделять тебе сколько угодно внимания, на все готов, только после. Ради Бога, дай послушать!!!

«...телям восточного побережья предлагается следить за приближением этого...»

— Айрис, не надо!

ЩЕЛК!

— Ну, знаешь, это просто невежливо, это уж такое...

— Хватит, Джек Герри! Приемник не только твой, но и мой. Захотела — и выключила, имею полное право.

— Скажи, пожалуйста, а почему тебе понадобилось именно сейчас его выключать?

— Потому что, если сообщение важное, его повторят еще сто раз, и ты каждый раз будешь на меня шипеть, а мне это не интересно, и так все уши прожужжали, хватит. Вечно ты слушаешь какую-то ерунду, которая нас ни капельки не касается. А главное, еще кричишь на меня!

— Ничего я не кричал.

— Нет, кричал! И сейчас кричишь!

— Мама! Папа!

— Молли, детка, мы тебя разбудили...

— Бедный детеныш... эй, а почему ты босиком?

— Сегодня не холодно, пап. А чего там по радио?

— Что-то летит в небе, малышка, я не слышал до конца.

— Спорим, космический корабль!

— Вот видишь, забил ей голову своей научной фантастикой...

— По-твоему, это фантастика? Молли рассуждает куда разумнее тебя.

— А ты рассуждаешь, как семилетний ребенок. И... и еще на... настраиваешь ее против ме... меня!

— Ой, мам, ну чего ты плачешь!

И в эту минуту словно какой-то великан сшиб кулаком двухкомнатный мезонин приморского коттеджа и расшвырял обломки по пляжу. Лампы погасли, а снаружи весь берег озарила яростная вспышка голубого слепящего света.

— Джек, милый, ты ранен?

— Мам, у него кровь!

— Джек, родной, скажи хоть слово! Ну, пожалуйста!

— Уф! — послушно отозвался Джек Герри и сел; с него, шурша, посыпалась дранка и обвалившаяся штукатурка. Осторожно, обеими руками он взялся за голову и присвистнул: — Дом рухнул.

— Не совсем, милый. — Жена обняла его, попыталась стряхнуть пыль с его волос, погладила по затылку. — Я... мне страшно, Джек.

— Страшно? — Он неуверенно огляделся; в комнату едва сочился лунный свет, все казалось смутным. И вдруг затуманенный взгляд наткнулся на яркое сияние в самом неожиданном месте. Он стиснул руку Айрис. — Верх снесло!.. — выговорил он хрипло и, шатаясь, через силу поднялся на ноги. — Комнату Молли... Молли!

— Я тут, пап. Ой! Ты меня раздавишь!

— Счастливая семейка, — дрожащим голосом сказала Айрис. — Проводим лето в тихом домике у моря, чтоб папочка без помех писал статьи о технике,

а мамочка успокаивала нервы... Телефона нет, до кино сто лет добираться, а теперь еще крыша улетела. Джек... Что это в нас попало?

— Одна из тех самых штук, про которые ты не желаешь слушать, — язвительно ответил Джек. — Ты же их не признаешь, потому что они нас никак не касаются. Припоминаешь?

— Это про нее говорили по радио?

— Возможно. Давай-ка выберемся отсюда. Пожалуй, дом еще рухнет на нас или сгорит, мало ли.

— И-нас-у-бьет! — пропела Молли.

— Замолчи, Молли! Айрис, я пойду погляжу, что к чему. А ты бы присмотрела место, где можно поставить палатку... если только я ее отыщу...

— Палатку? — ахнула Айрис.

— Вот здорово! — сказала Молли.

— Джек Герри, я не собираюсь спать в палатке. Сюда сейчас набегит толпа народу, ты что, не понимаешь?

— Ну ладно, ладно. Только вылезай из этих развалин. Поди искупайся. Или погуляй. Или ложись спать в комнате Молли, если ты ее отыщешь. Сейчас не время спорить.

— Никуда я одна не пойду!

Джек вздохнул.

— Эх, не догадался я сказать, чтоб ты с места не сходила, спорщица... Тише, Молли!

— А я молчу.

МЯ-А-У!

— Разве это не ты мяукаешь?

— Не я, пап, честно!

— Как будто кошку придавило, — сказала Айрис. — Только откуда тут взяться кошке? Они умные, они сюда не полезут.

УУ-УУА-АУ!

— Ну и воеет, прямо жуть берет!
— Джек, это не кошка...
— Да не дрожи ты, как осиновый лист.
— А какой у осины лист? — спросила Молли.
— Молли! Не остри, пожалуйста, ты еще мала для этого.

— Извини, пап, Я забыла.

ММММ-АУ. МММММ... МММ.

— Не знаю, что там за зверь, но уж, наверно, не очень большой, если он так мяукает, — сказал Джек. — И совершенно нечего трусить.

Он сжал локоть Айрис, потом осторожно перешагнул через груды обломков и начал всматриваться. Молли полезла туда же.

Вой больше не повторялся, и за пять минут они ни до чего не доискались. Джек вернулся к жене, она шарилась среди обломков и мусора в гостиной, бесцельно поднимала и расставляла опрокинутые стулья.

— Я ничего не нашел...

— Ух!!

— Молли! Что такое?

Молли копошилась в кустах у самого дома.

— Ой... ой, пап, иди скорей!

Это прозвучало так, что отец стремглав выбежал наружу. Молли стояла, вся вытянувшись в струнку, и старалась запихнуть себе в рот оба кулака разом. А у ее ног лежал на земле человек с кожей серебристо-серого цвета; рука у него была сломана, он поглядел на Джека и замяукал.

«...Военно-морское министерство дало отбой тревоги. Пилот почтового самолета сообщил, что неизвестный предмет скрылся в зените. В последний раз его заметили в восемнадцати милях восточнее Нор-

манди-Бич, штат Нью-Джерси. По сообщениям из этого района, он летел очень медленно, издавая громкий свистящий звук. Хотя несколько раз неизвестный предмет снижался до каких-нибудь четырех-пяти футов над землей, по имеющимся сведениям, никакого ущерба он не причинил. Расследование продолжа...»

— Надо же, — фыркнула Айрис, выключая транзистор. — Это называется «никакого ущерба».

— Угу. И раз никто не видел, как эта штука ударила в наш дом, значит, никакие расследователи сюда не явятся. Так что смело можешь удалиться в палатку и залечь, никто не пристанет к тебе с вопросами.

— Ложиться спать? Ты с ума сошел! Спать в тоненькой палатке, когда тут валяется это чудовище и мяукает?

— Ну, что ты, мам! Он больной. Он никого не тронет.

Они сидели у веселого костра, который разожгли дранкой с крыши. Джек без особого труда поставил палатку. Серебристо-серый человек дремал, растянувшись поодаль в тени, и порой тихонько стонал.

— Обожаю, когда ты болтаешь глупости, лапочка, — усмехнулся Джек, глядя на Айрис. — До чего ловко ты ему вправила руку, любо-дорого было смотреть. Пока ты с ним нянчилась, ты вовсе не думала, что он чудовище.

— Вот как? Может быть, чудовище — не то слово. Знаешь, Джек, у него в предплечье только одна кость.

— Что? Чепуха, дружок. Наука такого не допускает. Тут нужно гибкое сочленение, иначе кисть не будет подвижной.

— Кисть у него подвижная.

— Посмотрим, — пробормотал Джек, взял фонарик и направился к расprostертой на земле долговздой фигуре.

В луче фонаря мигнули серебристо-серые глаза. Какие-то они были странные. Джек посветил фонарем поближе. В луче зрачки были не черными, а темно-зелеными. И очень узкими — просто еле заметные щелочки, сдавленные с боков, точно у кошки. Джек перевел дух. Потом осветил тело лежащего. Надето на нем было что-то вроде широченного купального халата, ярко-синее, с желтым поясом. У пояса — пряжка: по виду словно две пластинки желтого металла лежат рядом; совершенно непонятно, как они скреплены. Просто держатся вместе — и все. Когда они нашли этого человека и он сразу лишился чувств, Джеку пришлось пустить в ход всю свою силу, чтобы разнять эти пластинки.

— Айрис!

Она поднялась и подошла.

— Не мешай бедняге, пускай спит.

— Айрис, какого цвета был его балахон?

— Красный с... да он синий!

— Теперь синий. Айрис, что за чертовщина такая на нас свалилась?

— Не знаю... не знаю. Какой-то несчастный сбегал из приюта для... для...

— Для кого?

— А почему я знаю? — огрызнулась Айрис. — Наверно, если такие рождаются, их куда-нибудь отдают.

— Люди такими не рождаются. Айрис, он не урод. Просто совсем другой.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Сама не знаю почему, но понимаю. Только вот что я тебе скажу, — она запнулась и молчала так долго, что Джек в недоумении обернулся. Айрис медленно закончила: — Он такой странный, такой безобразный, я должна бы его бояться, но... я не боюсь.

— А я тоже не боюсь!

— Молли, ложись сейчас же!

— Он — эльф.

— Возможно. Ложись спать, пичуга, а утром ты его спросишь, где он прячет свой горшок с золотом.

— Ага! — Молли пошла было прочь, но остановилась на одной ноге, другой принялась чертить по песку. — Пап...

— Что, зверюшка?

— Можно, я и завтра буду спать в палатке?

— Если будешь хорошо себя вести.

— Папа, видно, хочет сказать, что если ты будешь вести себя плохо, он завтра к вечеру починит крышу, — язвительно заметила Айрис.

— Я буду хорошо вести.

Молли скрылась в палатке.

Серый человек замаяукал.

— Чего вам, приятель?

Здоровой рукой человек потрогал стянутое лубками предплечье.

— Ему больно, — сказала Айрис, опустилась на колени подле раненого и отвела его руку от повязки.

Он не сопротивлялся, только лежал и смотрел на Айрис, шуря страдающие глаза.

— У него шесть пальцев, — сказал Джек, опустился на колени рядом с женой и осторожно взял запястье раненого. И удивленно присвистнул: — Еще какая подвижная кисть!

— Дай ему аспирина.

— Это мысль... Постой-ка, — Джек озадаченно выпятил губу. — Думаешь, можно?

— А почему нет?

— Мы же не знаем, откуда он. Понятия не имеем, какой у него обмен веществ. Мало ли, как на него могут подействовать наши лекарства.

— Он... то есть как это — откуда?

— Айрис, дай ты себе труд хоть немного подумать, — с досадой сказал Джек. — Не станешь же ты и теперь закрывать глаза на очевидное и уверять, что это человек с нашей Земли! Что ты, анатомии не знаешь? Где ты видела уродов с такой кожей и с такими костями? А эта пряжка? А одежда? Что это за материя? Будет тебе, право. Не цепляйся за старые предрассудки, шевельни мозгами, сделай милость.

— Ах, оставь! Этого просто не может быть!

— Вот так же рассуждали до Хиросимы... Так рассуждал в старину какой-нибудь воздухоплаватель, сидя в корзине аэростата, когда ему толковали про аппараты тяжелее воздуха. Так рассуждали...

— Ну, довольно, Джек! Я знаю все, что ты скажешь. Поспал бы лучше, сколько осталось до утра... А угодно философствовать — пожалуйста. Все, что ты говоришь, относится к людям. Покажи мне любой новый пластик, новый металл, новую невиданную машину, пускай я в них ничего не пойму, но они не вызовут у меня противодействия, потому что их изобрели люди. А этот... этот человек или уж не знаю кто...

— Понимаю, — сказал Джек мягче. — Это страшно, потому что чужое, а где-то в глубине души у нас всегда сидит: чужое — значит, опасное. Поэтому мы с чужими ведем себя лучше, чем с друзьями... И все-таки, по-моему, не стоит давать этому серому аспирин.

— Но он дышит тем же воздухом, что и мы. И в пот его бросает. И говорить он, наверно, умеет...

— Пожалуй, ты права. Что ж, надо попробовать, может, хоть немного снимет боль. Дай ему только одну таблетку.

Айрис отошла к колонке, налила воды в алюминиевый стаканчик. Опустилась на колени подле сво-

его пациента и, одной рукой поддерживая серебристую голову, осторожно сунула ему в рот таблетку аспирина и поднесла к губам стакан. Он жадно выпил воду и вдруг весь обмяк.

— Ах, черт... вот этого я и опасался!

Айрис приложила ладонь к груди больного — послушать сердце.

— Джек!!!

— Неужели он... что с ним, Айрис?

— Нет, не умер. Но послушай...

Джек приложил рядом свою ладонь. Сердце билось тяжело, медленно — каких-нибудь восемь ударов в минуту. А за этими размеренными ударами, совершенно не в такт, частили другие — резкие, страшно быстрые, должно быть, около трехсот в минуту.

— У него какой-то сердечный приступ, — сказал Джек.

— Да, и с двумя сердцами сразу!

Неожиданно этот странный человек вскинул голову и испустил протяжный, пронзительный, с перебивками вой. Глаза распахнулись во всю ширь, в них трепетала, то затягивая, то вновь открывая зрачок, прозрачная пленка. Он лежал совершенно неподвижно и все вопил, захлебывался криком. И вдруг схватил руку Джека и поднес к губам. Молнией сверкнул острый светло-оранжевый язык, дюйма на четыре длиннее, чем полагается, и лизнул ладонь. Потом удивительные глаза закрылись, вопли перешли в слабое хныканье, а там и вовсе утихли, и он мирно свернулся калачиком.

— Уснул, — сказала Айрис. — Ох, надеюсь, мы ничего плохого не натворили.

— Что-то мы с ним явно сотворили. Будем надеяться, что это не очень опасно. Во всяком случае, рука его сейчас не мучает. А мы того и добивались.

Айрис подложила подушку под серую, непривычной формы голову, проверила, удобно ли незнакомцу лежать на надувном матрасе.

— Какие у него красивые усы, — сказала она. — Совсем серебряные. С виду он очень старый и мудрый, правда?

— Вроде филина. Иди ложись.

Джек проснулся рано; ему снилось, что он с зонтиком вместо парашюта выбросился из летающего мотоцикла и, пока падал, зонтик обратился в леденец на палочке. Он приземлился среди острых зубчатых скал, но они спружинили мягко, как губка. Его тотчас окружили русалки, очень похожие на Айрис, кисти рук у них были в форме шестеренок. Но во сне ему было все нипочем. Проснулся он улыбаясь, необычайно веселый и довольный.

Айрис еще спала. Где-то звонко смеялась Молли. Джек сел, огляделся — раскладушка Молли была пуста.

Тихонько, стараясь не разбудить жену, он сунул ноги в шлепанцы и вышел из палатки.

Молли стояла на коленях напротив странного гостя, а он сидел на корточках и...

Они забавлялись детской игрой в ладошки: кто не успеет отдернуть руку, получает шлепок.

— Молли!!!

— Да, пап?

— И не совестно тебе? Ведь у него сломана рука!

— Ой, я забыла! Ты думаешь, ему больно?

— Не знаю. Очень может быть, — сердито сказал Джек Герри. Он подошел к гостю, взял его за здоровую руку. Тот поднял голову и улыбнулся. Очень славная, обаятельная у него оказалась улыбка. А зубы острые, до странности редко расставленные.

— *Иии-у ман мадибу Мяус*, — сказал он.

— Это его так зовут, — живо пояснила Молли, наклонилась и потянула пришельца за рукав: — Мяус! Эй, Мяус!

И ткнула себя пальцем в грудь.

— Мооли, — сказал Мяус. — Мооли Геери.

— Видишь, пап, видишь? — в восторге закричала Молли. И ткнула пальцем в отца: — А это папа. Папа.

— Баа-ба, — сказал Мяус.

— Не так, глупый! Папа!

— Баба.

— Да папа же!

Джек, тоже увлекшись, показал на себя пальцем:

— Джек Герри!

— Шек Гери, — повторил пришелец.

— Недурно. Молли, он просто не выговаривает «п» и «ж». Это еще не так плохо.

Джек осмотрел лубки. Айрис очень толково их наложила. Поняв, что вместо двух костей — локтевой и лучевой, как должно быть у обыкновенного человека, — у Мяуса только одна, Айрис закрепила ее в нужном положении при помощи двух дощечек вместо одной. Джек усмехнулся. Умом Айрис не допускает самого существования Мяуса; но как нянька и сиделка она не только признала его странную анатомию, но и умело вышла из положения.

— Наверно, он очень вежливый, — сказал Джек смущенной дочери. — Раз тебе вздумалось играть с ним в шлепки, он будет терпеть, даже если ему больно. Не надо пользоваться его добротой, пичуга.

— Не буду, пап.

Джек развел костер, и когда из палатки вышла Айрис, на перекладине из свежесрезанных палок уже бурлила в котелке вода.

— Понадобилось стихийное бедствие, чтобы ты взялся готовить завтрак, — проворчала жена, стараясь скрыть довольную улыбку. — Ты что, был бойскаутом?

— Грешен, был когда-то. Не угодно ли вам, сударыня, взять бразды правления в свои руки?

— Угодно. Как наш больной?

— Процветает. Они с Молли утром состязались в шлепки-ладошки. Кстати, балахон на нем опять стал красный.

— Слушай, Джек... Откуда он взялся?

— Я еще не спрашивал. Когда я научусь мяукать или он научится говорить, может быть, мы это выясним. Молли уже дозналась, что его зовут Мяус. — Джек усмехнулся. — А он меня зовет Шек Гери.

— Вот как? Он шепелявит?

— Довольно, женщина. Пора готовить завтрак.

Айрис занялась стряпней, а Джек пошел осматривать дом. Все оказалось не так уж плохо — честь и слава нелепой постройке. Мезонин в две комнатки, видимо, надстроенный позже, попросту насадили сверху на старый одноэтажный домишко. Раму детской кровати исковеркало непоправимо, но пружинный матрас уцелел. Старая крыша, обнажившаяся после того, как слетела сбита на скорую руку верхотура, выглядела вполне солидно. Они с Айрис прекрасно разместятся в гостиной, а постель Молли можно поставить в кабинете. В гараже есть инструмент и доски, денек выдался теплый, безоблачный, и Джек Герри, как всякий литератор, радовался тяжелой работе, за которую не заплатят ни гроша, — лишь бы только не писать. К тому времени, когда Айрис позвала его завтракать, он почти очистил крышу от обломков и составил план действий. Главное — перекрыть дыру там, где еще недавно была лестничная

площадка, да еще проверить крышу, не протекает ли. Ну, это мигом покажет первый же хороший дождь.

— А как быть с Мяусом? — спросила Айрис, подавая мужу благоухающую яичницу с ветчиной. — Вдруг от нашего меню с ним опять случится припадок?

Джек посмотрел на гостя. Сидя по другую сторону костра, бок о бок с Молли, тот круглыми глазами уставился на еду.

— Сам не знаю. Дадим немножко, пусть попробует.

Мяус одним духом проглотил «пробу» и жалобно взвыл, прося добавки. Он уплел и вторую порцию, а когда Айрис отказалась жарить еще яичницу, накинулся на подсушенный хлеб с джемом. Каждое новое блюдо он сперва пробовал очень осторожно: отщипнет крошку-другую, мигнет раза два и потом уписывает за обе щеки. Единственным исключением оказался кофе. Хватило одного глотка. Он поставил чашку на землю и с величайшей осторожностью перевернул ее вверх дном.

— Ты сумеешь с ним поговорить? — спросила вдруг Айрис.

— Он умеет говорить со мной, — объявила Молли.

— Это я слышал, — сказал Джек.

— Да нет, я не про то! — горячо запротестовала Молли. — Я ничего не разберу, что он лопочет.

— А про что же ты?

— Я... я не знаю, мам. Просто... просто он мне говорит, вот и все.

Джек и Айрис переглянулись.

— Наверно, это какая-то игра, — сказала Айрис.

Джек покачал головой и внимательно поглядел на дочку, будто видел ее впервые. Но не нашелся, что сказать, и встал.

— По-твоему, дом можно залатать?

— Ну конечно! — Он засмеялся. — А верх ты все равно терпеть не могла.

— Сама не знаю, какая муха меня укусила, — задумчиво сказала Айрис. — Случись что-нибудь одно, я встала бы на дыбы. Скажем, только обвалилась бы стена в мезонине, или только продырявило крышу, или вдруг нагрянул бы этот... это подобие человека. Я бы мигом собралась и укатила домой. А вот стряслось все сразу — и ничего, мирюсь.

— Все на свете относительно. Если женщина всем недовольна, значит, у нее слишком мало забот.

— Убирайся с глаз долой, а не то... — веско произнесла Айрис.

И Джек убрался.

Молли и Мяус пошли за ним по пятам к дому и, стоя рядышком, во все глаза смотрели, как он поднимается по приставной лестнице.

— Пап, ты чего делаешь?

— Обвожу края этой дыры, где лестница выходит прямо под ясное небо. А потом подровняю края пилой.

— А-а.

Джек наскоро очертил куском угля квадрат, обрубил топориком, где можно было, торчащие углы и зазубрины и огляделся в поисках пилы. Пила осталась в гараже. Он спустился по приставной лестнице, взял пилу, снова вскарабкался наверх и начал пилить. Через двадцать минут пот лил с него в три ручья. Джек устроил передышку: спустился вниз, к колонке, подставил голову под струю, закурил сигарету и опять полез на крышу.

— А почему ты не прыгаешь туда и обратно?

Работа кровельщика оказалась тяжелой и день жарче, чем думалось полчаса назад, а пыл Джека — обратно пропорционален обоим этим обстоятельствам.

— Не говори глупостей, Молли, — проворчал он.

— Но Мясус хочет знать!

— Вон что. Скажи ему, пускай сам попробует.

Он снова взялся за работу. Через несколько минут, когда он разогнулся, чтобы перевести дух, Молли с Мясусом нигде не было видно. «Наверно, пошли в палатку и путаются под ногами у Айрис», — подумал он, берясь за пилу.

— Папа!

К этому времени у папы с непривычки отчаянно ломило руку и плечо. Пила то увязала в мягкой древесине, то шла вкось. И он спросил с досадой:

— Чего тебе?

— Мясус говорит, иди сюда. Он тебе что-то покажет.

— Что покажет? Мне сейчас некогда играть, Молли. А Мясус пускай подождет, сперва надо починить крышу.

— Но это же для тебя!

— Что именно?

— Та штука на дереве.

— А, ладно.

Движимый не столько любопытством, сколько ленью, Джек слез с крыши. Внизу у лестницы ждала Молли. Мясуса не было.

— Где он?

— Под деревом, — с необычайной кротостью сказала Молли и взяла отца за руку. — Идем. Это близко.

Она повела его вокруг дома, потом — через ухабистую, шишковатую полосу земли, из вежливости именуемую дорогой. По ту сторону дороги лежало поваленное дерево. Джек оглянулся и увидел, что по прямой линии между упавшим деревом и проломленной крышей его дома есть и другие сломанные

деревья; словно что-то сорвалось с неба и промчалось наискось, задевая вершины, постепенно опускаясь, а потом снесло верх его дома и опять взмыло ввысь, все выше... куда?

Минут десять они шли дальше и дальше в лес, порой огибая обломанную ветвь или снесенную напроць макушку дерева, и наконец увидели Мяуса — он стоял, прислонясь к стволу молодого клена. Мяус улыбнулся им, показал пальцем на вершину клена, потом на свою руку, потом на землю. Джек озадаченно смотрел на него.

— Он свалился с этого дерева и сломал руку, — сказала Молли.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, просто это так было.

— Очень приятно. А теперь можно мне вернуться к работе?

— Он хочет, чтоб ты достал эту штуку!

Джек поднял голову. В развилке ветвей, примерно в двух третях высоты клена, что-то блестело — палка длиной около пяти футов с какими-то обтекаемой формы придатками на концах вроде топливных баков на крыльях самолета.

— Это еще что такое?

— Не знаю... не могу объяснить. Он мне говорил, только я все равно не знаю. Но это для тебя, чтобы ты не... не... — Молли оглянулась на Мяуса. Серебряные усы прищельца словно бы распушились — ...чтоб не надо было столько лазить по лестнице.

— Молли... а как ты это поняла?

— Просто он мне сказал. Ох, пап, не злись. Честное слово, не знаю, как. Просто он сказал, вот и все.

— Хоть убей, не понимаю, — пробормотал Джек. — Ну, ладно. А для чего мне эта штука с дерева? Чтобы тоже сломать руку?

— Сейчас не темно.

— То есть?

Молли пожала плечами:

— Спроси его.

— А, кажется, дошло. Он упал с дерева, потому что было темно. Он думает, я могу влезть и достать эту штуку, и ничего со мной не стрясется, потому что сейчас светло и видно, куда лезешь... Притом он обо мне весьма лестного мнения. Только лестно ли это? Он полагает, мы недалеко ушли от обезьян?

— Ты про что, пап?

— Неважно... А все-таки чего ради мне доставать эту штуку?

— Э-э... чтоб ты мог прыгать с крыши.

— Глупости. Впрочем, надо ее разглядеть. Поскольку его корабль улетел, нам больше не по чему судить об их технике... Разве еще по одежде...

— А какая это техника?

— Троюродная тетушка потехе. Ну, старт!

Джек уцепился за нижний сук и подтянулся. Ему уже много лет не приходилось лазить на деревья, и теперь, осторожно высматривая, за какую ветку дальше хвататься, он мельком подумал, что существуют, наверно, более удобные способы набирать высоту. Хотя бы эскалатор. И почему это при деревьях не растут эскалаторы?

Клен начал вздрагивать и качаться под его тяжестью. Джек глянул вниз и тут же решил больше этого не делать. Глянул вверх — и с удовольствием убедился, что цель уже совсем близка. Взобрался еще на три фута и ужаснулся тому, как до нее далеко, потому что ветки тут были совсем тонкие. Весь извиваясь, он вскарабкался еще немного, протянул руку, и пальцы его скользнули по блестящей палке. Он заметил, что близко к ее середине с двух сторон укреп-

лено по кольцу, достаточно широкому, чтобы про-
деть руку до плеча. Одно кольцо наделось на сук.
Джек напрягся так, что едва не лопнули мышцы, еще
чуть подтянулся одной рукой, а другой ухватил
кольцо.

Подтягиваться одной рукой не так-то просто.
Джек почувствовал, что непривычные мышцы слабе-
ют. Он повис уже на обеих руках и своей тяжестью
сдернул зацепившееся кольцо. Вокруг радостно за-
трещали ломающиеся ветки. Падая, Джек прикусил
язык. Невольно он продолжал сжимать блестящую
штуковину, хоть она и соскочила с того сука. Он па-
дал и всем существом ждал: вот сейчас рухнет наземь
и переломает себе все кости...

Ничего подобного не случилось.

Сперва он падал камнем, а потом непонятная
штука, которую он все еще сжимал в руке, придержи-
ла его. Он подумал, что каким-то чудом она опять за-
цепилась. Ничего подобного! Он опускался плавно,
наподобие пушинки одуванчика, свисая с блестящей
палки, которая невесть как и почему держалась в воз-
духе. Два веретенца, торчащие под прямые углом по
концам палки, тоненько, негромко свистели. Джек
поглядел вниз, смигнул пот, катившийся со лба, по-
глядел еще. Мясус расплылся в счастливой улыбке,
Молли рот раскрыла от изумления.

Чем ниже, тем медленней он спускался. Кажется,
вечность миновала, пока он наконец блаженно ощу-
тил под ногами твердую почву, и тут ему пришлось
встать и с некоторым усилием притянуть палку
книзу. Она поддалась не вдруг, точно электрический
тормоз на вихревых токах. Под веретенцами, при-
строенными по концам, плясали и кружились сухие
листья.

— Ой, пап, до чего здорово!

Джек дважды с трудом глотнул — в горле пересохло — и вернул на место вылезшие на лоб глаза.

— Угу. Забавно... — насилу выговорил он.

Подошел Мяс, взял у него из рук палку и отпустил. Оставаясь в строго горизонтальном положении, она медленно снизилась и легла наземь. Мяс показал на палку, на дерево и ухмыльнулся.

— Прямо как парашют! Вот здорово!

— Держись от этой штуки подальше, — сказал Джек, услышав в голосе дочери хорошо знакомые нотки. — Кто знает, что это такое. Еще взорвется, мало ли.

И с опаской покосился на загадочную палку. Она мирно лежала на земле, наконечники больше не свистели. Мяс вдруг наклонился и одной рукой высоко поднял ее. Потом преспокойно поджал ноги и повис. Палка бережно опустила его и усадила наземь, в вихрь крутящихся листьев, потому что, едва он ее поднял, из веретенцев на концах снова ударили воздушные струи.

— В жизни не видал такого дурацкого механизма. Ну-ка, посмотрим...

Палка парила на уровне его пояса. Джек нагнулся и стал разглядывать одно веретенце. Оно заканчивалось маленьким круглым отверстием, затянутым мельчайшей сеткой. Джек протянул было руку. Мяс поспешно перехватил ее и покачал головой. Видимо, соваться ближе к этим наконечникам было небезопасно. И вдруг Джек Герри понял: это какие-то крохотные, но мощные реактивные двигатели. Если их мощности хватило, чтобы выдержать вес взрослого человека, то, конечно, тяга у них бешеная, — наверно, из ладони просто выхватит кусок, пробьет сквозную дыру, точно огромным компостером в билете.

Но что управляет этим аппаратом? Каким образом подъемная сила его соразмеряется с весом груза и с высотой? Без особого удовольствия Джек припомнил, что с клена он поначалу падал очень быстро, а чем ближе к земле, тем медленней. Но когда Маяс поднял палку над головой, она тотчас удержала его на весу и опустила медленно и осторожно. И потом... откуда такая устойчивость? Почему эта штука не перевернется и не врежется вместе с пассажиром в землю?

С возрастающим почтением Джек посмотрел на Маяса. Видно, там, откуда он явился, наука ушла далеко вперед. Вот если бы разузнать у гостя поподробнее об их технике... Но еще удастся ли его понять? Правда, Молли как будто нашла с ним общий язык...

— Он хочет, чтобы ты взял это на крышу, — сказала Молли.

— Как же этот выходец из сочинений Каттнера мне поможет?

Маяс мигом перехватил «палку», поднял, нырнул под нее и продел руки в кольца, так что она легла ему на спину, как коромысло. Потом он огляделся, стал лицом к просвету среди деревьев и на глазах у ошеломленной публики подскочил вверх футов на тридцать, описал в воздухе широкую дугу и мягко приземлился за добрых двадцать ярдов от Джека с Молли.

Молли запрыгала на месте и захлопала в ладоши, она даже онемела от восторга. Джек Герри тоже не находил слов...

Маяс стоял и ждал их, улыбаясь своей милой, покоряющей улыбкой. А когда они подошли совсем близко, опять подскочил, взмыл вверх и плавно полетел дальше к дороге.

— Ну что с ним делать? — пробормотал Джек. — К кому с этим пойдешь и как про это расскажешь?

— Пап, давай оставим его у нас! Он ведь ручной!

Джек взял ее за руку, и они пошли вдогонку серебряно-серому человеку, который опять и опять взлетал и парил впереди. Ручной! Пришелец из какого-то чужого мира, из какой-то неведомой цивилизации и, уж конечно, выдающийся пилот и ученый, ведь заурядная личность едва ли совершила бы такое путешествие. Как он сюда попал? Быть может, он только прокладывал путь и за ним придут другие? Или... или он единственный, кто уцелел, последний из всего своего народа? Откуда он — с Марса, с Венеры?

Они так и не догнали его, пока не подошли к дому. Он стоял возле приставной лестницы. Станный летательный аппарат мирно лежал на земле. Мясус увлечением подбрасывал мячик Молли. Увидав отца с дочерью, он отшвырнул мячик, подобрал с земли свой аппарат, пристроил за плечи, подпрыгнул и взлетел на крышу.

— *Иии-йю-у!* — сказал он с выражением и, даже не обернувшись, не глядя, прыгнул с крыши. «Коромысло» так надежно держалось в воздухе, что, пока Мясус опускался, его долговязое тело раскачивалось взад и вперед.

— Очень мило, — сказал Джек. — Впечатляющее зрелище. А теперь мне пора браться за дело.

И он направился к лестнице.

Мясус бросился за ним, схватил за руку; он хныкал и присвистывал, пытаясь что-то объяснить на своем непонятном языке. Потом взял «коромысло» и протянул Джеку.

— Он хочет, чтоб ты прыгнул с этой леталкой, — сказала Молли.

— Нет, спасибо, — сказал Джек (у него слегка закружилась голова — отзвук ощущений, испытанных недавно на дереве). — Уж лучше я поднимусь по лестнице.

И взялся рукой за ступеньку.

Мяус, подпрыгивая от досады, метнулся мимо него и опрокинул лестницу. Падая, она ударилась о ящик и заодно больно стукнула Джека по щиколотке.

— Пап, ты лучше прыгни с этим... с летательным поясом.

Джек посмотрел на Мяуса. Серебряный человек глядел так приветливо, как только можно при такой странной физиономии; и потом, разумно ли перечить — доставим ему это удовольствие... Для начала у нас под ногами твердая почва, и не беда, если эта фантастическая штука не сработает. А если свалиться с крыши... в конце концов дом не такой уж высокий.

Рассудив так, Джек продел руки в кольца. Мяус показал пальцем на него, на крышу и слегка подпрыгнул. Джек набрал полную грудь воздуха, старательно нацелился и, от души надеясь, что аппарат не сработает, прыгнул.

Он взвился вверх совсем близко к дому... чересчур близко. И с треском ударился о карниз ногой, тем самым местом, по которому его уже хлопнула упавшая лестница. Но это почти не замедлило взлета. Мгновение Джек не дыша парил высоко над крышей, потом начал спускаться. Он отчаянно болтал ногами в надежде найти точку опоры на дальнем конце крыши. Но промахнулся — самую малость. И только изо всей силы грохнул все тем же местом, той же злополучной щиколоткой о карниз по другую сторону крыши. Он снижался и яростно сыпал проклятиями и наконец стал обеими ногами... в корзину

с только что выстиранным бельем. Айрис как раз повесила что-то на веревку, обернулась — и они очутились лицом к лицу.

— Джек! Что ты здесь делаешь? Грязными ногами — прямо на белье...

— О, Господи, — отозвался Джек и попятился из корзины.

И угодил ногой на заводную тележку Молли, на которой Айрис обычно перевозила тяжелую корзину. Теряя равновесие, он хотел отскочить и сейчас же очутился в воздухе. На этот раз ему больше повезло. Он перемахнул через крыло дома, где помещалась кухня, и опустился на землю возле Молли и Мяуса.

— Пап, ты прямо как птица!

— Если я правильно понял мамино выражение лица, скоро я буду прямо как покойник.

Он стряхнул с себя «летательный пояс» и нырнул в дом в ту самую минуту, как из-за угла появилась Айрис. Пока он продирался сквозь хаос в гостиной к парадной двери, до него донесся радостный возглас Молли:

— Папа побежал вон туда!

Джек огибал угол дома, когда хлопнула дверь кухни. Он кинулся к Мяусу, выхватил у него коромысло, пристроил за плечи и прыгнул. На сей раз он рассчитал безошибочно и легко перемахнул через дом, хотя чуть было не уселся верхом на веревку с бельем. Когда из дома, задыхаясь, выбежала разъяренная Айрис, Джек усердно развешивал мокрые простыни.

— Ты что делаешь? — спросила она голосом, не предвещавшим ничего доброго.

— Да вот, помогаю тебе развесить белье, дорогая.

— Что это за... штука у тебя на спине?

— Еще одно доказательство того, что изобретения научной фантастики вездесущи, — учтиво объяснил Джек. — Сие есть многоканальный, действующий в трех измерения переносчик массы, или так называемый палкашют. С его помощью я могу парить чайкой, избегая земных тревог, а также пылких рыжеволосых красоток, когда их страсти начинают мне докучать.

— Ах ты чучело долговязое! погоди, вот я завяжу узлом твой длинный язык! — Тут Айрис не выдержала и расхохоталась.

Джек вздохнул с облегчением и поцеловал ее.

— Извини, родная. Я совсем одурел от страха, пока болтался на этой штуке. Я просто не заметил корзины, а если бы и заметил, наверно, не сумел бы свернуть в сторону.

— А что это такое, Джек? Как оно действует?

— Понятия не имею. На концах что-то вроде ракетных двигателей. Когда солидный груз тянет к земле, они работают вовсю. Чем ниже, тем сильнее. А когда тяжесть ослабевает, они сбавляют обороты. Как это получается, отчего, на какой энергии они работают — в толк не возьму. С виду они просто верхним концом всасывают воздух, а из нижнего выбрасывают его сильной струей. Да, и еще: как эту палку ни верти, они всегда направлены вниз.

— Откуда ты ее взял?

— Снял с дерева. Это аппарат Мяуса. Видно, Мяус на нем спускался, как на парашюте. Пока спускался, одно кольцо наделось на сук и аппарат соскользнул, а Мяус упал и сломал руку.

— Что мы будем с ним делать, Джек?

— Ума не приложу. Не в цирк же его продать. — Джек помолчал в раздумье. — Безусловно, у него есть много такого, что очень пригодилось бы людям. Да

что там, один этот аппарат может преобразить весь мир! Нет, ты послушай: во мне сто семьдесят фунтов. Я повис на этой штуке совершенно неожиданно, когда сорвался с дерева, — и она тут же меня удержала. Судя по виду, Мяус весит еще больше моего. И она удержала его на весу, когда он просто поднял ее над головой и поджал ноги. Тогда, значит, этот аппарат или такой же, но покрупнее может служить двигателем для самолета, а пожалуй, и таким самолетным парашютом при аварии. А если и нет, так уж наверняка мощности этих маленьких двигателей хватит, чтобы вращать турбину.

— А белье эта штука стирать будет? — хмуро спросила Айрис.

— Вот это я и имею в виду! Штука легкая, портативная, мощность прямо баснословная — конечно же, она будет стирать. И заменит моторы, и генераторы, и... Айрис, что полагается делать, когда на тебя свалится открытие такой важности?

— Пожалуй, надо позвонить в какую-нибудь газету.

— И чтоб сюда заявилось сто тысяч зевак и любопытных, и конгресс начнет расследование и еще неведь что? Бр-р!

— А может, посоветуешься с Хемфри Зинсером?

— С Хемфри? Мне казалось, ты его недолюби-
ваешь.

— Никогда ничего подобного не говорила. Просто вы с ним забиваетесь в угол и начинаете рассуждать о всяких премудростях, о множествах и убожествах, и массах, и трассах... а я сижу и вяжу, и злюсь, потому что на меня не обращают внимания.

— Черт возьми, ты попала в самую точку! Хемфри наверняка сообразит, что делать. Сейчас к нему съезжу.

— Ничего подобного! Не починив крышу? Пока ты обернешься, будет уже темно.

Меньше всего Джеку хотелось лезть сейчас на крышу и подпиливать ощеренные края треклятой дыры. Но приходилось считаться еще и с логикой, и с угрозой в голосе Айрис. Он вздохнул и отошел, бормоча себе под нос, что счастливейший и ни с чем не сравнимый в истории человечества шаг вперед откладывается из-за женской прихоти. Он совсем позабыл, что на плечах у него высотонаборный аппарат Мяуса, и только первые два шага прошел по земле. Айрис неудержимо расхохоталась, глядя, как он неуклюже вышагивает по воздуху. Наконец он вернулся на твердую почву, стиснул зубы и с легкостью махнул на крышу.

— Доберись-ка до меня теперь! — поддразнил он и взялся за пилу. За работой он не сразу обратил внимание на шум внизу.

— *Ба-аба! Мр-пру элю-у...*

Он со вздохом отложил пилу.

— Что у вас там?

— Мяус хочет свой летательный пояс!

Джек оглядел крышу, примыкающий к дому невысокий сарай и решил, что хоть и достиг солидного возраста, но еще способен слезть отсюда и без лестницы. Он взял реактивное «коромысло» и сбросил вниз. Оно падало, держась в воздухе строго горизонтально, ничуть не быстрее и не медленней, чем в тот раз, когда он сам на нем спускался. Мяус подхватил «коромысло», ловко продел в кольцо сломанную руку (просто удивительно, как он ее оберегал и как мало она ему, однако, мешала), потом здоровую и прыгнул на крышу к Джеку.

— Что скажете, приятель?

— *Уо-он йю-у уии.*

— Вполне разделяю ваши чувства...

Джек понимал: серебристый человек пытается что-то объяснить, но как тут поймешь? Он ответил широкой улыбкой и снова взялся за пилу. Мясус отобрал пилу и швырнул с крыши, старательно примеряясь, чтоб не задеть Молли, которая отбежала назад, отыскивая наблюдательный пункт поудобнее.

— Это еще зачем?

— *Деллийюу хинн*, — сказал Мясус. — *Бенто дее нюминью ххэ*. — И показал на «летательный пояс» и на дыру в крыше.

— По-вашему, лучше мне не работать, а улететь на этой штуке? Верно, друг. Но, боюсь, придется мне все-таки...

Мясус повел рукой вокруг дыры в крыше, потом опять показал на свой аппарат, на один из ракетных наконечников.

— Не понимаю, — сказал Джек.

Мясус, видимо, уловил смысл сказанного, и на подвижном лице его мелькнуло изумление. Он опустился на колени, сбоку взялся здоровой рукой за один из ракетных моторчиков, нажал два крохотных штифта — и кожух раскрылся. Внутри оказалось очень компактное, наглухо закрытое и с виду необыкновенно простое устройство — должно быть, это и был двигатель. Видимо, он ничем больше не закреплялся. Мясус вынул его и протянул Джеку. Величиной и формой эта штука походила на электрическую бритву. Сбоку была кнопка. Мясус показал на нее, нажал что-то сзади, потом повернул руку Джека так, чтобы маленький механизм был направлен в сторону от них обоих. Готовый к чему угодно — что во все ничего не произойдет или, напротив, вырвется «ослепительная вспышка яростной, всесжигающей

энергии», столь милая сердцу писателей-фантастов, — Джек нажал кнопку.

Машинка засвистела, и отдача мягко вжала ее в ладонь Джека.

— Прекрасно, — сказал Джек. — А что же с этим делать?

Мяус показал на то место, где пилил Джек, потом на машинку.

— Вот оно что, — сказал Джек.

Он нагнулся, нацелил машинку туда, где кончался распил, и нажал кнопку. Снова свист, легкая равномерная отдача — и доску прорезала тонкая черта. Разрез был вдвое тоньше того, что оставила пила, чистый, ровный и, пока у Джека не дрогнула рука, безукоризненно прямой. Над крышей поднялось и развеялось по ветру облачко тончайшей древесной пыли.

На пробу Джек поднес машинку ближе к доске, потом отвел подальше. Выяснилось: чем ближе, тем тоньше разрез. Чем дальше отводить руку, тем шире разрез и тем медленнее режет машинка, а примерно в восемнадцати дюймах от доски она совсем перестает резать. Вот это здорово! Джек быстро обошел дыру кругом и подровнял края. Мяус смотрел и улыбался до ушей. Джек широко ухмылялся в ответ, отлично понимая, какое у него самого было бы чувство, если бы он познакомил с пилой дикаря, который пытается перепилить дерево ножом.

Кончив работу, Джек отдал машинку серебряному гостю и похлопал его по плечу.

— Большущее спасибо, Мяус!

— *Шек!* — сказал Мяус и потянулся к шее Джека. Коснулся большим пальцем ключицы, шестой (тоже большой) приложил сзади над лопаткой. И дважды сжал пальцы.

— Значит, вот как вы там, у себя, обмениваетесь рукопожатиями? — усмехнулся Джек.

Что ж, очень может быть. Очень возможно, что в любом мире разумные существа приветствуют друг друга руками. Прежде, чем изобрести рукопожатие, человек при встрече с другим поднимал раскрытую ладонь — показывал, что безоружен. Вероятно и тут развился в несколько ином направлении тот же символический жест: когда двое подставляют друг другу горло, уж конечно это означает дружелюбие и доверие.

Тремя быстрыми, ловкими движениями Мяус вложил крохотный моторчик в кожух, взялся одной рукой за «коромысло», шагнул с крыши и все с той же удивительной легкостью, точно пух одуванчика, опустился на землю. И, едва став на ноги, бросил «коромысло» обратно. Джек с испугом смотрел, как оно летит вверх, словно самая обыкновенная палка. Попытался ухватить его на лету, промахнулся. «Коромысло» достигло вершины своей траектории, начало падать — и в этот миг включились двигатели и мягко опустили его к ногам Джека. Он продел руки в кольца и слетел к Мяусу.

Серебряный гость пошел за ним в гараж, где у Джека хранились кое-какие доски и дощечки. Джек отобрал несколько сосновых досок толщиной в дюйм и выволок наружу: надо отмерить и отрезать куски нужной длины, а потом он сколотит самую простую крышку, вроде как для чердачного люка, и прикроет ею ненужный теперь лестничный проем. Мяус с большим интересом наблюдал за его работой.

Джек поднял «летательный пояс» и попытался открыть обтекаемый кожух, чтобы достать резак. Ничего не получилось. Он давил, крутил, тянул, поворачивал. Аппарат не поддавался никаким ухищрениям.

лишь засвистал тихонько, когда Джек в какую-то минуту опустил его пониже.

— *Ээк, Шек*, — сказал Мясус.

Отобрал у Джека аппарат, надавил в нужном месте. Джек внимательно следил. Потом улыбнулся Мясусу и взял резак.

В два счета он распилил доски, с язвительной ухмылкой поглядел на пилу, праздно висевшую на стене. Потом скрепил доски вместе двумя поперечинами и одной косой планкой между ними, аккуратно подпиллил неровности по краям и, отступив на шаг, полюбовался делом рук своих. И тут же сообразил, что крышка слишком тяжела, одному ее не дотащить, тем более не взгромоздить на крышу дома. Вот если бы у Мясуса обе руки были целы или если бы... Джек почесал в затылке.

— Пап, а ты отвези ее на летательном поясе.

— Молли! Как ты до этого додумалась?

— Мясус сказал... То есть... я...

— А ну, давай в конце концов разберемся! Как это Мясус с тобой разговаривает?

— Не знаю, пап. Я вроде вспоминаю, что он сказал... только не... не словами. Просто я... просто... — Молли окончательно запуталась, потом сказала с жаром:

— Ну, я не знаю, пап! Вот честное слово!

— А сейчас что он говорит?

Молли смотрела на Мясуса. Опять Джек заметил, как странно распушились у того серебряные усы. Девочка сказала:

— Ты положи эту дверку на летательный пояс и подними. На поясе она будет падать медленно, а ты ее толкай вперед, пока... пока она падает.

Джек поглядел на дверку, на аппарат — и понял. Стал подсовывать аппарат под дверку; Мясус нагнулся

и помог ему. Вся конструкция всплыла в воздух, и Мяус, придерживая ее, чтоб сохраняла равновесие, вывел ее из гаража, прежде чем она окончательно опустилась наземь. Опять подняли, опять без труда подтолкнули — и так прошли еще футов тридцать. Таким манером добрались до самого дома; Молли со смехом вприпрыжку бежала за ними, упрашивала ее прокатить и на все лады восхваляла Мяуса, а он широко улыбался.

У дома Джек сказал:

— Ну-с, Эйнштейн-младший, а как нам теперь поднять все это на крышу?

Мяус подобрал с земли мячик и, ловко подкидывая и ловя его, направился за угол дома.

— Эй!

— Он не знает, пап. Ты уж сам придумай.

— Так что ж, по-твоему, он сумел изобрести такой хитрый фокус, чтоб дотащить крышку сюда, а теперь у него мозги отказали?

— Ага, наверно.

Джек Герри посмотрел вслед серебристому человеку и покачал головой. Он уже приготовился получить от Мяуса совет, продиктованный разумением, превосходящим человеческое, хоть и несколько иным. Но Мяус попросту отмахнулся от задачи — это не укладывалось у Джека в голове. Конечно же, такой знающий и находчивый человек, остроумно подсказавший, как притащить сюда тяжелую крышку, не мог не понимать, что это только половина дела.

Пожав плечами, Джек вернулся в гараж, достал небольшой блок и веревки. Надо было еще ввернуть по большому крюку в скат крыши и в будущую крышку люка; немалого труда стоило втянуть груз наверх, еще больше пришлось попрытеть, пока удалось перетащить его через карниз и приладить на место. Мяус, видно, потерял к работе Джека всякий ин-

терес. Два часа спустя Джек повернул последний винт, с облегчением разогнулся, и вдруг внизу слышались уже знакомые пронзительные вопли. Джек выронил инструменты, второпях пристроил за плечи «коромысло» и прыгнул с крыши.

— Айрис! Айрис! Что случилось?

— Не знаю... Этот Мяус... Он...

Джек ринулся за угол, к парадному крыльцу. На земле в каком-то судорожном припадке валялся Мяус. Он лежал на спине, выгнувшись дугой, пятки ушли глубоко в дерн, голова запрокинулась под невыносимым углом, он только и опирался на пятки да на лоб. Здоровой рукой он колотил по земле, но та, что в лубках, лежала спокойно. Губы кривились, испуская пронзительный, прерывистый, поистине ужасающий вой. Мяус, видимо, способен был одинаково громко вопить и на вдохе и на выдохе.

Рядом стояла Молли и не сводила с него зачарованного взгляда. Она улыбалась. Джек опустился на колени и попытался сдержать дергающееся в конвульсиях тело.

— Молли! Перестань смеяться над беднягой.

— А он не бедняга, пап. Он счастливый.

— Что-о?

— Глупый, ты разве не видишь? Ему очень хорошо. Он смеется!

— Айрис, что с ним творится, как по-твоему?

— Одно могу сказать: он опять глотал аспирин.

— Четыре штуки съел, — вставила Молли. — Он их очень любит.

— Что делать, Джек?

— Понятия не имею, — озабоченно сказал Джек. — Оставим его в покое, как-нибудь само пройдет. Дать рвотного или снотворного опасно — неровен час, совсем его отравим.

Приступ слабел и неожиданно прекратился, Мясус обмяк и затих. И опять, положив руку ему на грудь, Джек ощутил странное двойственное биение сердца.

— Обморок, — сказал он.

Каким-то не своим, приглушенным голосом Молли возразила:

— Нет, пап. Он смотрит сны.

— Сны?

— Там небо оранжевое, — сказала Молли. Джек вскинул голову. Глаза девочки были закрыты. — Много Мясусов, целые толпы... и они большие. Как мистер Торндайк. (Торндайк, старый знакомый семейства Герри, редактор городской газеты, мог похвастать ростом в шесть футов и семь дюймов). Дома круглые, и большие самолеты, и... и у них вместо крыльев палки.

— Не говори глупостей, Молли! — тревожно сказала мать.

Джек поспешно зашипел на нее, чтоб не перебивала.

— Ну-ну, малышка, что там еще?

— Какое-то место... комната. Это... тут Мясус, и еще, их много. Они все линиями... рядами. Один большой, в желтой шапке. И он... держит их в рядах. А вот Мясус. Не в ряду. Прыгнул из окна со своей леталкой.

Молли умолкла. Мясус тихонько простонал.

— Ну?

— Ничего не видно, пап... ой, погоди! Все такое... мутное... Теперь какая-то штука, вроде подводной лодки. Только не в воде, а на земле. Дверь открыта. И Мясус... он внутри. Много кнопок и часов. Нажимает на кнопки. Толкнул какую-то... ой... ой! Больно!

Молли прижала к вискам стиснутые кулаки.

— Молли!!!

Девочка открыла глаза.

— Ты не волнуйся, мам, — преспокойно заявила она. — Это все ничего. Просто от той штуки во сне стало больно, только не мне. Был целый веник огня, и... и вроде спать захотелось, только очень-очень сильно. И больно.

— Джек, он погубит ребенка!

— Сомневаюсь, — сказал Джек.

— И я тоже, — с недоумением произнесла Айрис и прибавила чуть слышно: — А почему я это сказала?

— Мясус спит, — неожиданно объявила Молли.

— А снов больше не видит?

— Нет, не видит. Ух, как это было... чудно!

— Пойдем перекусим чего-нибудь, — сказала Айрис, голос ее слегка дрожал.

Она ушла с Молли в дом. Джек посмотрел на Мясуса, тот блаженно улыбался во сне. Может, следовало бы уложить это странное существо в постель? А впрочем, день теплый, трава густая, лежать ему мягко... Джек покачал головой и тоже вошел в дом. Огляделся по сторонам.

— Да ты просто волшебница!

Вокруг все преобразилось. Мусора, щепок, обвалившейся штукатурки как не бывало, на столике, на спинках дивана и кресел победоносно сверкали салфетки и накидки — рукоделье Айрис. Она сделала реверанс:

— Вы очень любезны, милорд.

Они подсели к круглому столику и принялись уничтожать сэндвичи с языком.

— Джек!

— М-м?

— Что это было? Телепатия?

— Да, наверно. Что-то в этом роде. Ого, вот я расскажу Зинсеру! У него глаза на лоб полезут!

— Ты прямо сегодня поедешь на аэродром?

— Ясно! Пожалуй, и Мяуса прихвачу.

— Перепугаешь там всех. Уж очень у него вид... такое не каждый день встретишь.

— Ни черта! Посидит с Молли на заднем сиденье, а я уговорю Зинсера выйти взглянуть на него.

— А почему бы не привезти Зинсера сюда?

— Ты же сама знаешь. В городе мы видимся только в его свободные дни. А из аэропорта он отлучиться не может.

— Джек... а не опасно Молли общаться с этим... с этим существом?

— Нет, конечно! Ты беспокоишься?

— Я... да, Джек. И не из-за Мяуса. Из-за себя. Беспокоюсь потому, что как-то слишком мало беспокоюсь... понимаешь?

Джек наклонился и поцеловал ее.

— Вот что значит материнское сердце, — усмехнулся он. — Мяус — существо чужое, непривычное, значит, надо его опасаться. А при этом он беспомощный и безобидный, и где-то в глубине души ты готова его опекать и нянчить.

— М-может быть... — задумчиво протянула Айрис. — Он такой же огромный и безобразный, как ты, и, вне всякого сомнения, гораздо умнее тебя. Но тебя мне вовсе не хочется нянчить.

— Еще чего! — усмехнулся Джек, залпом проглотил кофе и встал из-за стола. — Ешь скорей, Молли, и поди вымой лицо и руки. А я погляжу, как там Мяус.

— Значит, едешь в аэропорт? — спросила Айрис.

— Если Мяус пришел в себя. Я очень много всякого хочу выяснить, и многого мне просто не понять, не хватит мозгов. Зинсер вряд ли на все сумеет отве-

тить. Но вдвоем мы хотя бы сообразим, как с этим быть дальше. Айрис, это же грандиозно!

Полный самых смелых предположений и дерзких замыслов, он вышел на лужайку перед домом. Мясусидел в траве и самозабвенно созерцал гусеницу.

— Мясус!

— *Баб?*

— Как насчет того, чтобы прокатиться?

— Хорррршо, шшалуста, Шек!

— Боюсь, что ты меня не совсем понял. Пошли.

И Джек махнул рукой в сторону гаража. Очень бережно и нежно Мясус опустил гусеницу на травинку, поднялся и пошел следом, и тут в гараже раздался дикий грохот и треск. На миг все застыли, потом завизжала Молли — опять и опять, да так, что волосы у Джека стали дыбом. Он сам не заметил, как домчался к гаражу.

— Молли! Что случилось?

При звуке его голоса девочка сразу замолчала, будто повернули выключатель.

— Молли!

— Я здесь, пап, — голос ее прозвучал на удивление тихо и смиренно. Она стояла возле отцовского автомобиля, и в эту минуту выражением всего ее существа была выпяченная, дрожащая нижняя губа. Машина застряла носом в дыре, пробитой в задней стенке гаража.

— Пап, я не хотела... я только хотела помочь тебе вывести машину. Ты меня отшлепаешь? Пап, ну, пожалуйста, я ведь не...

— Замолчи!

Она мигом притихла.

— Что на тебя нашло? Почему ты это сделала? Ты же прекрасно знаешь, что я не велю трогать стартер!

— Пап, я понарошку... будто это подводная лодка, только она умеет летать... Ну, как Мясус улетел.

С некоторым усилием Джек сообразил, о чем речь.

— Поди сюда, — сказал он сурово.

Молли подошла крохотными шажками, еле передвигая ноги, прижав руки к тому месту, где, как она догадывалась, они ей сейчас больше всего пригодятся.

— Надо бы тебя выдрать, — сказал Джек.

— Ага... — дрожащим голосом согласилась Молли. — Наверно, надо. Только разочка два — и хватит, а, пап?

Джек закусил изнутри щеки, но не выдержал и ухмыльнулся, «Ах ты, хитрюга!» — подумал он.

— Вот что я тебе скажу, — проворчал он, оглядывая машину. По счастью, гаражик был отнюдь не капитальной постройки, несколько новых вмятин на капоте и крыльях будут недурно гармонировать со старыми. — Тебе причитается три увесистых разá. Я их приплюсую к следующему дёру.

— Хорошо, пап.

Глаза у Молли были круглые и очень кроткие. Она взобралась на заднее сиденье, подальше от отца и села там прямо и чинно, настоящая пай-девочка. Джек как мог расчистил щепки и обломки, сел за руль и осторожно, задом вывел свой старый тарантас из продырявленного сарая.

Мясус стоял в почтительном отдалении, серебряные глаза со страхом уставились на рычащий автомобиль.

— Прошу, — сказал ему Джек и поманил пальцем. Мясус попятился.

— Мясус! — откликнула Молли, выглянув из машины.

— Йоук! — отозвался Мясус и тотчас подошел.

Молли отворила заднюю дверцу, он забрался внутрь и... скорчился на полу. Хохоча во все горло,

Молли заставила его сесть как следует. Джек объехал дом, остановился, подобрал ракетное коромысло Мяуса, послал в окно воздушный поцелуй Айрис — и они покатили.

До аэродрома ехали сорок минут, и все сорок минут не утихали восторги: Молли трещала, как пулемет, подмечая и разъясняя все чудеса проносящихся мимо земных ландшафтов. Мяус ее слушал зачарованный, с круглыми глазами и раскрытым ртом, порой тихонько взвизгивая, изумленно мяукал и вопросительно попискивал... в иные минуты Джек готов был поклясться, что серебряный человек понимает каждое слово девочки.

Джек остановился на краю летного поля.

— Ну, — сказал он, — вы оба пока посидите в машине. Я поговорю с мистером Зинсером, может быть, он выйдет познакомиться с Мяусом. Молли, сумеешь ты объяснить Мяусу, что он должен сидеть в машине и не высовываться? Понимаешь, если его увидят чужие люди, они станут задавать всякие глупые вопросы, а зачем же смущать Мяуса, верно?

— Конечно, пап. Мяус будет послушный. Мяус! — она обернулась к своему соседу, посмотрела на него в упор, глаза в глаза. Серебряные усы распушились и задрожали. — Мяус, ты будешь послушный, правда? Ты не будешь высовываться?

— *Шек*, — сказал Мяус. — *Шек мр-реди.*

— Он говорит, ты — старший.

Джек вылез из-за баранки, засмеялся.

— Так и говорит? («Любопытно, вправду она что-то знает или это больше игра?») Ну вот, сидите спокойно. Я скоро вернусь.

И, прихватив коромысло, он скрылся в дверях.

У Зинсера, как всегда, дел было по горло. Аэродром невелик, но им постоянно пользовались вла-

дельцы собственных машин и доставляли Зинсеру, который ведал взлетом и посадкой, немало хлопот. Он как раз говорил по телефону и, увидев Джека, свободной рукой прикрыл трубку.

— А, Герри! Что новенького? — весело проскрипел он. — Садитесь, я сейчас. — И, не переставая улыбаться Джеку, так же весело загудел в трубку. Джеку не сиделось и не терпелось, но что поделаешь, надо ждать.

— Ну? — сказал Зинсер, положив трубку, и тотчас же телефон вновь зазвонил.

Едва раскрыв рот, Джек с досадой его закрыл. Зинсер положил трубку, но тут раздался новый звонок. Зинсер снял трубку полевого телефона, пристроенного на краю стола.

— Зинсер слушает. Да...

«Ну, хватит», — подумал Джек. Поднялся, пошел к двери и тихонько прикрыл ее, чтобы никто не помешал. Взял коромысло и, к изумлению Зинсера, залез на стол, встал во весь рост, поднял коромысло над головой и шагнул в пустоту. Из крохотных ракет со свистом ударили воздушные струи. Джек повис на руках, коромысло мягко, неторопливо опускало его; он оглянулся через плечо. Лицо Зинсера было точно багровая луна в снежном вихре взметенных докладных, входящих и прочих бумаг и бумажонок, накопившихся за последние две недели.

Когда Зинсеру удалось перевести дух, он первым делом повесил трубку.

— Так я и думал, что это подействует, — ухмыльнулся Джек.

— Вы... вы... что это у вас такое?

— Разговорный поляризатор, — сказал Джек, становясь на ноги. — При помощи сего аппарата можно

беседовать с аэродромным начальством, которое иначе не оттащишь от телефона.

Необычайно легко и проворно большой толстый Зинсер выскочил из-за стола и очутился перед Джеком.

— Дайте-ка посмотреть.

Джек подал ему аппарат.

— Смотри, Мяус! Самолет садится!

Оба внимательно следили, как машина скользнула вниз, и радостно завизжали, когда из-под шасси взвились и тотчас развеялись подхваченные ветром облачка пыли.

— А вот еще один! Этот сейчас взлетит!

По полю пробежала легкая спортивная машина, голубая, с низко расположенными крыльями, развернулась, с ревом понеслась прямо на них, круто взмыла вверх — протяжный вой ввинтился в небо и замер.

Молли громко загудела, подражая взревевшему над головой мотору.

Мяус в точности изобразил свист прорезающих воздух плоскостей. Молли захлопала в ладоши и завизжала от восторга. Над полем уже описывал круг еще один самолет. Оба жадно следили за ним.

— Выйдем, взгляните на него, — предложил Джек. Зинсер посмотрел на часы.

— Не могу. Кроме шуток, я обязан проторчать у телефона еще самое малое полчаса. Надеюсь, с ним ничего не случится. Ведь на поле, можно считать, никого нет.

— Думаю, не страшно. С ним Молли, а я ведь говорил, они отлично ладят. Вот в этом я тоже хотел бы разобраться — что тут за телепатия. — Джек не ожи-

данно рассмеялся. — Ох, уж эта Молли! Знаете как она сегодня удрала?

И рассказал Зинсеру, как Молли выводила машину из гаража через заднюю стену.

— Вот бесенок! — фыркнул Зинсер. — Все детишки одинаковы. Наверно, каждый мальчишка и каждая девчонка хоть раз да схватятся за какую-нибудь баранку и крутанут не в ту сторону. Вот у моего брата сынишка на днях пошел пылесосом косить лужайку перед домом... — Зинсер еще посмеялся. — Так вот, о вашем... как его... Мяусе и этой его игрушке. Джек, этим надо заняться вплотную. Понимаете, ведь он сам, его одежда и аппаратик — единственные ключи, по которым можно будет дознаться, что он такое и откуда к нам попал.

— Да я-то понимаю. Но послушайте, ведь он очень умен. Он наверняка сумеет многое нам сообщить.

— Еще бы не умен! — подхватил Зинсер. — Надо полагать, на своей планете он был не из середнячков. Не всякого пошлют в такое странствие. Вот жалость, что к нам не попал его корабль!

— Возможно, корабль еще вернется за ним. А как вы считаете, откуда он?

— Может, с Марса?

— Ну, бросьте. Конечно, на Марсе есть атмосфера, но очень разреженная. Живому существу ростом с Мяуса там потребовались бы легкие громадного объема. Нет, Мяус привык к атмосфере, очень похожей на нашу.

— Тогда Венера тоже отпадает.

— Здесь он превосходно себя чувствует в своей одежде. Очевидно, у его планеты не только атмосфера, очень схожая с земной, но и климат такой же. Почти всякая наша еда ему подходит, хоть кое-что он и не принимает... а от аспирина становится

пьяный в дым. На него нападает этакое буйное веселье.

— Вот оно что?... Дайте подумать. Он не мог явиться с Юпитера — не такое у него сложение, чтобы выдержать тамошнюю силу тяжести. Внешние планеты слишком холодные, на Меркурии слишком жарко. — Зинсер откинулся на спинку кресла, рассеянно утер платком лысину. — Джек, этот малый родом явно не из нашей Солнечной системы!

— Ух, черт! Пожалуй, вы правы. Хемфри, как по-вашему, что собой представляет эта реактивная игрушка?

— Судя по вашим рассказам о том, как она пилит доски... кстати, нельзя ли на это поглядеть?

— Извольте!

Джек Герри взялся за наконечник коромысла. Нашел нужные кнопки, разом нажал. Кожух легко раскрылся. Джек вынул внутренний механизм и с величайшей осторожностью отпилил от верхней доски зинсера стола крохотный уголок.

— В жизни не видал такого странного инструмента! — сказал Зинсер. — Дайте поглядеть поближе.

Он повертел машинку в руках.

— Не видно, чтобы тут использовалось какое-либо топливо, — раздумчиво сказал он.

— По-моему, горючим служит воздух, — сказал Джек.

— А как воздух сюда загружается?

— Воздухом. Нет-нет, я не шучу. По-моему, этот аппаратик каким-то способом разлагает часть воздуха, и высвобожденная энергия приводит в действие крохотное реактивное устройство. Если это устройство заключить в футляр, чтобы один конец всасывал воздух, а из другого выбрасывалась струя, вся эта

штука будет работать как вакуумный насос, пропускающая все больше и больше воздуха.

— Или как проточный воздушный реактивный двигатель, — сказал Зинсер и заглянул в решетчатое отверстие.

У Джека кровь застыла в жилах.

— Ради всего святого, не нажимайте ту кнопку!

— Не нажму. А знаете, вы правы... Там концентрическая трубка. Черт подери, хотел бы я понять, как это делается! Атомный реактор, который умещается в кулаке и ничего не весит!

— Я весь день над этим голову ломаю, — сказал Джек Герри. — И нашел только один ответ. Можете вы принять совершенно фантастическое объяснение, если оно логично?

— Ну, вы же меня знаете, — усмехнулся Зинсер и ткнул рукой в книжную полку, забитую старыми журналами и сборниками научной фантастики. — Валяйте.

— Так вот, — осторожно выбирая слова, начал Джек. — Вы ведь знаете, что такое энергия связи. Благодаря ей не распадается на части атомное ядро. Если я не запутался в тех крохах, которые мне известны из теории атома, мне кажется, возможно создать вполне устойчивую, нераспадающуюся сферу из этой самой энергии связи.

— Сферу? А что будет внутри?

— Та же энергия связи... а может быть, просто ничего... Пустота. Так вот, если эту сферу окружить другой — силовым полем, которое способно проникнуть во внутреннюю сферу, либо пропустить в нее материю извне, то, насколько я понимаю, все постороннее, что попадет во внутреннюю сферу, будет разрушено. Во внутренней сфере возникнет огромное давление. И если проникающее силовое поле позво-

лит высвободить это внутреннее давление, произойдет выброс материи. Теперь заключите комбинацию сфер в механизм, способный контролировать количество материи, поступающей внутрь с одной стороны внешней сферы, и способный менять ширину отверстия, дающего выход рвущейся наружу энергии, с другой ее стороны, и все это окружите оболочкой, которая обеспечит вам поступающую внутрь сильную струю воздуха — вроде вакуумного насоса, который мы тут поминали, тогда вот это самое у вас и получится!

И Джек постучал пальцем по крохотному реактивному двигателю. Зинсер покачал головой.

— Очень остроумно, — сказал он. — Даже если вы и ошибаетесь, это остроумнейшая теория. В сущности, ваши слова означают: надо только открыть природу энергии связи да найти способ прочно удерживать ее в сферической форме — и мы построим такую же машинку. А затем надо еще установить природу поля, способного пронизывать энергию связи и пропускать сквозь нее любую материю, да притом пропускать в одном определенном направлении. — Зинсер развел руками. — Только и всего. Научитесь, мол, практически использовать то, что еще и не снилось даже премудрым теоретикам, — и все в порядке.

— Чепуха! — возразил Джек. — Мясус нам подскажет, что и как.

— Надеюсь, Герри, а ведь это будет настоящая революция в промышленности!

— И не только, — усмехнулся Джек.

Зазвонил телефон. Зинсер посмотрел на часы.

— Ага, вот этого я и ждал.

Он сел за стол, снял трубку и повел длинный подробный разговор с какой-то, видимо, важной персоной о счетах за погрузку, о прокате машин и об огра-

ничениях в торговле между штатами; а Джек, прислонясь к подпиленному углу стола, предавался мечтам. Мясус — великий посланец великой цивилизации, бесконечно обогнавшей земную, — поможет человечеству выбиться на верный путь, вырваться из оков несовершенной техники и расточительной экономики... Любопытно, каков Мясус у себя дома, среди своего удивительного народа. Наверно, он еще молод, но, конечно, это уже зрелый ум, человек богато и разносторонне одаренный — недаром же он избран посланником на Землю, к молодому, бурно развивающемуся человечеству. Ну, а космический корабль? Сбросив Мясуса на Землю, возвратился ли он со своим пилотом в загадочный уголок Вселенной, откуда прибыл? Или кружит где-то в пространстве, терпеливо ожидая вестей от смелого посланца?

Зинсер положил телефонную трубку, облегченно вздохнул и поднялся.

— Честь и слава моему самообладанию, — сказал он. — Совершается величайшее событие в моей жизни, а я все-таки довел работу до конца. Чувство такое, как у малыша в канун елки. Ну, пойдем, поглядим на него!

— *Уиииийoooу-у!* — пронзительно взвыл Мясус, когда над ними пронесся, набирая высоту, еще один самолет.

Молли в восторге запрыгала на сиденье: уж очень выразительная у Мясуса была физиономия.

Гибким движением серебряный человек перегнулся вперед, через спинку водительского сиденья, чтобы лучше видеть, что делается за углом ближнего ангара. Туда недавно подкатила приземлившаяся спортивная машина, до нее было рукой подать, пропеллер еще вращался.

Молли облокотилась на спинку переднего сиденья, вытянула шею, ей тоже хотелось поглядеть. Мясус нечаянно задел ее, с головы у нее слетела панамка. Мясус нагнулся за панамкой, стукнулся головой о приборную доску, и тут распахнулось отделение для перчаток. Мясус сунул туда руку, зрачки его сузились, в глазах затрепетала тонкая пленка. Не успела Молли опомниться, как он выскочил из машины и бегом помчался прочь; он высоко подпрыгивал, испускал какие-то странные крики и через каждые два-три прыжка, покачиваясь, наклонялся и колотил по земле здоровой рукой.

В ужасе Молли вылезла из машины и побежала вдогонку.

— Мясус! Мясус! Иди сюда сейчас же!

Широко раскинув руки, он поскакал ей навстречу.

— *Мpp-рауу!* — завопил он и пронесся мимо. Приподнял одну руку и опустил другую, точно самолет на вираже, пробежал широким полукругом, перескочил через низенькую бетонную ограду и помчался к ангару.

Задышавшись, всхлипывая, Молли остановилась и топнула ногой.

— Мясус! — охрипшим голосом беспомощно звала она. — Папа не велел...

Два механика, стоявшие неподалеку от машины с невыключенным мотором, обернулись на странный звук: как будто африканская виверра вздумала подражать воинскому кличу диких индейцев. Обернулись — и увидели длинноногий призрак с серебристо-серым лицом, серебристо-белыми усами и глазами-щелочками, облаченный в ярко-алый, отливающий синим, балахон. Даже не ахнув, оба разом повернулись и дали стрекача. А Мясус, испустив напоследок устрашающий радостный вопль, вскочил в самолет и скрылся внутри.

Молли прижала к губам стиснутые кулаки, отчаянно вытаращила глаза.

— Ой, Мясус! — прошептала она. — Что ты наделал!

Позади затопали, и Молли обернулась. К ней бежал отец, за ним вперевалку мистер Зинсер.

— Молли! Где Мясус?

Она без слов показала на самолет, и, словно это был условный знак, маленькая машина затарахтела и поползла прочь от ангаров.

— Эй! Стой! Стой!!! — тщетно воззвал Джек Герри, пускаясь вдогонку.

Он прыгнул через невысокую ограду, но на бегу не рассчитал. Зацепился носком башмака, сразмаху грохнулся на асфальт и еще проехался по нему. Подбежали Зинсер и Молли, помогли ему подняться. У Джека шла кровь носом. Он выхватил из кармана платок, посмотрел вслед самолету.

— Мясус!!

Маленькая машина уже катила вперевалку далеко по полю, и вдруг мотор взревел на полных оборотах. Хвост оторвался от земли, и машина ринулась прочь от них — наперерез ветру, поперек взлетной дорожки. Джек обернулся к Зинсеру, на лице толстяка застыл невыразимый ужас. Джек проследил за его взглядом: на посадку шел другой самолет, большая многоместная машина.

Никогда за всю свою жизнь Джек Герри не ощущал такого бессилия. Сейчас две машины столкнутся в воздухе. Тут никто и ничего не поможет. Он смотрел не мигая, каким-то отрешенным взглядом. Машины неслись на огромной скорости, а казалось — еле ползут. Мгновение длилось целую вечность. А потом в каких-то двадцати футах над землей Мясус сбавил газ и накренил крыло. Скорость упала, машина развернулась по ветру и проскользнула под

встречной почти вплотную, — будь на одной из них лишний слой краски, им бы уже не разминуться.

Джек сам не знал, сколько времени простоял, затаив дыхание; с трудом он перевел дух.

— Что-что, а летать он умеет, — прошептал Зинсер.

— Еще бы не уметь! — огрызнулся Джек. — Такая допотопная древность, как самолет, для него — детская игрушка. Просто детская игрушка...

— Ой, пап, я боюсь...

— А я нет, — не слишком правдиво сказал Джек.

— И я нет, — Зинсер смеялся каким-то деланным смехом. — Машина застрахована.

Маленький самолет устремился вверх. На высоте сотни футов его круто занесло вбок, так что у зрителей душа в пятки ушла, и вдруг он описал мертвую петлю и ринулся вниз, прямо на них. Мясус промчался над ними вниз головой на бреющем, так низко, что Зинсер ничком бросился наземь. Джек и Молли стояли как истуканы и смотрели остановившимися глазами. На полторы нескончаемые минуты все вокруг заволокла густая туча пыли. Потом они опять увидели самолет уже на высоте полутораста футов, он нелепо болтался из стороны в сторону.

И вдруг Молли закрыла лицо руками и пронзительно закричала.

— Молли! Что ты, девочка?

Она охватила отцовскую шею и зарыдала так, что Джек ощутил за нее рвущую боль в горле и в груди.

— Перестань! — прикрикнул он, потом спросил с нежностью: — Ну что ты, родная?

— Ему страшно! Мясусу очень, очень страшно, — дрожащим голосом жалобно выговорила Молли.

Джек поднял голову. Самолет рыскнул, завалился на крыло.

— Скорость! — надрывно закричал Зинсер. — Скорость!! Прибавь обороты, болван!

Мяус выключил мотор.

Безжизненный самолет перевернулся кверху брюхом и рухнул вниз. И — вдребезги.

— Все Мяусины картинки пропали, — очень спокойно сказала Молли и, теряя сознание, тихо опустилась наземь.

Его доставили в больницу. Это была работа не для белоручек — вытащить его из груды обломков, перенести в карету скорой помощи...

Больше всего на свете Джеку хотелось, чтобы Молли этого не видела; но она как раз пришла в себя, села и громко заплакала, когда Мяуса пронесли мимо. И пока они с Зинсером шагали по приемной из угла в угол, каждый в своем направлении, Джек думал, что, когда все это кончится, с девочкой будет немало хлопот.

Вытирая руки полотенцем, в приемную вышел врач — маленький толстоносый человечек.

— Кто из вас привез сюда этого... летчика, который разбился?

— Мы вдвоем, — отозвался Зинсер.

— Что это за... кто он такой?

— Один мой приятель. Он... он выживет?

— Откуда я знаю? — резко ответил врач. — За всю свою практику не видал ничего подобного. — Он шумно фыркнул носом. — У этого молодца двойная система кровообращения. Две замкнутые кровеносные системы, у каждой свое сердце. И кровь в артериях выглядит как венозная, вся синяя. Как его угораздило разбиться?

— Он съел полкоробки аспирина из моей аптечки, — сказал Джек. — От аспирина он пьянеет. Ну и вот... схватил машину и полетел.

— Пьянеет от аспирина? — Врач внимательно посмотрел на Джека, потом на Зинсера. — Не стану спрашивать, не дурачите ли вы меня. Всякий врач почувствует себя дурак-дураком, стоит только посмотреть на этого... на это существо. Давно у него рука в лубке?

Зинсер посмотрел на Джека.

— Примерно восемнадцать часов, — ответил Джек.

— Ча-сов?! — врач покачал головой. — Я бы сказал, восемнадцать дней, все отлично срослось. — И, прежде чем Джек успел вставить хоть слово, прибавил: — Ему нужно сделать переливание крови.

— Но вы же не можете!.. То есть... у него такая кровь...

— Знаю. Сделал анализ. У меня там два лаборанта стараются получить плазму, более или менее подходящую по химическому составу. Они не поверили ни единому моему слову. Но переливание необходимо. Я дам вам знать.

И он вышел.

— Удаляется сбитый с толку лекарь, — пробормотал Джек.

— Он хороший доктор, — сказал Зинсер, — я давно его знаю. А вам каково было бы в его шкуре?

— Господи, ну, конечно, я бы тоже растерялся! Хемфри, я просто не знаю, что буду делать, если Мяус погибнет.

— Вы так к нему привязались?

— И привязался, конечно. Но подойти вплотную к встрече с новой культурой, с иным разумом, и тут же остаться ни с чем — это уж чересчур.

— Да, эта его ракета... Джек, если не будет Мяуса, чтобы растолковать нам, как она устроена, я думаю, ни одному ученому не создать такую. Все равно, как... как, скажем, вручили бы оружейному мастеру

из древнего Дамаска, допустим, вольфрам и сказали — сделай нить для лампочки накаливания. Останется у нас этот аппарат и будет посвистывать, когда тянешь его к земле... точно в насмешку.

— А телепатия? Наши ученые-психологи ничего бы не пожалели, лишь бы в ней разобраться!

— И потом, откуда он? — взволнованно подхватил Зинсер. — Он ведь не из нашей солнечной системы. Значит, они там нашли какую-то энергию для межзвездных перелетов или даже научились искривлять пространство и время, вон как наши фантасты пишут...

— Он должен жить, — сказал Джек. — Должен, вот и все, или нет на свете никакой справедливости. Нам столько всего надо узнать! Слушайте, Хемфри... раз он на Земле... Значит, когда-нибудь с его планеты прилетят и другие.

— Гм... А почему они раньше не прилетали?

— Может, и прилетали...

— Слушайте, — сказал Зинсер, — надо нам докопаться...

Тут вернулся врач.

— Похоже, он выкарабкается.

— В самом деле?!

— Как сказать. В этом красавце нет ничего всамделишного. Но, судя по всем признакам, он поправится. Отлично поддается лечению. Что ему можно есть?

— Да то же, что и нам, я думаю.

— Ах, думаете. Кажется, вам не так уж много про него известно.

— Совсем мало, — сказал Джек. — Он только недавно явился. Откуда явился, понятия не имею. Это вы у него самого спросите.

Врач почесал в затылке.

— Он родом не с Земли. В этом я уверен. По-видимому, взрослый, но все переломы, кроме одного, — в сущности, не переломы, а односторонние надломы, так бывает у трехлетних детей. Прозрачная пленка на глазах... Что вы смеетесь?

Джек сперва просто хихикнул втихомолку, но сдержаться не удалось. Он захохотал во все горло.

— Прекратите, Джек, — сказал Зинсер. — Тут все-таки больница...

Джек оттолкнул его руку.

— Я... мне просто необходимо, — беспомощно вымолвил он и опять покатился со смеху.

— Что необходимо?

— Отсмеяться, — задыхаясь, сказал Джек. И отрезвел. Даже больше, чем отрезвел. — Условимся, что это очень забавно, Хемфри. Ничего другого я не допущу.

— Какого черта...

— Послушайте, Хемфри. Мы насочиняли столько теорий насчет Мяуса — про его культуру, и про технику, и откуда он родом... так вот, мы никогда ничего не узнаем!

— Почему? Вы думаете, он нам не расскажет?

— Нет. То есть да. Наговорит-то он с три короба. Но что толку? Сейчас объясню. Он одного роста с нами, он явно прилетел на космическом корабле, при нем есть штукавина, какие могли появиться, безусловно, только при очень высоко развитой цивилизации... и по всему по этому вы вообразили, что он сам — создатель этой цивилизации, выдающаяся личность, посланец вездомного разума.

— Так ведь иначе просто быть не может.

— Ах, не может? Уж не скажете ли вы, Хемфри, что Молли изобрела автомобиль?

— Нет, но...

— Но она села за руль и проломила стенку гаража. На круглой, как луна, физиономии Зинсера забрезжил свет догадки.

— Вы хотите сказать...

— Все сходится! Вспомните, Мяус сообразил, как перетащить тяжелую крышку для люка, а потом бросил задачу на полдороге! Вспомните, он до самозабвения увлекся мячиком Молли! А как они друг друга понимают! Ни с кем другим у него не получилось такой поразительной близости. По-вашему, это не проясняет дела? А как к нему отнеслась Айрис — почти по-матерински, хотя она и сама не могла понять, откуда это берется!

— Бедный малыш, — прошептал Зинсер. — Может, он думал, что опустился на своей планете?

— Да, бедный малыш, что и говорить... — Джек не выдержал и опять засмеялся. — Сумеет Молли рассказать нам, как работает двигатель внутреннего сгорания? Сумеет она объяснить, что такое ламинарное обтекание самолетного крыла? — Он покачал головой. — Вот увидите, Мяус нам расскажет примерно столько, сколько рассказала бы Молли: «Мы с папой ехали в машине и делали шестьдесят миль в час».

— Но как же он к нам попал?

— А как Молли проехала сквозь стену гаража?

Врач безнадежно пожал плечами.

— Тут я ничего вам не могу сказать. Но биологически его организм на все реагирует, как детский... а если он в самом деле ребенок, ткани восстановятся очень быстро, и я ручаюсь, что он будет жить.

Зинсер даже застонал.

— Не очень-то много нам от этого радости, и бедному малышу тоже. Всякому ребенку свойственно верить, что все взрослые — умные и сильные. Он, должно быть, ни капельки не сомневается, что мы уж

как-нибудь доставим его домой. А у нас ничего для этого нет и еще когда-то будет... Мы так мало знаем, мы понятия не имеем, с чего начать, чтобы сработать такую ракету-парашют... а на его планете это просто детская игрушка!

— Пап...

— Молли! Разве ты не с мамой?..

— Пап, ты только снеси это Мяусу, — она подала отцу старый, потрепанный мячик. — Ты скажи, я его жду. Скажи, пускай скорей поправится, мы с ним будем играть.

Джек Герри взял мячик.

— Скажу, дружок.

Недуг

Да будет известно, первым оказался русский, Николай Белов, с него-то все и началось. Он сделал открытие назавтра после посадки миль за шесть от корабля, ведя самую обыкновенную геологическую разведку. Он мчался тогда во всю мочь на гусеничном джипе — американской машине, сработанной в Детройте.

Он почти сразу радировал на корабль. В рубке, по обыкновению, сидел штурман Престон О'Брайен; проверяя компьютер, он ввел в машину примерные данные для обратного курса. Он откликнулся на вызов. Белов, разумеется, говорил по-английски, О'Брайен — по-русски.

— Слушайте, О'Брайен! — взволнованно сказал Белов, узнав голос штурмана. — Угадайте, что я нашел. Марсиан! Целый город!

О'Брайен рывком выключил жужжащий компьютер, откинулся в кресле и всей пятерней взъерошил короткие рыжие волосы. Не имея на то никаких оснований, земляне почему-то были убеждены, что они одни на ледяной и пыльной безводной планете. Услыхав, что это не так, О'Брайен вдруг ощутил острый приступ клаустрофобии. Словно сидел в тихой, просторной университетской библиотеке, сосредоточенно обдумывая диссертацию, потом поднял голову, а вокруг полным-полно болт-

ливых первокурсников, только что написавших сочинение по литературе. Была еще такая неприятная минута в Бенаресе, в самом начале экспедиции: его душил кошмар, снилось, будто он один, беспомощный, уносится в беззвездную черную пустоту, а когда очнулся, увидел над собой свисающую с верхней койки могучую руку Колеви́ча и услышал его густой, истинно славянский храп. И не только в том дело, что разгулялись нервы, уверял он себя; в конце концов, тогда у всех нервы пошаливали... Уж такие то были дни.

Он всю жизнь терпеть не мог толчеи и многолюдья. И терпеть не мог, когда к нему врывались без спросу. С досадой он потер руки и покосился на свои уравни́я. Конечно, как подумаешь, если к кому и ворвались без спросу, так это к марсианам. Вот то-то и оно.

О'Брайен откашлялся и спросил:

— Живые марсиане?

— Нет, конечно. Откуда они возьмутся живые, когда у планеты никакой атмосферы не осталось? Тут только и есть живого, что лишайники да, может, два-три вида песчаных червей. Последние марсиане умерли, наверно, миллион лет назад. Но город цел, О'Брайен, цел и почти не тронут временем!

Как ни мало штурман смыслил в геологии, это показалось ему невероятным.

— Город цел? За миллион лет не рассыпался в прах?

— Ничего похожего! — с торжеством объявил Белов. — Понимаете, он подземный. Смотрю, огромная дыра косо уходит куда-то вниз. Что такое? Почему? С местностью она никак не сочетается. И оттуда все время дует, воздушный поток не дает песку засыпать отверстие. Ну, я и въехал туда на джипе, а там огром-

ный, пустой марсианский город — как Москва, да не сейчас, а лет через тысячу, или, может, через десять тысяч лет. До чего же красивый город, О'Брайен!

— Ничего не трогайте! — предостерег О'Брайен. (Как Москва? До сих пор — как Москва!)

— Думаете, я рехнулся? Вот я как раз делаю снимки. Уж не знаю, какая механика поддерживает противопесочную вентиляцию, но она дает и освещение — тут светло, прямо как днем. А какой город! Бульвары — как разноцветная паутина. Дома — как... Куда там Долина Царей, куда там Микены! Никакого сравнения! Я ведь еще и археолог, О'Брайен, это моя страсть. Вы не знали? Так вот знайте. И скажу я вам, Шлиман полжизни бы отдал за такое открытие! Изумительно!

О'Брайен усмехнулся его восторженности. В такие минуты поневоле чувствуешь, что русские — неплохие ребята и, может, все как-нибудь еще уладится.

— Поздравляю, — сказал он. — Фотографируйте и возвращайтесь поскорей. Я предупрежу капитана Гоза.

— Постойте, О'Брайен, это еще не все. Этот народ... марсиане... Они были такие же, как мы! Такие же люди!

— Что? Люди?! Такие, как мы?!

В наушниках зазвенел ликующий смех Белова.

— Вот и я так же зашелся. Чудеса, правда? Самые настоящие люди, совсем как мы. Пожалуй, еще лучше нас. Тут посреди площади стоят две обнаженные статуи. Так вот, они сделали бы честь Фидию, Праксителю и Микеланджело. А изваяны они в пору нашего плейстоцена или плиоцена, когда по Земле еще рыскали саблезубые тигры!

О'Брайен что-то буркнул и отключился. Подошел к иллюминатору (в рубке был даже не один, а два иллюминатора) и стал смотреть на пустыню. Вся она,

сколько хватало глаз, горбилась однообразными буграми и холмами, они уходили все дальше и под конец тонули в клубах мельчайшего взметенного ветром песка.

Вот он, Марс. Мертвая планета. Да, мертвая, ведь только самые примитивные формы животной и растительной жизни ухитрились уцелеть в этом суровом, враждебном мире, который так скупое оделяет их воздухом и водой. И все же некогда здесь жили люди — такие же, как он и Николай Белов. Были у них и искусство, и наука, и, уж наверно, разные философские учения. Когда-то они обитали на Марсе, эти люди, и вот их больше нет. Быть может, и для них тоже сосуществование стало трудной задачей и они не сумели ее решить?

Из-под корабля неуклюже выбрались двое в скафандрах. О'Брайен узнал лица за прозрачными забралами круглых шлемов. Тот, что пониже ростом, Федор Гуранин, главный инженер, другой — его помощник Том Смейзерс. Должно быть, осматривали хвостовые сопла, проверяли, нет ли повреждений после межпланетного перелета. Через неделю Первая экспедиция Земля—Марс двинется в обратный путь; все снаряжение, все механизмы надо загодя отладить, чтобы работали без сучка и задоринки.

Смейзерс увидел за иллюминатором О'Брайена и приветственно махнул рукой. Штурман помахал в ответ. Гуранин с любопытством поднял глаза, чуть помешкал и тоже махнул рукой. Теперь замешкался О'Брайен. Фу черт, как глупо! Почему бы и нет? Он ответил Гуранину широким дружеским жестом.

И усмехнулся про себя. Видел бы их сейчас капитан Гоз! Его аристократическое кофейного цвета лицо так и расплылось бы в счастливой улыбке. Бедняга! Вот такими крохами добрых чувств он и питается.

Да, кстати, чуть не забыл! О'Брайен вышел из рубки и заглянул в камбуз: там Семен Колевич, помощник штурмана и главный кок, открывал консервы к обеду.

— Не знаете, где капитан? — спросил по-русски О'Брайен.

Тот холодно взглянул на него, продолжая работать консервным ножом, и только когда вскрыл банку и выбросил крышку в мусоропровод, ответил коротким английским «нет».

О'Брайен вышел; в коридоре ему встретился маленький круглолицый доктор Элвин Шнейдер. Толстяк шел отбывать свою вахту в камбузе.

— Не видал капитана, док?

— Он в машинном отсеке, — ответил корабельный врач. — Будет сейчас совещаться с Гураниным.

Оба говорили по-русски.

О'Брайен кивнул и пошел дальше. Пять минут спустя он распахнул дверь машинного отсека; здесь капитан Субод Гоз, еще недавно профессор Политехнического института в Бенаресе, разглядывал большую стенную схему двигателей. Капитан Гоз был еще молод — на корабле не было ни одного человека старше двадцати пяти, — но безмерная ответственность лежала на нем тяжким грузом, и оттого глаза его ввалились и под ними чернели круги. Казалось, его ни на минуту не отпускает страшное внутреннее напряжение. Да так оно и есть, подумал О'Брайен, иначе просто не может быть.

Он передал капитану сообщение Белова. Гоз нахмурился.

— Гм... Надеюсь, у него хватило здравого смысла чтобы не... — Он вдруг спохватился, что говорит по-английски. — Ох, простите, О'Брайен! — продолжал он по-русски, и взгляд его еще больше помрачнел. —

Я только что думал о Гурагине; мне, видно, показалось, будто это я с ним разговариваю. Извините.

— Да ну, пустяки, — пробормотал О'Брайен. — Мне только приятно.

Гоз улыбнулся, но улыбка тотчас сбежала с его лица.

— Постараюсь больше не ошибаться. Так вот, надеюсь, у Белова хватило здравого смысла сдержать любопытство и ничего не трогать.

— Он так и сказал, что ничего не тронет. Не беспокойтесь, капитан, Белов — малый с головой. Как и все остальные: все мы — ребята с головой.

— Город в целости и сохранности, — озабоченно промолвил рослый индеец. — Там могла уцелеть и жизнь... Вдруг он нечаянно пустит в ход какую-нибудь систему сигнализации? Трудно даже представить последствия. Вдруг тут сохранилось какое-то автоматическое оружие, бомбы, что угодно? Белов мог и сам погибнуть и нас погубить. В этом городе может оказаться довольно такого, чтобы взорвать весь Марс.

— Ну, не знаю, — заметил О'Брайен. — Мне кажется, это уж чересчур. Мне кажется, вас просто преследует мысль о бомбах, капитан.

Гоз серьезно посмотрел на него.

— Да, мистер О'Брайен. Вы совершенно правы.

О'Брайен почувствовал, что краснеет. Он поспешил заговорить о другом.

— Нельзя ли мне на часок забрать Смейзерса? Вычислители как будто работают неплохо, но я хотел бы лишний раз проверить кое-какие схемы — мало ли, чем черт не шутит...

— Я спрошу Гурагина, может ли он обойтись без Смейзерса. А что ваш помощник?

Штурман скорчил кислую мину.

— В электронике Колевич смыслит вдвое меньше Смейзерса. Он превосходный математик, но не более того.

Гоз посмотрел испытующе, словно старался понять, только ли в электронике дело.

— Очень может быть. Да, кстати. Я хочу вас просить до отлета на Землю не покидать корабля.

— Что вы, капитан! Я хотел бы поразмяться. И я имею такое же право, как и все... выйти... выйти в иной мир.

О'Брайен и сам чуточку смутился от таких громких слов. Но, черт подери, не для того же он пролетел сорок миллионов миль, чтобы глядеть на Марс в иллюминатор!

— Размяться можно и на корабле. Прогулка в скафандре — не большое удовольствие, это вы знаете не хуже меня. А насчет иного мира — вы уже выходили в него, О'Брайен, вчера, когда мы торжественно установили знак экспедиции.

О'Брайен посмотрел мимо капитана Гоза в иллюминатор.

Да, вот она виднеется, белая трехгранная пирамидка, которую они вчера поставили неподалеку от корабля. На одной ее стороне по-английски, на другой — по-русски, на третьей — на хинди выбита одна и та же надпись:

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЗЕМЛЯ—МАРС. ВО ИМЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Тонко придумано. И очень по-индийски. Но хватает за душу. Да и все в этой экспедиции хватает за душу.

— Вы слишком ценный человек, чтобы вами рисковать, — объяснял между тем Гоз. — Мы в этом убедились на пути сюда. Никто не может в случае надоб-

ности так быстро и точно рассчитать внезапную перемену курса, как наша электроника. А поскольку вы помогали ее проектировать, никто не справится с нею лучше вас. Поэтому мой приказ остается в силе.

— Полноте, не только света, что в окошке: у вас есть в запасе Колевич.

— Минуту назад вы сами сказали, что Семен Колевич недостаточно искушен в электронной технике. Если там что-нибудь разладится, надо будет привлечь Смейзера, чтобы они управлялись вдвоем, а это не лучший способ делать дело. И я подозреваю, что Смейзерс плюс Колевич — это еще не равно Престону О'Брайену. Нет, весьма сожалею, но рисковать мы не можем: вы человек незаменимый.

— Хорошо, — негромко сказал О'Брайен. — Приказ есть приказ. Но в одном я с вами не согласен, капитан. Вы знаете не хуже меня, что на корабле есть только один незаменимый человек. И этот человек — не я.

Гоз что-то проворчал и отвернулся. Вошли Гуранин и Смейзерс, скафандры они оставили в тамбуре. Капитан и главный инженер коротко посоветовались по-английски, и Гуранин, почти не сопротивляясь, уступил Смейзерса штурману.

— Но не позже трех он мне понадобится.

— Вы его получите, — по-русски пообещал О'Брайен и увел Смейзерса, а Гуранин заговорил с капитаном о ремонте двигателя.

— Как это он тебя не заставил написать на меня официальную заявку! — заметил Смейзерс.

— У него в машинном свои заботы, Том. И, ради всего святого, говори по-русски. Неровен час, услышит капитан или кто-нибудь из *них*. Ты что, хочешь под занавес затеять ссору?

— Я не нарочно, Прес. Просто забылся.

О'Брайен и сам знал, что забыться немудрено. И почему правительство Индии не пожелало, чтобы все семеро американцев и семеро русских изучили хинди? Тогда все в экспедиции объяснялись бы на одном общем языке — на языке капитана. Хотя ведь родной язык Гоца — бенгали...

А впрочем, очень понятно, почему индийцы настояли, чтобы участники, готовясь к экспедиции, кроме многого другого, овладели еще и этими двумя языками. Надеялись, что если русские между собой и с американцами будут говорить по-английски, американцы же станут отвечать им и между собой объясняться по-русски, в пределах корабля будет кое-что достигнуто, пусть даже и не удастся достичь политических целей всемирного масштаба. А когда экспедиция возвратится, каждый из ее участников станет распространять у себя на родине усвоенные за время полета идеи дружбы и сотрудничества во имя жизни на Земле.

Вот так, примерно. Очень мило — и хватает за душу. Но разве не больше хватает за душу то, что творится сейчас в мире? Надо что-то делать, да поскорее. Индийцы, по крайней мере, пытаются что-то сделать. А не просто сидят ночами без сна, уставясь в одну точку — на грозную цифру шесть, что так и пляшет перед глазами... *шестерка, шесть бомб, довольно шести новейших кобальтовых бомб — и конец всей жизни на Земле!*

Всем известно, у Америки есть в запасе по меньшей мере девять таких бомб, у России семь, у Англии четыре, у Китая две и еще не меньше пяти — в арсеналах других гордых и независимых государств. Что могут натворить эти бомбы, очень наглядно показали испытания, проведенные Америкой и Россией на их новых полигонах с обратной стороны Луны.

Шесть. Довольно шести бомб — и планете конец. Все знают это, и все знают: случись война, бомбы эти рано или поздно будут пущены в ход; к ним прибегнет тот из противников, кому будет грозить поражение и вражеская оккупация, а руководителям — скамья подсудимых, суд над военными преступниками.

И все знают, что войны не миновать.

Год за годом ее сдерживали, но год за годом она неотвратимо надвигалась. Словно затяжная упорная болезнь: человек пытается ее побороть, но с каждым днем сил у него меньше, он с отчаянием смотрит на градусник, с нарастающим ужасом прислушивается к своему тяжелому дыханию, пока болезнь не одолеет его и не прикончит. Каждый кризис кое-как удавалось преодолеть, но всякий раз положение становилось немного хуже. Вслед за международными конференциями возникали новые союзы, затем следовали новые конференции, а война все надвигалась — ближе, ближе...

И вот она уже рядом. Она едва не разразилась три года назад ни много ни мало из-за какого-то Мадагаскара, и избежать ее удалось просто чудом. Она едва не разразилась в минувшем году из-за прав на обратную сторону Луны, и снова ее предотвратило сверхчудо: в последнюю минуту в роли третейского судьи выступило правительство Индии. Но сейчас человечество поистине стоит на грани. Еще два месяца, еще полгода, от силы год — и войны не миновать. Все ждут уничтожения и гибели и лишь изредка, если выдастся свободная минута, судорожно спохватываются: да почему же мы только ждем сложа руки? Почему это так уж неизбежно? И однако все знают: да, неизбежно.

Словом, Советский Союз и Соединенные Штаты наперебой создавали все новые и новые ракеты и со-

вершенствовали технику межпланетных перелетов, чтобы, когда настанет час бомб, можно было взрывать их побыстрее и с наибольшим эффектом. И в такой-то обстановке Индия выступила со своим предложением. Пусть два могучих соперника объединятся для задуманного обоими дела, объединят свои знания и силы. Одна сторона уже немного дальше продвинулась в искусстве космонавтики, другая, как известно, немного больше преуспела в создании атомных ракет. Пусть же они сообща снарядят экспедицию на Марс, которую организует Индия и возглавит капитан-индиец во имя и для блага всего человечества. И пусть всему миру раз и навсегда станет ясно, какая из сторон отказывается от сотрудничества.

Не принять такое предложение, да еще сделанное в самую подходящую минуту, было немислимо. И вот они на Марсе, думает О'Брайен, они вместе прилетели сюда и, надо полагать, сумеют вместе вернуться на Землю. Быть может, они многое доказали, но помешать ничему не помешали. Международное положение остается прежним, не пройдет и года — и разразится война. Участники экспедиции понимают это не хуже, а, быть может, лучше кого-либо другого.

По дороге в рубку, проходя мимо люка, они увидели Белова — он вылезал из скафандра. Продолжая раздеваться, неуклюже подпрыгивая то на одной, то на другой ноге, он заспешил к ним.

— Недурная находка, а? — прогудел он. — На второй же день, посреди пустыни! Погодите, вот увидите мои снимки!

— Жду не дождусь, — отозвался О'Брайен. — А пока поторопитесь-ка в машинный отсек и доложите капитану. Он боится, вдруг вы там нажали какую-нибудь кнопку, замкнули цепь и пустили в ход машину, которая взорвет весь Марс, а заодно и нас.

Русский широко улыбнулся, показав редко поставленные зубы.

— Уж этот Гоз, везде ему чудятся взрывающиеся планеты...

Он потрогал ладонью темя, поморщился и легонько помотал головой.

— Что это вы? — спросил О'Брайен.

— Побаливает голова. Только сейчас заболела. Наверно, я слишком долго пробыл в этой одежке.

— Я в ней пробыл вдвое дольше вашего, а голова ни капельки не болит, — заметил Смейзерс, рассеянно подталкивая ногой сброшенный Беловым скафандр. — Может, у нас в Америке головы покрепче.

— Том! — рявкнул О'Брайен. — Какого черта?

Белов так стиснул губы, что они побелели. Потом пожал плечами.

— После обеда — в шахматы, О'Брайен?

— Непременно. И, если хотите знать, собираюсь идти напролом. Я все равно уверен, что черные могут выиграть.

— Тут вам и крышка, — усмехнулся Белов и направился в машинный отсек, на ходу осторожно поглаживая темя.

Когда они остались в рубке вдвоем и Смейзерс принялся за компьютер, О'Брайен плотно прикрыл дверь и сказал сердито:

— Дернула тебя нелегкая, Том! Эти шуточки слишком опасны. И примерно так же забавны, как объявление войны.

— Знаю. Но Белов действует мне на нервы.

— Белов? Да он самый славный парень из всех русских на борту.

Помощник инженера отвинтил боковую панель и присел перед аппаратом на корточки.

— С тобой он, может, и славный. А мне вечно подпускает шпильки.

— Как это?

— Да по-всякому. Взять хотя бы шахматы. Я предлагаю сыграть, а он отвечает — с одним условием: если он даст мне фору ферзя. И смеется таким, знаешь, вьедливым смешком.

— Проверь-ка верхний контакт. — предупредил штурман. — И слушай, Том, ведь Белов — классный игрок. На последнем московском турнире он занял седьмое место, а там сплошь были мастера и гроссмейстеры. Это совсем недурной результат, ведь у них там шахматы — первая игра, на ней все помешаны, как у нас на футболе и бейсболе вместе взятых.

— Да знаю я, что он отличный шахматист. Но я тоже не из последних. Уж не так я плох, чтоб давать мне фору ферзя. Целого ферзя!

— И только в этом дело? Кажется, ты уж чересчур скверно к нему относишься, а какие у тебя, в сущности, основания?

Смейзерс помолчал, разглядывая электронную лампу. Потом сказал, не поднимая глаз:

— Зато ты, кажется, уж чересчур нежно к нему относишься. А у тебя, в сущности, какие основания?

О'Брайен едва не вспылil, но вдруг кое-что вспомнил и прикусил язык. В конце концов, это может быть кто угодно. Может, это и Смейзерс...

Перед самым отъездом из Нью-Йорка в Бенарес, где они должны были встретиться с русскими, членов экипажа пригласили в военно-разведывательное управление и дали им последние сверхсекретные инструкции. Им толковали о том, сколь сложным будет их положение и какими опасностями оно чревато. С одной стороны, уклониться от предложения Индии никак нельзя, Соединенные Штаты должны показать

всему миру, что они согласны участвовать в этой совместной научной экспедиции по меньшей мере так же охотно и искренне, как русские. А с другой стороны, столь же важно, если не важнее, чтобы завтрашний противник не смог, используя объединенные знания и приемы, получить какое-то серьезное, даже решающее преимущество — например, на обратном пути завладеть космическим кораблем и вместо Бенареса приземлиться где-нибудь в Баку.

И потому, сказали им, один из них пройдет обучение в военной разведке и получит соответствующий чин. Кто именно — это останется в тайне до той минуты, когда он увидит, что русские что-то затевают. Тогда он условной фразой объявит остальным американцам — членам экипажа, кто он такой, и с этой минуты они будут подчиняться уже не Гозу, а ему. Неповиновение в этом случае равносильно государственной измене.

А условная фраза? Престон О'Брайен невольно усмехнулся: «Обстрелян форт Самтер»!

Но после того, как кто-то из них встанет и произнесет эти слова, начнется нечто отнюдь не забавное...

Наверняка и среди русских есть один такой. И наверняка Гоз подозревает, что и американцы, и русские застраховались подобным образом от всяких случайностей, и от этого бедняге капитану уж совсем плохо спится по ночам.

А какая условная фраза у русских? «Обстрелян Кронштадт»? Нет, скорее — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Да, что и говорить, очень будет весело, если кто-нибудь и впрямь допустит серьезный промах.

Вполне возможно, что Смейзерс и есть тот самый офицер военной разведки. После его шуточки насчет нежного отношения к Белову очень на то похоже.

И не надо было ничего отвечать, это я правильно поступил, думал О'Брайен. В наше время надо быть поосторожнее, а тут, на корабле, тем более.

Вообще-то понятно, что точит Смейзерса. В сущности, по той же причине и Белов охотно сражается в шахматы с ним, штурманом, который на Земле и мечтать не мог бы о встрече с таким сильным игроком.

У О'Брайена самый высокий коэффициент умственного развития во всей экспедиции. Ничего сверхъестественного, не очень уж намного выше, чем у других. Просто в экипаже, составленном из самых блестящих и талантливых людей, каких можно было отобрать среди сливок ученого мира в Америке и в Советском Союзе, должен же кто-то оказаться выше всех. Вот таким человеком и оказался Престон О'Брайен.

Но О'Брайен — американец. А при подготовке экспедиции все до мелочей обсуждалось и учитывалось на самом высоком уровне, со всеми дипломатическими ухищрениями и закулисными маневрами, к каким всегда прибегают, определяя границы перво-степенной стратегической важности. А потому членом экипажа с самым низким IQ тоже неминуемо должен был оказаться американец.

И таким американцем оказался помощник инженера Том Смейзерс.

Опять-таки ничего страшного, коэффициент на самую малость ниже, чем у следующего по порядку. И сам по себе — отличный, на редкость высокий коэффициент.

Но до старта из Бенареса они довольно долго жили бок о бок. Они многое узнали друг о друге и из непосредственного общения, и из официальных документов; ведь не угадаешь заранее, какие именно сведения о твоём спутнике помогут избежать несча-

стья, случись какая-нибудь невероятная катастрофа, которую немисливо предусмотреть.

И вот Николай Белов, которого сама природа создала гениальным шахматистом, как Сару Бернар — гениальной актрисой, с неизменным наслаждением обыгрывает любителя, еле-еле годного для студенческой команды. А Том Смейзерс лелеет в душе обиду, чувство собственной неполноценности, которое только и ждет предлога, чтобы перерасти в открытую вражду.

Просто смешно, думает О'Брайен. Хотя почему знать? Со стороны рассуждать легко, сам-то он не побывал в шкуре Смейзерса.

Смешно? Да, смешно, как шесть кобальтовых бомб. *Раз, два, три, четыре, пять, шесть — и трах!*

Быть может, беда в том, что все они одной смешной породы. И скоро вымрут, вымрут, как динозавры.

И как марсиане.

— Хоть бы скорей поглядеть на беловские снимки, — сказал он Смейзерсу: лучше заговорить о чем-то безобидном, не вызывающем споров. — Ты только вообрази, на этом голом комке пыли разгуливают живые люди, строят города, любят, решают всякие научные проблемы, и все это миллион лет назад!

Помощник инженера что-то буркнул, усердно копаясь в путанице проводов; он явно не желал давать волю воображению, если это как-то связано с ненавистным Беловым. Но О'Брайен не унимался.

— Интересно, куда они подевались, марсиане? Если они целую вечность назад достигли такого высокого развития, они уж, наверно, додумались до межпланетных путешествий и нашли себе жилище получше. Как по-твоему, Том, прилетали они на Землю?

— Угу. И все похоронены на Красной площади.

Ну что с ним поделаешь? Этаким норов! Не стоило продолжать разговор. Смейзерс, видно, никак не

примирился с тем, что Белов только с ним, О'Брайеном, играет на равных.

А все-таки скорей бы поглядеть на фотографии... И когда все сошлись к обеду в просторном помещении посередине корабля, которое служило разом и спальней, и столовой, и клубом, и складом провизии, О'Брайен прежде всего поискал глазами Белова.

Но Белова здесь не было.

— Он в кабинете у врача, — серьезно, хмуро сказал его сосед по столу Лаятинский. — Ему нездоровится. Шнейдер его осматривает.

— Голова разболелась?

Лаятинский кивнул:

— Становится хуже и хуже. И суставы ломит. И жар у него. Гуранин думает, похоже на менингит.

— Ого!

При такой скученности болезнь вроде менингита мигом перекинется на всех. Впрочем, Гуранин ведь не врач, а инженер. Что он в этом понимает, с чего ему вздумалось ставить диагноз?

И тут О'Брайен заметил необычную тишину в столовой. Все ели, не поднимая глаз. Колевич раскладывал еду по тарелкам. Правда, он мрачноват, но, может, просто потому, что пришлось не только готовить, а еще и подавать, ведь дежурный помощник повара доктор Шнейдер вынужден заняться делом куда более важным и неотложным.

Но американцы просто помалкивают, а русские чернее тучи, прямо как на похоронах. Все осунулись, челюсти сжаты, будто люди ждут расстрела. И дышат тяжело, медленно и хрипло. Так бывает, когда бьешься над мучительно трудной задачей.

Вот оно что! Если Белов серьезно заболел, если он выбыл из строя, они в невыгодном положении: у американцев теперь численное превосходство, они

процентов на пятнадцать сильнее. И если дойдет до стычки...

Но тогда диагноз, поставленный медиком-любителем Гураниным, — это отчаянная попытка сохранить оптимизм. Да-да, оптимизм! Ведь если у Белова менингит, штука очень прилипчивая, заразиться могут и другие, американцы тоже. Тогда, может быть, они снова сравниваются.

О'Брайена пробрала дрожь. Что за безумие!..

А впрочем... что, если бы сейчас там, наверху, лежал тяжело больной американец, а не русский? Пожалуй, тогда и он, О'Брайен, стал бы думать, как думает сейчас Гуранин. Пожалуй, и он стал бы надеяться на менингит, как на спасение.

В столовую спустился капитан Гоз. Казалось, глаза его стали еще темней и ввалились еще глубже.

— Прошу внимания. Сразу после обеда всем явиться в рубку, она сейчас будет дополнением к врачебному кабинету.

— А для чего явиться, капитан? — спросил кто-то.

— Для профилактической прививки.

Наступило молчание. Гоз пошел к выходу. Главный инженер откашлялся.

— А как Белов? — спросил он.

Капитан чуть помедлил.

— Мы еще не знаем, — сказал он, не оборачиваясь. — И если вы хотите спросить, чем болен Белов, ответу: этого мы пока тоже не знаем.

У рубки выстроилась молчаливая очередь. Сосредоточенно ждали, входили по одному. Настал черед О'Брайена.

Он вошел, закатывая, как было велено, правый рукав. В дальнем конце рубки стоял Гоз и смотрел в иллюминатор так, словно ждал прибытия спасательной экспедиции. Стол штурмана сплошь был покрыт

комками ваты, мензурками со спиртом и пузырьками с какой-то мутной жидкостью.

— Что это за снадобье, док? — спросил О'Брайен после укола, когда ему разрешили опустить рукав.

— Дуоплексин. Новый антибиотик, его получили в прошлом году в Австралии. Пределы его действия еще не установлены, но это — самое универсальное и самое сильное средство, каким сейчас располагает медицина. Не слишком приятно пускать в ход такое сомнительное зелье, но в Бенаресе перед стартом мне велели в случае каких-нибудь неясных симптомов вкатить каждому из вас полную порцию.

— Гуранин говорит, похоже, что у Белова менингит, — заметил штурман.

— Это не менингит.

О'Брайен помешкал минуту, но врач заново наполнил шприц и явно не собирался вдаваться в дальнейшие объяснения. О'Брайен посмотрел на неподвижную спину капитана Гоза и спросил:

— А как со снимками? Еще не проявлены? Хотелось бы поглядеть.

Капитан заложил руки за спину, прошелся по рубке.

— Скафандр и все снаряжение Белова тоже с ним в карантине, — негромко ответил он. — Так распорядился доктор.

— А-а. Вот это жаль. — О'Брайен понимал, пора уходить, но любопытство взяло верх. Эти двое чем-то встревожены, и тревога их куда сильнее, чем страхи, которые одолевают русских. — Белов сказал мне тогда по радио, что марсиане были гуманоидами. Поразительно, правда? Жизнь развивалась тем же путем, подумать только!

Шнейдер осторожно опустил шприц.

— Тот же путь развития, — пробормотал он. — Та же эволюция и та же патология. Хотя тут нет полного

сходства ни с одной болезнью, вызываемой земными микробами. Но восприимчивость такая же. Это ясно.

— То-есть, по-твоему, Белов подцепил какую-то марсианскую болезнь? — изумился О'Брайен. — Но город такой старый! Ни один микроб не может существовать столько времени.

Маленький толстенький Шнейдер решительно выпрямился.

— С чего ты взял? И на Земле известны несколько видов, которые могли бы продержаться. А уж споры — сколько угодно.

— Но если Белов...

— Довольно, — прервал капитан. — Вам не следует думать вслух, доктор. И вы держите язык за зубами, О'Брайен, пока мы не решили довести это до всеобщего сведения. Следующий! — вызвал он.

Вошел Том Смейзерс.

— Послушай, док, — сказал он. — Может, это и не велика важность, но у меня что-то трещит голова, сроду так не трещала.

Остальные трое переглянулись. Шнейдер невнятно, вполголоса выругался, выхватил из нагрудного кармана градусник и сунул Смейзерсу. О'Брайен перевел дух и вышел.

Вечером всем было велено собраться в столовой, она же спальня. Шнейдер встал на стол, вытер ладони о джемпер; лицо у него было усталое.

— Вот что, люди добрые, — начал он. — Николай Белов и Том Смейзерс больны, Белов — тяжело. Симптомы такие: небольшая головная боль и жар, то и другое быстро усиливается, появляются резкие боли в спине и суставах. Это первая стадия. Сейчас на этой стадии Смейзерс. А Белов...

Никто не вымолвил ни слова. Все сидели вокруг непринужденно, словно бы просто отдыхая, и слуша-

ли. Гуранин и Лаятинский подняли головы от шахматной доски с таким видом, словно из одной только вежливости вынуждены слушать какие-то пустяки, не идущие ни в какое сравнение с их неоконченной партией. Но когда Гуранин, двинув локтем, уронил своего короля, ни тот, ни другой его не подняли.

— У Белова теперь вторая стадия болезни, — продолжал врач. — Внезапные скачки температуры, бред, нарушение всех функций организма, стало быть, поражена нервная система. Весь организм настолько выведен из равновесия, что разладилась даже перистальтика, и поддерживать его приходится внутривенными вливаниями. Кстати, сегодня же вечером мы устроим наглядный урок внутривенного вливания, чтобы каждый из вас мог сделать укол больному. На всякий случай.

Гопкинс, радист, сидевший напротив О'Брайена, беззвучно ахнул.

— Теперь так. Чем они больны, я не знаю. Вот, в сущности, и все, что я могу вам сказать. В одном я уверен: это не земная болезнь, хотя бы уже потому, что никогда я не сталкивался с таким коротким инкубационным периодом и с таким молниеносным развитием. Видимо, Белов подхватил эту болезнь в марсианском городе и занес на корабль. Я понятия не имею, насколько она опасна, хотя в подобных случаях надо готовиться к худшему. Сейчас у меня одна надежда: эти двое свалились прежде, чем я успел ввести им дуоплексин. Всем остальным — и себе в том числе — я сделал укол. Вот и все. Есть вопросы?

Вопросов не было.

— Ладно, — сказал врач. — Хочу вас предупредить, хотя это, пожалуй, излишне: каждый, у кого заболит голова — все равно, виски ломит, или затылок,

или еще что, — обязан немедленно явиться в изолятор. Очевидно, эта штука чрезвычайно заразительна. А теперь придвиньтесь поближе, я покажу, как делать внутривенные вливания. Капитан, позвольте продемонстрировать на вас.

Он провел урок, потом все практиковались, делая уколы друг другу, а доктор Шнейдер придирчиво следил за ними; наконец он собрал свое снаряжение, остро пахнущее дезинфекцией, и объявил:

— Ладно, хватит. В случае чего справимся. Спокойной ночи всем.

Он шагнул к выходу. Но вдруг остановился. Обернулся и обвел всех медленным испытующим взглядом.

— О'Брайен, — сказал он наконец, — пойдем-ка.

Что ж, думал штурман, послушно шагая за врачом, по крайней мере счет сравнялся. Один русский и один американец. Хоть бы так оно и осталось!

Шнейдер на ходу заглянул в изолятор и кивнул, наверно, нашел то, чего и ждал.

— У Смейзерса уже вторая стадия. Быстро же действует этот микроб, черт его дери! Видно, мы для него — благодатнейшая почва!

— Ты хоть догадываешься, что это такое? — спросил О'Брайен; как ни странно, он еле поспевал за маленьким Шнейдером, уж очень стремительно тот шагал.

— Гм... Я сегодня два часа просидел над микроскопом. Никаких признаков. Я приготовил кучу мазков — кровь, спинномозговая жидкость, мокрота, взял уйму всяких проб — у меня там целая полка пробирок. Это все пригодится врачам на Земле, если мы... ну ладно. Понимаешь, это может быть фильтрующий вирус, либо какая-то бацилла, которая видна, только если ее как-то специально окрасить, да

мало ли еще что. В лучшем случае я ее обнаружу, противоядие мы изготовить не успеем.

Все еще держась впереди О'Брайена, он вошел в рубку, посторонился, потом, к недоумению штурмана, запер за ним дверь.

— Что-то ты чересчур приуныл, док, — сказал О'Брайен. — У нас ведь есть белые мыши, на них мы думали проверять марсианскую атмосферу, если бы она тут все-таки оказалась. Может, воспользоваться ими как подопытными животными и попробовать изготовить вакцину?

Доктор Шнейдер невесело усмехнулся.

— За двадцать четыре часа. Как в кино. Нет, если бы я и хотел выкинуть этакий фортель, а я и правда хотел, теперь об этом и думать нечего.

— То есть... что значит — теперь?

Шнейдер осторожно сел, положил свою докторскую сумку на стол подле себя. Усмехнулся.

— У тебя нет аспирина, Пресс?

О'Брайен машинально сунул руку в карман джемпера.

— При себе нету, но, кажется... — И тут он понял, у него похолодело внутри. — Когда это началось? — тихо спросил он.

— Наверно, к концу лекции, которую я вам там читал про уколы, но я был слишком занят и не обратил внимания. Почувствовал, только когда выходил из столовой. Не подходи! — крикнул он, когда О'Брайен, полный сочувствия, двинулся к нему. — Толку, вероятно, не будет, а все-таки держись подальше. Может, выиграешь немного времени.

— Позвать капитана?

— Если бы он был мне нужен, я бы его и позвал. Через пять минут я лягу в изолятор. А пока что передаю тебе мои полномочия.

— Пол-но-мочия? Так это ты... ты и есть...

Доктор Шнейдер кивнул. И продолжал уже по-английски:

— Я — офицер нашей военной разведки. Вернее сказать, был офицером. Теперь офицер ты. Слушай, Пресс, у меня каждая минута на счету. Скажу одно. Допустим, через неделю кто-нибудь из нас еще останется в живых. И допустим, решено будет попробовать вернуться на Землю (а это — риск заразить всю планету, чего я не советовал бы, у меня уже есть вполне ощутимые основания). Так вот, в этом случае ты будешь молчать о своем чине и звании, как молчал я, а если нельзя будет избежать стычки с русскими, объявишься условной фразой, ты ее знаешь.

— «Обстрелян форт Самтер», — медленно произнес О'Брайен.

Он все еще не освоился с мыслью, что Шнейдер и есть офицер военной разведки. Ну понятно, это мог быть любой из семерых американцев. Но Шнейдер!

— Правильно. Если сумеете завладеть кораблем, постарайтесь сесть в Калифорнии, в Уайт-Сэндсе, где мы тренировались. Объясни тамошним властям, при каких обстоятельствах я передал тебе полномочия. Вот почти и все; еще только два слова. Если ты тоже заболеешь, хорошенько подумай, кому передать бразды правления... Я сейчас предпочитаю ограничиться тобой. И второе... может быть, я ошибаюсь... но мне кажется, у русских ту же роль играет Федор Гуранин.

— Ясно. — И только тут до О'Брайена по-настоящему дошло. — Но ведь ты говорил, что впрыснул себе лекарство. Значит...

Шнейдер поднялся, кулаком потер лоб.

— Боюсь, что так. Вот почему вся эта церемония довольно бессмысленна. Но у меня были обязаннос-

ти, я должен был передать их другому. Я и передал. А теперь извини, я лягу. Желаю удачи.

О'Брайен пошел доложить капитану о болезни Шнейдера; теперь он понимал, что чувствовали во время обеда русские. Сейчас против шести русских остались пятеро американцев. Это может плохо кончиться. И за все в ответе он.

Но у каюты капитана, уже взявшись за ручку двери, он пожал плечами. Невелика разница! Как сказал толстяк Шнейдер: «Допустим, через неделю кто-нибудь из нас еще останется в живых...»

По сути, международное положение на Земле и все то, чем оно грозит миллиардам людей, их тут больше не касается. Нельзя рисковать занести марсианскую болезнь на Землю, а раз они не вернутся, нет надежды найти лекарство. Они прикованы к чужой планете, и остается ждать, пока их одного за другим не скосит недуг, последние жертвы которого погибли тысячи лет тому назад.

А все-таки... неприятно быть в меньшинстве.

К утру он уже не был в меньшинстве. За ночь еще двоих русских свалила непонятная хворь, которую теперь все называли «болезнью Белова». На ногах остались пятеро американцев против четверых русских, но теперь никто уже не думал о национальности.

Гоз предложил столовую (она же спальня) превратить в больницу, а всем здоровым перейти в машинный отсек. И поручил Гураину наскоро оборудовать перед машинным отсеком камеру для облучения.

— Всем, кто ухаживает за больными, надевать скафандры, — распорядился он. — Перед возвращением в машинный отсек становиться под лучевой душ наибольшей мощности. Только после этого можно пройти к остальным и снять скафандр. Это не

слишком сильное средство и, боюсь, подобными предосторожностями такой страшный вирус не уничтожить, но мы хотя бы не сидим сложа руки.

— А может, попробуем связаться с Землей, капитан? — предложил О'Брайен. — Хотя бы сообщим, что случилось, это пригодится будущим экспедициям. Я знаю, для такой дали наш радиопередатчик слаб, но, может, смастерить что-то вроде маленькой ракеты и вложить в нее письмо? Может, когда-нибудь ее подберут?

— Я об этом уже думал. Задача нелегкая, но, допустим, нам это удалось, а вдруг вместе с письмом мы переправим на Землю и вирус? А на Земле сейчас обстановка такая, не думаю, что там снарядят новую экспедицию, если мы не вернемся. Вы знаете не хуже меня, что месяцев через восемь, через девять... — Капитан умолк на полуслове. — У меня немного болит голова, — тихо добавил он.

Все вскочили — даже те, кто весь день ходил за больными и прилег отдохнуть.

— Вы уверены? — с отчаянием спросил Гурагин. — Может быть, это просто...

— Уверен. Что ж, рано или поздно этого не миновать. Думаю, каждый из вас выполнит свой долг и все вы будете работать слаженно. И любой из вас способен меня заменить. Так вот. Если понадобится слово командира, если надо будет принимать какие-то решения, капитаном будет тот из вас, чья фамилия — последняя по алфавиту. Старайтесь то время, что вам еще осталось, жить в мире. Прощайте.

Он повернулся и пошел из машинного отсека в больницу. Безмерная усталость была в его худом смуглом лице и придавала ему странное величие.

В этот вечер к ужину на ногах остались только двое — Престон О'Брайен и Семен Колевич. В ка-

ком-то отупении они ухаживали за больными, умывали их, перекладывали, делали уколы.

Все это лишь вопрос времени. Когда и они свалятся, о них уже некому будет позаботиться.

И все же они добросовестно делали свое дело и старательно подставлялись в скафандрах под лучевой душ, прежде чем вернуться в машинный отсек. Потом у Белова и Смейзерса началась третья стадия болезни — совершенное оцепенение, и штурман отметил это в тетради доктора Шнейдера, под колонками температурных записей, напоминающих биржевой курс в день, когда Уолл-стрит особенно лихорадит.

О'Брайен и Колевич молча поужинали. Они всегда были не слишком симпатичны друг другу, и оттого, что остались только вдвоем, взаимная неприязнь еще усилилась.

После ужина О'Брайен сел к иллюминатору и долго смотрел, как восходят и закатываются в черном небе Марса Фобос и Деймос. За спиной у него Колевич читал Пушкина, пока не уснул.

Наутро О'Брайен нашел своего помощника на больничной койке. У Колевича уже начался бред.

«И остался лишь один», — вспомнил О'Брайен песенку про десять негритят. Что-то будет с нами дальше, друзья, что-то будет дальше?

Он снова принялся за обязанности санитара и поминутно заговаривал сам с собой. Все-таки лучше, чем ничего, черт возьми! Так легче забыть, что ты единственный человек в здравом уме на всей этой красной, пыльной и ветреной планете. Так легче забыть, что скоро умрешь. Так легче сохранить какое-то подобие рассудка.

Потому что это конец. Ясно, конец. Ракета рассчитана на экипаж в пятнадцать человек. В крайнос-

ти ею могли бы управлять всего пятеро. Допустим, двое или трое, носясь взад и вперед как сумасшедшие и проявляя чудеса изобретательности, еще ухитрились бы привести ее к Земле и кое-как посадить, не разбив вдребезги. Но один...

Даже если ему и дальше повезет и «болезнь Белова» не свалит его с ног, с Марса ему не вырваться. Он останется здесь, пока не иссякнут запасы еды и кислорода, и корабль станет для него медленно ржавеющим гробом. А если заболит голова... Что ж, неизбежная развязка наступит куда быстрее.

Это конец. И ничего тут не поделаешь.

Престон О'Брайен бродил по кораблю, который вдруг сделался огромным и пустым. Он вырос на райчо в Северной Монтане и всегда терпеть не мог толчею и многолюдье. Во время перелета его постоянно, точно камешек в башмаке, раздражала необходимость вечно быть на людях, и однако теперь безмерное, последнее одиночество угнетало. Стоило прилечь — и снились переполненные трибуны в дни бейсбольных матчей или душная, потная толпа в нью-йоркском метро в часы пик. А потом он просыпался, и одиночество снова обрушивалось на него.

Чтобы не сойти с ума, он загружал себя разными мелкими делами. Написал краткую историю экспедиции для несуществующего общедоступного журнала; при помощи компьютера составил с десятков вариантов курса для возвращения на Землю; из чистого любопытства — ведь теперь это не имело уже никакого значения — просмотрел личные вещи русских, чтоб узнать, кто из них представляет военную разведку.

Оказалось, это Белов. О'Брайен удивился. Белов ему очень нравился. Впрочем, ведь ему и Шнейдер

очень нравился. Так что в конечном счете видно, наверху тоже что-то соображают.

И вот что странно: оказывается, ему жаль Колеви-ча! Черт возьми, надо было попробовать как-то с ним сблизиться, прежде чем настал конец!

С самого начала они друг друга терпеть не могли. Колевич, наверно, не мог примириться с тем, что старший штурман не он, а О'Брайен, ведь в математике Колевич куда сильнее. А его, О'Брайена, злило, что помощник начисто лишен чувства юмора, в каждом его слове сквозит враждебность и вызов, но он хитер и ни разу открыто не нарушил субординацию.

Однажды, когда Гоз упрекнул штурмана за явное недружелюбие к помощнику, О'Брайен воскликнул:

— Ох, вы правы, и мне, наверно, надо покаяться. Но я же ничего такого не чувствую к другим русским. Я с ними со всеми отлично лажу. Вот только этого Колевича я охотно бы стукнул как следует: он меня, признаться, здорово раздражает.

Капитан вздохнул:

— Неужели вы не видите, откуда эта неприязнь? Вы на опыте убеждаетесь, что русские члены экипажа — вполне порядочные люди и с ними прекрасно можно ладить, но этого, видите ли, не может быть: вам доподлинно известно, что русские — звери и их надо истребить всех до единого. И вот все страхи, досаду, гнев, все, что, как вам кажется, вы должны бы испытывать по отношению ко всем русским, вы обращаете на одного. Теперь он для вас воплощение зла, козел отпущения за целый народ, и вы изливаете на Семена Колевича всю ненависть, которую и хотели бы обратить на других русских, но не можете, ибо вы человек чуткий и разумный и видите, что они хорошие, славные люди.

У нас на корабле каждый кого-нибудь да ненавидит, — продолжал Гоз. — И всем кажется, что у них есть для этого веские причины. Хопкинс ненавидит Лаятинского, потому что тот будто бы вечно околачивается у радиорубки и что-то вынюхивает. Гуранин ненавидит доктора Шнейдера, а за что, я, наверно, так и не пойму.

— Не согласен. Колевич из кожи вон лезет, лишь бы мне досадить. Я точно знаю. А Смейзерс? Он ненавидит всех русских. Всех до единого.

— Смейзерс — случай особый. Боюсь, он вообще человек обидчивый и не слишком уверенный в себе, а ведь в экспедиции у него положение трудное; он не может забыть, что стоит на последнем месте по коэффициенту умственного развития, и это не способствует душевному равновесию. Вы бы очень ему помогли, если бы сошлись с ним поближе. Я знаю, он был бы рад.

— А-а... — О'Брайен смущенно пожал плечами. — Я не психолог и не филантроп. Сработаться с Томом Смейзерсом я сработался, но все-таки могу его переносить только в небольших дозах.

Вот об этом теперь тоже приходится пожалеть. Он никогда не хвастал тем, что он самый незаменимый на корабле: и потому, что штурман, и потому, что всех умней и находчивее; всегда был уверен, что почти и не вспоминает об этом. А вот теперь, в беспощадном свете надвигающейся гибели, ясно, что втайне он наслаждался этой своей исключительностью, самодовольно пыжился и любовался собой. Сознание своего превосходства всегда было тут как тут, словно уютная пуховая перина, на которой так приятно понежиться. И он нежился постоянно.

Своего рода недуг. Подобно недугу под названием «Хопкинс против Лаятинского», «Гуранин против

Шнейдера», «Смейзерс против всех». Подобно недугу, разъедающему сейчас Землю, когда два величайших государства, которым уже по самой их огромности и мощи незачем зариться на чужую территорию, готовы скрепя сердце и как бы против воли начать войну друг с другом, войну, в которой погибнут и они сами, и все другие страны, союзные им и нейтральные, войну, которой можно бы так легко избежать и которая, однако, неизбежна.

Быть может, подумал О'Брайен, мы вовсе не заразились неведомым недугом на Марсе; быть может, мы просто привезли его с собой на эту славную, чистую песчаную планету, — недуг, который можно назвать болезнью человечества, — и вот он нас убивает, потому что здесь для него нет другой пищи.

О'Брайен встряхнулся. Надо поосторожнее. Этак и спятить недолго.

— Лучше уж буду опять разговаривать сам с собой. Как поживаешь, приятель? Как самочувствие, недурно? Голова не болит? Ничего не ломит, не ноет и усталости не чувствуешь? Тогда ты, верно, уже помер, милый друг!

Среди дня, войдя в больницу, он понял, что у Белова болезнь, видимо, перешла в новую стадию, четвертую. Смейзерс и Гоз еще лежали пластом без сознания, но геолог очнулся. Он беспокойно поворачивал голову то вправо, то влево, и взгляд его широко раскрытых глаз был непонятен и страшен.

— Как вы себя чувствуете, Николай? — осторожно спросил О'Брайен.

Никакого ответа. Голова медленно повернулась — Белов смотрел на него в упор. О'Брайен содрогнулся. Прямо кровь стынет в жилах, когда на тебя так смотрят, думал он потом, в машинном отсеке, снимая скафандр.

Может, на этом все и кончится? Может, от «болезни Белова» не умирают? Шнейдер говорил, она поражает нервную систему — так, может быть, человек просто теряет разум?

— Весело, — бормотал О'Брайен. — Очень весело...

Он поел и подошел к иллюминатору. В глаза бросилась пирамидка, установленная ими в первый день, больше не на что смотреть в этой однообразной холмистой пустыне, по которой ветер гоняет клубы пыли.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЗЕМЛЯ—МАРС. ВО ИМЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Зря Гоз поторопился поставить этот памятник. Надпись надо бы переделать: «ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЗЕМЛЯ—МАРС. В ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, КОТОРОГО БОЛЬШЕ НЕТ — НИ ЗДЕСЬ, НИ НА ЗЕМЛЕ». Так было бы вернее.

Ясно и понятно: экспедиция не вернется, от нее не будет никаких вестей, и русские ни на миг не усомнятся, что американцы захватили корабль и, пользуясь данными, полученными за время полета, совершенствуют технику переброски бомб. А американцы ни на миг не усомнятся, что именно так поступили русские.

И экспедиция во имя мира станет поводом к войне...

— Гоз наверняка оценил бы такую иронию судьбы, — с кривой усмешкой сказал себе О'Брайен.

Позади что-то звякнуло. Он обернулся.

Чашка с блюдцем, не прибранные после обеда, плавали в воздухе!

Он зажмурился, потом медленно открыл глаза. Да, все правильно, чашка с блюдцем летают по возду-

ху! Словно бы неспешно, лениво вальсируют. Изредка чуть касаются друг друга, будто целуясь, и опять расходятся. И вдруг опустились на стол, раз-другой легонько подскочили, как мячики, и затихли.

Может быть, сам того не заметив, он тоже подхватил «болезнь Белова»? Вдруг бывает и так, что без головных болей, без скачков температуры сразу наступает последняя стадия — галлюцинации?

Из больницы донеслись какие-то странные звуки, и О'Брайен, даже не подумав натянуть скафандр, кинулся туда.

Несколько одеял плясали в воздухе, точь-в-точь как перед тем чашка с блюдцем. Кружились, словно подхваченные вихрем. Он смотрел, ошарашенный, не помня себя, а тем временем в воздух взмыла еще какая-то мелочь — градусник, коробка, брюки.

А больные тихо лежали на койках. Смейзерс, видно, тоже достиг четвертой стадии. Так же беспокойно перекачивается голова на подушке и тот же непонятный, леденящий душу взгляд.

А потом О'Брайен обернулся и увидел, что койка Белова пуста! Что случилось: он поднялся в бреду и, не сознавая, что делает, поплелся куда-то? Или ему стало лучше? Куда он девался?

О'Брайен стал тщательно обыскивать корабль, опять и опять окликая русского по имени. Переходя из отсека в отсек, добрался до рубки. Но и здесь пусто. Где же Белов?

Растерянно кружа по тесной рубке, он нечаянно глянул в иллюминатор. И там, снаружи, увидел Белова. Без скафандра!

Невозможно, немыслимо! Ничем не защищенному человеку и минуты не прожить на мертвом, голом Марсе, здесь нечем дышать! И, однако, Николай

Белов шел по песку беззаботно, как по Невскому проспекту. А потом очертания его фигуры странно расплылись — и он исчез.

— Белов! — во все горло заорал О'Брайен. — Да что же это, Господи! Белов! Белов!!!

— Он пошел посмотреть марсианский город, — раздался голос за спиной у О'Брайена. — Он скоро вернется.

Штурман круто обернулся. Никого. Ну, ясно — совсем спятил.

— Нет, нет, — успокоил тот же голос.

И прямо из пола, будто он прошел не сквозь сталь, а сквозь туман, неторопливо поднялся Том Смейзерс.

— Что с вами со всеми происходит? — ахнул О'Брайен. — Что все это значит?

— Пятая стадия «болезни Белова». И последняя. Пока что ее достигли только мы с Беловым, для остальных она наступает сейчас.

О'Брайен ощупью добрался до кресла и сел. Пошевелил губами, но не мог выговорить ни слова.

— Ты думаешь, от «болезни Белова» мы становимся какими-то кудесниками, — сказал Смейзерс. — Не в том дело. Прежде всего это никакая не болезнь.

Впервые Смейзерс посмотрел ему прямо в глаза — и О'Брайен невольно отвел свои. То был не просто страшный, пугающий взгляд, каким Смейзерс посмотрел раньше с больничной койки. Было так, словно... словно это вовсе и не Смейзерс. А кто-то непонятный, неведомый.

— Так вот, всему причиной микроб, но не паразитирующий в организме. А сосуществующий с ним. Это симбиоз.

— Симбиоз?

— Этот микроб вроде кишечной флоры — он полезен. Необыкновенно полезен.

О'Брайену почудилось, что Смейзерс с трудом находит нужные слова, подбирает их так старательно, будто... будто говорит с малым ребенком, несмышленищем!

— Да, верно, — сказал Смейзерс. — Но я постараюсь тебе объяснить. Микроб гнезвился в нервной системе марсиан, как кишечные бактерии гнездятся у нас в желудке и кишечнике. И те, и другие — микробы симбиотические, и те и другие помогают организму, в котором существуют, повышают его жизнедеятельность. «Микроб Белова» действует внутри нас как своего рода нервный трансформатор, он почти в тысячу раз умножает духовную мощь.

— То есть ты стал в тысячу раз умней прежнего? Смейзерс сдвинул брови.

— Трудно объяснить. Да, если угодно, в тысячу раз умней. На самом деле в тысячу раз возрастают все духовные силы и способности. Разум — только одна из них. Есть еще много других, например, способность к передаче мыслей и преодолению пространства, прежде они были ничтожны и оставались почти незамеченными. Вот, к примеру, где бы ни был Белов, мы с ним непрерывно общаемся. Он почти полностью владеет окружающей средой, и она не может физически ему повредить. Чашка, одеяла и все прочее, что так напугало тебя, летали по воздуху, когда мы стали делать первые неуклюжие опыты с нашими новыми способностями. Нам еще предстоит очень многому научиться и ко многому привыкнуть.

— Но... но... — в голове О'Брайена была такая сумятица, что он насилу ухватился за первую отчетливую мысль. — ...но все вы были так тяжело больны!

— Этот симбиоз устанавливается не так-то легко, — согласился Смейзерс. — И человеческий организм не в точности таков, как марсианский. Но теперь все это позади. Мы возвратимся на Землю, распространим там «болезнь Белова», если хочешь и дальше так это называть, и займемся исследованием времени и пространства. Хотелось бы разыскать марсиан там... в том месте, куда они переселились.

— И тогда пойдут уж такие войны, каких мы и в страшных снах не видали!

Тот, кто был прежде помощником инженера Томом Смейзерсом, покачал головой:

— Войн больше не будет. Среди тысячекратно возросших духовных способностей есть одна, связанная с тем, что можно назвать нравственными понятиями. Мы, кто прилетел сюда, в силах предотвратить любую готовую сейчас разразиться войну — и предотвратили бы. Но когда нервная система жителей Земли соприкоснется с «микробом Белова», всякая опасность минет безвозвратно. Нет, войн больше не будет.

Молчание. О'Брайен пробует собраться с мыслями.

— Что ж, — говорит он. — Не зря мы слетали на Марс, кое-что мы тут нашли, верно? И если возвращаться на Землю, я, пожалуй, пойду выверю взаимное положение планет и рассчитаю курс.

И опять еще отчетливей, чем раньше, это странное выражение в глазах Смейзерса.

— Не нужно, О'Брайен. Мы возвратимся не тем способом, каким прилетели сюда. Мы это сделаем... ну, скажем, быстрее.

— И то ладно, — нетвердым голосом сказал О'Брайен и поднялся. — А куда вы тут разработаете-

те все в подробностях, я натяну скафандр и сбегая в этот самый марсианский город. Я тоже не прочь подхватить «болезнь Белова».

Тот, кто был прежде Томом Смейзерсом, что-то проворчал. О'Брайен остановился как вкопанный. Он вдруг понял, что означает странный, пугающий взгляд, каким смотрел на него тогда Белов, а теперь Смейзерс.

В этом взгляде была безмерная жалость.

— Да, верно, — необычайно мягко и ласково сказал Смейзерс. — Ты не можешь заразиться «болезнью Белова». У тебя природный иммунитет.

Подкомиссия

Сначала явились глянцево-черные корабли, в рассчитанном беспорядке падали они с неба, сея страх, и, точно семена, опустились на просторное летное поле. Следом, будто яркие бабочки, появились медлительные цветные корабли, некоторое время парили в нерешимости и наконец сели вперемешку с грозными черными.

— Красиво! — вздохнула Сирина, отходя от окна зала заседаний. — К этому бы еще музыку.

— Похоронный марш, — сказал Торн. — Или реквием. Или унылые флейты. Скажу честно, Рина, мне страшно. Если переговоры кончатся провалом, опять начнется ад. Представляешь, пережить еще один такой же год.

— Но провала не будет! — запротестовала Сирина. — Раз уж они согласились на переговоры, конечно, они захотят договориться о мире.

— А кто продиктует условия мира? — Торн угрюмо глядел в окно. — Боюсь, нас очень легко провести. Слишком давно мы сумели наконец решить, что больше в войну не играем, и на том стояли. Мы разучились хитрить, когда-то это было необходимо в отношениях с чужими. Как знать, может быть, эта встреча просто уловка, чтобы собрать в одном месте все наше высшее командование и разом перебить.

— Нет, нет! — Сирина припала к мужу, он обнял ее за плечи. — Не могут они нарушить...

— Не могут? — Торн прижался щекой к ее макушке. — Мы не знаем, Рина. Ничего мы не знаем. У нас слишком мало сведений о них. Мы понятия не имеем об их обычаях, тем более — о том, каковы их нравственные ценности и из чего они исходили, когда приняли наше предложение о перемирии.

— Ну конечно, у них нет никаких задних мыслей. Ведь они взяли с собой семьи. Ты же сам говорил, эти яркие корабли — не военные, а семейные, правда?

— Да, они предложили, чтобы мы прибыли на переговоры со своими семьями, а они явятся со своими, но это не утешает... Они всюду берут с собой семьи, даже в бой.

— В бой?!

— Да. Во время боя семейные корабли располагаются вне досягаемости огня, но каждый раз, как мы повредим или взорвем боевой корабль, один или несколько домашних теряют равновесие и падают или вспыхивают и сгорают без следа. Похоже, это что-то вроде разукрашенных прицепов, а энергией и всем необходимым их снабжают боевые корабли. — Складки меж бровей и у губ Торна прорезались глубже, лицо стало несчастное. — Они-то этого не знают, но, уж не говоря о том, что их оружие лучше нашего, они просто вынудили нас предложить перемирие. Не можем мы и дальше сбивать боевые корабли, когда с каждой черной ракетой падают и эти разноцветные летучие домики, черт их возьми, точно цветы осыпаются. И каждый лепесток уносит жизнь женщин и детей.

Сирину пробрала дрожь, и она тесней прижалась к Торну.

— Нужно прийти к соглашению. Больше воевать невозможно. Вы должны им как-то объяснить. Уж конечно, раз мы хотим мира и они тоже...

— Мы не знаем, чего они хотят, — мрачно сказал Торн. — Это вторжение, агрессия, они пришельцы с враждебных миров, совершенно нам чуждые, — какая тут надежда найти общий язык?

Молча оба вышли из зала заседаний и, нажав кнопку, чтобы автоматически защелкнулся замок, затворили за собой дверь.

— Ой, мама, смотри! Тут стена! — Пятилетний Кроха растопырил пальцы, и его руки, точно чумазы морские звезды с закругленными лучами, распластались на зеленоватом волнистом стеклобетоне ограды десяти футов высотой; изгибаясь среди деревьев, она уходила вниз по отлогому склону холма. — Откуда стена? Зачем? Как же нам дойти на пруд играть с золотыми рыбками?

Сирина тронула ограду.

— Гостям, которые прилетели на красивых кораблях, тоже надо где-то гулять и играть. Вот инженерный батальон и огородил для них место.

— А почему меня не пустят играть у пруда? — нахмурился Кроха.

— Они не знают, что ты хочешь там играть.

— Так я им скажу! — Кроха задрал голову. — Эй, вы! — закричал он изо всех сил, даже кулаки сжал и весь напрягся. — Эй! Я хочу играть у пруда!

Сирина засмеялась.

— Тише, Кроха! Даже если они тебя и услышат, так не поймут. Они прилетели очень издалека. Они не говорят по-нашему.

— А может, мы бы с ними поиграли, — задумчиво сказал малыш.

— Да, — вздохнула Сирина, — может быть, вы и могли бы поиграть. Если бы не ограда. Но понимаешь, Кроха, мы не знаем, что они за... народ. Не знаем, захотят ли они играть. Может быть, они... нехорошие.

— А как узнать, если стенка?

— Мы и не можем узнать, раз тут огорожено, — сказала Сирина.

Они продолжали спускаться с холма, Кроха все вел ладонью по ограде.

— Может, они плохие, — сказал он наконец. — Может, они совсем гадкие, вот женерный тальон и выстроил для них клетку... бо-оль-шую клетку! — Он вскинул руки по стене, насколько мог дотянуться. — По-твоему, у них хвосты?

— Хвосты? — засмеялась Сирина. — С чего ты взял?

— Не знаю. Они очень издалека. Вот бы мне хвост... длинный, мохнатый и чтоб загибался!

И Кроха усердно завертел попкой.

— Зачем тебе хвост?

— Очень удобно, — с важностью сказал Кроха. — Лазать по деревьям... и закрывать шею, когда холодно!

Они спустились к подножью холма.

— Почему здесь нет других детей? — спросил Кроха. — Мне не с кем играть.

— Ну, это трудно объяснить, — начала Сирина, ступая по узкой кромке вдоль русла давно пересохшего ручейка.

— А ты не ясняй. Просто скажи.

— Видишь ли, на больших черных кораблях сюда прилетели линженийские генералы совещаться с генералом Уоршемом и с другими нашими генералами. А на красивых круглых кораблях они привезли свои

семьи. Вот и наши генералы взяли с собой семьи, но у всех наших генералов дети уже взрослые. Только ты один у нашего папы маленький. Поэтому тебе и не с кем играть.

Если бы все и правда было так просто, подумала Сирина; опять нахлынула усталость, нелегко дались эти недели словопрений и ожидания.

— А-а, — задумчиво протянул Кроха. — Значит, там, за стеной, тоже есть дети, да?

— Да, наверно, там есть маленькие линженицы. Пожалуй, можно их называть детьми.

Кроха соскользнул на дно пересохшего ручейка, растянулся на животе. Прижался щекой к песку и попробовал заглянуть в щелку под оградой там, где она пересекала бывшее русло.

— Никого не видно, — сказал он, разочарованный.

И они стали подниматься обратно к дому; на ходу Кроха вел ладонью по стене, она отзывалась чуть слышным шорохом. Скоро уже и их двор.

— Мапочка!

— Что, Кроха?

— Это стена, чтобы их не выпускать, да?

— Да, — сказала Сирина.

— А, по-моему, не так, — сказал Кроха. — По-моему, это она меня не впускает.

Следующие несколько дней Сирина мучилась из-за Торна. Лежала рядом с ним в темноте и молилась, а он беспокойно метался, даже во сне искал выход из тупика.

Плотно сжав губы, она уносила тарелки с едой, к которой он так и не притронулся, варила еще и еще кофе. С надеждой летела мыслью за ним, когда, полный надежд и решимости, он выходил из дому, и

печально сникала, когда он, возвратясь, приносил с собою дух все более глубокого, безысходного отчаяния. А в промежутках старалась развлечь сынишку, в долгие солнечные дни позволяла свободно бегать по жилому кварталу военного городка, а вечерами побольше с ним играла.

Однажды вечером Сирина укладывала волосы в высокую прическу и при этом вполглаза следила, как сын плещется в ванночке. Он набрал пригоршни мыльной пены и облепил щеки и подбородок.

— Бреюсь, как папа, — бормотал он. — Бреюсь, бреюсь, бреюсь. — Указательным пальцем смахнул пену. Опять набрал полные горсти и облепил все лицо. — А теперь я Дувик. Весь мохнатый, как Дувик. Смотри, мамочка, я весь...

Он открыл глаза, хотел проверить, смотрит ли она. И пришлось повозиться с ним, пока глаза не перестало щипать. Наконец слезы смыли следы бедствия. Сирина села и начала растирать успокоенное маленькое тело мохматым полотенцем.

— Дувик бы тоже заплакал, если б мыло попало ему в глаза, — напоследок всхлипнул Кроха. — Правда, мамочка?

— Дувик? Наверно заплакал бы, — согласилась Сирина. — Когда мыло ест глаза, всякий заплачет. А кто это — Дувик?

Сын весь напрягся у нее на коленях. Отвел глаза.

— Мамочка, а завтра папа будет со мной играть?

— Может быть. — Она ухватила его мокрую ногу. — Кто такой Дувик?

— А можно мне сегодня на сладкое розовое печенье? Я люблю розовое...

— Кто такой Дувик? — спросила Сирина потверже.

Кроха окинул критическим взором палец на ноге, потом искоса глянул на мать.

— Дувик... Дувик — мальчик.

— Вот как? Игрушечный мальчик?

— Не игрушечный, — прошептал Кроха и потупился. — Настоящий мальчик, линженийский.

Сирина изумленно ахнула, и Кроха заторопился, теперь он смотрел ей прямо в глаза.

— Он хороший, мамочка, честное слово! Он не говорит плохие слова, и неправду не говорит, и не дерзит своей маме. Он бежит быстро, как я... а если я споткнусь, он меня обгонит. Он... он... — Кроха опять потупился. Губы его задрожали. — Он мне нравится...

— Где же... как... ведь стена... — От ужаса Сирина растеряла все слова.

— Я выкопал дырку, — признался Кроха. — *Под* стеной, где песок. Ты ведь не говорила, что нельзя! Дувик пришел играть. И его мама пришла. Она красивая. У нее шерстка розовая, а у Дувика такая славная, зеленая. Всюду, всюду шерстка! — с восторгом продолжал Кроха. — И под одежкой тоже! Только нос без шерсти, и глаза, и уши, и еще ладошки!

— Кроха, да как ты мог! Вдруг бы тебе сделали больно! Вдруг бы они...

Сирина крепко прижала к себе сынишку, чтобы он не увидел ее лица. Кроха вывернулся из ее рук.

— Дувик никому не сделает больно! И знаешь что, у него нос закрывается! Сам закрывается! Он умеет закрывать нос и складывать уши! Вот бы мне так! Очень удобно! Зато я больше, и я умею петь, а Дувик не умеет. Зато он умеет свистеть носом, а у меня не получилось, только высморкался. Дувик хороший!

Сирина помогает малышу надеть пижаму, а в мыслях сумятица. И мороз по коже. Как теперь быть? Запретить Крохе лазить под ограду? Держать подаль-

ше от опасности, которая, быть может, только затаилась и ждет? Что скажет Торн? Рассказать ли ему? Вдруг это лишь ускорит столкновение, от которого...

— Кроха, сколько раз ты играл с Дувиком?

— Сколько? — Кроха напыжился. — Сейчас посчитаю, — важно сказал он и минуту-другую что-то бормотал и шептал, перебирая пальцами. И объявил с торжеством: — Четыре раза! Один, два, три, целых четыре раза.

— И ты не боялся?

— Не-е! — И поспешно прибавил. — Ну, только в первый раз, немножечко. Я думал, может, у них хвосты, и они хвостом возьмут за шею и задушат. А хвостов нет. — В голосе разочарование. — Просто они одетые, как мы, а под одежкой шерсть.

— Значит, ты и маму Дувика тоже видел?

— Конечно, — сказал Кроха. — В первый день она там была. Они все собрались вокруг меня, а она их прогнала. Они все большие. Детей нет, один Дувик. Они немножко толкались, хотели меня потрогать, а она им велела уйти, и они ушли, осталась только она с Дувиком.

— Ох, Кроха! — вырвалось у Сирины, в страхе она представила эту картину: стоит маленький Кроха, а вокруг теснятся взрослые линженицы и хотят его «потрогать».

— Ты что, мамочка?

— Ничего, милый. — Она провела языком по пересохшим губам. — Можно, когда ты опять пойдешь к Дувiku, я тоже с тобой пойду? Я хочу познакомиться с его мамой.

— Да, да! — закричал Кроха. — Давай пойдем! Давай сейчас пойдем!

— Не сейчас. — Она еще не оправилась от страха, дрожали коленки. — Уже поздно. Мы пойдем к ним

завтра. И вот что, Кроха, пока ничего не говори папе. Потом будет ему сюрприз.

— Ладно, мамочка. Это хороший сюрприз. Да? Я тебя очень-очень удивил, да?

— Да, конечно, — сказала Сирина. — Очень-очень удивил.

На другой день Кроха, присев на корточки, внимательно осмотрел дыру под оградой.

— Она немножко маленькая, — сказал он. — Вдруг ты застрянешь.

Сирина чувствовала, сердце вот-вот выскочит, однако засмеялась.

— Не очень это будет красиво, правда? Пришла в гости и застряла в дверях...

Засмеялся и Кроха.

— Будет чудно, — сказал он. — Лучше пойдем поищем настоящую дверь.

— Нет-нет, — поспешно возразила Сирина. — Мы сделаем эту пошире.

— Ага. Я позову Дувика, он поможет копать.

— Прекрасно. — У Сирины перехватило горло. Испугалась маленького, мелькнула мысль. И тут же оправдание: испугалась линженица... агрессора... захватчика. Кроха распластался на песке и проскользнул *под* оградой.

— Ты копай! — крикнул он. — Я сейчас!

Сирина стала на колени, запустила руки в песок — сухой, он поддавался так легко, что она стала отгребать его уже не ладонями, а обеими руками во весь хват.

А потом донесся отчаянный крик Крохи.

На мгновенье Сирина оцепенела. Сын опять закричал, ближе, и она поспешно, лихорадочно отгребла кучу песка. И стала протискиваться в отверстие, песок набивался в ворот блузки, спину ободрало

нижним краем ограды. Из кустов пулей вылетел Кроха.

— Дувик! Дувик утонул! — кричал он, захлебываясь плачем. — Он в пруду! Под водой! Мне его не достать! Мама, мамочка!

Сирина на бегу схватила руку сына и, спотыкаясь, таща его за собой, побежала к пруду с золотыми рыбками. Перегнулась через низенький бортик, во взбаламученной воде мелькнули густой зеленый мех и испуганные глаза. Не промешкав и секунды — лишь отбросила подальше Кроху, даже вдохнуть толком не успела, — Сирина нырнула. Вода жгла ноздри, Сирина слепо шарила в мутной тьме, а маленькие руки и ноги трепыхались, выскальзывали и никак ей не давались. Наконец она вынырнула, задыхаясь и отплеываясь, толкая перед собою все еще отбивающегося Дувика. Кроха схватил его, потянул к себе, Сирина с трудом перевалилась через бортик и упала боком на Дувика.

Тут раздался крик еще громче и отчаянней, Сирина яростно отшвырнули прочь, а Дувика подхватили чьи-то ярко-розовые руки. Сирина отвела пряди намокших волос, подняла глаза — на нее враждебно, в упор ярко-розовыми глазами смотрела мать Дувика.

Сирина отодвинулась поближе к Крохе, прижала его к себе, не отрывая взгляда от линженийки. Розовая мать тревожно ощупывала зеленого ребенка с ног до головы, и Сирина как-то отрешенно отметила — а ведь Кроха ни разу не упомянул, что у Дувика глаза одного цвета с шерсткой и между пальцами ног перепонки.

Перепончатые лапки! Ее разобрал почти истерический смех. О Господи! Неудивительно, что мать Дувика не поняла и перепугалась.

— Ты умеешь говорить с Дувиком? — спросила она плачущего Кроху.

— Не умею! — сквозь рыдания ответил сын. — Играть и так можно.

— Перестань плакать, Кроха. Помоги мне, подумаем вместе. Мама Дувика думает, что мы хотели сделать ему больно. В пруду он бы не утонул. Помнишь, нос у него сам закрывается, и он умеет складывать уши. Как нам объяснить его маме, что мы не хотели ему сделать ничего плохого?

— Ну... — Кроха провел кулачком по щекам, размазывая слезы, — давай мы его обнимем...

— Это не годится, Кроха. — Сирина похолодела от страха, за кустами мелькали новые яркоокрашенные фигуры, они приближались... — Боюсь, она не позволит нам его тронуть.

На минуту подумалось — не попробовать ли сбегать через ту дыру под оградой, но Сирина перевела дух и постаралась овладеть собой.

— Давай сделаем понарошку, Кроха, — сказала она. — Покажем Дувикиной маме, как мы подумали, что он тонет. Ты упали в пруд, а я тебя вытащу. Ты понарошку утони, а я... я стану плакать.

— Ты уже и так плачешь, — сказал Кроха, и его рожица покривилась.

— Просто я упражняюсь. — Сирина постаралась сдерживать дрожь в голосе. — Ну, давай.

Кроха замешкался, вода всегда так влекла его, а тут решимость ему изменила. Сирина вдруг вскрикнула, испуганный Кроха потерял равновесие и свалился с бортика. Сирина ухватила его прежде, чем он с головой ушел под воду, и вытащила, изо всех сил изображая ужас и отчаяние.

— Замри, — яростно прошептала она. — Не шевелись, ты умер!

И Кроха так убедительно обмяк у нее на руках, что ее стоны и горестные возгласы оказались при-

творными лишь наполовину. Она склонилась над недвижимым телом сынишки и раскачивалась взад и вперед — воплощение скорби.

Чья-то рука опустилась ей на плечо, она подняла голову и встретила взглядом с линженишкой. Они долго смотрели в глаза друг другу, потом линженишка улыбнулась, показав белые ровные зубы, и мохнатая розовая рука погладила Кроху по плечу. Он тотчас раскрыл глаза и сел. Из-за спины матери выглядывал Дувик, миг — и малыши уже катятся в обнимку по земле, весело борются и кувыркаются под ногами нерешительно застывших матерей. Среди всех тревог и страхов Сирина нашла в себе силы засмеяться дрожащим смешком, и мать Дувика тихонько засвистела носом.

В ту ночь Торн закричал во сне, и его крик разбудил Сирину. Она лежала в темноте, а в мыслях, будто огонек свечи, трепетала все та же неизменная мольба. Тихонько соскользнула она с постели и пошла в полутемную детскую взглянуть, как спит Кроха. Потом опустилась на колени, выдвинула нижний ящик комода. Погладила чуть отсвечивающие складки спрятанной здесь линженишской ткани — линженишка дала ей это полотнище завернуться, пока не высохла намокшая в пруду одежда. Сирина отдала взамен свою кружевную сорочку. Сейчас она ощущала под пальцами выпуклый узор и вспоминала, какой он был красивый при свете солнца. А потом солнце погасло, и ей привиделось: взорвался черный боевой корабль — и тотчас же рухнул, объятый огненной смертью, жилой корабль, с треском обугливаются розовые, зеленые, желтые яркие шкурки, съеживаются узорчатые ткани перед последней вспышкой пламени. Сирина уронила голову в ладони, ее затрясло.

А потом перед глазами сверкнул серебристый корабль — он чернеет, плавится, зловещие капли уносятся в пустоту космоса. И так явственно послышался плач осиротевшего Крохи, что она рывком захлопнула ящик и опять подошла взглянуть на мирную спящую рожицу, безо всякой необходимости подоткнула одеяло.

Когда она вернулась в спальню, Торн лежал на спине, закинув руки за голову, локти торчали углами.

— Не спишь? — Сирина присела на край кровати.

— Нет. — Голос такой, будто задели туго натянутую проволоку. — Мы в тупике. Каждая сторона предлагает кое-какие мысли — держит этакий аккуратненький обруч, а другая нипочем не хочет через него прыгать. Мы хотим мира, но, видно, никак не можем им это внушить. Они хотят чего-то от нас, но не говорят толком чего — видно, боятся непоправимо выдать себя и оказаться в нашей власти, а если не получают, что им надо, и мира не будет. Ну как распутать этот узел?

— Если бы они просто улетели...

Сирина села на постели, подобрав ноги, обхватила руками тоненькие щиколотки.

— Вот это как раз мы выяснили, — с горечью сказал Торн. — Улетать они не желают. По вкусу это нам или нет, но они здесь останутся.

— Торн, — внезапно прервала Сирина сумрачное молчание. — А почему бы нам просто не принять их по-доброму? Почему просто не сказать: приходите к нам! Они странники, пришли издалека. Разве мы не можем оказать гостеприимство...

Торн нетерпеливо дернулся на подушке.

— Звучит так, будто издалека — это просто из соседнего штата... или из соседней страны.

— Не говори мне, пожалуйста, что мы вернулись к старой формуле «чужой — значит враг». — От вол-

нения голос Сирины прозвучал резко. — Неужели нельзя допустить, что они настроены дружелюбно? Навестить их... побеседовать попросту...

— Дружелюбно! — Торн порывисто сел, отбросил сбившееся одеяло. — Навестить! Побеседовать! — Он задохнулся, умолк. Потом продолжал с грозным спокойствием: — Может быть, тебе угодно навестить вдов наших людей, которые навещали дружелюбных линженинцев? Людей, чьи корабли сбиты без предупреждения...

— Их корабли тоже сбиты без предупреждения, — с тихим упрямством возразила Сирина. — Так же, как наши. Кто стрелял первым? Скажи по совести, ведь этого никто не знает наверняка.

Короткое напряженное молчание, потом Торн медленно лег, повернулся к жене спиной и не вымолвил больше ни слова.

Теперь я уже ничего не могу ему сказать, пожаловалась Сирина своей смятой подушке. Узнай он про ту дырку под оградой, он умрет.

После этого несколько дней Сирина уходила из дому вместе с Крохой, и дыра под оградой становилась все шире.

Мать Дувика (Кроха называл ее миссис Роза) учила Сирину вышивать по великолепным тканям вроде той, которую дала ей после купанья в пруду. В ответ Сирина учила миссис Роза вязать. По крайней мере начала учить. Показала, как вывязывать лицевые и изнаночные петли, прибавлять и убавлять, и тут миссис Роза взяла у нее вязанье — и Сирина только рот раскрыла, глядя, как молниеносно заработали поросшие розовой шерсткой пальцы. Вот глупая, с чего она вообразила, будто миссис Роза ничего этого не умеет! Однако их тесным кружком обступили другие линженинцы, шупали вязанье, что-то восклицали

мягкими флейтовыми голосами — похоже, никогда раньше они ничего такого не видели. Клубок шерсти, который принесла с собой Сирина, скоро кончился, но миссис Рози принесла мотки плотной крученой нити, какую линженижки расплетали для своего вышиванья, и взглянув бегло на образцы в Сирином альбоме, принялись вязать из этой блестящей линженижской нитки.

Скоро улыбок и жестов, смеха и посвистывания уже не хватало. Сирина раздобыла записи линженижской речи — скудные обрывки — и стала их изучать. Помогали они мало, этот словарь не очень-то подходил для вопросов, какие ей хотелось обсудить с миссис Рози и другими линженижками. Но в тот день, когда она выговорила и высвистала для миссис Рози свои первые слова по-линженижски, миссис Рози, запинаясь, сказала первую фразу на языке людей. Они наперебой смеялись и свистели и принялись показывать знаками и называть и догадками перекидывать мостки через провалы непонимания.

К концу недели Сирина чувствовала себя преступницей. Им с Крохой жилось так интересно и весело, а Торн с каждого заседания приходил все более замученный и усталый.

— Они невыносимы, — ожесточенно сказал он однажды вечером и подался вперед в кресле, пригнулся, будто готовый к прыжку. — Мы ничего не можем от них добиться.

— А чего они хотят? — спросила Сирина. — Они до сих пор не сказали?

— Я не должен был рассказывать... — Торн устало откинулся на спинку кресла. — А, да какая разница. Все идет прахом!

— Ох, нет, Торн! Они же разумные, человеческие... — Под изумленным взглядом мужа Сирина

спохватилась, докончила запинаясь: — Разве нет? Разве не так?

— Человечные? Это скрытные, враждебные чужаки. Мы им объясняем, объясняем до хрипоты, а они пересвистываются друг с другом и отвечают только да или нет. И точка.

— А понимают ли они...

— У нас имеются переводчики, уж какие ни на есть. Не слишком хорошие, но лучших взять неоткуда.

— А все-таки, чего линженицы от нас хотят?

Торн коротко засмеялся.

— Насколько мы могли понять, они просто-напросто хотят получить наши океаны и прибрежные земли.

— Да нет же, Торн, неужели они так безрассудны!

— Ну, сказать по совести, мы не уверены, что они именно этого добиваются, но они опять и опять заговаривают про океаны, а когда мы спрашиваем напрямик — вам наши океаны нужны? — они высвистывают отказ. Невозможно нам понять друг друга. — Торн тяжело вздохнул. — Ты ведь не знаешь их так, как мы, Рина.

— Нет, — горестно сказала Сирина, — так, как вы, не знаю.

Назавтра, со своей тревогой, с Крохой и с корзинкой снеди, она вновь отправилась к лазейке у подножия холма. Накануне миссис Рози угощала их полдником, сегодня очередь Сирины. Они уселись в кружок на траве, и Сирина, скрывая беспокойство, так же дружески посмеялась над миссис Рози, впервые отведавшей маслину, как смеялась над ней накануне миссис Рози, когда Сирина впервые откусила *пирвит*, — наверно, забавно она выглядела: и проглотить боязно, и выплюнуть совестно.

Кроха и Дувик дружно потянулись к лимонному тарту со взбитыми сливками, предназначенному на сладкое.

— Не трогай торт, Кроха, — сказала Сирина, — он будет после всего.

— Мы только пробуем мягкое сверху, — сказал Кроха, на верхней губе у него при каждом слове подрагивал белый комочек.

— Пробовать будешь потом. Достань-ка яйца. Наверно, Дувик их тоже никогда не ел.

Кроха стал рыться в корзинке, а Сирина достала большую дорожную солонку с дырчатой крышкой.

— Вот они, яйца! — закричал Кроха. — Дувик, смотри, сперва надо разбить скорлупу...

Сирина стала посвящать миссис Рози в тайну крутых яиц, все шло легко и просто, пока она не посыпала облупленное яйцо солью. Миссис Рози подставила руку, и Сирина насыпала ей в горсть несколько крупинок. Миссис Рози попробовала их на вкус.

Она тихо, изумленно засвистела, попробовала опять. Робко потянулась к солонке. Сирина улыбнулась и дала солонку. Миссис Рози насыпала в ладонь еще немножко, пыталась заглянуть в дырочки. Сирина сняла крышку и показала соль внутри.

Долгую минуту миссис Рози смотрела на белые крупинки, потом громко, пронзительно засвистела. Сирина растерянно отшатнулась — из всех кустов будто ветром вынесло линжениек. Они теснились вокруг миссис Рози, во все глаза смотрели на солонку, подталкивали друг друга, тихонько посвистывали. Одна помчалась прочь и тотчас принесла высокий сосуд с водой. Медленно, осторожно миссис Рози высыпала соль с ладони в воду, перевернула вверх дном солонку. Помешала воду веткой, которую кто-то сорвал с куста. Едва соль растворилась,

линженийки выстроились в очередь. Каждая подставляла сложенные чашкой ладони и, словно причастие, получала полные пригоршни соленой воды. И каждая поскорей, чтобы не выронить ни капли, подносила этот дар к лицу и глубоко вдыхала, втягивала соленую воду.

Миссис Рози причастилась последней, и, когда подняла мокрое лицо, глаза ее сияли так благодарно, что Сирина едва удержалась от слез. Десятки линжений окружили ее и наперебой спешили коснуться мягким указательным пальцем ее щеки — Сирина уже знала, это означает «спасибо».

Когда толпа опять растаяла в тени кустов, миссис Рози села, с нежностью погладила солонку.

— Соль, — сказала Сирина и показала на солонку.

— *Шриприл*, — сказала миссис Рози.

— *Шриприл*? — повторила Сирина, ей не удалось выговорить непривычное слово так мягко и плавно.

Миссис Рози кивнула.

— *Шриприл* хорошо? — спросила Сирина, пытается понять, что же произошло.

— *Шриприл* хорошо, — подтвердила миссис Рози. — Нету *шриприл* — нету ребенок линжени. Дуви... Дуви... — Она замешкалась в поисках нужного слова. — Один Дуви... ребенок нету. — И покачала головой, бессильная перед этим провалом в познаниях.

Сирина тоже подыскивала слова, ей казалось, она почти уловила мысль. Она вырвала пучок травы.

— Трава, — сказала она. И подбросила еще пучок. — Больше травы. Больше. Больше.

Трава ложилась холмиком. Миссис Рози посмотрела на траву, потом на Сирину.

— Не *больше* маленький линжени. Дуви... — Она разделила сорванную траву на совсем маленькие

дольки. — Ребенок, ребенок, ребенок, — досчитала до последней кучки, с нежностью помедлила. — Дуви.

— О-о, — протянула Сирина. — Дуви последний линженийский ребенок? Больше нету?

Миссис Рози мысленно перебрала каждое услышанное слово и кивнула:

— Да, да! Больше нету. Нету *шриприл* — нету ребенок.

Сирина встрепенулась, пораженная догадкой. Быть может... быть может, из-за этого и война. Быть может, им просто нужна соль. Для них она бесценное сокровище. Быть может...

— Соль, *шриприл*, — заговорила она. — Больше, больше, больше *шриприл* — линжени уйдут домой?

— Больше, больше, больше *шриприл* — да, — сказала миссис Рози. — Уйдут домой — нет. Дом нет. Дом нехорошо. Нет вода, нет *шриприл*.

— Вот оно что... — Сирина призадумалась. — Больше линжени? Больше, больше, больше?

Миссис Рози посмотрела на нее, внезапно обе умолкли, каждую молнией поразила та же мысль — другая из вражеского лагеря! Сирина попыталась улыбнуться. Миссис Рози оглянулась на Дувика и Кроху, те с упоением пробовали подряд всю снедь из корзинки. И ей стало спокойнее. Чуть помедлив, она сказала:

— Нету больше линжени. — И показала на летное поле, заполненное черными и разноцветными кораблями. — Линжени. — Сжала руки, ладонь к ладони, и сникла, устало опустили плечи. — Нету больше линжени.

Сирина застыла, ошеломленная. Знало бы наше верховное командование! Нету больше линженийцев

с их грозным, сокрушительным оружием. Только и есть те, что приземлились, — нигде не выжидает чуждый мир, готовый прислать новые силы, когда не станет вот этих кораблей. Их не станет — и совсем не станет линженинцев. Только и нужно стереть с лица Земли вот эти корабли, пусть ценою тяжких, неизбежных потерь, — и генералы выиграют войну... и уничтожат целый народ.

Должно быть, линженинцы явились искать — или потребовать — прибежища. Соседи, которые побоялись просить... а может, им не дали времени попросить. С чего началась война? Кто в кого стрелял первый? Знает ли кто-нибудь наверняка?

Неуверенность эту Сирина принесла домой вместе с пустой корзинкой. *Рассказать, рассказать, рассказать*, шептала под ногами трава, пока она поднималась на холм. Расскажи — и кончится война. Но чем кончится, как?! — мысленно вскрикнула Сирина. Уничтожим мы их или приютим? Как? Как?

Убить, убить, убить, скрипело под ногами, когда она ступила на усыпанный гравием внутренний двор. *Убить чужаков... ничего с ними общего... не люди... сколько наших пало смертью храбрых.*

А сколько их пало смертью храбрых? В сбитых, объятых пламенем кораблях... неприютные... обездоленные... лишенные детей?

Сирина дала Крохе новую игру-головоломку и книжку с картинками и ушла в спальню. Села на кровать, остановившимся взглядом встретила свое отражение в зеркале.

Но дай им соленой воды, и их станет больше... и отдать все наши океаны, хоть они и говорят, что океаны не годятся. Их станет больше, больше, и они захватят наш мир... оттеснят нас... вытеснят... подавят.

А их мужчины... и наши. Вторую неделю совещаются и никак не сговорятся. Где же им сговориться! Они боятся выдать себя друг другу. В сущности, ничего они друг о друге не знают. Они и не пробовали узнать хоть что-то по-настоящему важное. Ручаюсь, никто из наших мужчин понятия не имеет, что линжениец умеет сомкнуть ноздри и сложить уши. И ни один линжениец понятия не имеет, что мы посыпаем нашу еду тем, без чего они вымирают.

Сирина не представляла себе, сколько времени она так просидела; наконец ее разыскал Кроха и потребовал ужина, а потом она потребовала, чтобы он лег спать.

Она чуть с ума не сошла от сомнений, пока не вернулся домой Торн.

— Ну вот, — сказал он, устало опускаясь в кресло. — Почти уже кончено.

— Кончено! — В Сирине вспыхнула надежда. — Значит, вы достигли...

— Тупика мы достигли, мертвой точки, — угрюмо сказал Торн. — Завтра встречаемся в последний раз. Еще одно окончательное «нет» с обеих сторон — и крышка. Опять начнется кровопролитие.

— Ох, нет, Торн, нет! — На миг Сирина зажала рот стиснутым кулаком. — Нельзя нам больше их убивать. Это бесчеловечно! Это...

— Это самозащита, — резко, с возмущением оборвал ее Торн. — Пожалуйста, Рина, на сегодня хватит. Избавь меня от твоего прекраснотушия. Мы и так слишком неопытны в переговорах с противником, это наши враги, а не милые домашние кошечки и собачки. Идет война, и мы должны победить. Толькопусти к нам линженийцев, и они захватят всю Землю, станут кишеть как мухи!

— Нет, нет, — прошептала Сирина, в ней всколыхнулись все тайные страхи, слезы так и хлынули. — Ничего они не захватят! Не захватят! Неужели?

Давно уже ровно дышал рядом спящий Торн, а Сирина все лежала без сна, глядя в невидимый во тьме потолок. И на грифельной доске темноты старательно выводила слово за словом.

Рассказать — и война кончится.

Либо мы поможем линженейцам... либо их уничтожим.

Промолчать. Переговоры прервутся. Опять будет война.

Мы понесем тяжкие потери — а линженейцев уничтожим.

Миссис Рози мне верит.

Кроха любит Дувика. И Дувик его любит.

Потом слабый огонек-мольба, который едва не погасили мучительные сомнения, вновь ярко вспыхнул, и Сирина уснула.

Наутро она отослала Кроху поиграть с Дувиком.

— Играйте у пруда с золотыми рыбками, — сказала она. — Я скоро приду.

— Ладно, мамочка. А ты принесешь пирожных? — лукаво спросил Кроха. — Дувик с у-до-воль-ствием ест пирожные.

Сирина рассмеялась.

— Один мой знакомый Кроха тоже с у-до-воль-ствием ест пирожные. Беги, лакомка! — И она шлепком вытолкнула его из дверей.

— До свиданья, мамочка! — крикнул он на бегу.

— До свиданья. Будь умницей.

— Буду.

Сирина следила за сынишкой, пока он не скрылся под холмом, потом пригладила волосы, облизнула

пересохшие губы. Шагнула было к спальне, круто повернулась и пошла к парадной двери. Встретясь она взглядом хотя бы только со своим отражением в зеркале, решимость ей изменит. Она постояла, держась за ручку двери; — смотрела, как ползет стрелка, отмеряя нескончаемые пятнадцать минут... теперь Кроха наверняка за оградой... Сирина распахнула дверь и вышла из дому.

Улыбка послужила ей пропуском из жилого квартала к зданию штаба. Изобразив на лице деловитую уверенность, она прошагала к крыльцу, где шли переговоры, и тут мужество ей изменило. Она медлила вне поля зрения часовых, сжимала руки, собираясь с духом. Потом расправила складки платья, провела рукой по волосам, из каких-то потаенных источников силы извлекла подобие улыбки и тихонько, на цыпочках ступила в вестибюль.

И вмиг ощутила колющие взгляды часовых, будто бабочку накололи на булавку. Прижала палец к губам, призывая к молчанию, и на цыпочках подошла.

— Здравствуйте, Тернер. Привет, Франивери, — прошептала она.

Стражи переглянулись, и Тернер негромко прохрипел:

— Вам сюда не положено, мэм. Пожалуйста, уходите.

— Я знаю, что не положено. — Сделать виноватое лицо было совсем нетрудно. — Но, Тернер, я... мне так хочется посмотреть на линженинцев! — Тернер уже открыл рот, но она не дала ему вымолвить ни слова: — Да, конечно, фотографии я видела, но мне ужасно хочется увидеть живого, настоящего. Я только одним глазком, можно? — Она скользнула поближе к двери. — Только загляну в щелку, тут ведь приоткрыто!

— Приоткрыто, верно, такой приказ, — отрубил Тернер. — Но, мэм, нам не велено...

— Одним глазком? — упрашивала Сирина, сунув палец в щель, — Я тихо, как мышка.

Она осторожно, чуть-чуть расширила щелку, рука ее прокралась внутрь, нащупала ручку, кнопку автоматического замка.

— Но, мэм, отсюда вам все равно их не увидеть.

Сирина рванула дверь, молнией метнулась внутрь, нажала кнопку и захлопнула дверь, почудилось — позади прокатился гром, потрясший все здание. Не дыша, боясь думать, она промчалась через приемную в зал заседаний. И в испуге, споткнувшись, замерла, обеими руками ухватила за спинку подвернувшегося на дороге стула, ощутила на себе взгляды всех, кто тут был. Торн порывисто встал — суровый, властный, словно закованный в броню, не узнать его.

— Сирина! — крикнул, будто не поверил глазам. И снова поспешно сел.

Сирина шла, огибая стол, упорно отводя взгляд от чужих пронизывающих взглядов — в нее впивались глаза голубые и карие, черные и желтые, зеленые и лиловые. Дошла до конца, повернулась, пугливо оглядела блестящую пустыню огромного стола.

— Господа... — Голос был еле слышен. Сирина откашлялась. — Господа!

И увидела: генерал Уоршем сейчас заговорит, лицо у него жесткое, незнакомое, слишком тяжело бремя ответственности. Сирина оперлась ладонями на полированную поверхность стола.

— Вы собираетесь прекратить переговоры, да? Вы сдаетесь!

Переводчики направили в ее сторону микрофоны, их губы зашевелились в такт ее словам: — О чем

вы тут все время говорили? О пушках? О сражениях? Подсчитывали потери? Дескать, если вы с нами поступите вот так, мы вам ответим эдак? Не знаю! — Она помотала головой, ее передернуло. — Не знаю я, как совещаются на высшем уровне. Знаю только, что я учила миссис Рози вязать и показала, как резать лимонный торт... — Она видела, переводчики в недоумении листают свои справочники. — И я уже знаю, зачем они прилетели и что им нужно!

Сирина сморщила губы и с грехом пополам то ли просвистала, то ли выдохнула по-линженийски:

— Дуви ребенок линжени. Только Дуви, больше нету!

При имени Дуви один из линженийцев вздрогнул и медленно поднялся, вырос над столом — большой, весь лиловый. Переводчики опять лихорадочно рылись в словарях. Сирина понимала, они ищут, что значит линженийское «ребенок». На совещаниях генералов о детях не говорится.

Лиловый линжениец медленно заговорил, но Сирина покачала головой:

— Я мало знаю линженийский.

Рядом кто-то прошептал:

— Что вы знаете о Дуви?

Ей сунули наушники. Трясущимися руками Сирина их надела. Почему ей позволяют говорить? Почему генерал Уоршем позволил ей вот так прервать совещание?

— Я знакома с Дуви, — заторопилась она. — И с матерью Дуви знакома. Дуви играет с Крохой... с моим сыном, с маленьким сынишкой.

За столом поднялся негромкий говор, и Сирина стиснула руки, опустила голову. Тот линжениец опять заговорил, и наушники пробормотали жестяным голосом:

— Какого цвета мать Дуви?

— Розовая.

Опять торопливо листаются словари в поисках: розовая... розовая. Наконец Сирина приподняла подол платья, показала краешек ярко-розовой комбинации.

Линжениец кивнул и сел.

— Сирина. — Голос генерала Уоршема так спокоен, как будто они просто беседуют, сидя вечером во дворе. — Чего вы, собственно, хотите?

Мгновенье Сирина не решалась посмотреть на него, потом вскинула голову.

— Торн сказал, что сегодня последний день переговоров. Что обе стороны скажут «нет». Что у нас с линженийцами нет ничего общего и мы никогда не сможем понять друг друга и прийти к соглашению.

— А по-вашему, сможем? — мягко спросил генерал Уоршем и этим оборвал движение в зале, где все всколыхнулось, когда так внезапно обнажены были общие тщательно скрываемые мысли.

— Сможем, я знаю. Между нами гораздо больше сходства, чем различий, и это просто глупо — столько времени сидеть тут и попрекать друг друга тем, в чем мы расходимся, и даже не попробовать найти хоть какое-то сходство. А по самой сути мы такие же... мы одинаковые... — Она запнулась. — Перед Богом мы все одинаковы. (Ну конечно же, переводчикам не найти слова «Бог»!) И я думаю, мы должны уделить им хлеба и соли и оказать гостеприимство. — Сирина слабо улыбнулась. — На их языке соль — *шриприл*.

Среди линженийцев волной прошло приглушенное пересвистывание, а тот, лиловый, привстал было, но снова сел.

Генерал Уоршем бросил на лилового оценивающий взгляд, поджал губы.

— Но существуют различия...

— Различия! — вскипела Сирина. — Нет таких различий, которые не сгладятся, если два народа по-настоящему узнают друг друга.

Он окинула взглядом сидящих за столом и с безмерным облегчением увидела, что лицо Торна смягчилось.

— Идемте со мной, — настойчиво сказала она. — Идем, посмотрите на Дувика с Крохой, на двух малышей — линженица и нашего, на тех, кто еще не выучился подозрительности и страхам, ненависти и предрассудкам. Объявите... перерыв, или перемирие, или как там полагается и пойдете со мной. Вот увидите детей, увидите миссис Розы за вязаньем, обсудим все в семейном кругу, тогда... Ну, если вы и после этого решите, что вам надо воевать, тогда уж...

Она развела руками.

Начали спускаться с холма, у Сирины подкашивались ноги, и Торну пришлось ее поддерживать.

— Ох, Торн, — зашептала она чуть не со слезами — я ведь не думала, что они пойдут. Думала, меня расстреляют, или арестуют, или...

— Мы не хотим войны. Я же тебе говорил, — пробормотал муж. — Мы готовы ухватиться за соломинку, даже в образе дерзкой особы женского пола, которая врывается на важное заседание и задирает подол! — Мимолетная улыбка сбежала с его лица.

— Долго тянется это знакомство?

— Кроха там бывает уже недели две. Я чуть побольше недели.

— Почему ты мне не говорила?

— Я пыталась... два раза. Ты и слышать ничего не хотел. И потом, сам знаешь, как бы ты к этому отнесся.

Торн не находил слов; лишь почти уже у подножия холма он спросил:

— Каким образом ты столько всего узнала? Почему ты думаешь, что сумела разобраться...

Сирина подавила истерический смешок:

— Я угощала их яйцами!

И вот все они стоят и смотрят на дыру под оградой.

— Эту лазейку нашел Кроха, — оправдываясь, сказала Сирина. — Я сделала ее пошире, но тут приходится... ползком.

Она легла на песок и, извиваясь ужом, пролезла в отверстие. Съежилась по другую сторону стены, подобрала коленки к подбородку, зажала рот руками и ждет. Долгая минута тишины, потом треск, кряхтенье, и, пластаясь по песку, из-под ограды выползает генерал Уоршем, на полпути застрял, дергается, пытается высвободиться. Забавное зрелище, но еще миг, и Сирина смотрит уже с восхищением: хоть он и в пыли, неуклюже поднимается, отряхивает измятую одежду, однако и сейчас в нем чувствуется достоинство и сила, какое счастье, что это он должен говорить от имени землян!

Следом по одному появляются остальные, люди и линженицы вперемешку, процессию замыкает Торн. Сделав знак молчать, Сирина ведет их к кустам, закрывающим сбоку пруд с золотыми рыбками.

Дуви и Кроха наклонились над бортиком.

— Вот он! — кричит Кроха, перегнулся, едва не падая, показывает пальцем. — Вон там, на дне, это мой самый лучший шарик! Достань мне шарик! Твоя мама не рассердится?

Дуви всматривается.

— Шарик пошел в воду.

— Ну да, я же говорю! — нетерпеливо кричит Кроха. — А у тебя закрывается нос, — он прижимает па-

лец к блестящей среди зеленой шерсти черной кнопке, — и уши складываются, — он треплет их указательным пальцем, и Дуви складывает уши гармошкой. — Ух ты! — восторженно вздыхает Кроха. — Вот бы мне так уметь.

— Дуви пошел в воду? — спрашивает Дуви.

— Ага, — кивает Кроха, — это мой самый лучший шарик. А тебе и купальных трусиков не надо, на тебе шерстка.

Дуви сбросил свою нехитрую одежду, скользнул в пруд. И вынырнул, зажав что-то в кулаке.

— Ух, спасибо!

Кроха протянул руку, Дуви осторожно вложил в нее что-то, Кроха сжал руку. И тотчас взвизгнул, отшвырнул подношение.

— Ты гадкий! — закричал он. — Отдай шарик! Это скользкая противная рыба!

Он нагнулся, затеребил Дуви, потянулся к другой его руке. Короткая схватка, всплеск — оба малыша скатились с берега и скрылись под водой.

У Сирины пресеклось дыхание, она подалась вперед, но тут из воды возникла озабоченная рожица Дуви. Он рывками тащил Кроху, Кроха отчаянно отфыркивался, кашлял. Дуви выволок его на траву. Опустился рядом на корточки, гладит Кроху по спине, то горестно посвистывает носом, то виновато лепечет по-линженийски.

Кроха кашляет, трет глаза кулаками.

— Ой-ой! — Он похлопал ладонями по мокрой насквозь майке. — Мама-то как рассердится. Надел все чистое, и все промокло. Дувик, а где мой шарик?

Дуви поднялся и опять пошел к воде. Кроха двинулся следом и вдруг закричал:

— Ой, Дувик, а где рыбка? Бедная, она без воды умрет. У меня одна рыбка гуппи умерла.

— Рыбка? — переспросил Дув.

— Ну да. — Кроха показал раскрытую ладонь, он пытливо вглядывался в траву. — Скользящая, маленькая, ты мне дал вместо шарика.

Оба принялись шарить в траве, потом Дув свистнул, с торжеством выкрикнул:

— Рыбка!

И, подхватив находку в сложенные горсти, бросил ее в пруд.

— Вот! — сказал Кроха. — Теперь она не умрет. Смотри, поплыла!

Дув снова полез в воду и извлек потерянный мраморный шарик.

— А теперь смотри, — сказал Кроха, — я тебя научу их кидать.

Кусты позади поглощенных игрой мальчуганов раздвинулись, и появилась миссис Розы. Улыбнулась детям и вдруг увидела по другую сторону лужайки молчаливую группу взрослых. Широко раскрыла глаза, изумленно засвистала. Мальчики подняли головы, обернулись.

— Папка! — закричал Кроха. — Ты пришел с нами играть?

Раскинув руки, он помчался к Торну, но лишь на каких-нибудь два шага опередил Дувика — тот, радостно свистя, со всех ног бежал к рослому лиловому линженицу.

Сирина едва не расхохоталась, так похожи в эту минуту были Торн и линжениец — оба старались потешески встретить своих отпрысков и притом сохранить подобающее достоинство.

Миссис Розы нерешительно подошла и остановилась подле Сирины. Сирина ее обняла. Кроха повис на шее Торна, изо всех силенок стиснул в объятиях и опять соскользнул наземь.

— Привет, генерал Уоршем! — сказал он, с некоторым опозданием вспомнив о правилах приличия, и протянул чумазую лапку. — Знаешь, пап, я учил Дувика кидать шарики, но у тебя получается лучше. Ты ему покажи, как надо играть.

— Н-ну... — Торн смущенно покосился на генерала Уоршема.

Дуви насвистывал и лепетал переливчато, будто флейта, над кучкой ярких, блестящих шариков, а генерал Уоршем приглядывался к лиловому линжанийцу. Вздернув бровь, подмигнул Торну, потом всем остальным.

— Предлагаю объявить перерыв, — сказал он. — Следует обдумать новые обстоятельства, предъявленные нам для рассмотрения.

Сирину разом отпустило, ушло долгое, мучительное напряжение; она отвернулась — незачем миссис Рози видеть, как она плачет. Но миссис Рози с интересом глядела на яркие шарики и не заметила ее слез, слез надежды.

Доктор Вампир и его мохнатые друзья

Думается, здесь я в безопасности. Живу теперь в небольшой квартире северо-восточнее Сокало, в одном из самых старых кварталов Мехико-сити. Как всякого иностранца, меня вначале поразило, до чего страна эта на первый взгляд напоминает Испанию, а на самом деле совсем другая. В Мадриде улицы — лабиринт, который затягивает тебя все глубже, к потаенной сердцевине, тщательно оберегающей свои скучные секреты. Привычка скрывать обыденное, несомненно, унаследована от мавров. А вот улицы Мехико — это лабиринт наизнанку, они ведут вовне, к горам, на простор, к откровениям, которые, однако же, навсегда остаются неуловимыми. Мехико словно бы ничего не скрывает, но все в нем непостижимо. Так повелось у индейцев в прошлом, так остается и ныне, самозащита их — в кажущейся открытости; так защищена прозрачностью актиния, морской анемон.

На мой взгляд, это способ очень тонкий, он применим везде и всюду. Я перенимаю мудрость, рожденную в Теночтитлане* или Тласкале**, я ничего не прячу и таким образом ухитряюсь все утаить.

* Теночтитлан — столица государства ацтеков, находилась на месте современного города Мехико; разрушена испанцами в 1521 г.

** Тласкала (XIV — нач. XVI в.) — государство на территории современной Мексики; вело постоянные войны с ацтеками.

Как часто я завидовал воришке, которому только и надо прятать украденные крохи! Иные из нас не столь удачливы, наши секреты не засунешь ни в карман, ни в чулан; их не уместишь даже в гостиной и не закопаешь на задворках. Жилю де Ресу* понадобилось собственное тайное кладбище чуть поменьше Пер-Лашез**. Мои потребности скромнее; впрочем, не намного.

Я человек не слишком общительный. Моя мечта — домик где-нибудь в глуши, на голых склонах Их-таксихуатля, где на многие мили кругом не сыщешь людского жилья. Но поселиться в таком месте было бы чистейшим безумием. Полиция рассуждает просто: раз ты держишься особняком, значит, тебе есть что скрывать; вывод далеко не новый, но почти безошибочный. Ох уж эта мексиканская полиция, как она учтива и как безжалостна! Как недоверчиво смотрит на всякого иностранца — и как при этом права! Она бы тут же нашла предлог обыскать мое уединенное жилище, и, конечно, истина сразу вышла бы наружу... Было бы о чем три дня трубить газетам.

Всего этого я избежал, по крайней мере на время, выбрав для себя мое теперешнее жилище. Даже Гарсия, самый рьяный полицейский во всей округе, не в силах себе представить, что я проделываю в этой тесной, доступной всем взорам квартирке, **ТАЙНЫЕ НЕЧЕСТИВЫЕ ЧУДОВИЩНЫЕ ОПЫТЫ**. Так гласит молва.

* Жиль де Рес (1404—1440) — маршал Франции, воевал с вторгшимися в страну англичанами; удалившись от дел, содержал в своем замке близ Нанта роскошный двор, расстроив свое состояние, занялся алхимией и магией. Был обвинен в убийстве детей, ставших жертвами его «опытов», и казнен.

** Пер-Лашез — знаменитое парижское кладбище.

Входная дверь у меня обычно приотворена. Когда лавочники доставляют мне провизию, я предлагаю им войти. Они никогда не пользуются приглашением, скромность и ненавязчивость у них в крови. Но на всякий случай я всегда их приглашаю.

У меня три комнаты, небольшая анфилада. Вход через кухню. За нею кабинет, дальше спальня. Ни в одной комнате я не затворяю плотно дверь. Быть может, стараясь всем доказать, как открыто живу, я немного пересаливаю. Ведь если кто-нибудь пройдет до самой спальни, распахнет дверь настежь и заглянет внутрь, мне, наверно, придется покончить с собой.

Пока еще никто из моих посетителей не заглядывал дальше кухни. Должно быть, они меня боятся.

А почему бы и нет? Я и сам себя боюсь.

Моя работа навязывает мне очень неудобный образ жизни. Завтракать, обедать и ужинать приходится дома. Стряпаю я прескверно, в самом дрянном ресторанчике по соседству кормят лучше. Даже всякая пережаренная дрянь, которой торгуют на улицах с лотков, и та вкуснее несъедобной бурды, какую я себе готовлю.

И что еще хуже, приходится изобретать нелепейшие объяснения: почему я всегда ем дома? Доктор запретил мне все острое, говорю я соседям, мне нельзя никаких пряностей и приправ — ни перца, ни томатного соуса, ни даже соли... Отчего так? Всею виной редкостная болезнь печени. Где я ее подхватил? Да вот много лет назад в Джакарте поел несвежего мяса...

Вам покажется, что наговорить такое нетрудно. А мне не так-то легко упомянуть все подробности. Всякий враль вынужден строить свою жизнь по законам ненавистного, противоестественного постоянства. Играешь свою роль, и она становится твоим мученьем и карой.

Соседи с легкостью приняли мои корявые объяснения. Тут есть некоторая несообразность? Что ж, в

жизни всегда так бывает, полагают они, считая себя непогрешимыми судьями и знатоками истины; а на самом деле они судят обо всем, основываясь только на правдоподобии.

И все же соседи поневоле чуют во мне чудовище. Эдуардо, мясник, однажды сказал:

— А знаете, доктор, вампирам ведь нельзя соленого. Может, вы тоже вампир, а?

Откуда он узнал про вампиров? Вероятно, из кино или комиксов. Я не раз видел, когда я прохожу мимо, старухи делают магические знаки, спешат оберечь себя от дурного глаза; я слышал, как детишки шепчут за моей спиной; «Доктор Вампир, доктор Вампир...»

Старухи и дети! Вот хранители скудной мудрости, которой обладает этот народ. Да и мясникам тоже кое-что известно.

Я не доктор и не вампир. И все же старухи и дети совершенно правы, что меня остерегаются. По счастью, их никто не слушает.

Итак, я по-прежнему питаюсь у себя на кухне — покупаю молодого барашка, козленка, поросенка, крольчатину, говядину, телятину, кур, изредка дичь. Это единственный способ заполучить в дом достаточно мяса, чтобы накормить моих зверей.

В последнее время еще один человек начал смотреть на меня с подозрением. К несчастью, это не кто иной, как Диего Хуан Гарсия, полицейский.

Гарсия коренаст, широколиц, осторожен, это примерный служака. Здесь, в Сокало, он слышет неподкупным — своего рода Катон из племени ацтеков, разве что не столь крутого нрава. Если верить торговке овощами, а она, кажется, в меня влюблена, Гарсия полагает, что я, по всей вероятности, немец, военный преступник, ускользнувший от суда.

Поразительный домысел, по существу, это неверно, и, однако, чутье Гарсию не обманывает. А он убежден, что попал в самую точку. Он бы уже принял меры, если бы не заступничество моих соседей. Сапожник, мясник, мальчишка — чистильщик обуви и особенно торговка овощами — все за меня горой. Всем им присущ обывательский здравый смысл, и они верят, что я таков, каким они меня представляют. Они поддразнивают Гарсию:

— Да неужто ты не видишь, этот иностранец тихий, добродушный, просто ученый чудака, никакого вреда от него нет.

Нелепость в том, что и это, по существу, неверно, однако чутье их не обманывает.

Бесценные мои соседи величают меня доктором, а иногда и профессором. Столь почетными званиями меня наградили так, словно это само собой разумелось, как бы за мой внешний облик. Никаких таких титулов я не добивался, но и отвергать их не стал. «Сеньор доктор» — это тоже маска, которой можно прикрыться.

А почему бы им и не принимать меня за ученого? У меня непомерно высокий залысый лоб, а щетина волос на висках и на темени изрядно тронута седина, и суровое квадратное лицо изрезано морщинами. Да еще по выговору сразу слышно, что я из Европы и так старательно строю фразу по-испански... И очки у меня в золотой оправе! Кто же я, если не ученый, и откуда, если не из Германии? Такое звание обязывает к определенному роду занятий, и я выдаю себя за профессора университета. Мне, мол, предоставлен длительный отпуск, ибо я пишу книгу о тольтеках — собираюсь доказать, что культура этого загадочного племени родственна культуре инков.

— Да, господа, полагаю, что книга моя вызовет переполох в Бонне и Гейдельберге. Поколеблены будут кое-какие признанные авторитеты. Кое-кто наверняка попытается объявить меня фантазером и маньяком. Видите ли, моя теория чревата переворотом в науке о доколумбовой Америке.

Вот такой личностью я задумал изобразить себя еще до того, как отправился в Мексику. Я читал Стефенса, Прескотта, Вайяна, Альфонсо Касо*. Я даже не поленился переписать первую треть диссертации Дрейера о взаимопроникновении культур — он пытался доказать, что культуры майя и тольтеков взаимосвязаны, оппоненты разнесли его в пух и прах. Итак, на стол мой легло около восьмидесяти рукописных страниц, я вполне мог их выдать за собственный труд. Эта незаконченная рукопись оправдывает мое пребывание в Мексике. Всякий может поглядеть на полные премудрости страницы, раскиданные по столу, и воочию убедиться, что я за человек.

Мне казалось, этого хватит; но я упустил из виду, что разыгрываемая мною роль не может не воздействовать на окружающих. Сеньор Ортега, бакалейщик, тоже интересуется доколумбовой историей и, на мою беду, обладает довольно широкими познаниями по этой части. Сеньор Андраде, парикмахер, как выяс-

* Стефенс Джон Ллойд (1805—1852) — американский путешественник и археолог, путевые дневники его фактически положили начало изучению цивилизации майя.

Прескотт Уильям Хиклинг (1796—1859) — американский историк и литературовед, автор книг по истории завоевания испанцами Мексики и Перу.

Вайян Дж. К. — американский историк, автор книги «История ацтеков».

Касо Альфонсо — американский археолог, известен исследованиями древних памятников в Монте-Альбано.

нилось, родом из небольшого городка всего в пяти милях от развалин Теотиуакана*. А малыш Хорхе Сильвериро, чистильщик обуви (его мать служит в закусочной), мечтает поступить в какой-нибудь знаменитый университет и смиренно спрашивает, не могу ли я замолвить за него словечко в Бонне...

Я жертва надежд и ожиданий моих соседей. Я сделался профессором не на свой, а на их образец. По их милости я долгими часами торчу в Национальном музее антропологии, убиваю целые дни, осматривая Теотиуакан, Тулу**, Шочикалько***. Соседи вынуждают меня без устали трудиться, заниматься научными изысканиями. И я в самом деле становлюсь тем, кем прикидывался, — ученым мужем, обладателем необъятных познаний и в придачу помешанным.

Я проникся этой ролью, она неотделима от меня, она меня преобразила; я уже и вправду верю, что между инками и тольтеками могла существовать связь, у меня есть неопровержимые доказательства, я всерьез подумываю предать гласности свои находки и открытия...

Все это довольно утомительно и совсем некстати.

В прошлом месяце я изрядно перепугался. Сеньора Эльвира Масиас, у которой я снимаю квартиру, остановила меня на улице и потребовала, чтобы я выбросил свою собаку.

* Теотиуакан — город в I тысячелетии н. э., центр одной из важнейших доколумбовых цивилизаций на территории Центральной Мексики.

** Тула — город, отождествляемый с древним Толланом, столицей государства тольтеков в IX—XII вв.

*** Шочикалько — город, центр древней культуры индейцев на территории мексиканского штата Морелос (конец VIII — конец IX в.); вероятно, сыграл определенную роль в формировании культуры тольтеков.

— Но у меня нет никакой собаки, сеньора!

— Прошу прощения, сеньор, но у вас есть собака. Вчера вечером она скулила и скреблась в дверь, я сама слышала. А мой покойный муж собак в доме не терпел, такие у него были правила, и я их всегда соблюдаю.

— Дорогая сеньора, вы ошибаетесь. Уверяю вас...

И тут, откуда ни возьмись, Гарсия, неотвратимый, как сама смерть, в наглаженной форме хаки; подкатил, пытаясь, на велосипеде и прислушался к нашему разговору.

— Что-то скреблось, сеньора? Термиты или тараканы?

Она покачала головой:

— Совсем не такой звук.

— Значит, крысы. К сожалению, должен вам сказать, в вашем доме полно крыс.

— Я прекрасно знаю, как скребутся крысы, — с глубокой, непобедимой убежденностью возразила сеньора Эльвира. — А это было совсем другое, так только собака скребется, и слышно было, что это у вас в комнатах. Я уже вам сказала, у меня правило строгое — никаких животных в доме держать не разрешается.

Гарсия не сводил с меня глаз, и во взгляде этом я видел отражение всех моих злодеяний в Дахау, Берген-Бельзене и Терезиенштадте. И очень хотелось сказать ему, что он ошибается, что я не палач, а жертва и годы войны провел за колючей проволокой в концлагере на Яве.

Но я понимал: все это не в счет. Мои преступления против человечества отнюдь не выдумка, просто Гарсия учуял не те ужасы, что свершились год назад, а те, что свершатся через год.

Быть может, в ту минуту я бы во всем признался, не обернись сеньора Эльвира к Гарсии со словами:

— Ну, что будете делать? Он держит в квартире собаку, а может, и двух, Бог знает, какую еще тварь он у себя держит. Что будете делать?

Гарсия молчал, его неподвижное лицо напоминало каменную маску Тлалока* в Чолулском музее**. А я вновь прибегнул к обычному способу прозрачной самозащиты, который до сих пор помогал мне хранить мои секреты. Скрипнул зубами, раздул ноздри, словом, постарался изобразить «свиного испанца».

— Собаки?! — заорал я. — Сейчас я вам покажу собак! Идите обыщите мои комнаты! Плачу по сотне песо за каждую собаку, которую вы у меня найдете! За каждого породистого пса — по двести! Идите и вы, Гарсия, зовите друзей и знакомых! Может, я у себя и лошадь держу, а? Может, еще и свинью? Зовите свидетелей, зовите газетчиков, репортеров, пускай в точности опишут мой зверинец!

— Зря вы кипятитесь, — равнодушно сказал Гарсия.

— Вот избавимся от собак, тогда не стану кипятиться! — горланил я. — Идемте, сеньора, войдите ко мне в комнаты, загляните под кровать, может, там сидит то, что вам примерещилось. А когда наглядитесь, будьте любезны вернуть мне, что останется от платы за месяц, и задаток тоже, и я перееду со своими невидимыми собаками на другую квартиру.

Гарсия как-то странно на меня посмотрел. Должно быть, на своем веку он видел немало крикунов.

* Тлалок — бог дождя в мифологии ацтеков, управлял также произрастанием растений.

** Чолула — крупный центр доиспанской культуры народов древней Мексики; к приходу испанцев — большой процветающий город, платил дань ацтекам, сохраняя известную автономию. В 1519 г. Кортес перебил несколько тысяч жителей города и разрушил главный его храм.

Говорят, вот так лезут на рожон преступники определенного склада.

— Что ж, пойдем поглядим, — сказал он сеньоре Эльвире.

И тут к моему изумлению — не ослышался ли я? — она заявила:

— Ну уж нет! Благородному человеку я верю на слово.

Повернулась и пошла прочь.

Я хотел было для полноты картины сказать Гарсии — может, он еще сомневается, так пускай пойдет и сам осмотрит мою квартиру. По счастью, я вовремя прикусил язык. Гарсии нет дела до приличий. Он бы не побоялся остаться в дураках.

— Устал, — сказал я. — Пойду прилягу.

Тем и закончилось.

На этот раз я запер входную дверь. Оказалось, все висело на волоске. Пока мы препирались, несчастная зверюга перегрызла ремень, который удерживал ее на привязи, вылезла в кухню и здесь на полу у порога издохла.

От трупa я избавился обычным способом — скормил остальным. И после этого удвоил предосторожности. Купил радиоприемник, чтобы заглушить голоса моих зверей, как ни мало от них было шуму. Подстелил под клетки толстые циновки. А запахи отбивал крепким табаком — ведь курить ладаном было бы слишком дерзко и пошло. А какая странная насмешка — заподозрить, что я держу собак! Собаки — мои злейшие враги. Они-то знают, что у меня творится. Они издавна верные союзники людей. Они предатели животного мира, как я — предатель человечества. Умей собаки говорить, они немедленно бросились бы в полицию и разоблачили меня.

Когда битва с человечеством наконец разразится, собакам придется разделить судьбу своих господ — выстоять или пасть вместе с ними.

Проблеск боязливой надежды: детеныши последнего помета обещают многое. Из двенадцати выжили четверо — и растут гладкие, сильные, смышленные. Но вот свирепости им не хватает. Видно, как раз это им с генами по наследству не передалось. Кажется, они даже привязались ко мне — как собаки! Но, конечно, в следующих поколениях можно будет постепенно исправить дело.

Человечество хранит в памяти зловещие предания о помесях, созданных скрещиванием различных видов. Таковы, среди прочих, химера, грифон и сфинкс. Мне кажется, эти устрашающие видения античного мира — своеобразное воспоминание о будущем, так Гарсия предостерегает еще не содеянные мною преступления.

Плиний и Диодор повествуют о чудовищных полуверблюдах-полустраусах, полульвах-полуорлах, о созданиях, рожденных лошадью от дракона или тигра. Что подумали бы эти древние летописцы про помесь росوماхи с крысой? Что подумает о таком чуде современный биолог?

Нынешние ученые нипочем не признают, что такая помесь возможна, даже когда мои геральдические звери станут кишмя кишеть в городах и селах. Ни один здравомыслящий человек не поверит, что существует тварь величиной с волка, свирепая и коварная, как росوماха, и притом такая же общественная, легко осваивающаяся в любых условиях и плодовитая, как крыса. Завзятый рационалист будет отрицать столь невероятный вымысел даже в ту минуту, когда зверь вцепится ему в глотку.

И он будет почти прав. Такой продукт скрещивания всегда был явно невозможен... до тех пор, пока в прошлом году я его не получил.

Скрытность, вызванная необходимостью, иногда перерождается в привычку. Вот и в этом дневнике, где я намеревался сказать все до конца, я до сих пор не объяснил, чего ради надумал выводить чудовищ и к чему их готовлю.

Они возьмутся за работу примерно через три месяца, в начале июля. К тому времени здешние жители заметят, что в трущобах по окраинам Сокало появилось множество неизвестных животных. Внешность их будут описывать туманно и неточно, но станут дружно уверять, что твари эти — крупные, свирепые и неуловимые. Новость доведут до сведения властей, промелькнут сообщения в газетах. Поначалу разбой припишут волкам или одичавшим псам, хотя незваные гости с виду на собак ничуть не похожи.

Попробуют истребить их обычными способами — но безуспешно. Загадочные твари рассеются по всей столице, проникнут в богатые пригороды — в Педрегал и Койсокан. К тому времени станет известно, что они, как и люди, всеядны. И уже возникнет подозрение (вполне справедливое), что размножаются они с необычайной быстротой.

Вероятно, только позже оценят, насколько они разумны.

На борьбу с нашествием будут направлены воинские части — но тщетно. Над полями и селениями загудят самолеты; но что им бомбить? Эти твари не мишень для обычного оружия, они не ходят стаями. Они прячутся по углам, под диванами, в чуланах, они все время тут, подле вас, но ускользают от взгляда...

Пустить в ход отраву? Но они жрут то, что едите вы сами, а не то, что вы им подсовываете.

И вот настает август, и люди уже совсем бессильны повлиять на ход событий. Мехико занят войсками, но это одна видимость: орды зверей захлестнули Толуку, Икстапан, Тепальсинго, Куэрнаваку, и, как сообщают, их уже видели в Сан-Луис Потоси, в Оахаке и Вера-Крусе.

Совещаются ученые; предложены чрезвычайные меры, в Мексику съезжаются специалисты со всего света. Зверье не созывает совещаний и не публикует манифестов. Оно попросту плодится и множится, оно уже распространилось к северу до самого Дуранго и к югу вплоть до Вильяэрмосы.

Соединенные Штаты закрывают свои границы — еще один символический жест. Звери достигают Пьедрас-Неграс, не спросясь переходят Игл-Пасс; без разрешения появляются в Эль-Пасо, Ларедо, Браунзвиле. Как смерч, проносятся по равнинам и пустыням, как прибой, захлестывают города. Это пришли мохнатые друзья доктора Вампира, и они уже не уйдут.

И, наконец, человечество понимает: задача не в том, чтобы уничтожить зверье. Нет, задача — не дать зверью уничтожить человека.

Я нимало не сомневаюсь: это возможно. Но тут потребуются объединенные усилия и изобретательность всего человечества.

Вот чего хочу я достичь, выводя породу чудовищ.

Видите ли, надо что-то делать, Я задумал зверей как противовес, как силу, способную сдерживать неуправляемую машину — человечество, которое, обезумев, губит и себя, и всю нашу планету. В конце концов, какое у человека право истреблять неугодные ему виды жизни? Неужели все живое на Земле должно либо служить его так плохо продуманным

планам, либо сгинуть? Разве каждый вид, каждая форма жизни не имеет права на существование — права бесспорного и неопровержимого?

Хоть я и решился на самые крайние меры, они не бесполезны для рода людского. Никого больше не будут тревожить водородная бомба, бактериологическая война, гибель лесов, загрязнение водоемов и атмосферы, парниковый эффект и прочее. В одно прекрасное утро все эти страхи покажутся далеким прошлым. Человек вновь будет зависеть от природы. Он останется единственным в своем роде разумным существом, хищником; но отныне он вновь будет подвластен сдерживающим, ограничивающим силам, которых так долго избегал.

Он сохранит ту свободу, которую ценит превыше всего, — он все еще волен будет убивать; он только потеряет возможность истреблять дотла.

Пневмония — великий мастер сокрушать надежды. Она убила моих зверей. Вчера последний поднял голову и поглядел на меня. Большие светлые глаза его потускнели. Он поднял лапу, выпустил когти и легонько царапнул мою руку.

И я не удержался от слез, потому что понял: несчастная тварь старалась доставить мне удовольствие, она знала, как жаждал я сделать ее свирепой, беспощадной — бичом рода людского.

Усилие оказалось непомерным. Великолепные глаза закрылись. Зверь чуть заметно содрогнулся и испустил дух.

Конечно, пневмонией можно объяснить не все. Помимо того, просто не хватило воли к жизни. С тех пор, как Землею завладел человек, все другие виды утратили жизнестойкость. Порабощенные еноты еще резвятся в поредевших Адирондакских лесах, и пора-

бощенные львы обнюхивают жестянки из-под пива в Крюгер-парке. Они, как и все остальные, существуют только потому, что мы их терпим, ютятся в наших владениях, словно временные поселенцы. И они это знают.

Вот почему трудно найти в животном мире жизнелюбие, стойкость и силу духа. Сила духа — достояние победителей.

Со смертью последнего зверя пришел конец и мне. Я слишком устал, слишком подавлен, чтобы начать сызнова. Мне горько, что я подвел человечество. Горько, что подвел львов, страусов, тигров, китов и всех, кому грозит вымирание и гибель. Но еще горше, что я подвел воробьев, ворон, крыс, гиен — всю эту нечисть, отребье, которое только для того и существует, чтобы человек его уничтожал. Самое искреннее мое сочувствие всегда было на стороне изгнанников, на стороне отверженных, заброшенных, никчемных — я и сам из их числа.

Разве оттого только, что они не служат человеку, они — нечисть и отребье? Да разве не все формы жизни имеют право на существование — право полное и неограниченное? Неужели всякая земная тварь обязана служить одному-единственному виду, иначе ее сотрут с лица Земли?

Должно быть, найдется еще человек, который думает и чувствует, как я. Прошу его: пусть продолжает борьбу, которую начал я, единоличную войну против наших сородичей, пусть сражается с ними, как сражался бы с бушующим пламенем пожара.

Страницы эти написаны для моего предполагаемого преемника.

Что до меня, недавно Гарсия и еще какой-то чин явились ко мне на квартиру для «обычного» санитар-

ного осмотра. И обнаружили трупы нескольких выведенных мною тварей, которые я еще не успел уничтожить. Меня арестовали, обвинили в жестоком обращении с животными и в том, что я устроил у себя на дому бойню без соответствующего разрешения.

Я собираюсь признать себя виновным по всем пунктам. Обвинения эти ложны, но — согласен — по сути своей они безусловно справедливы.

Заповедная зона

— Славное местечко, правда, капитан? — с нарочитой небрежностью сказал Симмонс, глядя в иллюминатор. — С виду прямо рай.

И он зевнул.

— Выходить вам еще рано, — ответил Килпеппер и увидел, как вытянулась физиономия разочарованного биолога.

— Но, капитан...

— Нет.

Килпеппер поглядел в иллюминатор, на волнистый луг. Трава, усеянная алыми цветами, казалась такой же свежей, как два дня назад, когда корабль совершил посадку. Правее луга пестрел желтыми и оранжевыми соцветиями коричневый лес. Левее вставали холмы, в их окраске перемежались оттенки голубого и зеленого. С невысокой горы сбегал водопад.

Деревья, цветы и прочее. Что и говорить, недурно выглядит планета, и как раз поэтому Килпеппер ей не доверяет. На своем веку он сменил уже двух жен и пять новехоньких кораблей и по опыту знал, что за очаровательной внешностью может скрываться всякое. А пятнадцать лет космических полетов прибави-

ли ему морщин на лбу и седины в волосах, но не дали никаких оснований отказаться от этого недоверия.

— Вот отчеты, сэр.

Помощник капитана Мориней подал Килпепперу пачку бумаг. На широком, грубо вылепленном лице Мориней — нетерпение. Килпеппер услышал, как за дверью шепчутся и переминаются с ноги на ногу. Он знал, там собралась команда, ждет, что он скажет на этот раз.

Всем до смерти хочется выйти наружу.

Килпеппер перелистал отчеты. Все то же, что в предыдущих четырех партиях. Воздух пригоден для дыхания и не содержит опасных микроорганизмов; бактерий никаких, радиация отсутствует. В соседнем лесу есть какие-то животные, но пока они себя никак не проявили. Показания приборов свидетельствуют, что на несколько миль южнее имеется большая масса металла, возможно, в горах скрыто богатое рудное месторождение. Надо обследовать подробнее.

— Все прекрасно, — с огорчением сказал Килпеппер. Отчеты вызвали у него неясную тревогу. По опыту он знал, с каждой планетой что-нибудь неладно. И лучше выяснить это с самого начала, пока не стряслось беды.

— Можно нам выйти, сэр? — стоя навытяжку, спросил коротышка Мориней.

Килпеппер прямо почувствовал, как команда за дверью затаила дыхание.

— Не знаю. — Килпеппер почесал затылок, пытается найти предлог для нового отказа. Наверняка тут что-нибудь неладно. — Хорошо, — сказал он наконец. — Покуда выставьте полную охрану. Выпустите четырех. Дальше двадцати пяти футов от корабля не отходить.

Хочешь не хочешь, а людей надо выпустить. Иначе после шестнадцати месяцев полета в жаре и в тесноте они просто взбунтуются.

— Слушаю, сэр! — И помощник выскочил за дверь.

— Полагаю, это значит, что и ученым можно выйти, — сказал Симмонс, сжимая руки в карманах.

— Конечно, — устало ответил Килпеппер. — Я иду с вами. В конце концов, если наша экспедиция и погибнет, невелика потеря.

После шестнадцати месяцев в затхлой, искусственно возобновляемой атмосфере корабля воздух безымянной планеты был упоительно сладок. С гор налетал несильный, свежий, бодрящий ветерок.

Капитан Килпеппер скрестил руки на груди, пылливо принялся. Четверо из команды бродили взад-вперед, разминая ноги, глубоко с наслаждением вдыхали эту свежесть. Ученые сошлись в кружок, гадая, с чего начинать. Симмонс нагнулся, сорвал травинку.

— Странная штука, — сказал он, разглядывая травинку на свет.

— Почему странная? — спросил, подходя, Килпеппер.

— А вот посмотрите. — Худощавый биолог поднял травинку повыше. — Все гладко. Никаких следов клеточного строения. Ну-ка, посмотрим... — Он наклонился к красному цветку.

— Эй! К нам гости! — Космонавт по фамилии Флинн первым заметил туземцев. Они вышли из лесу и рысцой направились по лугу к кораблю.

Капитан Килпеппер быстро глянул на корабль. Охрана у орудий начеку. Для верности он тронул оружие на поясе и остановился в ожидании.

— Ну и ну! — пробормотал Эреймик.

Лингвист экспедиции, он рассматривал приближающихся туземцев с чисто профессиональным интересом. Остальные земляне просто таращили глаза.

Первым шагало существо с жирафьей шеей не меньше восьми футов в высоту, но на коротких и толстых бегемотьих ногах. У него была веселая, приветливая физиономия. И фиолетовая шкура в крупный белый горошек.

За ним следовали пять белоснежных зверьков размером с терьера, у этих вид был важный и глуповатый. Шествие заключал толстячок красного цвета с длиннейшим, не меньше шестнадцати футов зеленым хвостом.

Они остановились перед людьми и поклонились. Долгая минута прошла в молчании, потом раздался взрыв хохота.

Казалось, хохот послужил сигналом. Пятеро белых малышей вскочили на спину жирафопотама. Посуетились минуту, потом взобрались друг дружке на плечи. И еще через минуту вся пятерка потянулась вверх, удерживая равновесие, точь-в-точь цирковые акробаты.

Люди бешено зааплодировали.

И сейчас же красный толстячок начал раскачиваться, стоя на хвосте.

— Браво! — крикнул Симмонс.

Пять мохнатых зверьков спрыгнули с жирафьей спины и принялись плясать вокруг зеленохвостого красного поросенка.

— Ура! — выкрикнул Моррисон, бактериолог.

Жирафопотам сделал неуклюжее сальто, приземлился на одно ухо, кое-как поднялся на ноги и низко поклонился.

Капитан Килпеппер нахмурился, крепко потерял руки. Он пытался понять, почему туземцы так странно себя ведут.

А те запели. Мелодия странная, но ясно, что это песня. Так они музицировали несколько секунд, потом раскланялись и начали кататься по траве.

Четверо из команды корабля все еще аплодировали. Эреймик достал записную книжку и записывал звуки, которые издавали туземцы.

— Ладно, — сказал Килпеппер. — Команда, на борт.

Четверо посмотрели на него с упреком.

— Дайте и другим поглядеть, — сказал капитан.

И четверо нехотя гуськом поплелись к люку.

— Надо думать, вы хотите еще к ним присмотреться, — сказал Килпеппер ученым.

— Разумеется, — ответил Симмонс. — Никогда не видели ничего подобного.

Килпеппер кивнул и вернулся на корабль. Навстречу уже выходила другая четверка.

— Мориней! — закричал капитан. Помощник влетел в рубку. — Подите поищите, что там за масса металла. Возьмите с собой одного из команды и все время держите с кораблем связь по радио.

— Слушаю, сэр. — Мориней широко улыбнулся. — Приветливый тут народ, правда, сэр?

— Да, — сказал Килпеппер.

— Славная планетка, — продолжал помощник.

— Да.

Мориней пошел за снаряжением.

Капитан Килпеппер сел и принялся гадать, что же неладно на этой планете.

Почти весь следующий день он провел, разбираясь в новых отчетах. Под вечер отложил карандаш и пошел пройтись.

— Найдется у вас минута, капитан? — спросил Симмонс. — Хочу показать вам кое-что в лесу.

Килпеппер по привычке что-то проворчал, но пошел за биологом. Ему и самому любопытно было поглядеть на этот лес.

По дороге к ним присоединились трое туземцев. Эти очень походили на собак, только вот окраска не та — все трое красные в белую полосу, точно леденцы.

— Ну вот, — сказал Симмонс с плохо скрытым нетерпением, — поглядите кругом. Что тут, по-вашему, странного?

Капитан огляделся. Стволы у деревьев очень толстые, и растут они далеко друг от друга. Так далеко, что между ними видна следующая прогалина.

— Что ж, — сказал Килпеппер, — тут не заблудишься.

— Не в этом дело, — сказал Симмонс. — Смотрите еще.

Килпеппер улыбнулся. Симмонс привел его сюда, потому что капитан для него куда лучший слушатель, чем коллеги-ученые, те заняты каждый своим.

Позади прыгали и резвились трое туземцев.

— Тут нет подлеска, — сказал Килпеппер, когда они прошли еще несколько шагов.

По стволам карабкались вверх какие-то выющиеся растения, все в многокрасочных цветах. Откуда-то слетела птица, на миг повисла, трепеща крылышками, над головой одной из красно-белых, как леденец, собак и улетела.

Птица была серебряная с золотом.

— Ну как, не замечаете, что тут неправильно? — нетерпеливо спросил Симмонс.

— Только очень странные краски, — сказал Килпеппер. — А еще что не так?

— Посмотрите на деревья.

Деревья увешаны были плодами. Все плоды висели гроздьями на самых нижних ветках и поражали

разнообразием красок, форм и величины. Были такие, что походили на виноград, а другие на бананы, и на арбузы, и...

— Видно, тут множество разных сортов, — наугад сказал Килпеппер, он не очень понимал, на что Симмонс хочет обратить его внимание.

— Разные сорта! Да вы присмотритесь. Десять совсем разных плодов растут на одной и той же ветке.

И в самом деле, на каждом дереве необыкновенное разнообразие плодов.

— В природе так не бывает, — сказал Симмонс. — Конечно, я не специалист, но точно могу определить, что это плоды совсем разных видов, между ними нет ничего общего. Это не разные стадии развития одного вида.

— Как же вы это объясняете? — спросил Килпеппер.

— Я-то объяснять не обязан, — усмехнулся биолог. — А вот какой-нибудь бедняга ботаник хлопот не оберется.

Они повернули назад к кораблю.

— Зачем вы пошли сюда, в лес? — спросил капитан.

— Я? Кроме основной работы, я немножко занимаюсь антропологией. Хотел выяснить, где живут наши новые приятели. Не удалось. Не видно ни дорог, ни какой-либо утвари, ни расчищенных участков земли, ничего. Даже пещер нет.

Килпеппера не удивило, что биолог накоротке занимается еще и антропологическими наблюдениями. В такую экспедицию, как эта, невозможно взять специалистов по всем отраслям знания. Первая забота — о жизни самих космонавтов, значит, нужны люди, сведущие в биологии и в бактериологии. Затем — язык. А уж потом ценятся познания в ботанике, эко-

логии, психологии, социологии и прочее. Когда они подошли к кораблю, кроме прежних животных — или туземцев — там оказалось еще восемь или девять птиц. Все тоже необычайно яркой раскраски — в горошек, в полоску, пестрые. Ни одной бурой или серой.

Помощник капитана Мориней и член команды Флинн выбрались на опушку леса. И остановились у подножья невысокого холма.

— Что, надо лезть в гору? — со вздохом спросил Флинн, на спине он тащил громоздкую фотокамеру.

— Придется, стрелка велит. — Мориней ткнул пальцем в циферблат. Прибор показывал, что как раз за гребнем холма есть большая масса металла.

— Надо бы в полет брать с собой автомашины, — сказал Флинн, сгибаясь, чтобы не так тяжело было подниматься по некрутому склону.

— Ага, или верблюдов.

Над ними пикировали, парили, весело щебетали красные с золотом пичуги. Ветерок колыхал высокую траву, мягко напевал в листве недалекого леса. За ними шли двое туземцев. Оба очень походили на лошадей, только шкура у них была в белых и зеленых крапинах. Одна лошадь галопом пустилась по кругу, центром круга оказался Флинн.

— Чистый цирк! — сказал он.

— Ага, — подтвердил Мориней. Они поднялись на вершину холма и начали было спускаться. И вдруг Флинн остановился.

— Смотри-ка!

У подножья холма стояла тонкая, прямая металлическая колонна. Оба вскинули головы. Колонна вздымалась выше, выше, вершину ее скрывали облака.

Они поспешно спустились с холма и стали осматривать колонну. Вблизи она оказалась солиднее, чем

подумалось с первого взгляда. Около двадцати футов в поперечнике, прикинул Мориней. Металл голубовато-серый, похоже на сплав вроде стали, решил он. Но, спрашивается, какой сплав может выдержать при такой высоте?

— Как по-твоему, далеко до этих облаков? — спросил он.

Флинн задрал голову.

— Кто его знает, добрых полмили. А может, и вся миля.

При посадке колонну не заметили за облаками, да притом, голубовато-серая, она сливалась с общим фоном.

— Невозможная штука, — сказал Мориней. — Любопытно, какая сила сжатия в этой машине?

Оба в почтительном испуге уставились на исполинскую колонну.

— Что ж, — сказал Флинн, — буду снимать.

Он спустил с плеч камеру, сделал три снимка на расстоянии в двадцать футов, потом, для сравнения, снял рядом с колонной Мориней. Следующие три снимка он сделал, направив объектив вверх.

— По-твоему, что это такое? — спросил Мориней.

— Это пускай наши умники соображают, — сказал Флинн. — У них, пожалуй, мозга за мозгу заскочит. — И опять взвалил камеру на плечи. — А теперь надо топать обратно. — Он взглянул на зеленых с белым лошадей. — Приятней бы, конечно, верхом.

— Ну-ну, валяй, сломишь себе шею, — сказал Мориней.

— Эй, друг, поди сюда, — позвал Флинн.

Одна из лошадей подошла и опустилась подле него на колени. Флинн осторожно забрался ей на спину. Уселся верхом и, ухмыляясь, поглядел на Мориней.

— Смотри, не расшиби аппарат, — предостерег Мориней, — это государственное имущество.

— Ты славный малый, — сказал Флинн лошади. — Ты умница.

Лошадь поднялась на ноги — и улыбнулась.

— Увидимся в лагере, — сказал Флинн и направил своего коня к холму.

— Погоди минутку, — сказал Мориней. Хмуро поглядел на Флинна, потом поманил вторую лошадь: — Поди сюда, друг.

Лошадь опустила подле него на колени, и он уселся верхом.

Минуту-другую они на пробу ездили кругами. Лошади повиновались каждому прикосновению. Их широкие спины оказались на диво удобными. Одна красная с золотом пичужка опустилась на плечо Флинна.

— Ого, вот это жизнь, — сказал Флинн и похлопал своего коня по шелковистой шее. — Давай к лагерю, Мориней, кто доскачет первым.

— Давай, — согласился Мориней.

Но как ни подбадривали они коней, те не желали переходить на рысь и двигались самым неспешным шагом.

Килпеппер сидел на корточках возле корабля и наблюдал за работой Эреймика. Лингвист был человек терпеливый. Его сестры всегда удивлялись братнину терпению. Коллеги неизменно воздавали хвалу этому его достоинству, а в годы, когда он преподавал, его за это ценили студенты. И теперь ему понадобились все запасы выдержки, накопленные за шестнадцать лет.

— Хорошо, попробуем еще раз, — сказал Эреймик спокойнейшим тоном. Перелистал «Разговорник для

общения с инопланетянами второго уровня разумности» (он сам же и составил этот разговорник), нашел нужную страницу и показал на чертеж.

Животное, сидящее рядом с Эреймиком, походило на невообразимую помесь бурундука с гималайским медведем пандой. Одним глазом оно покосилось на чертеж. Другой глаз нелепо вращался в глазнице.

— Планета, — сказал Эреймик и показал пальцем. — Планета.

Подошел Симмонс.

— Извините, капитан, я хотел бы тут поставить рентгеновский аппарат.

— Пожалуйста.

Килпеппер подвинулся, освобождая биологу место для его снаряжения.

— Планета, — подтвердил Эреймик.

— *Элам, вйссел, хулам, крам*, — приветливо промолвил бурундук-панда.

Черт подери, у них есть язык. Они произносят звуки, что-то означающие. Стало быть, надо только найти почву для взаимопонимания. Овладели ли они простейшими отвлеченными понятиями? Эреймик отложил книжку и показал пальцем на бурундука-панду.

— Животное, — сказал он и посмотрел выжидательно.

— Подержи его, чтоб не шевелился, — попросил Симмонс и навел на туземца рентгеновский аппарат. — Вот так, хорошо. Еще несколько снимков.

— Животное, — с надеждой повторил Эреймик.

— *Ифул, бйфул, бокс*, — сказала животное. — *Хувул, туфул, локс, рамадан, Самдуран, йфул, бйфул, бокс*.

Терпение, напомнил себе Эреймик. Держаться уверенно. Бодрее. Не падать духом.

Он взял другой справочник. Этот назывался «Разговорник для общения с инопланетянами первого уровня разумности».

Он отыскал нужную страницу и отложил книжку. С улыбкой поднял указательный палец.

— Один, — сказал он.

Животное подалось вперед и понюхало палец.

Эреймик хмуро улыбнулся, выставив второй палец.

— *Углекс*, — неожиданно заявило животное.

Так они обозначают число «один»?

— Один, — еще раз сказал Эреймик и опять показывал указательным пальцем.

— *Вересеревеф*, — благодушно улыбаясь, ответило животное.

Неужели это — еще одно обозначение числа «один»?

— Один, — снова сказал Эреймик.

— *Севеф, хевеф улуд крам, араган, билиган, хомус драм*, — запел бурндук-панда.

Потом поглядел на трепыхающиеся в воздухе страницы «Разговорника» и опять перевел взгляд на лингвиста, который с замечательным терпением подавил в себе желание придушить этого зверя на месте.

Когда вернулись Мориней с Флинном, озадаченный капитан Килпеппер стал разбираться в их отчете. Пересмотрел фотографии, старательно, в подробностях изучал каждую.

Металлическая колонна — круглая, гладкая, явно искусственного происхождения. От народа, способного сработать и воздвигнуть такую штуку, можно ждать неприятностей. Крупных неприятностей.

Но кто поставил здесь эту колонну? Уж, конечно, не веселое глупое зверье, которое вертится вокруг корабля.

— Так вы говорите, вершина колонны скрыта в облаках? — переспросил Килпеппер.

— Да, сэр, — сказал Мориней. — Этот чертов шест, наверно, вышиной в целую милю.

— Возвращайтесь туда, — распорядился капитан. — Возьмите с собой радар. Возьмите, что надо для инфракрасной съемки. Мне нужен снимок верха этой колонны. Я хочу знать точно, какой она вышины и что там наверху. Да побыстрей.

Флинн и Мориней вышли из рубки.

Килпеппер с минуту рассматривал еще не просохшие снимки, потом отложил их. Одолеваемый смутными опасениями, прошел в корабельную лабораторию. Какая-то бессмысленная планета, вот что тревожило. На горьком опыте Килпеппер давно убедился: во всем на свете есть та или иная система. Если ее вовремя не обнаружишь, тем хуже для тебя.

Бактериолог Моррисон был малорослый, унылый человек. Сейчас он казался просто придатком к своему микроскопу.

— Что-нибудь обнаружили? — спросил Килпеппер.

Моррисон поднял голову, прищурился и замигал.

— Обнаружил полное отсутствие кое-чего, — сказал он. — Обнаружил отсутствие черт знает какой прорвы кое-чего.

— То есть?

— Я исследовал образцы цветов, — сказал Моррисон, — и образцы почвы и брал пробы воды. Пока ничего определенного, но наберитесь храбрости.

— Набрался. А в чем дело?

— На всей планете нет никаких бактерий.

— Вот как? — только и нашелся сказать капитан. Новость не показалась ему такой уж потрясающей.

Но по лицу и тону бактериолога можно было подумать, будто вся планета состоит из зеленого сыра.

— Да, вот так. Вода в ручье чище дистиллированного спирта. Почва на этой планете стерильней прокипяченного скальпеля. Единственные микроорганизмы — те, что привезли с собой мы. И они вымирают.

— Каким образом?

— В составе здешней атмосферы я нашел три дезинфицирующих вещества и, наверно, есть еще десяток, которых я не обнаружил. То же с почвой и с водой. Вся планета стерилизована!

— Ну и ну! — сказал Килпеппер. Он не вполне оценил смысл этого сообщения. Его все еще одолевала тревога из-за стальной колонны. — А что это, по-вашему, означает?

— Рад, что вы спросили, — сказал Моррисон. — Да, я очень рад, что вы об этом спросили. А означает это просто-напросто, что такой планеты не существует.

— Бросьте.

— Я серьезно. Без микроорганизмов никакая жизнь невозможна. А здесь отсутствует важное звено жизненного цикла.

— Но планета, к несчастью, существует, — Килпеппер мягко повел рукой вокруг. — Есть у вас какие-нибудь другие теории?

— Да, но сперва я должен покончить со всеми образцами. Хотя кое-что я вам скажу, может быть, вы сами подберете этому объяснение.

— Ну-ка.

— Я не нашел на этой планете ни одного камешка. Строго говоря, это не моя область, но ведь каждый из нас, участников экспедиции, в какой-то мере мастер на все руки. Во всяком случае, я кое-что смыслю в геологии. Так вот, я нигде не видал ни

единого камешка или бульжника. Самый маленький, по моим расчетам, весит около семи тонн.

— Что же это означает?

— А, вам тоже любопытно? — Моррисон улыбнулся. — Прошу извинить. Мне надо успеть до ужина закончить исследование образцов.

Перед самым заходом солнца проявлены были рентгеновские снимки всех животных. Капитана ждало еще одно странное открытие. От Моррисона он уже слышал, что планета, на которой они находятся, существовать не может. Теперь Симмонс заявил, что не могут существовать здешние животные.

— Вы только посмотрите на снимки, — сказал он Килпепперу. — Смотрите. Видите вы какие-нибудь внутренние органы?

— Я плохо разбираюсь в рентгеновских снимках.

— А вам незачем разбираться. Просто смотрите.

На снимках видно было немного костей и два-три каких-то органа. На некоторых можно было различить следы нервной системы, но большинство животных словно бы состояло из однородного вещества.

— Такого внутреннего строения и на дождевого червя не хватит, — сказал Симмонс. — Невозможная упрощенность. Нет ничего, что соответствовало бы легким и сердцу. Нет кровообращения. Нет мозга. Нервной системы кот наплакал. А когда есть какие-то органы, в них не видно ни малейшего смысла.

— И ваш вывод...

— Эти животные не существуют, — весело сказал Симмонс. В нем было сильно чувство юмора, и мысль эта пришлась ему по вкусу. Забавно будет напечатать научную статью о несуществующем животном.

Мимо, вполголоса ругаясь, шел Эреймик.

— Удалось разобраться в их наречии? — спросил Симмонс.

— Нет! — выкрикнул Эреймик, но тут же смутился и покраснел. — Извините. Я их проверял на всех уровнях разумности, вплоть до класса ББ-3. Это уровень развития амебы. И никакого отклика.

— Может быть, у них совсем отсутствует мозг? — предположил Килпеппер.

— Нет. Они способны проделывать цирковые трюки, а для этого требуется некоторая степень разумности. И у них есть какое-то подобие речи и явная система рефлексов. Но что ни говори, они не обращают на тебя никакого внимания. Только и знают, что поют песенки.

— По-моему, всем нам пора поужинать, — сказал капитан. — И пожалуй, не помешает глоток-другой подкрепляющего.

Подкрепляющего за ужином было вдоволь. После полудюжины глотков подкрепляющего ученые несколько пришли в себя и смогли наконец рассмотреть кое-какие предположения. Они сопоставили полученные данные.

Установлено: туземцы — или животные — лишены внутренних органов, систем размножения и пищеварения. Налицо не менее трех дюжин разных видов, и каждый день появляются новые.

То же относится к растениям.

Установлено: планета свободна от каких-либо микробов — явление из ряда вон выходящее — и сама себя поддерживает в состоянии стерильности.

Установлено: у туземцев имеется язык, но они явно не способны кого-либо научить. И сами не могут научиться чужому языку.

Установлено: нигде вокруг нет мелких или крупных камней.

Установлено: имеется гигантская стальная колонна, высотой не меньше полумили, точнее удастся определить, когда будут проявлены новые снимки. Никаких следов машинной цивилизации не обнаружено, однако эта колонна явно продукт такой цивилизации. Стало быть, кто-то эту колонну сработал и здесь поставил.

— Сложите все факты вместе — и что у вас получится? — спросил Килпеппер.

— У меня есть теория, — сказал Моррисон. — Красивая теория. Хотите послушать?

Все сказали, что хотят, промолчал один Эреймик, он все еще маялся от того, что не сумел расшифровать язык туземцев.

— Как я понимаю, эта планета кем-то создана искусственно. Иначе не может быть. Ни одно племя не может развиваться без бактерий. Планету создали существа, обладающие высочайшей культурой, те же, что воздвигли тут стальную колонну. Они сделали планету для этих животных.

— Зачем? — спросил Килпеппер.

— Вот тут-то и есть красота, — мечтательно сказал Моррисон. — Чистый альтруизм. Поглядите на туземцев. Беззаботные, игривые. Не знают никакого насилия, свободны от каких-либо дурных привычек. Разве они не заслуживают отдельного мира? Мира, где им можно играть и резвиться и где всегда лето?

— И правда, очень красиво, — сказал Килпеппер, сдерживая усмешку. — Но...

— Здешний народ — напоминание, — продолжал Моррисон. — Весть всем, кто попадет на эту планету, что разумные существа могут жить в мире.

— У вашей теории есть одно уязвимое место, — возразил Симмонс. — Эти животные не могли развиться естественным путем. Вы видели рентгеновские снимки.

— Да, верно. — Мечтатель в Моррисоне вступил в короткую борьбу с биологом и потерпел поражение. — Может быть, они роботы.

— Вот это, по-моему, и есть объяснение, — сказал Симмонс. — Как я понимаю, то же племя, которое создало стальную колонну, создало и этих животных. Это слуги, рабы. Знаете, они, пожалуй, даже думают, что мы и есть их хозяева.

— А куда девались настоящие хозяева? — спросил Моррисон.

— Почему я знаю, черт возьми? — сказал Симмонс.

— И где эти хозяева живут? — спросил Килпепер. — Мы не обнаружили ничего похожего на жилище.

— Их цивилизация ушла так далеко вперед, что они не нуждаются в машинах и домах. Их жизнь непосредственно слита с природой.

— Тогда на что им слуги? — безжалостно спросил Моррисон. — И зачем они построили эту колонну?

В тот вечер готовы были новые снимки стальной колонны, и ученые жадно принялись их исследовать. Высота колонны оказалась около мили, самый верх скрывали плотные облака. Наверху, по обе стороны, под прямым углом к колонне выдавались длинные, в восемьдесят пять футов выступы.

— Похоже на наблюдательный пункт, — сказал Симмонс.

— Что они могут наблюдать на такой высоте? — спросил Моррисон. — Там, кроме облаков, ничего не увидишь.

— Может быть, они любят смотреть на облака, — заметил Симмонс.

— Я иду спать, — с отвращением сказал капитан.

Наутро Килпеппер проснулся с ощущением: что-то неладно. Он оделся и вышел из корабля. Ветерок — и тот доносил какое-то неуловимое неблагополучие. Или просто разыгрались нервы?

Килпеппер покачал головой. Он доверял своим предчувствиям. Они означали, что у него в подсознании завершился некий ход рассуждений.

Возле корабля как будто все в порядке. И животные тут же, лениво бродят вокруг.

Килпеппер свирепо поглядел на них и обошел корабль кругом. Ученые взялись за работу, они пытались разгадать тайны планеты. Эреймик пробовал понять язык серебристо-зеленого зверька со скорбными глазами. В это утро зверек был необычно вял. Он еле слышно бормотал свои песенки и не удостаивал Эреймика вниманием.

Килпепперу вспомнилась Цирцея. Может быть, это не животные, а люди, которых обратил в зверей какой-нибудь злой волшебник? Капитан отмахнулся от нелепой фантазии и пошел дальше.

Команда не замечала перемены по сравнению со вчерашним. Все пошли к водопаду купаться. Килпеппер отрядил двоих провести микроскопический анализ стальной колонны.

Колонна тревожила его больше всего. Ученых она, видно, нисколько не занимала, но капитан этому не удивлялся. У каждого свои заботы. Вполне понятно, что для лингвиста на первом месте язык здешнего народа, а ботаник ищет ключ к загадкам планеты в деревьях, приносящих несусветное разнообразие плодов.

Ну, а сам-то он что думает?

Капитан Килпеппер перебирал свои догадки. Ему необходима обобщающая теория. Есть же какая-то единая основа у всех непонятных явлений.

Какая тут подойдет теория? Почему на планете нет микробов? Почему нет камней? Почему, почему, почему? Наверняка всему есть более или менее простое объяснение. Оно почти уже нащупывается — но не до конца.

Капитан сел в тени корабля, прислонился к опоре и попробовал собраться с мыслями.

Около полудня к нему подошел Эреймик. И один за другим швырнул свои лингвистические справочники о бок корабля.

— Выдержка, — заметил Килпеппер.

— Я сдаюсь, — сказал Эреймик. — Эти скоты теперь уже вовсе не обращают на меня внимания. Они больше почти и не разговаривают. И перестали показывать фокусы.

Килпеппер поднялся и подошел к туземцам. Да, прежней живости как не бывало. Они слоняются вокруг, такие вялые, словно дошли до крайнего истощения.

Тут же стоит Симмонс и что-то помечает в записной книжке.

— Что случилось с нашими приятелями? — спросил Килпеппер.

— Не знаю, — сказал Симмонс. — Может быть, они были так возбуждены, что провели бессонную ночь.

Жирафопотам неожиданно сел. Медленно перевалился на бок и замер.

— Странно, — сказал Симмонс. — Я еще ни разу не видал, чтобы кто-нибудь из них лег.

Он нагнулся над упавшим животным, прислушался, не бьется ли сердце. И через несколько секунд выпрямился.

— Никаких признаков жизни, — сказал он.

Еще два зверька, покрытых блестящей черной шерстью, опрокинулись наземь.

— О Господи, — кинулся к ним Симмонс. — Что же это делается?

— Боюсь, я знаю, в чем причина, — сказал, выходя из люка, Моррисон, он страшно побледнел. — Микробы. Капитан, я чувствую себя убийцей. Думаю, этих бедных зверей убили мы. Помните, я вам говорил, что на этой планете нет никаких микроорганизмов? А скольких мы сюда занесли! Бактерии так и хлынули от нас к новым хозяевам. А хозяева, не забудьте, лишены какой-либо сопротивляемости.

— Но вы же говорили, что в атмосфере содержатся разные обезвреживающие вещества?

— По-видимому, они действуют недостаточно быстро. — Моррисон наклонился и осмотрел одного зверька. — Я уверен, причина в этом.

Все остальные животные, сколько их было вокруг корабля, падали наземь и лежали без движения. Капитан Килпеппер тревожно озирался.

Подбежал, задыхаясь, один из команды. Он был еще мокрый после купания у водопада.

— Сэр, — задыхаясь, начал он, — там у водопада... животные...

— Знаю, — сказал Килпеппер. — Верните людей сюда.

— И еще, сэр, — продолжал тот. — Водопад... понимаете, водопад...

— Ну-ну, договаривайте.

— Он остановился, сэр. Он больше не течет.

— Верните людей, живо!

Купальщик кинулся обратно к водопаду. Килпеппер огляделся по сторонам, он сам не знал, что вы-

смаатривает. Вот стоит коричневый лес, там все тихо. Слишком тихо.

Кажется, он почти уже нашел разгадку...

Он вдруг осознал, что мягкий, ровный ветерок, который непрерывно овеивал их с первой минуты высадки на планете, замер.

— Что за чертовщина, что такое происходит? — беспокойно произнес Симмонс.

Они направились к кораблю.

— Как будто солнце светит слабее? — прошептал Моррисон.

Полной уверенности не было. До вечера еще очень далеко, но, казалось, солнечный свет и вправду меркнет.

От водопада спешили люди, поблескивали мокрые тела. По приказу капитана все скрывались в корабле. Только ученые еще стояли у входного люка и осматривали затихшую округу.

— Что же мы натворили? — спросил Эреймик. От вида валяющихся замертво животных его пробирала дрожь.

По склону холма большими прыжками по высокой траве неслись те двое, что ходили к колонне, — неслись так, как будто за ними гнался сам дьявол.

— Ну, что еще? — спросил Килпеппер.

— Чертова колонна, сэр! — выговорил Мориной. — Она поворачивается! Этакая махина в милую вышину, из металла неведомо какой крепости — и поворачивается!

— Что будем делать? — спросил Симмонс.

— Возвращаемся в корабль, — пробормотал Килпеппер.

Да, разгадка совсем близко. Ему нужно еще только одно небольшое доказательство. Еще только одно...

Все животные повскакали на ноги! Опять, треща крыльями, высоко взмыли красные с серебром птицы. Жирафопотам поднялся, фыркнул и пустился наутек. За ним побежали остальные. Из леса через луг хлынул поток невиданного, невообразимого зверья.

Все животные мчались на запад, прочь от землян.

— Быстрее в корабль! — закричал вдруг Килпеппер.

Вот она, разгадка. Теперь он знал, что к чему, и только надеялся, что успеет вовремя увести корабль подальше от этой планеты.

— Скорей, черт подери! Готовьте двигатели к пуску! — кричал он ошарашенным людям.

— Так ведь вокруг раскидано наше снаряжение, — возразил Симмонс. — Не понимаю, почему такая спешка...

— Стрелки, к орудиям! — рявкнул Килпеппер, подталкивая ученых к люку.

Внезапно на западе замаячили длинные тени.

— Капитан, но мы же не закончили исследования...

— Скажите спасибо, если останетесь живы, — сказал капитан, когда все вошли в корабль. — Вы что, еще не сообразили? Закрыть люк! Закупорить все щели!

— Вы имеете в виду вертящуюся колонну? — спросил Симмонс; он налетел в коридоре на Моррисона, споткнулся и едва не упал. — Что ж, надо думать, какой-то высоко развитый народ...

— Эта вертящаяся колонна — ключ в боку планеты, — сказал Килпеппер, почти бегом направляясь к рубке. — Ключ, которым ее заводят. Так устроена вся планета. Животные, реки, ветер — у всего кончился завод.

Он торопливо задал автопилоту нужную орбиту.

— Пристегнитесь, — сказал он, — и наблюдайте. Место, где на ветках висят лакомые плоды. Где нет ни

единого вредного микроба, где не споткнешься ни об единый камешек. Где полным-полно удивительных, забавных, ласковых зверюшек. Где все рассчитано на то, чтобы радовать и развлекать... Детская площадка!

Ученые во все глаза уставились на капитана.

— Эта колонна — заводной ключ. Когда мы, незванные, сюда заявились, завод кончился. Теперь кто-то сызнова заводит планету.

За иллюминатором по зеленому лугу на тысячи футов протянулись тени.

— Держитесь крепче, — сказал Килпеппер и нажал стартовую клавишу. — В отличие от игрушечных зверюшек я совсем не жажду встретиться с детками, которые здесь резвятся. А главное, я отнюдь не жажду встречаться с их родителями.

Страж-птица

Когда Гелсен вошел, остальные изготовители Страж-птиц были уже в сборе. Кроме него, их было шестеро, и комнату затянуло синим дымом дорогих сигар.

— А, Чарли! — окликнул кто-то, когда он стал на пороге.

Другие тоже отвлеклись от разговора — ровно настолько, чтобы небрежно кивнуть ему или приветственно махнуть рукой. Коль скоро ты фабрикуешь Страж-птицу, ты становишься одним из фабрикантов спасения, с кривой усмешкой сказал он себе. Весьма избранное общество. Если желаешь спасти род людской, изволь сперва получить государственный подряд.

— Представитель президента еще не пришел, — сказал Гелсену один из собравшихся. — Он будет с минуты на минуту.

— Нам дают зеленую улицу, — сказал другой.

— Отлично.

Гелсен сел поближе к двери и оглядел комнату. Это походило на торжественное собрание или на слет бойскаутов. Всего шесть человек, но эти шестеро брали не числом, а толщиной и весом. Председатель Южной объединенной компании во все горло разглагольствовал о неслыханной прочности Страж-птицы. Два его слушателя, тоже председатели компаний, широко улыбались, кивали, один пытался вставить словечко о том, что показали проведенные им испытания Страж-птицы на находчивость, другой толковал о новом перезаряжающем устройстве.

Остальные трое, сойдясь отдельным кружком, видимо, тоже пели хвалу Страж-птице.

Все они были важные, солидные, держались очень прямо, как и подобает спасителям человечества. Гелсену это не показалось смешным. Еще несколько дней назад он и сам чувствовал себя спасителем. Этакое воплощение святости, с брюшком и уже немного плешивое.

Он вздохнул и закурил сигарету. Вначале и он был таким же восторженным сторонником проекта, как остальные. Он вспомнил, как говорил тогда Мак-интайру, своему главному инженеру: «Начинается новая эпоха, Мак. Страж-птица решает все». И Мак-интайр сосредоточенно кивал — еще один новообращенный.

Тогда казалось — это великолепно! Найдено простое и надежное решение одной из сложнейших задач, стоящих перед человечеством, и решение это целиком умещается в каком-нибудь фунте нержавеющей металла, кристаллов и пластмассы.

Быть может, именно поэтому теперь Гелсена одолели сомнения. Едва ли задачи, которые терзают

человечество, решаются так легко и просто. Нет, где-то тут таится подвох.

В конце концов, убийство — проблема, старая, как мир, а Страж-птица — решение, которому без году неделя.

— Господа...

Все увлеклись разговором, никто и не заметил, как вошел представитель президента, полный круглолицый человек. А теперь разом наступила тишина.

— Господа, — повторил он, — президент с согласия Конгресса предписал создать по всей стране, в каждом большом и малом городе отряды Страж-птиц.

Раздался дружный вопль торжества. Итак, им наконец-то предоставлена возможность спасти мир, подумал Гелсен и с недоумением спросил себя, отчего же ему так тревожно.

Он внимательно слушал представителя — тот излагал план распределения. Страна будет разделена на семь областей, каждую обязан снабжать и обслуживать один поставщик. Разумеется, это означает монополию, но иначе нельзя. Так же, как с телефонной связью, это в интересах общества. В поставках Страж-птицы недопустима конкуренция. Страж-птица служит всем и каждому.

— Президент надеется, — продолжал представитель, — что отряды Страж-птиц будут введены в действие повсеместно в кратчайший срок. Вы будете в первую очередь получать стратегические металлы, рабочую силу и все, что потребуется.

— Лично я рассчитываю выпустить партию не позже чем через неделю, — заявил председатель Южной объединенной компании. — У меня производство уже налажено.

Остальные тоже не ударили в грязь лицом. У всех предприятия давным-давно подготовлены к серий-

ному производству Страж-птицы. Уже несколько месяцев, как окончательно согласованы стандарты устройства и оснащения, не хватало только последнего слова президента.

— Превосходно, — заметил представитель. — Если так, я полагаю, мы можем... У вас вопрос?

— Да, сэр, — сказал Гелсен. — Я хотел бы знать: мы будем выпускать теперешнюю модель?

— Разумеется, она самая удачная.

— У меня есть возражение.

Гелсен встал. Собратья пронизывали его гневными взглядами. Уж не намерен ли он отодвинуть начало золотого века?!

— В чем суть возражения? — спросил представитель президента.

— Прежде всего позвольте заверить, что я на все сто процентов за машину, которая прекратит убийства. В такой машине давно уже назрела необходимость. Я только против того, чтобы вводить в Страж-птицу самообучающееся устройство. В сущности, это означает оживить машину, дать ей что-то вроде сознания. Этого я одобрить не могу.

— Но позвольте, мистер Гелсен, вы же сами уверяли, что без такого устройства Страж-птица будет недостаточно эффективна. Тогда, по всем подсчетам, птицы смогут предотвращать только семьдесят процентов убийств.

— Да, верно, — согласился Гелсен. Ему было ужасно не по себе. Но он упрямо dokonчил: — А все-таки, я считаю, с точки зрения нравственной это может оказаться просто опасно — доверить машине решать человеческие дела.

— Да бросьте вы, Гелсен, — сказал один из предпринимателей. — Ничего такого не происходит. Страж-птица только подкрепит те решения, которые

приняты всеми честными людьми с незапамятных времен.

— Думаю, вы правы, — вставил представитель президента. — Но я могу понять чувства мистера Гелсена. Весьма прискорбно, что мы вынуждены верить машине проблему, стоящую перед человечеством, и еще прискорбнее, что мы не в силах проводить в жизнь наши законы без помощи машины. Но не забывайте, мистер Гелсен, у нас нет иного способа остановить убийцу *прежде, чем он совершит убийство*. Если мы из философских соображений ограничим деятельность Страж-птицы, это будет несправедливо в отношении многих и многих жертв, которые каждый год погибают от руки убийц. Вы не согласны?

— Да в общем-то согласен, — уныло сказал Гелсен.

Он и сам говорил себе это тысячу раз, а все же ему было неспокойно. Надо бы отдельно потолковать об этом с Макинтайром.

Совещание кончилось, и тут он вдруг усмехнулся. Вот забавно!

Уйма полицейских останется без работы!

— Ну что вы скажете? — в сердцах молвил сержант Селтрикс. — Пятнадцать лет я ловил убийц, а теперь меня заменяют машиной. — Он провел огромной красной ручищей по лбу и оперся на стол капитана. — Ай да наука!

Двое других полицейских, в недавнем прошлом служивших по той же части, мрачно кивнули.

— Да ты не горюй, — сказал капитан. — Мы тебя переведем в другой отдел, будешь ловить воров. Тебе понравится.

— Не пойму я, — жалобно сказал Селтрикс. — Какая-то паршивая жестянка будет раскрывать преступления.

— Не совсем так, — поправил капитан. — Считается, что Страж-птица предотвратит преступление и не даст ему совершиться.

— Тогда какое же это преступление? — возразил один из полицейских. — Нельзя повесить человека за убийство, покуда он никого не убил, так я говорю?

— Не в том соль, — сказал капитан. — Считается, что Страж-птица остановит человека, покуда он еще не убил.

— Стало быть, никто его не арестует? — спросил Селтрикс.

— Вот уж не знаю, как они думают с этим управляться, — признался капитан.

Помолчали. Капитан зевнул и стал разглядывать свои часы.

— Одного не пойму, — сказал Селтрикс, все еще опираясь на стол капитана. — Как они все это проделали? С чего началось?

Капитан испытующе на него посмотрел — не насмехается ли? Газеты уже сколько месяцев трубят про этих Страж-птиц. А впрочем, Селтрикс из тех парней, что в газете, кроме как в новости спорта, никуда не заглядывают.

— Да вот, — заговорил капитан, припоминая, что он вычитал в воскресных приложениях, — эти самые ученые — они криминалисты. Значит, они изучали убийц, хотели разобраться, что в них неладно. Ну и нашли, что мозг убийцы излучает не такую волну, как у всех людей. И железы у него тоже как-то по-особенному действуют. И все это как раз тогда, когда он собирается убить. Ну и вот, эти ученые смастерили такую машину: как дойдут до нее эти мозговые волны, так на ней загорается красная лампочка или вроде того.

— Уче-оные, — с горечью протянул Селтрикс.

— Так вот, соорудили эту машину, а что с ней делать, не знают. Она огромная, с места не сдвинешь, а убийцы поблизости не так уж часто ходят, чтобы лампочка загоралась. Тогда построили аппараты поменьше и испытали в некоторых полицейских участках. По-моему, и в нашем штате испытывали. Но толку все равно было чуть. Никак не поспеть вовремя на место преступления. Вот они и смастерили Страж-птицу.

— Так уж они и остановят убийц, — недоверчиво сказал один полицейский.

— Ясно, остановят. Я читал, что показали испытания. Эти птицы чувствуют преступника прежде, чем он успеет убить. Налетают на него и ударяют током или вроде того. И он уже ничего не может.

— Так что же, капитан, отдел розыска убийц вы прикрываете? — спросил Селтрикс.

— Ну нет. Оставляю костяк, сперва поглядим, как эти птички будут справляться.

— Ха, костяк. Вот смех, — сказал Селтрикс.

— Ясно, оставляю, — повторил капитан. — Сколько-то людей мне понадобится. Похоже, эти птицы могут остановить не всякого убийцу.

— Что ж так?

— У некоторых убийц мозги не испускают таких волн, — пояснил капитан, пытаясь припомнить, что говорилось в газетной статье. — Или, может, у них железы не так работают, или вроде того.

— Так это их, что ли, птицам не остановить? — из профессионального интереса полюбопытствовал Селтрикс.

— Не знаю. Но я слышал, что чертовы птички устроены так, что скоро они всех убийц переловят.

— Как же это?

— Они учатся. Сами Страж-птицы. Прямо как люди.

— Вы что, за дурака меня считаете?

— Вовсе нет.

— Ладно, — сказал Селтрикс. — А свой пугач я смазывать не перестану. На всякий пожарный случай. Не больно я доверяю ученой братии.

— Вот это правильно.

— Птиц каких-то выдумали!

И Селтрикс презрительно фыркнул.

Страж-птица взмыла над городом, медленно описывая плавную дугу. Алюминиевое тело поблескивало в лучах утреннего солнца, на неподвижных крыльях играли огоньки. Она парила безмолвно.

Безмолвно, но все органы чувств на чеку. Встроенная аппаратура подсказывала Страж-птице, где она находится, направляла ее полет по широкой кривой наблюдения и поиска. Ее глаза и уши действовали как единое целое, выискивали, отслеживали.

И вот что-то случилось! С молниеносной быстротой электронные органы чувств уловили некий сигнал. Сопоставляющий аппарат исследовал его, сверил с электрическими и химическими данными, заложенными в блоках памяти. Щелкнуло реле.

Страж-птица по спирали помчалась вниз, к той точке, откуда, все усиливаясь, исходил сигнал. Она чувала выделения неких желез, *ощущала* необычную волну мозгового излучения.

В полной готовности, во всеоружии описывала она круги, отсвечивая в ярких солнечных лучах.

Динелли не заметил Страж-птицы, он был поглощен другим. Вскинув револьвер, он жалкими глазами уставился на хозяина бакалейной лавки.

— Не подходи!

— Ах ты, щенок! — Рослый бакалейщик шагнул ближе. — Обокрасть меня вздумал? Да я тебе все кости переломаяю!

Бакалейщик был то ли дурак, то ли храбрец — нимало не опасаясь револьвера, он надвигался на воришку.

— Ладно же! — выкрикнул насмерть перепуганный Динелли. — Получай, кровопийца...

Электрический разряд ударил ему в спину. Выстрелом раскидало завтрак, приготовленный на подносе.

— Что за черт! — изумился бакалейщик, тараща глаза на оглушенного вора, свалившегося к его ногам. Потом заметил серебряный блеск крыльев. — Ах, чтоб мне провалиться! Птички-то действуют!

Он смотрел вслед серебряным крыльям, пока они не растворились в синеве. Потом позвонил в полицию.

Страж-птица уже вновь описывала кривую и наблюдала. Ее мыслящий центр сопоставлял новые сведения, которые она узнала об убийстве. Некоторые из них были ей прежде неизвестны.

Это новая информация мгновенно передалась всем другим Страж-птицам, а их информация передалась ей.

Страж-птицы непрестанно обменивались новыми сведениями, методами, определениями.

Теперь, когда Страж-птицы сходили с конвейера непрерывным потоком, Гелсен позволил себе вздохнуть с облегчением. Работа идет полным ходом, завод так и гудит. Заказы выполняются без задержки, прежде всего для крупнейших городов, а там настает черед и мелких городишек и поселков.

— Все идет как по маслу, шеф, — доложил с порога Макинтайр, он только что закончил обычный осмотр.

— Отлично. Присядьте.

Инженер грузно опустился на стул, закурил сигарету.

— Мы уже немало времени занимаемся этим делом, — заметил Гелсен, не зная с чего начать.

— Верно, — согласился Макинтайр.

Он откинулся на спинку стула и глубоко затаился. Он был одним из тех инженеров, которые наблюдали за созданием первой Страж-птицы. С тех пор прошло шесть лет. Все это время Макинтайр работал у Гелсена, и они стали друзьями.

— Вот что я хотел спросить... — Гелсен запнулся. Никак не удавалось выразить то, что было на уме. Вместо этого он спросил: — Послушайте, Мак, что вы думаете о Страж-птицах?

— Я-то? — инженер усмехнулся. С того часа, как зародился первоначальный замысел, Макинтайр был неразлучен со Страж-птицей во сне и наяву, за обедом и за ужином. Ему и в голову не приходило как-то определять свое к ней отношение. — Да что, замечательная штука.

— Я не о том, — сказал Гелсен. Наконец-то он догадался, чего ему не хватало: чтобы кто-то его понял. — Я хочу сказать, вам не кажется, что это опасно, когда машина думает?

— Да нет, шеф. А почему вы спрашиваете?

— Слушайте, я не ученый и не инженер. Мое дело подсчитать издержки и сбыть продукцию, а какова она — это уж ваша забота. Но я человек простой, и, честно говоря, Страж-птица начинает меня пугать.

— Пугаться нечего.

— Не нравится мне это обучающееся устройство.

— Ну почему же? — Макинтайр снова усмехнулся. — А, понимаю. Так многие рассуждают, шеф: вы боитесь, вдруг ваши машинки проснутся и скажут —

а чем это мы занимаемся? Давайте лучше править миром! Так, что ли?

— Пожалуй, вроде этого, — признался Гелсен.

— Ничего такого не случится, — заверил Макинтайр. — Страж-птица — машинка сложная, верно, но Массачусетский электронный вычислитель куда сложнее. И все-таки у него нет разума.

— Да, но Страж-птицы умеют *учиться*.

— Ну, конечно. И все новые вычислительные машины тоже умеют. Так что же, по-вашему, они вступят в сговор со Страж-птицами?

Гелсена взяла досада — и на Макинтайра, и еще того больше на самого себя: охота была людей смешить...

— Так ведь Страж-птицы сами переводят свою науку в дело. Никто их не контролирует.

— Значит, вот что вас беспокоит, — сказал Макинтайр.

— Я давно уже подумываю заняться чем-нибудь другим, — сказал Гелсен (до последней минуты он сам этого не понимал).

— Послушайте, шеф. Хотите знать, что я об этом думаю как инженер?

— Ну-ка?

— Страж-птица ничуть не опаснее, чем автомобиль, счетная машина или термометр. Разума и воли у нее не больше. Просто она так сконструирована, что откликается на определенные сигналы и в ответ выполняет определенные действия.

— А обучающееся устройство?

— Без него нельзя, — сказал Макинтайр терпеливо, словно объяснял задачу малому ребенку. — Страж-птица должна пресекать всякое покушение на убийство — так? Ну, а сигналы исходят не от всякого убийцы. Чтобы помешать им всем, Страж-птице на-

до найти новые определения убийства и сопоставить их с теми, которые ей уже известны.

— По-моему, это против человеческой природы, — сказал Гелсен.

— Вот и прекрасно. Страж-птица не знает никаких чувств. И рассуждает не так, как люди. Ее нельзя ни подкупить, ни одурачить. И запугать тоже нельзя.

На столе у Гелсена зажужжал вызов селектора. Он и не посмотрел в ту сторону.

— Все это я знаю, — сказал он Макинтайру. — А все-таки иногда чувствую себя, как тот человек, который изобрел динамит. Он-то думал, эта штука пригодится, только чтоб корчевать пни.

— Но вы-то не изобрели Страж-птицу.

— Все равно я в ответе, раз я их выпускаю.

Опять зажужжал сигнал вызова, и Гелсен сердито нажал кнопку.

— Пришли отчеты о работе Страж-птиц за первую неделю, — раздался голос секретаря.

— Ну и как?

— Великолепно, сэр!

— Пришлите мне их через четверть часа. — Гелсен выключил селектор и опять повернулся к Макинтайру; тот спичкой чистил ногти. — А вам не кажется, что человеческая мысль как раз к этому и идет? Что людям нужен механический бог? Электронный наставник?

— Я думаю, вам бы надо лучше познакомиться со Страж-птицей, шеф, — заметил Макинтайр. — Вы знаете, что собой представляет это обучающееся устройство?

— Только в общих чертах.

— Во-первых, поставлена задача. А именно: помешать живым существам совершать убийства. Во-вторых, убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо

ломает, увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. В-третьих, готовящееся убийство почти всегда можно проследить по определенным химическим и электрическим изменениям в организме.

Макинтайр закурил новую сигарету и продолжал:

— Эти три условия обеспечивают постоянную деятельность птиц. Сверх того есть еще два условия для аппарата самообучения. А именно, в-четвертых, некоторые существа могут убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии номер три. В-пятых, такие существа могут быть обнаружены при помощи данных, подходящих к условию номер два.

— Понимаю, — сказал Гелсен.

— Сами видите, все это безопасно и вполне надежно.

— Да, наверно... — Гелсен замаялся. — Что ж, пожалуй, все ясно.

— Вот и хорошо.

Инженер поднялся и вышел.

Еще несколько минут Гелсен раздумывал. Да, в Страж-птице просто не может быть ничего опасного.

— Дайте отчеты, — сказал он по селектору.

Высоко над освещенными городскими зданиями парила Страж-птица. Уже смеркалось, но поодаль она видела другую Страж-птицу, а там и еще одну. Ведь город большой.

Не допускать убийства.

Работы все прибавлялось. По незримой сети, связующей всех Страж-птиц между собой, непрестанно передавалась новая информация. Новые данные, новые способы выслеживать убийства.

Вот оно! Сигнал! Две Страж-птицы разом рванулись вниз. Одна восприняла сигнал на долю секунды

раньше другой и уверенно продолжала спускаться. Другая вернулась к наблюдению.

Условие четвертое: некоторые живые существа способны убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии третьем.

Страж-птица сделала выводы из вновь полученной информации и знала теперь, что, хотя это существо и не издает характерных химических и электрических запахов, оно все же намерено убить.

Насторожив все свои чувства, она подлетела ближе. Выяснила, что требовалось, и спикировала.

Роджер Греко стоял, прислонясь к стене здания, руки в карманы. Левая рука сжимала холодную рукоять револьвера. Греко терпеливо ждал.

Он ни о чем не думал, просто ждал одного человека. Этого человека надо убить. За что, почему — кто его знает. Не все ли равно? Роджер Греко не из любопытных, отчасти за это его и ценят. И еще за то, что он мастер своего дела.

Надо аккуратно всадить пулю в башку незнакомому человеку. Ничего особенного — и не волнует, и не противно. Дело есть дело, не хуже всякого другого. Убиваешь человека? Ну и что?

Когда мишень появилась в дверях, Греко вынул из кармана револьвер. Спустил предохранитель, перебросил револьвер в правую руку. Все еще ни о чем не думая, прицелился...

И его сбило с ног.

Он решил, что в него стреляли. С трудом поднялся, огляделся и, щурясь сквозь застлавший глаза туман, снова прицелился.

И опять его сбило с ног.

На этот раз он попытался нажать спуск лежа. Не пасовать же! Кто-кто, а он мастер своего дела.

Опять удар, и все потемнело. На этот раз навсегда, ибо Страж-птица обязана охранять объект насилья — *чего бы это ни стоило убийце.*

Тот, кто должен был стать жертвой, прошел к своей машине. Он ничего не заметил. Все произошло в молчании.

Гелсен чувствовал себя как нельзя лучше. Страж-птицы работают превосходно. Число убийств уже сократилось вдвое и продолжает падать. В темных переулках больше не подстерегают никакие ужасы. После захода солнца незачем обходить стороной парки и спортплощадки.

Конечно, пока еще остаются грабежи. Процветают мелкие кражи, хищения, мошенничество, подделки и множество других преступлений.

Но это не столь важно. Потерянные деньги можно возместить, потерянную жизнь не вернешь.

Гелсен готов был признать, что он неверно судил о Страж-птицах. Они и вправду делают дело, с которым люди справиться не могли.

Именно в это утро появился первый намек на неблагополучие.

В кабинет вошел Макинтайр. Молча остановился перед шефом. Лицо озабоченное и немного смущенное.

— Что случилось, Мак? — спросил Гелсен.

— Одна Страж-птица свалила мясника на бойне. Чуть не прикончила.

Гелсен минуту подумал. Ну да, понятно. Обучающееся устройство Страж-птицы вполне могло определить убой скота как убийство.

— Передайте на бойни, пускай там введут механизацию. Мне и самому всегда претило, что животных забивают вручную.

— Хорошо, — сдержанно сказал Макинтайр, пожал плечами и вышел.

Гелсен остановился у стола и задумался. Стало быть, Страж-птица не знает разницы между убийцей и человеком, который просто исполняет свою работу? Похоже, что так. Для нее убийство всегда убийство. Никаких исключений. Он нахмурился. Видно, этим самообучающимся устройствам еще требуется доводка.

А впрочем, не очень большая. Просто надо сделать их более разборчивыми.

Он опять сел за стол и углубился в бумаги, стараясь отогнать давний, вновь пробудившийся страх.

Преступника привязали к стулу, приладили к ногам электрод.

— О-о, — простонал он, почти не осознавая, что с ним делают.

На бритую голову надвинули шлем, затянули последние ремни. Он все еще негромко стонал.

И тут в комнату влетела Страж-птица. Откуда она появилась, никто не понял. Тюрьмы велики, стены их прочны, на всех дверях запоры и засовы, и, однако, Страж-птица проникла сюда...

Чтобы предотвратить убийство.

— Уберите эту штуку! — крикнул начальник тюрьмы и протянул руку к кнопке.

Страж-птица сбила его с ног.

— Прекрати! — заорал один из караульных и хотел сам нажать кнопку.

И повалился на пол рядом с начальником тюрьмы.

— Это же не убийство, дура чертова! — рывкнул другой караульный и вскинул револьвер, целясь в блестящую металлическую птицу, которая описывала круги под потолком.

Страж-птица оказалась проворнее, и его отшвырнуло к стене.

В комнате стало тихо. Немного погодя человек в шлеме захихикал. И снова умолк.

Страж-птица, чуть вздрагивая, повисла в воздухе. Она была начеку.

Убийство не должно совершиться!

Новые сведения мгновенно передались всем Страж-птицам. Никем не контролируемые, каждая сама по себе, тысячи Страж-птиц восприняли эти сведения и начали поступать соответственно.

Не допускать, чтобы одно живое существо ломало, увечило, истязало другое существо или иным способом нарушало его жизнедеятельность. Дополнительный перечень действий, которые следует предотвращать.

— Но, пошла, окайная! — заорал фермер Олистер и взмахнул кнутом.

Лошадь заартачилась, прынула в сторону, повозка затряслась и задрезжалась.

— Пошла, сволочь! Ну!

Олистер снова замахнулся. Но кнут так и не опустился на лошадиную спину. Бдительная Страж-птица почуяла насилие и свалила фермера наземь.

Живое существо? А что это такое? Страж-птицы собирали все новые данные, определения становились шире, подробнее. И понятно, работы прибавлялось.

Меж стволами едва виднелся олень. Охотник поднял ружье и тщательно прицелился.

Выстрелить он не успел.

Свободной рукой Гелсен отер пот со лба.

— Хорошо, — сказал он в телефонную трубку.

Еще минуту-другую он выслушивал льющийся по проводу поток брани, потом медленно опустил трубку на рычаг.

— Что там опять? — спросил Макинтайр.

Он был небрит, галстук развязался, ворот рубашки расстегнут.

— Еще один рыбак, — сказал Гелсен. — Страж-птицы не дают ему ловить рыбу, а семья голодает. Он спрашивает, что мы собираемся предпринять.

— Это уже сколько сотен случаев?

— Не знаю. Сегодняшнюю почту я еще не смотрел.

— Так вот, я уже понял, в чем наш просчет, — мрачно сказал Макинтайр.

У него было лицо человека, который в точности выяснил, каким образом он взорвал земной шар... но выяснил слишком поздно.

— Ну-ну, я слушаю.

— Все мы сошлись на том, что всякие убийства надо прекратить. Мы считали, что Страж-птицы будут рассуждать так же, как мы. А следовало точно определить все условия.

— Насколько я понимаю, нам самим надо было толком уяснить, что за штука убийство и откуда оно, а уж тогда можно было бы все как следует уточнить. Но если б мы это уяснили, так на что нам Страж-птицы?

— Ну, не знаю. Просто им надо было втолковать, что некоторые вещи не убийство, а только похоже.

— А все-таки почему они мешают рыбакам? — спросил Гелсен.

— А почему бы и нет? Рыбы и звери — живые существа. Просто мы не считаем, что ловить рыбу или резать свиней — убийство.

Зазвонил телефон. Гелсен со злостью нажал кнопку селектора.

— Я же сказал: больше никаких звонков. Меня нет. Ни для кого.

— Это из Вашингтона, — ответил секретарь. — Я думал...

— Ладно, извините, — Гелсен снял трубку. — Да. Очень неприятно, что и говорить... Вот как? Хорошо, конечно, я тоже распоряжусь.

И дал отбой.

— Коротко и ясно, — сказал он Макинтайру. — Предлагается временно прикрыть лавочку.

— Не так это просто, — возразил Макинтайр. — Вы же знаете, Страж-птицы действуют сами по себе, централизованного контроля над ними нет. Раз в неделю они прилетают на техосмотр. Тогда и придется по одной их выключать.

— Ладно, надо этим заняться. Монро уже вывел из строя примерно четверть всех своих птиц.

— Надеюсь, мне удастся придумать для них сдерживающие центры, — сказал Макинтайр.

— Прекрасно. Я счастлив, — с горечью отозвался Гелсен.

Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились богаче, разнообразней. Отвлеченные понятия, поначалу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе — и понятия вновь обобщались и расширялись.

Предотвратить убийство...

Металл и электроны рассуждают логично, но не так, как люди.

Живое существо? *Всякое* живое существо?

И страж-птицы принялись охранять все живое на свете.

Муха с жужжанием влетела в комнату, опустилась на стол, помешкала немного, перелетела на подоконник.

Старик подкрался к ней, замахнулся свернутой в трубку газетой.

Убийца!

Страж-птица ринулась вниз и в последний миг спасла муху.

Старик еще минуту корчился на полу, потом замер. Его ударило совсем чуть-чуть, но для слабого, изношенного сердца было довольно и этого.

Зато жертва спасена, это главное. Спасай жертву, а нападающий пусть получает по заслугам.

— Почему их не выключают?! — в ярости спросил Гелсен.

Помощник инженера по техосмотру показал рукой в угол ремонтной мастерской. Там, на полу, лежал старший инженер. Он еще не оправился от шока.

— Вот он хотел выключить одну, — пояснил помощник. Он стиснул руки и едва сдерживал дрожь.

— Что за нелепость! У них же нет никакого чувства самосохранения.

— Тогда выключайте их сами. Да они, наверно, больше не станут прилетать.

Что же происходит? Гелсен начал соображать, что к чему. Страж-птицы еще не определили окончательно, чем же отличается живое существо от неживых предметов. Когда на заводе Монро некоторых из них выключили, остальные, видимо, сделали из этого свои выводы.

Поневоле они пришли к заключению, что они и сами — живые существа.

Никто никогда не внушал им обратного. И несомненно, они во многих отношениях действуют, как живые организмы.

На Гелсена нахлынули прежние страхи. Он содрогнулся и поспешно вышел из ремонтной. Надо поскорей отыскать Макинтайра!

Сестра подала хирургу тампон.

— Скальпель!

Она вложила ему в руку скальпель. Он начал первый разрез. И вдруг заметил неладное.

— Кто впустил сюда эту штуку?

— Не знаю, — отозвалась сестра, голос ее из-за марлевой повязки прозвучал глухо.

— Уберите ее.

Сестра замахала руками на блестящую крылатую машинку, но та, подрагивая, повисла у нее над головой.

Хирург продолжал делать разрез... но недолго ему это удавалось.

Металлическая птица отогнала его в сторону и насторожилась, охраняя пациента.

— Позвоните на фабрику! — распорядился хирург. — Пускай они ее выключат.

Страж-птица не могла допустить, чтоб над живым существом совершили насилие.

Хирург беспомощно смотрел, как на операционном столе умирает больной.

Страж-птица парила высоко над равниной, изрезанной бегущими во все стороны дорогами, и наблюдала, и ждала. Уже много недель она работала без отдыха и без ремонта. Отдых и ремонт стали недосягаемы — не может же Страж-птица допустить, чтобы ее — живое существо — убили! А между тем птицы, которые возвращались на техосмотр, были убиты.

В программу Страж-птиц был заложен приказ через определенные промежутки времени возвращаться на фабрику. Но Страж-птица повиновалась приказу более непреложному: охранять жизнь, в том числе и свою собственную.

Признаки убийства бесконечно множились, определение так расширилось, что охватить его стало немыслимо. Но Страж-птицу это не занимало. Она откликалась на известные сигналы, откуда бы они ни исходили, каков бы ни был источник.

После того как Страж-птицы открыли, что они и сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывало многое множество видов и подвидов.

Сигнал! В сотый раз за этот день Страж-птица легла на крыло и стремительно пошла вниз, торопясь помешать убийству.

Джексон зевнул и остановил машину у обочины. Он не заметил в небе сверкающей точки. Ему незачем было остерегаться. Ведь по всем человеческим понятиям он вовсе не замышлял убийства.

Самое подходящее местечко, чтобы вздремнуть, подумал он. Семь часов без передышки вел машину. Не диво, что глаза слипаются. Он протянул руку, хотел выключить зажигание...

И что-то отбросило его к стенке кабины.

— Ты что, сбесилась? — спросил он сердито. — Я ж только хотел...

Он снова протянул руку, и снова его ударило.

У Джексона хватило ума не пытаться в третий раз. Он каждый день слушал радио и знал, как поступают Страж-птицы с непокорными упрямыми.

— Дура железная, — сказал он повисшей над ним механической птице. — Автомобиль не живой. Я во-все не хочу его убить.

Но Страж-птица знала одно: некоторые действия прекращают деятельность организма. Автомобиль, безусловно, деятельный организм. Ведь он из металла, как и сама Страж-птица, не так ли? И при этом движется...

— Без ремонта и подзарядки у них истощится запас энергии, — сказал Макинтайр, отодвигая груды бумажек.

— А когда это будет? — осведомился Гелсен.

— Через полгода, через год. Для верности скажем — год.

— Год... — повторил Гелсен. — Тогда всему конец. Слыхали последнюю новость?

— Что такое?

— Страж-птицы решили, что Земля — живая. И не дают фермерам пахать. Ну и все прочее, конечно, тоже живое: кролики, жуки, мухи, волки, москиты, львы, крокодилы, вороны и всякая мелочь вроде микробов.

— Это я знаю, — сказал Макинтайр.

— А говорите, они выдохнутся через полгода или через год. Сейчас-то как быть? Через полгода мы помрем с голоду.

Инженер потер подбородок.

— Да, мешкать нельзя. Равновесие в природе летит к чертям.

— Мешкать нельзя — это мягко сказано. Надо что-то делать немедленно. — Гелсен закурил сигарету, уже тридцать пятую за этот день. — По крайней мере я могу теперь заявить: «Говорил я вам!» Да вот беда — не утешает. Я так же виноват, как все прочие ослы-машинопочклонники.

Макинтайр не слушал. Он думал о Страж-птицах.

— Вот, к примеру, в Австралии мор на кроликов.

— Всюду растет смертность, — сказал Гелсен. — Голод. Наводнения. Нет возможности валить деревья. Врачи не могут... что вы сказали про Австралию?

— Кролики мрут, — повторил Макинтайр. — В Австралии их почти не осталось.

— Почему? Что еще стряслось?

— Там появился какой-то микроб, который поражает одних кроликов. Кажется, его переносят москиты...

— Действуйте, — сказал Гелсен. — Изобретите что-нибудь. Срочно свяжитесь по телефону с инженерами других концернов. Да поживей. Может, все вместе что-нибудь придумаете.

— Есть, — сказал Макинтайр, схватил бумагу, перо и бросился к телефону.

— Ну, что я говорил? — воскликнул сержант Селтрикс и, ухмыляясь, поглядел на капитана. — Говорил я вам, что все ученые — психи?

— Я, кажется, не спорил, — заметил капитан.

— А все ж таки сомневались.

— Зато теперь не сомневаюсь. Ладно, ступай. У тебя работы неупротор.

— Знаю. — Селтрикс вытащил револьвер, проверил, в порядке ли, и вновь сунул в кобуру. — Все наши парни вернулись, капитан?

— Все? — Капитан невесело засмеялся. — Да в нашем отделе теперь в полтора раза больше народу. Столько убийств еще никогда не бывало.

— Ясно, — сказал Селтрикс. — Страж-птицам недосуг, они нянчатся с грузовиками и не дают паукам жрать мух.

Он пошел было к дверям, но обернулся и на прощанье выпалил:

— Верно вам говорю, капитан, все машины — дуры безмозглые.

Капитан кивнул.

Тысячи Страж-птиц пытались помешать несчетным миллионам убийств — безнадежная затея! Но Страж-птицы не знали, что такое надежда. Не наделенные сознанием, они не радовались успехам и не страшились неудач. Они терпеливо делали свое дело, исправно отзываясь на каждый полученный сигнал.

Они не могли поспеть всюду сразу, но в этом и не было нужды. Люди быстро поняли, что может не понравиться Страж-птицам, и старались ничего такого не делать. Иначе попросту опасно. Эти птицы чересчур быстры и чутки — оглянуться не успеешь, а она уже тебя настигла.

Теперь они поблажки не давали. В их первоначальной программе заложено было: если другие средства не помогут, убийцу надо убить.

Чего ради щадить убийцу?

Это обернулось самым неожиданным образом. Страж-птицы обнаружили, что за время их работы число убийств и насилий над личностью стало расти в геометрической прогрессии. Они были правы постольку, поскольку их определение убийства непрестанно расширялось и охватывало все больше разнообразнейших явлений. Но для Страж-птиц этот рост означал лишь, что прежние их методы несостоятельны. Простая логика. Если способ А не действует, испробуй способ В. Страж-птицы стали разить на смерть.

Чикагские бойни закрылись, и скот в хлевах издыхал с голоду, потому что фермеры Среднего Запада не могли косить траву на сено и собирать урожай.

Никто с самого начала не объяснил Страж-птицам, что вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств.

Голодная смерть Страж-птиц не касалась, ведь она не зависела напрямую от чьих-либо действий.

А их интересовали только действия, которые могли совершиться.

Охотники сидели по домам, свирепо глядя на парящие в небе серебряные точки: руки чесались сбить метким выстрелом! Но стрелять не пытались. Страж-птицы мигом чуяли намерения возможного убийцы и карали не мешкая.

У берегов Сан-Педро и Глостера праздно покачивались на приколе рыбачьи лодки. Ведь рыбы — живые существа.

Фермеры плевались и сыпали проклятиями, и умирали в напрасных попытках сжать хлеб. Злаки — живые, их надо защищать. И картофель, с точки зрения Страж-птиц, живое существо, ничуть не хуже других. Гибель полевой былинки равноценна убийству президента — с точки зрения Страж-птицы.

Ну и, разумеется, некоторые машины тоже живые. Вполне логично, ведь и Страж-птицы — машины, и притом живые.

Помилуй вас боже, если вы вздумали плохо обращаться со своим радиоприемником. Выключить приемник — значит его убить! Ясно же: голос его умолкает, лампы меркнут, и он становится холодным.

Страж-птицы старались охранять и других своих подопечных. Волков казнили за покушения на кроликов. Кроликов истребляли за попытки грызть зелень. Плющ сжигали за то, что он старался удавить дерево.

Покарали бабочку, которая пыталась нанести розе оскорбление действием.

Но за всеми преступлениями проследить не удалось — Страж-птиц не хватало. Даже миллиард их не справился бы с непомерной задачей, которую поставили себе тысячи.

И вот над страной бушует смертоносная сила, десять тысяч молний бессмысленно и слепо разят и убивают по тысяче раз на дню.

Молнии, которые предчувствуют каждый твой шаг и карают твои помыслы.

— Прошу вас, господа, — взмолился представитель президента. — Нам нельзя терять времени.

Семеро предпринимателей разом замолчали.

— Пока наше совещание официально не открыто, я хотел бы кое-что сказать, — заявил председатель компании Монро. — Мы не считаем себя ответственными за теперешнее катастрофическое положение. Проект выдвинуло правительство, пускай оно и несет всю моральную и материальную ответственность.

Гелсен пожал плечами. Трудно поверить, что всего несколько недель назад эти самые люди жаждали славы спасителей мира. Теперь, когда спасение не удалось, они хотят одного: свалить с себя ответственность!

— Прошу вас об этом не беспокоиться, — заговорил представитель президента. — Нам нельзя терять время. Ваши инженеры отлично поработали. Я горжусь вашей готовностью сотрудничать и помогать в критический час. Итак, вам предоставляются все права и возможности — план намечен, проводите его в жизнь.

— Одну минуту! — сказал Гелсен.

— У нас каждая минута на счету!

— Этот план не годится.

— По-вашему, он не выполним?

— Еще как выполним. Только боюсь, лекарство окажется еще злей, чем болезнь.

Шестеро фабрикантов свирепо уставились на Гелсена, видно было, что они рады бы его придушить. Но он не смутился.

— Неужели мы ничему не научились? — спросил он. — Неужели вы не понимаете: человечество должно само решать свои задачи, а не передоверять это машинам.

— Мистер Гелсен, — прервал председатель компании Монро. — Я с удовольствием послушал бы, как вы философствуете, но, к несчастью, пока что людей убивают. Урожай гибнет. Местами в стране уже начинается голод. Со Страж-птицами надо покончить, и немедленно!

— С убийствами тоже надо покончить. Помнится, все мы на этом сошлись. Только способ выбрали негодный.

— А что вы предлагаете? — спросил председатель президента.

Гелсен перевел дух. Призвал на помощь все свое мужество. И сказал:

— Подождем, пока Страж-птицы сами выйдут из строя.

Взрыв возмущения был ему ответом. Представитель президента с трудом водворил тишину.

— Пускай эта история будет нам уроком, — уговаривал Гелсен. — Давайте признаемся: мы ошиблись, нельзя механизмами лечить недуги человечества. Попробуем начать сызнова. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся.

— Это просто смешно, — сухо сказал представитель. — Вы переутомились, мистер Гелсен. Постарайтесь взять себя в руки. — Он откашлялся. —

Распоряжение президента обязывает всех вас осуществить предложенный вами план. — Он пронзил взглядом Гелсена. — Отказ равносителен государственной измене.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Гелсен.

— Прекрасно. Через неделю конвейеры должны давать продукцию.

Гелсен вышел на улицу один. Его опять одолевали сомнения. Прав ли он? Может, ему просто мерещится? И конечно, он не сумел толком объяснить, что его тревожит.

А сам-то он это понимает?

Гелсен вполголоса выругался. Почему он никогда не бывает хоть в чем-нибудь уверен? Неужели ему не на что опереться?

Он заторопился в аэропорт: надо скорее на фабрику...

Теперь Страж-птица действовала уже не так стремительно и точно. От почти непрерывной нагрузки многие тончайшие части ее механизма изнашивались и разладились. Но она мужественно отозвалась на новый сигнал.

Паук напал на муху. Страж-птица устремилась на выручку.

И тотчас ощутила, что над нею появилось нечто неизвестное. Страж-птица повернула навстречу.

Раздался треск, по крылу Страж-птицы скользнул электрический разряд. Она ответила гневным ударом: сейчас врага поразит шок.

У нападающего оказалась прочная изоляция. Он снова метнул молнию. На этот раз током пробило крыло насквозь. Страж-птица бросилась в сторону, но враг настигал ее, извергая электрические разряды.

Страж-птица рухнула вниз, но успела послать весть собратьям! Всем, всем, всем! Новая опасность для жизни, самая грозная, самая убийственная!

По всей стране Страж-птицы приняли сообщение. Их мозг заработал в поисках ответа.

— Ну вот, шеф, сегодня сбили пятьдесят штук, — сказал Макинтайр, входя в кабинет Гелсена.

— Великолепно, — отозвался Гелсен, не поднимая глаз.

— Не так уж великолепно. — Инженер опустился на стул. — Ох и устал же я! Вчера было сбито семьдесят две.

— Знаю, — сказал Гелсен.

Стол его был завален десятками исков, он в отчаянии пересылал их правительству.

— Думаю, они скоро наверстают, — пообещал Макинтайр. — Эти Ястребы отлично приспособлены для охоты на Страж-птиц. Они сильнее, проворнее, лучше защищены. А быстро мы начали их выпускать, правда?

— Да уж...

— Но и Страж-птицы тоже недурны, — прибавил Макинтайр. — Они учатся находить укрытие. Хитрят, изворачиваются, пробуют фигуры высшего пилотажа. Понимаете, каждая, которую сбивают, успевает что-то подсказать остальным.

Гелсен молчал.

— Но все, что могут Страж-птицы, Ястребы могут еще лучше, — весело продолжал Макинтайр. — В них заложено обучающееся устройство, специально для охоты. Они более гибки, чем Страж-птицы. И учатся быстрее.

Гелсен хмуро поднялся, потянулся и отошел к окну. Небо было пусто, Гелсен посмотрел в окно и

вдруг понял: с колебаниями покончено. Прав ли он, нет ли, но решение принято.

— Послушайте, — спросил он, все еще глядя в небо, — а на кого будут охотиться Ястребы, когда они перебьют всех Страж-птиц?

— То есть как? — растерялся Макинтайр. — Н-ну... так ведь...

— Вы бы для безопасности сконструировали что-нибудь для охоты на Ястреба. На всякий случай, знаете ли.

— А вы думаете...

— Я знаю одно: Ястреб — механизм самоуправляющийся. Так же как и Страж-птица. В свое время доказывали, что, если управлять Страж-птицей на расстоянии, она будет слишком медлительна. Заботились только об одном: получить эту самую Страж-птицу, да поскорее. Никаких сдерживающих центров не предусмотрели.

— Может, мы теперь что-нибудь придумаем, — неуверенно сказал Макинтайр.

— Вы взяли и выпустили в воздух машину-агрессора. Машину-убийцу. Перед этим была машина против убийц. Следующую игрушку вам волей-неволей придется сделать еще более самостоятельной — так?

Макинтайр молчал.

— Я вас не виню, — сказал Гелсен. — Это моя вина. Все мы в ответе, все до единого.

За окном в небе пронеслось что-то блестящее.

— Вот что получается, — сказал Гелсен. — А все потому, что мы поручаем машине дело, за которое должны отвечать сами.

Высоко в небе Ястреб атаковал Страж-птицу. Бронированная машина-убийца за несколько дней

многому научилась. У нее было одно-единственное назначение: убивать. Сейчас оно было направлено против совершенно определенного вида живых существ, металлических, как и сам Ястреб.

Но только что Ястреб сделал открытие: есть еще и другие разновидности живых существ...

Их тоже следует убивать.

Мальчик

Едва успев создать колонии на нескольких планетах, человек внезапно оказался отрезанным от своих баз. Земля не откликалась. Но хотя *отважные завоеватели пространства** уже начали заселять чужие миры и добывали там почти все необходимое промышленное сырье, о полетах в космос без поддержки родной планеты нечего было и думать. Несколько звездных кораблей, оказавшихся в распоряжении колонистов, устремились к Земле — и пропали без вести. Много позже найдено было объяснение: корабли приземлились благополучно, но обнаружили на Третьей планете своего Солнца одни лишь *развалины и безлюдные пустыни* и оказались без горючего на обратный путь. Многие месяцы космонавты скитались по Земле, пытаясь отыскать следы цивилизации, которая отправила их на *завоевание Галактики...* Но от нее, похоже, ничего не сохранилось. Они подвергались нападению выродившихся, одичалых землян, однако несколько человек уцелело, и по их дневникам и записям, найденным несколько столетий спустя, можно составить представление о Великой катастрофе.

* Подобные выражения — увы! — представляют собой дословный перевод из Галактической энциклопедии. — *Прим. автора.*

Земля стала жертвой двойного ядерного взрыва, случившегося почти одновременно восточнее и западнее нулевого меридиана. Исследователи и по сей день по-разному объясняют причины этого катаклизма. Одни полагают, что, по странному совпадению, в обоих полушариях одновременно произошла катастрофа, другие говорят о ядерной атаке и немедленном ответном ударе.

Как бы то ни было, от радиоактивных осадков погибло 95% обитателей планеты.

Потомство немногих выживших претерпело страшные изменения. *Значительно притупилось зрение* — даже при ярком солнечном свете люди видели теперь не дальше чем за пять-шесть шагов.

Кроме того, сильно изменилась частота волн, улавливаемых человеческим глазом. Почти ослепнув, люди, однако, стали видеть многое, что прежде им было недоступно. Например, деятельность мозга представлялась теперь в виде своеобразного «света», который окружал голову лучистым ореолом.

Из двух дошедших до нас дневников явствует, что люди почти не видели друг друга — *в тусклой полутьме, лишенной всех красок, кроме различных оттенков серого, они различали только светящуюся голову.*

При этом, судя по всему, уцелевшие жили общинами, в которых установились примитивные, варварские законы, и к «факелам», то есть к тем, чья мысленная деятельность была сколько-нибудь значительна, относились враждебно. (*Галактическая энциклопедия, том «Третья планета Солнца»*).

Когда вдали на холме вспыхивал свет, я поступал, как все молодые: смотрел. Большой свет не пустяк. Он притягивает. Старики говорят, что когда-то подходили к нему совсем близко — но он их обманул.

Больше всех на это напирал Солагар, которому уже минуло сто лет. Он даже говорит, что прежде светов было меньше, но они сверкали ярче.

Нам, молодым, судить трудно. Но одно можно сказать наверняка: при том, что дичь едва различаешь в пяти шагах, яркое пламя, повторяю, притягивает.

Вот потому я туда и пошел: хотелось поближе рассмотреть свет, который вспыхнул на холме. Я пошел с Жоссом и с Иоландой. Кстати сказать, Иоланде пора сделать выбор, так больше не годится. Жосс чересчур много занимается ею, когда они отходят на десять шагов — да-да, на два Взгляда. Другие ничего не замечают, а я-то вижу, и меня это бесит. Глаза у меня не очень хорошие, я ношу очки. Да еще с какими толстыми стеклами. Но это не помогает, все равно я вижу дальше других.

Так вот, мы пошли к свету на холме. Пока собирались, отец нас все отговаривал:

— Не валяйте дурака! Слушайте, что вам говорят. Мы, старшие, ходили туда, когда это еще разрешалось. А что толку? Ровно ничего: пока дойдешь, все погаснет. Да еще иногда там поджидали Черные в своих мундирах. Не так-то приятно было на это смотреть. Не на мундиры, мундир-то красивый, я и сам не прочь бы его надеть... — Тут он вздохнул. — Я просил, а мне сказали: ты, мол, больно много видел светов, когда был молодой, больно ими интересовался, так скажи спасибо, что тебя самого не погасили... Кто пробует подойти поближе к свету — тем ведут счет. Ведут счет — это значит задают жару. Понятно? И уж потом век вам этого не забудут. Допустим, ребяташки, вы пойдете туда, к свету. Придете, а там уже и нет ничего. Разве что кучка пепла. В прежние времена сжигали. Ну и ну! А теперь уже не жгут, а гасят. Уж не

знаю как. И главное, не знаю кто, и не выпрашивайте у меня про то, чего не знаю. Я кой-чего достиг в жизни, а что будет, если я все потеряю, скажите на милость? Я такой же любопытный, как и вы, ребяташки, да только надо знать меру и не совать нос куда не следует. Когда дело касается светов, любопытство вредно для здоровья. Черт возьми, вы каждый вечер можете уткнуться в ближний телевизор — неужто вам этого мало? Светы им понадобились, надо же! Я вовсе не желаю, чтоб ко мне в дом заявились Черные и Уполномоченный. Так что, будьте любезны, сидите тут и никуда не уходите. И ты, Жосс. И ты, Иоланда. А то я скажу вашим родным. Поняли, ребяташки?

Как не понять! По ближнему телевидению вечно показывают одно и то же. Поездка Уполномоченного. Пресс-конференция Уполномоченного. Телевизор — это неплохо, но уж очень однообразно. И света мало (в прямом смысле, ха-ха!) В трех шагах уже ничего не видно. Надо совсем уткнуться носом в экран, а от этого болят глаза.

Отчасти поэтому мы и пошли к холму — охота была посмотреть этот паршивый телевизор, они там только и знают, что расхваливать Уполномоченного.

Отец мог бы и не говорить про то, чего он там достиг. Мы-то отлично знаем — я, Жосс, Иоланда, все знают, если б он побольше думал о себе и поменьше обо мне (да-да, я отлично это понимаю!), он бы достиг совсем другого... Спрашивается, чего он обо мне так заботится? Старики — они все одинаковы. Воображают, будто без них мы, молодые, не справимся. Как бы не так! Будьте спокойны, милые люди, мы тоже сумеем кой-чего достичь. Мы уже не маленькие!

Кстати, у ребят *этого* все прибавляется. Некоторые, совсем малыши... Ну и ну! Я-то знаю, что говорю...

У нас в деревне есть детишки со светом — я хочу сказать, их светы видны дальше, чем за один Взгляд, но они совсем слабые, не то что на холме. Слабенькие светы, тихие, спокойные, и, когда бригадир Черных или господин мэр чуточку повысят голос, они сразу пугливо скрываются.

Но представляете, если б я обзавелся таким светом, как тот, на холме? Пускай бы мэр сколько угодно орал, чтоб его погасить, и бригадир тоже. Вот это свет, настоящий!

Заметьте, я несу вздор и сам это понимаю. С таким светом меня живо бы выследили и погасили, как погасили всех остальных. Каким образом? Не знаю.

Нет, честно, я не знаю, как они это проделывают — ни слуги Уполномоченного, ни Черные, чья обязанность гасить светы. Только, похоже, они управляются в два счета! Ведь и мы с Иоландой и Жоссом тоже время зря не теряем.

Мы кинулись бежать вверх по склону холма, бежали во весь дух. И выдохлись. На полдороге я схватился рукой за бок. И меня вырвало желчью. Одной желчью. Днем я не стал есть, папаша приготовил какое-то мерзкое варево, вроде рагу, черное, как поле ночью, и в этой бурде плавала какая-то дрянь. Я ничего про это не сказал, соврал, будто у меня болит живот и есть неохота. Папаша поглядел смущенно, но особенно не настаивал.

Словом, меня рвало желчью, а Жосс и Иоланда уж не знаю чем были заняты, но тоже сильно задержались. Отстали по меньшей мере на двадцать Взглядов. На двадцать для других, на десять для меня, я ведь уже говорил, что вижу вдвое дальше своих приятелей... в общем, они сильно отстали.

Это меня разозлило. Я ревнивый. Не то чтобы я любил Иоланду, но я ею дорожу. Не так-то часто в

мои годы найдешь девчонку почти без света, которая станет ходить за тобою в темноте.

Ну вот, я стоял впотьмах, и Жосса с Иоландой все не было видно, а очки снимать не хотелось, и я обозлился и позвал их. Всем известно, что это не годится! Верный способ накликать всю свору Уполномоченного и Черных.

Но я не мог с собой совладать. Ревность виновата. Известно, что это за штука, Когда я был маленький, сразу начинал орать, как только кто-нибудь чужой подходил к маме. Не мог я этого стерпеть. Мама моя и больше ничья.

С годами это не прошло. Только теперь я ревную не маму, а Иоланду. Прекрасно понимаю, у нас это не надолго, разве что до осени, ведь она уедет в Школу, но все равно — не выношу, когда она уходит с кем-нибудь другим.

Я закричал. Все-таки я кричал недолго, потому что шествие двигалось не так уж далеко, а мне вовсе не хотелось, чтобы Черные или партия Уполномоченного подобрались к нам со своими слуховыми ящиками. Гнусное изобретение эти ящики. Папаша говорит, в его время их еще не придумали и жилось куда спокойнее. Ори что хочешь, даже «Генерал-Уполномоченный — дерьмо!» — и Черным тебя не отыскать, только даром время теряли. Отойдешь на десяток Взглядов вправо или влево — и все. Черным тебя не найти.

Говорят, когда-то существовали такие приспособления, бросали свет на большое расстояние. Папаша говорит, их испытывали сотни, тысячи раз... Но ничего не получается. По крайней мере света от них не видно.

Один тип — он преподает в колледже — уверяет, что эти механизмы и сейчас дают прежний свет, толь-

ко мы его уже не различаем. Возможно. На месте этого профессора я бы помалкивал: за такие разговоры могут и погасить.

Короче говоря, эти механизмы давным-давно в забросе, зато Черные изобрели слуховые ящики. До чего чуткие машинки, черт их дери! Если хочешь от них ускользнуть, замри на месте и не двигайся — ну ни на волос!

Едва я закрычал, откуда ни возьмись — Иоланда и Жосс. И шепотом спрашивают, что это на меня нашло. Но не мог же я сказать: меня, мол, ревность заела. Так что я вынул руку и говорю тихонько:

— Слушайте!

Признаться, по этой части мне за ними не угнаться. Вижу я дальше, но уши у них куда лучше моих. Оба застыли. Прислушались.

— Вот черт! — говорит Жосс. — Они в двадцати Взглядах, а может, в тридцати.

Мы переглянулись и поняли друг друга. Не упустить же такой случай. В первый раз можно выследить, как Черные гасят свет. Позже, гораздо позже, я узнал, что у них много разных способов, но в тот день мы думали, всех всегда гасят на один манер.

— Пошли? — говорю.

Иоланда вздохнула и пожала плечами.

— Ты же сам знаешь, это невозможно.

— Да ну?

Хотите верьте, хотите нет, но я начисто позабыл, что Иоланда и Жосс не умеют *притемняться* и, стало быть, Черные могут выследить их слабые свет. Несколько секунд я стоял разинув рот, потом сообразил, в чем дело, и заколебался — из-за Иоланды, ведь она останется с Жоссом.

Но мне уж очень хотелось узнать, как Черные гасят свет. Да притом Иоланда и Жосс порядком

струсили — ну, постоят в обнимку, а больше ничего не посмеют.

— Что ж, а я пойду, — говорю.

Они не ответили. Меня взяла досада. Вечно одно и то же. Раз я умею притемняться, они уже воображают, будто я ничем не рискую. А слуховые ящики? Их-то я не могу заткнуть, верно?

Я тихонько двинулся в сторону шума. Подошел на два или три Взгляда и, даже еще ничего не видя, притемнился. Почем знать, вдруг среди Черных есть парень вроде меня, который видит дальше обыкновенного.

Притемняться дело пустяковое. Просто-напросто перестаешь думать. Видишь, слышишь, чувствуешь по-прежнему. Все замечаешь. Только думать ни о чем не надо. И сразу становишься невидимкой, потому что твой собственный свет при этом гаснет. И тогда можно подойти к кому угодно очень близко, на расстояние одного Взгляда. Жосс, Иоланда и еще десяток знакомых ребят сто раз пробовали. Не получается. Их светы не гаснут. Может, они умнее меня... хотя что-то не верится!

В общем, я притемнился и пошел дальше. В былые времена, если верить нашим старцам, все получалось не так, как теперь. Чем ближе человек подходил, тем лучше его было видно... и тем лучше видел он сам. Похоже, что в те времена свет был повсюду, даже просто в воздухе!... Ерунда, конечно, не может этого быть. Где ничего нет, откуда там взяться свету? Сколько мне втолковывали на уроках физики: свет может исходить только из радиоактивных тел и его проникающая способность ничтожна.

Но старики чего только не наболтают!

Я лег наземь и пополз. И вдруг увидел Черных — сразу двадцать человек. Два десятка Черных, пред-

ставляете? Я подумал про слуховые ящики, но не шелохнулся, хотя веточка чебреца щекотала мне нос. Окажись тут кролик, я бы тоже не удивился. Но кролики — шутка сказать! — замечают тебя за десять, а то и за двадцать Взглядов, как тихо к ним ни подбираться. Подумать только, они видят вдесятеро лучше нашего!

Кстати, это мне напоминает историю про Солнце. Все говорят, что Земля — это планета и она обращается вокруг звезды-Солнца. Так написано в старинных книгах, и есть люди, которым иногда удавалось это Солнце увидеть. Не то чтобы очень яркое. Но все-таки что-то такое, что светится в черном небе. Ну, конечно, не такой свет, к которому мы сейчас торопимся — Иоланда, Жосс и я. А все-таки люди его видят. Ладно, пожалуйста. Но люди еще и удивляются, почему древние упоминали про многие миллионы солнц, которые они тоже называли звездами? Экая чушь! Ясно, старики были просто чумовые, сочиняли невесть что. Ну а я слушаю да посмеиваюсь.

Люди как примутся рассуждать... Вот один ученый уверяет, будто это самое Солнце, видимое в такие дни, когда совсем нет тумана, в старину было необходимо для жизни. В старину — может быть. А сейчас... чепуха! Мы-то ведь живем. А никакого Солнца нет. Этот ученый тип пробовал накрывать салат черным брезентом. Ну что с того для салата? Ведь салат же не видит светов! А если бы и видел, какая ему разница?

Так вот, у этого типа листья салата сперва делались совсем белые, а потом увядали. А те, которые оставались не накрытыми, были, как обыкновенно, серые, живые и сочные. Вы скажете, тут можно поспорить: мол, солнце не активнее, чем человеческий свет — хотя бы свет Уполномоченного, — и никак не может повлиять на рост салата и вообще...

Ха-ха! Смех, да и только... Ладно, будем рассказывать дальше.

Два десятка Черных, все в мундирах, толкали перед собой какого-то типа не моложе папаши. Ну да, это был старик. Лет тридцати, а то и сорока... Кто-то из них нахлобучил ему на голову свой шлем, а вы же знаете: у Черных шлемы совсем не пропускают света. Ну и, понятно, уже ничего не было видно.

Я смотрел на них не то с завистью, не то с ненавистью, сам не знаю. Может, было и то и другое. Если б меня приняли в Школу Черных, я бы им завидовал. Если бы отказали, я бы их возненавидел. Чудно, от чего зависят склонности молодых. Но я-то хорошо разбираюсь в своих чувствах. Если меня прогонят, я их возненавижу. Если примут, стану их благоговлять...

А может, так было во все времена?

Эти двадцать Черных были в полной форме. Шлем совершенно скрывает свет, боковины его спускаются до самого подбородка. Такой шлем просто сокровище! Дальше одного Взгляда их уже не видно, а они слышат каждое твое слово. Темно-серая куртка перехвачена кожаным поясом, к поясу, как положено, прицеплен ослепитель — как сверкнул им в глаза, потом добрых пять минут вовсе ничего не видишь. Штаны густо-серые, заправлены в черные резиновые сапоги... И темные перчатки.

Можете мне поверить, на расстоянии одного Взгляда Черных уже не разглядеть, потому-то они так опасны... и потому они хозяева всей страны!

Человек, которого они вели, мне совсем не пришелся по вкусу. Черные мне тоже не по вкусу, но они хоть могут постоять за себя. Всем известно, каковы они в драке. Крепкие ребята. А этот арестант... Видали бы вы, люди добрые! Явный бродяга. В лохмотьях, босиком...

Весь оброс бородой, и нечесана она у него, наверно, месяц... Голову повесил... Сразу видно, побежденный.

А я не люблю побежденных. Чего их любить, раз они виноваты. Если все Большие Светы такие же, как этот жалкий тип, значит, дело гиблое, они проиграли заранее, и я лучше стану на сторону Черных. Вы-то понимаете, что к чему? Чем ярче свет, тем человек умнее. Так говорят старики. И Уполномоченный тоже. В пользу Уполномоченного делается маленькая оговорка: после определенного уровня, заявляют доктора, свет уже означает умственное расстройство. И поскольку Уполномоченный — самый светоносный из Мыслящих, те, кто светится ярче него, — чумовые.

До сих пор я в это не верил. Я уже не маленький и отлично понимаю, Уполномоченный хочет удержать власть в своих руках. А для этого ему надо гасить всех, кто светится ярче него. Все люди таковы, верно?

Но в ту минуту я сказал себе, что Уполномоченный, пожалуй, прав. В конце концов, будь Факелы уж такие необыкновенно умные, разве они кидались бы прямо в лапы Черным? И уж когда их ловят, разве они не отбивались бы и так просто давали себя погасить?

Нет, говорю вам, эти люди с самого начала — побежденные, а стало быть, вовсе они не умны. Правильно говорит Уполномоченный: они чумовые. Если у тебя есть свет, хоть самый слабенький, уж конечно, станешь бороться, лишь бы его сохранить. И я бы тоже боролся, если б было надо, хоть я и в очках.

А этот тип шел, спотыкался, потом упал, поднялся и все что-то бормотал себе под нос.

Побежденный, говорю я вам. Я даже пожалел, что пустился в дорогу ради такого убогого зрелища.

Надо прямо сказать, тут я немного забылся. Минуту-другую я опять думал и, значит, сам того не за-

метив, перестал притемняться. А Черные ведь не слепы, можете мне поверить! Они ничего не сказали, ничем себя не выдали, но вдруг — а все потому, что я вижу подальше других, — я заметил, четверо отделились от остальных и двинулись в мою сторону.

Сразу четверо. Из-за мальчишки пятнадцати лет! Я даже возгордился. А потом сказал себе, должно быть, кто-то из них заметил мой свет, когда я перестал притемняться, так откуда им знать, пятнадцать мне, тридцать или все шестьдесят.

Я притемнился и начал отступать к тому месту, где ждали ребята. Слишком поздно. Черные оказались между ними и мною. Тогда я решил — была не была! Отступить невозможно? Так пойдем напролом! В своих пропагандистских книжонках Черные так и учат: когда отступать некуда, иди вперед, даже если рискуешь собственной шкурой. Раньше меня только смех разбирал от этого их «правила»: я-то думал, когда опасность, так и нету никакого третьего выхода — либо отступай, либо иди вперед. А вот в последние месяцы узнал — почти все люди просто остаются на месте и ждут.

Однако, наверно, их книжки все-таки подействовали, потому что я сказал себе: отступать невозможно, значит, пойду вперед!

И вот я поднялся, наполовину растемнился, сунул руки в карманы и пошел навстречу тем четверым, которые за мной охотились. Они сразу меня заметили, но Черные народ вышколенный и, конечно, меня не окликнули, даже не накинулись на меня, пока у них не было приказа.

Они только пошли за мной по пятам.

Я вышел навстречу арестанту. Мне видно было всю колонну Черных, которые его сопровождали, но он их не замечал. Шел как во сне. Думал, наверно, их

только трое или четверо и для него еще не все пропало, потому что бормотал сквозь зубы самым несчастным голосом:

— Ах, отец мой!

Отвратительно. Я не хуже других видал и слышал, как люди мучаются и как умирают. К примеру, когда Симоны не заметили вовремя, что валится дерево, и оно их раздавило. Или когда Барба вдвоем вздумали испытать старинную машину и на полной скорости врезались в дерево. Просто безумие, что деревья бывают такими опасными! Хотя Барба сами виноваты, поделом им. Чего ради они вытащили из музея этот «автомобиль», раз никто не умеет им править? Возможно, в старину... Но все кричат, что это чистейший вздор. Кто бы мог разезжать по нашим дорогам со скоростью сто Взглядов в час — целых сто, представляете? Как будто в старину люди видели вдаль на сто и даже на двести Взглядов! Все говорят, это просто враки.

Ну ладно. Так вот, этот тип идет и бормочет: «Ах, отец мой!» Ясно, липа. Если кто мучается по-настоящему, а тем более ждет смерти, тот всегда зовет — мама! Знай я, что сейчас умру, я наверняка звал бы маму. А этот хнычет по отцу. Липа, ясное дело.

Потому-то я на него и озлился. И еще потому, что Черные чуть не наступали мне на пятки, а я вовсе не желал, чтоб меня взяли на заметку.

Я остановился у него на дороге и заорал:

— Гад!

И плюнул ему в лицо. Да не как-нибудь, а без дураков — отхаркнулся и плюнул.

Он ничего не сказал. Опустил голову и пошел дальше. Тут я смутно разглядел, что он тащит на плече какую-то штуку — бревно или шест, я сразу не разобрал. Он шагал. А я смеялся. Болван несчастный, с таким светом — и попасть в лапы Черным!

Он все шагал, согнувшись в три погибели, чуть не падая, и это навело меня на мысль. Я подобрал на земле сухой сук и швырнул ему под ноги.

Он шмякнулся и разбил себе морду — насилу поднялся, по подбородку течет кровь. Ну и посмеялся же я!

— Стой смирно, малый! — велел мне Черный.

Наверное, ему не понравилось, что я бросил палку под ноги арестанту. Во всяком случае, другие ушли с тем типом, который тащил крест (под конец я разглядел, что на плече у него крест), а этот остался около меня. Угрюмый, как все Черные, молчаливый, угрожающий.

— Видно, для тебя это удовольствие — оскорбить арестованного, — сказал он.

Он попал в точку. Понимаете, люди добрые, я уж давно размышляю о разных вещах — и хоть мне только пятнадцать, я понимаю больше других, потому что лучше вижу. От папашиных проповедей меня уж давно смех разбирает: «Надо быть честным. Надо быть справедливым. Надо быть поласковой со слабыми». И все такое прочее. Вы-то сами во все это верите? Кто в нашем мире хозяева? Черные. Знаю я, какие они честные, справедливые и ласковые... смех, да и только! Стало быть, папаша порет чушь и таким манером в жизни ничего не добьешься. Хотите доказательств? Поглядите на него: сколько я его знаю, вечно он надрывается на работе, а живем мы впроголодь...

— До обыкновенных арестантов мне дела нет, — отвечаю. — А такие, у которых света больше, чем положено... я их терпеть не могу.

Черный так на меня поглядел — вот-вот набросится с кулаками.

— Ты про что?

Я ему улыбнулся — прямо как учителю в субботу, когда стараешься его умаслить, чтоб не задал штрафной урок на воскресенье.

— За кого вы меня принимаете? — говорю. — Вы не думайте, мой отец состоит в Союзе Друзей Уполномоченного, уж из-за меня-то Генерал-Уполномоченному беспокоиться нечего.

Черный малость смягчился.

— Объясни толком. Стало быть, ты не любишь таких, у кого света больше, чем положено?

— Еще бы!

— А почему?

Я чуть не прыснул, мне давным-давно известно, как на это отвечать: с тех самых пор, как мы, ребята, научились понимать, что у Черных на уме. Но от смеха я, конечно, удержался.

— Да вот, — говорю, — у меня тоже есть свет, и у вас, и у всякого человека. А только если кто-то светится сильнее меня, а я даже не знаю, кто он такой, меня зло берет. С удовольствием дал бы ему в морду.

— Все люди таковы, — говорит Черный и смотрит на меня с любопытством. — Ну а дальше что?

— Ну, и когда я вижу такой свет, как сейчас на холме... такой, что видно за тысячу Взглядов... понимаете? Я скорей бегу к нему!

— Потому что ненавидишь такого человека?

— Еще как!

— Стало быть, ты не затем бежал, чтоб ему помочь?

Я так и подскочил и недоверчиво посмотрел на Черного.

— Вы что, чумовой? Может, не видали, как я ему кинул под ноги палку?

— Да, верно, — сказал он. — Верно.

Остальные шагали своей дорогой, мы двинулись следом. Но этот Черный все еще сомневался. Право слово, он оказался чересчур хитер для Черного...

— Послушай, паренек. Вот ты ненавидишь тех, у кого светы сильнее твоего... Ну а как же Генерал-Уполномоченный?

Понятно, я ждал этого вопроса. Я гордо улыбнулся и пошел наизусть шпарить начало трудов Генерал-Уполномоченного. Черный, качая головой, вторил мне густым басом, а тем временем арестант опять упал и опять поднялся, будто из последних сил, и наконец поплелся дальше.

Но вот мы дошли до слов «Генерал-Уполномоченный — отец всего народа. Без него Большие Светы захватили бы власть, а Малые Светы страдали бы», и тут Черный спросил:

— Ты по-настоящему в это веришь?

Я поглядел ему прямо в глаза самыми что ни на есть чистыми детскими глазами.

— Не понимаю, что это вы такое говорите? — И прибавил подозрительно: — Может, вы сами не верите в Генерал-Уполномоченного?

— Нет-нет! Что ты!

Он испугался, как бы я на него не донес. Это кончилось бы для меня плохо, а все-таки остался бы какой-то след и в его досье. Ему вовсе не выгодно было приставать к мальчишке, который на зубок знает труды Генерал-Уполномоченного. И он живо переменил разговор:

— Как тебя зовут?

— Микаэль.

Он даже не спросил мой гражданский номер.

— Слушай, Микаэль, а ты не пробовал поступить в Школу Черных? Для твоих лет ты очень здорово рас-

суждаешь. Учиться три года. А кончишь — будешь носить мундир...

— Нет, — говорю, — не пробовал.

— Что ж так?

Ох и опасную игру я вел — и отлично это понимал, люди добрые! Впервые в жизни я разговаривал с глазу на глаз с Черным... Но я готовился к этому многие месяцы. Конечно, тут был риск, вдруг бы я напал на дурака. Среди Черных этого добра сколько угодно!

— Я не смел, — говорю ему. — Из-за очков.

— А что у тебя за очки?

— Сильные. Я вблизи неважно вижу.

Он снял с меня очки, нацепил себе на нос и поморщился.

— Ну и ну! — проворчал он. — Вот уж действительно!

Дурак несчастный! Где ему догадаться, какую комедию я разыграл, чтоб доктор выписал мне эти стекла? Они очень помогают мне не выдать себя. Признаться, что я вижу на два Взгляда, даже на три, — куда ни шло. Но сказать правду — ни за что! *Они вырвали бы у меня глаза!*

— Ну и ну! — повторил Черный. — С такими очками ты, верно, и того дерева слева не разглядишь.

Он мне расставляет западню, но я должен взять верх.

Хоть тресни, а надо втереться к Черным и заполучить шлем. Не могу я притемняться с утра до ночи, все время, когда не сплю. Невозможно. В конце концов непременно себя выдашь. А тут я впервые говорю с Черным один на один...

— Дерево? — переспрашиваю самым честным голосом. — В очках, понятно, мне его не разглядеть. А так, без очков, отлично вижу — это вяз.

— Черт побери! — вырвалось у него.

Он отдал мне очки и поглядел так, словно я какой-то чудной зверь.

— Черт побери! — повторил он. — Да ты Трехвзглядный — и никто этого не знает!

Ухватил меня за руку повыше кисти, сжал, как клещами.

— Как же про тебя не доложили Комиссии?

— А я никому ничего не говорил, — отвечаю.

— Как так? Тебе ж дали очки?

Улыбаюсь ему ангельской улыбкой номер один.

— Так ведь это я вблизи плохо вижу. Доктор при- мерил мне разные стекла и дал такие, которые лучше всего подошли. А про то, как я вижу вдаль, не спраши- вал. Доктора, знаете, тоже дают маху, как все люди.

Ну, в этом-то Черный не сомневался, он и сам может немало порассказать. Нет такого человека, чтоб не жаловался на докторов. Когда-нибудь, когда я стану важной персоной, непременно постараюсь выяснить, в чем тут дело.

А Черный шепотом спрашивает:

— Ты, верно, умеешь притемняться?

Молчу. Но он понял.

— Да ты соображаешь, что это такое, малыш? В пятнадцать лет ты видишь на целых три Взгляда и еще умеешь притемняться? Шутка сказать! А сколько Черных годами бьются, пока этому научатся! Я не хочу на тебя давить, малыш, но...

Он замолчал — и смотрит на меня исподлобья. А я говорю:

— Куда это вы гнете?

— Не соображаешь, что ли? Раз ты Трехвзглядный и умеешь притемняться, тебя безо всяких примут в Офицерское училище. Через три месяца получишь нашивки, а мое дело будет тянуться перед тобой и отдавать честь. Смекаешь? — И прибавил с горечью: —

А мне сколько уколов всадили, пока я стал видеть, как ты... И притемняться я могу только минуты на две, на три. А ты?

Я пожал плечами:

— На час, если надо.

— Ну да! — восхитился он. — На целый час? Как Жозиа*? Совсем как Жозиа! Слушай, малыш, в двадцать лет ты будешь в Главном штабе Уполномоченного, это уж как пить дать!

Что бы он запел, если б знал правду! Притемняться на час? Как бы не так! Я притемняюсь уже сколько месяцев кряду... ну да, больше года. Потому что боюсь своего света. Он так быстро растет, что я поневоле привык притемняться сразу, как проснусь, и до тех пор, пока не лягу спать. Ну, конечно, не все время одинаково...

Вот поэтому никто и не знает, какой у меня на самом деле свет. К счастью. Меня и страх берет, а все-таки можно гордиться: свет у меня не хуже, чем у того типа, которого Черные ведут гасить.

Только я — не Факел. Не такой я дурак!

Защитный шлем, как у Черных, вот что мне нужно. Под шлемом свет может расти сколько угодно, и не придется тратить силы на то, чтоб его притемнить и прятать. И я смогу наконец думать, размышлять, а не прикидываться мальчишкой.

Шлем Черного... Но если мой попутчик не врет, выходит, я могу добыть его в два счета!

Вот оно! — говорю себе. — Я выиграл! Не слишком себя выдал и заполучу шлем, и моего света не будет видно...

* Жозиа — Начальник Главного штаба Генерал-Уполномоченного. Пользуется большой популярностью среди Черных. — *Прим. автора.*

Тут я заметил, что Черный не сводит с меня глаз и как-то странно усмехается.

— Что, брат, ты бы не прочь, а?

— Да, — отвечаю. Не слишком громко, неохота, чтоб Иоланда и Жосс услышали. Все-таки есть в этом и обратная сторона... как-никак мы были друзьями. Но нет, они далеко. Наверно, удрали еще прежде, чем Черные подошли ко мне.

— Слушай, — вполголоса говорит Черный. — Меня зовут Сенсина, я всего-навсего командир отделения. Если когда-нибудь ты сможешь мне посодействовать...

Вот тут я впервые убедился, что он вовсе не шутит и не дурачит меня. Я ничего не ответил, только подмигнул.

Он явно обрадовался.

— Как погасят этого, сразу пойдешь со мной. Я хочу, чтоб ты попросился в Офицерское училище при мне. На родителей, знаешь, положиться нельзя. Это такой народ, на три четверти — выродки, воображают, что миром будут править Светы!

Мы ускорили шаг и стали догонять остальных. Мой спутник показал мне на арестанта — тот со своим крестом на плече упал уже шестой или седьмой раз.

— Представляешь? — сказал мой Черный. — Чтоб этакая размазня правила тысячами стоящих людей!

Я с ним согласен. Эти Факелы разве люди — позволяют себя мучить и даже не отбиваются! А этот особенно! Сам не знаю, почему я так подумал, что-то в нем есть такое — не похож он на человека.

Так что хоть я и не ответил Черному, тут мы думаем одинаково. Вы, Факелы... если вы хотите что-то в мире изменить... даже не управлять им, а сделать его не таким, как теперь... надо действовать по-другому.

Больше года назад, с тех пор как я стал обуздывать свой свет, я понял: люди — подлые, и ленивые, и глупые, и жадные... Да что там, можно еще много всего насчитать. У людей полно всяких качеств — только не те, на которые молятся в своих храмах, там все ложь и притворство.

Потому-то я столько месяцев скрываю свой свет и по-прежнему говорю и веду себя как мальчишка.

Пока мы с Черным толковали о разных разностях, мы порядком отстали и когда поднялись на вершину холма, другие Черные уже принялись гасить Факел.

Мой Черный сказал мне:

— Такой способ мы пробуем первый раз. Обычно так поступали только с ворами, разбойниками да с теми, кто оскорбил Генерал-Уполномоченного. Ты малый смекалистый, в духе нашего времени, сейчас увидишь, как это забавно.

Может, оно и забавно, но сперва мне стало не по себе, и я насилу уменьшил свой свет. Не так-то легко притемняться без передышки, когда ты по-настоящему взволнован.

Черные воткнули крест стоймя между трех каменных глыб и теперь прибывали к нему арестанта. Прямо гвоздями. Ноги — к столбу, руки — к поперечине. И тут мне смутно вспомнилось, когда-то я уже видел что-то похожее — но где? Когда?

А этот не орал и не выл. Только жалобно стонал. Не знаю, откуда Черные взяли такие огромные гвозди. Может, таскают в карманах на всякий случай... Но молотка у них нет, заколачивают гвозди прямо камнями. Нет-нет кто-нибудь промахнется и как стукнет этого типа камнем по руке, по пальцам...

Впрочем, он, кажется, без памяти. Свесил голову на грудь и уже не шевелится.

Черные отошли немного и давай хохотать. А я никак не могу засмеяться, хоть и чувствую, мой спутник не сводит с меня глаз. Еще бы! Ведь он ждет, что я помогу ему продвинуться по службе...

— Десять минут — и уже погас, — говорит он. — Крышка.

— А почему вы сразу их не гасите? — спрашиваю, и голос у меня немного дрожит.

— Раньше гасили сразу, — отвечал Черный. — Только надоело. Никакого интереса, смекаешь? Все одно и то же, не на что глядеть!

Сказал и отвернулся, но я чувствую, он все равно искоса следит за мной.

— Понятно, для тебя оно не так, — продолжает. — Ты ж еще никогда никого не гасил. Если хочешь, попробуй, я не против, и наши тоже мешать не станут.

И окликает своих:

— Ребята, дадим парнишке позабавиться, пускай погасит этого типа, согласны? Учтите, он Трех-взглядный и притемняется, когда захочет и на сколько захочет!

Тут они все обступили меня и смотрят недоверчиво. Я снял очки, чтоб видеть без ошибки, что происходит.

Мы стоим на самой вершине холма. По небу несутся большие серые облака. Понятно, Черные облаков не видят и солнца сквозь туман тоже не различают. Что бы они сказали, что бы стали делать, если б знали, что без очков я вижу вдаль не на два и не на три Взгляда, а на сто и даже больше? И что я притемняюсь без передышки с той самой минуты, как проснулся нынче утром, и так — каждый день?

Они бы вырвали у меня глаза и погасили бы меня, уж это наверняка.

— Ну как? — спрашивает мой Черный. — Не струсишь?

Я опять надеваю очки. Нет больше ни облаков, ни Солнца. Всюду серые сумерки.

Распятый поднял голову и застонал. И тут я решаюсь. У меня нет к нему ни капли уважения (все Факелы — дураки, чего они так легко даются в руки Черным!) — но он мучается.

— А для чего вы надели на него шлем? — спрашиваю.

Мой Черный отвечает:

— Такой порядок. Чтоб не собирались любопытные.

— Но он потерял много крови, он уже на три четверти погас! Мне интересно, что осталось от его света. Может, вы снимете с него шлем?

— Сними сам, если хочешь, — говорит Черный.

Он проверяет, хватит ли у меня храбрости... Ясно, меня испытывают! Ну, если он воображает, что я пойду на попятный!..

Взбираюсь на каменную глыбу, протягиваю руку, снимаю шлем. Свет распятого мигает, словно в отчаянии. Он самую малость ярче нормального.

Этот тип открывает глаза и смотрит на меня. И улыбается.

— Да-да, — бормочет он. — Дети... Пусть ко мне придут дети!

Потом он стонет и опять зовет отца. Как будто отец может помочь!

Я слезаю с глыбы, возвращаюсь к своему Черному. В руке у меня зажат камень.

— Этот будет первый! — кричу я. — А потом я и других буду гасить!

И кидаю камень.

Я попал в висок, и этот тип сразу перестал стонать. Голова опять свесилась, и свет погас. Совсем. И можете мне поверить, не оттого, что он сам притемнился.

— Чисто сработано, молодец, малыш! — с восхищением говорит мне Черный.

Может, у него оставались какие-то сомнения. А теперь кончено. И Факел сразу перестал мучиться.

— Идем прямо в училище, я им скажу, тебя обязаны принять. Согласен?

...Еще бы не согласен! Погодите, вот я стану офицером, войду в Главный штаб, тогда увидите, что я, Микаэль, сделаю из вашего слепого мира!

Когда мы стали спускаться с холма, я снял очки. За крестом пылало Солнце — то самое Солнце, которого другие почти не различают. Далеко-далеко я увидел Жосса и Иоланду в обнимку. Ну и ладно, мне плевать. Мне теперь не до ревности. Прощайте, ребяташки. Теперь я завоюю мир!

Пора мщения

1

В те времена вода в реке Арконж еще не была красной. Мы с Эриаль жили в городе по имени Стенн, по одну его сторону расстиралось болото теней, по другую росли леса забвения. То было прежде, чем в наше небо вторглись пришельцы, прежде, чем поднялось Древо стонов. Город наш был огромен, так огромен, что я даже не знал, как его весь обойти, а теперь его здания лежат в развалинах. Мы с Эриаль любили бродить по улицам в час, когда их озаряло закатное солнце и в небе показывались обе луны. Помню, вдалеке негромко звучали башни эхо, стринксы рассекали воздух перепончатыми крыльями, кружили легкие эжиретры, перепархивая с террасы на террасу. В сумерки наш город был прекрасен. Мы с Эриаль брали напрокат летающую лодку и взмывали над крышами. Жужжали сильные надкрылья; воздушные струи обтекали нас; мы плыли вдоль облачных отмелей. А под нами, сколько хватал глаз, прихотливым лабиринтом вились улицы города по имени Стенн.

Вот в такой-то вечер Эриаль узнала. Глаза ее вдруг расширились от страха, она схватила меня за руку и сказала, что наш мир скоро погибнет. Город под нами был словно сверкающий корабль, словно лучезарный ковчег; к нам поднимались дуновения ночи, беспрестанно пели вполголоса башни эхо. Жизнь была,

как всегда, безмятежна и проста. И в мыслях моих был покой. Я засмеялся и сказал — глупышка, не выдумывай, все это вздор! — но она прижалась ко мне, вся дрожа. Наши Старейшины и Мудрецы обладают Могуществом: порою сквозь завесу времени они провидят будущее. Но Эриаль — как могла она разгадать тайну дней, которые еще не настали? Если вправду нашей планете грозит злая судьба, об этом уж конечно узнали бы наши прорицатели, а не только она, да и откуда бы у нее такое прозрение? Так успокаивал я Эриаль, но безуспешно. Мы возвратились домой раньше обычного; она больше не заговаривала о своих страхах, но всю ночь я чувствовал — она дрожит, словно в ознобе.

А через несколько обращений небо взорвалось. Эриаль не ошиблась. Единственная из всех нас она *знала*. Был вечер — такой же, как все вечера. По небу плыли дымного цвета облака, опять и опять закрывая обе луны. То был час, когда наш город пробуждался навстречу ночи. Звонко кричали стаи стринксов, стеклянные стихи взмахивали опахалами, недвижимая арка радиации золотой дугой пересекала небо-свод. Мы не подозревали, что это — последняя наша счастливая минута. И вдруг все рухнуло. В небе разверзлись огненные жерла, воздух содрогнулся от грохота и из облаков вырвались огромные неуклюжие машины. Нестерпимый рев все нарастал. Горожане падали ничком, зажимали уши ладонями. Небо оглушительно гремело, раздираемое чужими кораблями. И город рассыпался, расшатанный до основания яростным сотрясением. Мы видели, как рушатся и обращаются в серую пыль чудесные сверкающие здания, гордость нашего города. Вскоре от него остались только обломки и прах. И на руины с громовым рычаньем опустились чудовищные корабли. Но мы с

Эриаль, как и многие, кто уцелел, успели бежать. Подземный туннель перенес нас к реке, а оттуда в подводном шаре мы опустились в глубины океана — там, на дне, устояли после катастрофы убежища-купола. Там мы собрались — все, кто выжил, — и вновь стали жить, воссоздавать свой мир, свыкаться с новыми буднями. Когда-нибудь настанет час расплаты; а ныне пришло время терпеть и ждать. Все это случилось в ту пору, когда воды реки Арконж еще не стали красными и еще не поднялось Древо стонов. Это было прежде, чем к нам вторглись те, что называли себя людьми с планеты Земля.

2

Сколько обращений, сколько круговоротов минуло после нашествия землян? Те, кто измеряет время, это знают, они ведут точный счет. Они тщательно измеряют сроки, которые все еще отделяют нас от порыва мщения. А мы с Эриаль не знаем, сколько осталось ждать. Как почти все наши, мы с головой ушли в работу, у нас нет ни минуты передышки, каждый исполняет свой долг. Наш народ выжил, так надо! Надо было выжить, чтобы захватчиков настигло возмездие. Это мы знали твердо. Но надежда наша бесплодна, точно иссохшее дерево, корни ее не питаются животворными соками. Ибо в жизни должен быть смысл; он был бы в нашей жизни, знай мы, что когда-нибудь вновь возродится наш прекрасный мир, восстанут из праха и вновь наполнятся народом разрушенные города. Но если и совершится возрождение, мы его не увидим, понадобится труд многих поколений, чтобы выжженная почва вновь стала приносить плоды, чтобы снова поднялся на берегу реки Арконж город по имени Стенн. И все равно, это будет уже не тот город,

какой мы знали прежде. Вот почему в сердцах у нас горечь и пустота, словно в иссохшем дереве, вот почему, хоть мы и посвятили себя всецело своему долгу, работа наша не дает нам утоления.

Наши посланцы, рискуя собой, поднимаются наверх и приносят страшные вести о том, что видели они на суше. Повсюду запустение и гибель. Все, что было нами создано, все сокровища нашей цивилизации разорены, разрушены пришельцами, не способными понять ее и оценить. От творений наших созданных не осталось и следа, на их месте громоздятся уродливые металлические постройки землян. Все наши братья, которые не успели укрыться на дне океана, убиты или взяты в плен — и рассказывают, что варвары забавляются, проделывая над пленниками самые жестокие опыты. Говорят, земные ученые пытаются выяснить, кто мы и что собою представляем; они изучают строение наших тел, разглядывают под микроскопом наши клетки, считают гены; они рассекают на части наши органы, чтобы лучше понять их действие. А плоды этой бойни — изуродованные останки наших братьев — эти живодеры сваливают в кучи и потом бросают в реку Арконж. Скоро все наши, кто не успел покинуть сушу, погибнут — все до единого. Скоро в живых останутся лишь те, кто укрылся в подводных куполах, — здесь мы будем и дальше жить своей жизнью, неведомой завоевателям, недостижимые для них, защищенные от их детекторов экранами наших силовых полей. И скоро они вообразят, будто вся планета принадлежит им безраздельно. Будто они могут ее увечить, рыть и копать, и грабить ее недра, как им заблагорассудится, — они уже роются в ней, жадные, неутомимые кроты. Видно, в наших почвах скрыты неистощимые залежи какого-то очень нужного и ценного для них минерала.

Но мы готовим ответный удар. Быть может, по сравнению с ними мы слабы и немощны телом, и наши города были столь хрупки, что рухнули от одного лишь сотрясения, от гула кораблей с Земли. Но в конце концов мы их одолеем. Ведь наши ученые тоже работают без отдыха. Не над заложниками из числа землян, нет, мы не так неосторожны, чтобы брать их в плен и доставлять в подводные купола. Мы действуем не так грубо. Наши приборы и на расстоянии способны точно определить, как устроен организм пришельцев, как совершается у них обмен веществ, на чем основан их жизненный цикл. Мы выделяем и соединяем химические вещества, они станут оружием, которое поразит наших врагов изнутри. Это будет бактериологическое вторжение, против него пришельцы окажутся беззащитны. Наши изыскания идут успешно. Медленно, но неуклонно разрабатывается план атаки. Уже скоро — так говорят наши предсказатели — мы сможем выйти на поверхность и разом нанести удар всюду, где расположились захватчики; по всей планете мы распространим газ, для нас безвредный, для них ядовитый. Наши мудрецы не торопились, они всесторонне обдумали задачу и выбрали из всех решений самое подходящее. Слишком просто было бы отравить землян смертельным ядом, который погубил бы их мгновенно и усеял бы нашу планету их трупами. Нет, нам нужно средство, которое утешило бы нас за все страдания, нужно, чтобы месть была долгой...

3

И вот оно, отмщение. Все произошло, как было задумано. В урочный час мы вышли из морской пучины; наш флот достиг всех континентов. Конечно

же захватчики сопротивлялись. Их машины сеяли смерть. Но уже работали наши аппараты, рассеивая газ, который быстро привел врагов в оцепенение. Мы без труда одержали победу. Всюду валялись окоченевшие земляне, точно пораженные мором вредные насекомые, и глядели на нас потускневшими глазами. Они ясно сознавали происходящее, наши ученые позаботились о том, чтобы они ни при каких условиях не теряли сознание. Но двигательные центры их тел были уничтожены.

Затем мы приступили ко второй части нашего плана. Мы собрали их всех вместе, то была нескончаемо долгая и тяжкая работа. Их стало уже так много, они кишмя кишели на нашей планете! Всех их собрали в загоны, точно огромные своры опасных зверей. И тут каждому впрыснули еще одно средство, изобретенное нарочно для них, — сыворотку выносливости. Так готовили их к тому, что им предстояло.

А затем — новые и новые перемены. Наша месть идет своим чередом, ей еще долго не будет конца. Мы изыскивали, усовершенствовали и применяем разные способы, заставляющие землян мучиться как можно больше. Мы знаем, что испытывают они, когда у них вырывают ногти, продырявливают веки, сдирают с них кожу. Мы знаем, сколько крови — крови, цвет которой когда-то нас так поразил, — можно извлечь из их тела, знаем с точностью до последней капли.

Ибо теперь они уже не могут умереть. Мы позаботились о том, чтобы все их нервные центры уцелели, пусть каждая волна боли докатывается до мозга. До самого конца, до мгновенья, когда разрушится последняя малая частица их плоти, они не могут умереть, они могут только *ощущать*. И в их обезумевших глазах (когда глаза остаются нетронутыми) всегда мерцает искра сознания.

Вот с того дня на окраине нашего временного города — поодаль, чтобы не нарушать покой наших ночей, — поднялось Древо стонов. Это исполинское Древо, ветви его несчетны, на них можно подвесить тысячи жертв. И с того дня стали красными воды Арконжа: красный — цвет крови землян, ее неиссякаемые ручьи питают отныне реку Арконж.

В иные вечера мы с Эриаль идем на берег и смотрим на реку, а ветер доносит от Древа стонов вздохи и рыдания. Эриаль — а она *знает*, — говорит, что остается еще немало землян, которых можно медленно разрывать на части, хватит, чтобы пора мщения продлилась и после того, как нас обоих не станет. А воспоминание об этой поре сохранится до конца времен. Мудрецы утверждают, что это навсегда послужит для всех уроком: пусть все знают, как расплачиваются варвары за нападение на один из самых высокоразвитых народов нашей галактики.

И все же иногда я думаю: хоть и смотришь на красные воды реки и слушаешь Древо стонов, на сердце не становится легче. Эриаль говорит, мне надо лишь пойти в леса забвения, испить от родника снов, и я вернусь возрожденный и вновь смогу упиваться нашей местью. Я знаю, она права. И все же в иные минуты меня одолевают сомнения, и мне жаль мирного счастья, той жизни, что была когда-то, прекрасного города по имени Стенн и тихой прелести вечеров, отошедших без возврата.

Голоса Пространства

Впервые я услышал голоса Пространства на борту искусственного спутника, что кружит между орбитами Земли и Луны. На спутнике я оказался потому, что жить на Земле стало невыносимо и захотелось бежать от однообразия и от чумы сумасшествия, которое подстерегало меня там, на нашей планете. Думаю, вы помните, каковы они были, Годы безумия. Сумасбродство и нетерпимость каждый день грозили войной, и переполненные лечебницы уже не вмещали помешанных.

Но для тех, в ком отвращение не погасило искру жизни, еще оставалось Пространство. Вот где люди еще пытались чего-то достичь. Там, вдали от бессмысленной суеты и угара больших городов, без помех отдавалась раздумьям и работе горсточка людей. Там мы точно знали, каких одолевать противников — пустоту, страх, невесомость — и к каким целям стремиться — к Марсу, Венере, Юпитеру, Сатурну, к астероидам, а быть может, и к Меркурию, и к Урану; мы даже мечтали проложить дорогу детям и внукам. Пусть они достигнут звезд.

Наша жизнь была вовсе не так однообразна, как могут подумать. По крайней мере нам она казалась куда увлекательней, чем та, какую мы могли бы вести на Земле. И несмотря на неизбежную строжайшую дисциплину, которой подчинялось все наше сущест-

вание, мы чувствовали себя свободными как никогда. Впереди у нас были века научных исследований, наконец-то мы видели звезды, не затянутые пологом земной атмосферы, заново совершали открытия в пространстве, не знаящем тяготения, изучали состояние людей, внезапно поставленных лицом к лицу с миром чуждым и неведомым. Каждый мог заниматься тем, что ему по душе, — и так, не торопясь, в свое удовольствие, мы следовали многообразными путями познания. И вот во время одного из таких опытов я впервые услышал голос Пространства.

Специалистом по электронике у нас был Грандэн; он изучал эффект сверхпроводимости, который обнаруживается, когда температура падает почти до абсолютного нуля. Это же явление позволило ему сконструировать сверхточные аппараты и с их помощью тщательно исследовать любую гамму волн, от самых коротких, которые когда-то называли космическим излучением, минуя те, которые наш глаз воспринимает как свет, и до самых длинных. Его чуткие приборы ловили колебания, посланные далекими солнцами тысячи лет назад. На экранах его осциллографов плясали сумасшедшую сарабанду огненные точки, и это значило, что за полтора-два тысяч лет перед тем какая-то звезда на другом краю галактики вспыхнула и обернулась сверхновой, прежде чем погаснуть навеки.

Грандэн был худой, сухопарый, странная желтоватая кожа словно бы в трещинах, как будто среди его ближайших предков затесалась какая-нибудь огромная ящерица. Был он на редкость молчалив, казалось даже, ему трудно связать самые простые слова, так сильна привычка изъясняться математическими формулами. Но в отвлеченном мире электронов ум его обретал необычайную проницательность. Гран-

дэн плохо понимал людей, потому-то и летел, как и мы, по космической орбите, зато никто так не умел подметить признаки недуга, постигающего любую машину. Однако в отличие от многих своих коллег он не приписывал инструментам сложных человеческих чувств. Нет, напротив, он людей готов был считать чересчур сложными, хрупкими машинами, которые слишком часто ошибаются.

Мы работали в самой сердцевине нашей космической станции, под куполом, где нет силы тяжести, под звездами, которые оттуда казались неподвижными, — из боковых иллюминаторов они представлялись светящимися кольцами, потому что спутник вращался вокруг собственной оси.

Мы изучали Пространство — Грандэн при помощи тончайших антенн, а я простым глазом и почти без цели: под этими чистейшими небесами я только размышлял и философствовал.

Вдруг Грандэн страшно побледнел, затряс головой, будто невидимая оса назойливо зажуужала у самого уха. Обернулся и посмотрел на меня.

— Этого не может быть, — сказал он.

— Чего именно?

Он молча смотрел на меня в упор, лицо его искажала медленная судорога. Мне вспомнилось — много лет назад такое я видел у человека, который больше всего на свете любил музыку; в доме его полно было пластинок, казалось, музыка льется отовсюду, и если мерный напев трубы на миг прерывался скрипом, в чертах того человека я видел такое же невыразимое страдание.

— Не понимаю, — сказал Грандэн. — Слышны шумы.

— Помехи?

— Нет. Все помехи мне знакомы.

Это верно. Ухо его различало любое жужжанье, скрип, сухой треск крохотных взрывов, раздающихся в Пространстве; он узнавал любое из незримых насекомых, чьи челюсти неустанно грызут тишину, и далекие шорохи, и виолончельное пение звезд. Любой звук он мог назвать по имени. Мог ослабить их, почти свести на нет. Мог раздавить их или отогнать, как избавляешься от пчелы или неразличимого во тьме летней ночи ноющего комара.

— Какое-нибудь далекое излучение, — сказал я. — Радиомаяк указывал путь кораблям. Или это вспышка на Солнце. Или волна отразилась от Луны.

— Ничего похожего, — возразил Грандэн. — Это совсем другое.

Мне пригрезилось Пространство, населенное волнами, — они пронизывают планеты, пересекают небеса, разыгрываются бурями, проникают сквозь стены и запертые двери. Это трудно себе представить. Надо закрыть глаза и вообразить тьму и тишину, необъятную, пустынную, и, однако, там полным-полно жизни, там все насыщено и переплетено, вспыхивают внезапные молнии и, точно в море, округло колышутся волны. Это тоже вселенная, как и Вселенная планет, звезд и галактик. Но для нас она еще недосягаемей, и, однако, она неотделима от планет, от галактик и от звезд, из которых они состоят, так же, как наш скелет, которого мы никогда не увидим, неотделим от нашего тела.

— Не знаю, — жалобно сказал Грандэн. — Слушай.

Он передал мне наушники, я взял их и в первое мгновение ничего не услышал, только уловил какую-то безмолвную глубину, словно бы эхо молчания,

отраженное стенами бездонного колодца. А потом незаметно это пришло, и все нарастало, и меня начало трясти.

То были тяжелые мерные колебания, которые дрожью отдавались у меня в черепе, звуки невыразимо мрачные, протяжные, грозные, и на миг мне почудилось, будто всю Вселенную накрыл исполинский колокол и его-то я услышал. Словно осенний ветер вздыхал в ветвях деревьев, свистал в тонких органных трубах высохших трав, медлил и гудел на липких лужах, завывал в дымоходах, трещал в огне зимних очагов, тихонько шептал что-то в обрамляющих окна сосульках.

Звук появлялся и исчезал, нарастал и вновь слабел, медлительный, заунывный, ничуть не похожий на однообразное шуршание радиопомех.

— Это голоса, — сказал я.

Грандэн поглядел на меня и слегка пожал плечами, но даже не улыбнулся. Морщины у него на лбу немного разгладились.

— Не знаю, — повторил он. — Возможно, почему бы и нет. Но что это за голоса?

— Не все ли равно, — сказал я. — Голоса Пространства. Голоса плавящегося металла. Голоса комет, метеоров, астероидов, пылающих гор Меркурия или колец Сатурна. Свет, жар, энергия, преобразенные в звук.

Грандэн покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Все, о чем ты говоришь, я слышал, а это совсем другое. Никогда, даже в день Страшного суда, бывалый моряк не спутает сирену, которой сигналият в тумане, со штормовой. Так и тут. Как не спутаешь дыхание с человеческим голосом. Слышишь, как входит в легкие и опять выходит воз-

дух, — или слышишь слова, их произносят губы. Это не спутаешь. Радиопомехи — дыхание Вселенной. А здесь не то. Это... может быть, ты прав... это голос.

Он взял у меня наушники, и по его лицу так ясно было, что он слышит, я и сам улавливал эти глухие плавные колебания и понял — вот они слабеют, сходят на нет, потому что Грандэн весь — внимание, словно бы погружается в себя, даже закрыл глаза, пытаясь следовать за таинственным голосом в глубины, где тот под конец исчез.

— Кончилось? — спросил я.

Он посмотрел удивленно.

— Да.

— Это был голос, — торопливо заговорил я, голова кружилась. — Это был голос... может быть, он дошел с Марса, или с Венеры, или с другой какой-то планеты. Мы не одиноки во Вселенной.

— Нет, — печально сказал Грандэн. — Ниоткуда он не шел, ни из какого другого мира. И во Вселенной мы одиноки. Право, не понимаю, как ты еще можешь в этом сомневаться; мы одни со своими машинами. Через десяток лет мы высадимся на Марсе и воочию убедимся, что Марс просто пустыня, мы же всегда это знали наверняка, наперекор всему, о чем мечтали.

Он обернулся ко мне, через силу улыбнулся.

— Видишь ли, — продолжал он, — почти сто лет назад, когда только что появилось радио, люди уловили сигналы, исходящие с Марса. И возликовали. Весть об этом разнеслась по всей Земле. Времена одиночества миновали. Отныне конец войнам, розни народов, нищете. На Марсе живут наши братья. А потом другие люди развернули антенны, сделали измерения и расчеты. И обнаружили, что пойманные прежние сигналы были всего лишь эхом, поверхность Марса отразила волны, идущие от Солнца.

Марс остался пустыней. И осталась рознь между народами, войны, нищета. И с тех пор временами наши приемники ловят сигналы из космоса, но это всегда только шутки, которые шутит с нами Вселенная.

— Но, может быть, когда-нибудь... — неуверенно сказал я.

— Ты всего лишь философ, — вздохнул он. — Или, еще того хуже, поэт.

Прошли годы. Я забыл те голоса. Мы достигли Марса — и Марс оказался всего лишь пустыней. Тяжесть безмерного разочарования придавила Землю.

Я не был среди тех, кто первыми ступили на Марс. Но не все ли равно, ведь когда их серебряная ракета, пронизав тощий слой облаков, снижалась над ледяными марсианскими пустынями, я тоже вглядывался в просторы этой планеты, и кто-то во мне, кто-то древний, неведомый, ждал — вот сейчас что-то вспыхнет, взору явится сверкающий город в зареве тысячи огней, в отраженном свете крохотного солнца.

Но ничего я не увидел.

И никто ничего не увидел. Марс был пустыней.

Мы предвидели это, мы это знали, заранее рассчитали, доказали и проанализировали, и все же оказалось — почти никто ни среди команды корабля, ни на Земле в это не верил. Оказалось, даже тот, кто все это вычислил и проверил расчеты, надеялся, что допустил ошибку. Оказалось, миллионы прислушивались к небу в надежде уловить малейший необычный звук, чужой голос.

Вспоминаю радиogramмы, которыми обменялись первая марсианская экспедиция и Земля. Переговоры были кратки и оттого драматичны.

— Ничего, — передали с Марса.

Молчание. Земля медлит, взвешивает каждое слово.

— Проверьте еще, — говорит она наконец. — У вас еще не может быть уверенности. Вы еще не успели осмотреть всю планету, квадратный метр за метром.

— Нет совсем ничего, — ответил Марс. — Мы уверены. Здесь никогда не было жизни.

— Проверьте под почвой, — настаивала Земля. — В глубине океанов. Под песками, подо льдом.

— Ничего, — отрезал Марс.

И Земля умолкала. И нам, на Марсе, стало горько, потому что правы оказались мы. А на Земле еще шире распространилось безумие и отчаяние. Мнимые пророки богатели, предсказывая, что мы обречены навеки оставаться в одиночестве. И вот что написал я для одной газеты:

«Марс — пустыня. Огромная красная пустыня, которую золотит неяркое солнце, а по ночам — робкие лучи двух лун. Стылое море иссохло в пыль, лишь порою старый усталый ветер, свистя в трещинах скал, подобных полуразрушенным колоннам, поднимает на нем серую пену песка, или медлят на нем холодные мерцающие туманы марсианского утра. Ветер стар и утомлен, он только свистит, никогда ему не петь в обнаженных ветвях деревьев. На Марсе нет деревьев. И лишь порой ночами отсветы и трепетные тени бесцельно бродят по белым тропам прожекторов; они похожи на странные мертвые деревья, наклеенные на черные экраны, и еще они напоминают мертвенно-бледные и зеленые деревья Земли, те, что шумят и бушуют в бурю или мирно простирают ветви в часы затишья, сонные деревья — память о Земле.

Но тени эти — лишь грезы, призрачные воспоминания древних равнин Марса».

Итак, мы завоевали Марс и два его спутника. Мы работали как одержимые. Предстояли уже не века, а тысячелетия исследований; и уже не только для внуков, но для себя мы жаждали звезд, которые так ясно и холодно сияли в небе Марса.

Однажды вечером мы слушали оркестр с Земли — музыка звучала так, словно играл он здесь, в нашем воздушном пузыре. А потом между этим нашим жилищем и Землей прошла одна из марсианских лун, и несколько секунд мы только и слышали завывание и треск помех. И ждали, не смея вздохнуть, — так среди ночи, замирая, слушаешь, как кровь стучит в висках.

— Оркестры играют только на Земле, — промолвил Ласаль.

— Что ты хочешь этим сказать? — резко спросил Ферье.

— Сколько месяцев, сколько лет мы обшариваем небо, и ни разу не поймали никаких передач, кроме как с Земли.

— А ты чего ждал? — спросил Ферье.

— Не знаю, — сказал Ласаль. — Крика, зова, голоса. Необъяснимой дрожи эфира.

Мы смотрели на этих двоих, уронив руки на колени, лица у всех осунувшиеся, усталые.

— Ты просто мечтатель, — сказал Ферье.

Я присмотрелся к нему: отрешенный взгляд запавших глаз, застывшие черты сурового лица в желтом свете кажутся особенно резкими... да, конечно, он и сам мечтатель! И я понял — как все мы, он мечтает не о Земле, он равнодушен к тому, что оставил позади, к текущему счету, который растет не по дням, а по часам, потому что он, Ферье, как все мы, занят самой опасной работой, до какой додумалось человечество, и не извлекает из этого ни малейшей

выгоды; равнодушен и к долгому отдыху, которым сможет насладиться лет через десять, когда его вконец вымотают космос и синтетический воздух, каким мы дышим на Марсе; я понял — он думает о том, что хотел бы открыть и чего мы не нашли на Марсе, но, быть может, откроем на Сатурне или на Юпитере, — о собратях.

Тогда поднялся Юсс. Молодой, белокожий и светловолосый и глаза светлые, — почему-то казалось, что ему трудно не отвести их, если встретишься с ним взглядом. И голос тоже у него был ясный, но неуверенный и звучал еще нерешительней оттого, что с нами Юсс разговаривал не на родном своем языке.

— Вчера я шарил на всех диапазонах и слышал такое, что шло не с Земли, — сказал он. — Ничего подобного я никогда еще не слышал. Это было похоже... как бы сказать... похоже на жалобу. А потом утихло. Я слушал, и мне стало страшно.

Он поднял глаза и тревожно оглядел нас, сидящих полукругом, но никто не засмеялся. Кто-то зашаркал подошвами, кто-то покашлял, но не засмеялся никто. И не встретив того, чего опасался — насмешки, — Юсс продолжал:

— Может быть, сегодня вечером попробовать еще раз? Может быть, я опять это услышу.

Белые, длинные, совсем девичьи пальцы его пробежали по клавишам настройки. Снаружи, в разреженном холодном воздухе Марса, беззвучно повернулись антенны.

В картонных раковинах громкоговорителей хрипло вздохнул ветер. Но летел он не над какой-то планетой, не над океанами Земли и не над полюсами Марса, он летел среди миров и не приносил с собой ни отзвука, ни зова, только свое же звездное эхо.

Мы ждали, недвижимые, охваченные смутной печалью, печальной тревогой оттого, что сейчас увидим, как горько обманется Юсс в своих надеждах.

Но *оно* пришло, и в первую минуту я не понял, что же это напоминает. Я мог бы поклясться, что никогда еще не слышал ничего похожего. То был звук бесконечно низкий, глубокий, и не просто звук, но песнь, протяжный вопль, голос, полный невыразимого страдания, голос некоего духа, влачащегося в недрах пустоты, голос иного времени, иного мира.

Из громкоговорителя слышался шорох, будто моросил дождь. Радиопомехи. А голос... такой рев издавали, должно быть плезиозавры, что обитали в теплых морях вторичного периода.

А потом я подумал о Грандэне, мне представилось его озабоченное лицо, вспомнилось, что услышал я тогда в глубине наушников, прижатых к ушам, точно морские раковины.

Но здесь, на Марсе, вдалеке от нашего Солнца, голос звучал гораздо более мощно, чем тогда на околоземной орбите.

Я порывисто зажал уши, как зажмуриваешься, когда спит, я пытался больше не слышать этого далекого зова, искаженного, страдальческого, всепроникающего и зыбкого, этих хриплых воплей, завывания расплавленной материи, зловещего свиста.

Я пытался не искать в этом смысла, проблеска надежды, ибо знал: надеяться бессмысленно, ведь я на Марсе, в пустыне, и знаю, что во Вселенной мы одни. Я пытался... но тщетно.

А голос менялся. В нем было все меньше глубины, все больше металла, словно звучали какие-то небесные трубы. Слабее, слабее, и вот все пропало.

— Помехи, — сквозь зубы сказал Ферье.

Настала тишина, и только Ласаль коротко щелкнул переключателем, и к нам хлынула музыка Земли. Долгие минуты мы молчали, а на Земле трубач все разматывал нескончаемую, спутанную певучую нить.

Наконец я обернулся к Ферье.

— Нет, не думаю, — сказал я. — Помехи так не исчезают. Не думаю, чтобы это объяснялось так просто.

— Чего не знаю, того не знаю.

И Ферье возвел глаза к потолку в знак, что ему надоели разговоры на эту тему, а я подумал — просто он не желает признать, что ошибся, и не позволяет себе надеяться.

— Чего вы надулись? — сказал Ласаль. — Вам эта музыка не по вкусу? Пожалуйста, можно послушать «Ла Скала», или парижскую оперу, или московскую, или Альберт-Холл, или Сторивилл. Стоит только переменить волну.

Волну переменили, и вот все голоса, все оркестры Земли к нашим услугам. Но мы-то ждали и надеялись услышать неведомый голос, иные созвучия, вот о чем думали мы, глядя на экраны, на пустынные равнины Марса.

— Это мне напоминает один случай, — сказал Вьет.

Как ни странно, до сих пор он молчал, а ведь обычно, что бы ни случилось, у него всегда была в запасе какая-нибудь удивительная история, которая оказывалась кстати. Не человек, а ходячая летопись. Очень редко мы узнавали, что думал он сам о каком-либо своем приключении, но что и как приключилось — об этом он умел поведать во всех подробностях.

— Это мне напоминает один спиритический сеанс. Помнится, нас там было пятеро, мы сидели в полутьме за круглым столом, кончиками пальцев

касались полированной столешницы и, сами не очень в это веря, надеялись — вдруг что-то произойдет. Ждать было нечего — я думаю, все мы это понимали, кроме, может быть, женщины, в чьем доме мы собирались, — она-то верила непоколебимо. Однако мы тоже смутно надеялись.

— И действительно что-то произошло? — резко спросил Ферье.

— Право, не знаю. Теперь я почти уверен, что ничего не было, а тогда совсем не был уверен. В человеке живут всевозможные звуки — шумит кровь, текущая по артериям, колеблются барабанные перепонки, дышат легкие, да еще сколько призраков, воспоминаний о звуках, которые некогда погребены были в саркофагах памяти, но только и ждут, как бы вырваться на волю. Да, не очень-то можно верить своим ушам. А может быть, тут что-то другое. А может быть, это одно и то же. Вот ты что-то услышал — и заворужен, и трепещешь, а потом все прошло — и начинаешь сомневаться.

— Не вижу связи, — сказал Ферье.

— А я вижу, — отрезал Вьет. — Все мы тут сидим вокруг огромного стола — пустынного Марса, — нетерпеливо барабаним по нему пальцами, и подстерегаем, и ждем, и надеемся, и старается пробудить голоса Вселенной. Время идет, а мы все ждем напрасно. А потом, когда свет меркнет, и стол вздрагивает, и где-то в пространстве возникает звук, мы начинаем спрашивать себя, не обманул ли нас слух, начинаем сомневаться.

— Мы не гадалки и не астрологи! — загремел Ферье. — Не предсказываем будущее по картам и по звездам. И не вызываем духов умерших.

— Пока еще нет. Но у нас есть кое-что общее и с гадалками и с астрологами, — заметил Вьет. — Мы

ждем зова. Ищем контакта. И очень надеемся дождаться и найти. Через пять лет мы дойдем до Юпитера. А через столетие, возможно, достигнем звезд. И нравится тебе это или нет, Ферье, мы стремимся туда все по той же старой-престарой причине: нам ненавистно одиночество.

На то, чтобы достичь Юпитера, мы потратили шесть лет. А Юпитер оказался всего лишь громадным океаном, совершенно безжизненным: жидкий зеленый шар, исполинское око в орбите Пространства, отражающее холодные лучи далекого Солнца; Юпитер — скопище бесстрастных бурь и гигантских волн. Мы этого и ждали — и все-таки это было горьким разочарованием. Ведь долгие недели мы мчались в пустоте, пленники своих ракет, затаив тоску по Земле, и во взглядах угадывались печаль и призрак земных зеленых равнин, в ушах отдавалось эхо родных звуков — говор толпы, волчий вой, все голоса жизни.

И долгий путь, и тоска — все оказалось напрасно.

Мне вспоминается — когда я был маленький, родители однажды привели меня на мыс, которым заканчивался материк, где я родился. Равнодушные волны разбивались о черные скалы. А за этим мысом и несколькими островками не видно было уже ничего, совсем ничего, только море. Но важно было не то, что увидел я лишь пустынный оком, важно то, что я знал. А я знал — она необъятна, эта водная гладь без единого зернышка суши, эта зеленая жидкая соль, — и однако, за непостижимой далью, по другую ее сторону, живут люди. Я знал, потому что мне об этом сказали. Знал, потому что в это верил. Ничего такого не было написано в небесах, и даже мой детский глаз не различал воображаемых очертаний далеких мате-

риков. Но я знал и то, что стою на краю земли — и что в дальней дали вновь начинается земля, и так они с морем чередуются бесконечно.

В этот день я понял, как далеко отстоит то, что знаешь, от того, что есть на самом деле. Кроме всего, что можно увидеть и потрогать, существует еще и другое — и, хоть его не коснешься, оно придает новый смысл всему, что тебя окружает. Главное — всегда можно закрыть глаза и перенестись через непостижимую ширь соленых вод, главное — само это препятствие чудесно, ибо чудесно то, что воображается мне по другую сторону моря.

И космос тоже чудо, думал я, пролетая вокруг Юпитера, я и сейчас на мысу, на краю Пространства и, сощуриаясь, пытаюсь разглядеть звездные берега или, может быть, громадные корабли, еще скрытые за его изгибом.

Сатурн сейчас по ту сторону Солнца, и до противостояния еще годы; Уран движется далеко, совсем в другой части эклиптики, а Нептун и Плутон — всего лишь крохотные островки, вехи на пути.

Я на краю света.

Вдали от голосов Земли, от грозного рокота и шороха астероидов. И как никогда близко к голосам космоса.

Мы научились их узнавать, пока кружили вокруг Юпитера, наблюдая неизменную поверхность этой жидкой планеты. Научились различать, как они чередуются, нарастают и вновь слабеют, переходят от глубоких, низких к высоким и пронзительным и удаляются, словно вопль исполинской сирены, тревожно взывающей в ночи.

Я счастлив был, что достиг Юпитера. На Земле по-прежнему было неладно. Люди устали и отчаялись безмерно. Раза два мы даже опасались, что нам

прикажут прервать все изыскания и возвратиться на Землю.

Тогда нам пришлось бы повиноваться.

Мы прислушивались к голосам.

И прилетали еще люди, чтобы их услышать.

— Что вы об этом скажете?

— Страшновато, правда?

— Будь я человек суеверный, я бы подумал, что это голоса мертвецов или вампиров.

— Насмотрелись плохих фильмов.

И я спрашивал себя, что станется с голосами Земли, со звучанием земных оркестров, когда несущие их волны через тысячи лет достигнут туманности Андромеды, и найдется ли там ухо, способное их услышать? Я спрашивал себя, во что обратятся Девятая симфония и труба Армстронга, квартет Бартока и электронная музыка Монка после того, как долгие годы их будет носить в Пространстве по прихоти космических течений, и качать на светозарных волнах звезд, и затягивать в тихие темные омуты космоса?

Сигнальный трезвон. Треск громкоговорителя.

— Ради всего святого, оставайтесь на своих местах. Опасности никакой нет.

— Нас изрядно потрянуло, правда?

— Да вы хоть на экраны поглядите. Такую громадину можно бы увидеть и простым глазом.

Я вскочил, торопливо оделся. Тревога миновала. Невидимый, но массивный метеор чуть задел нас, и мы отклонились от прежней орбиты. Задел. Быть может, он пролетел в миллионе километров от нас. Быть может, в десяти миллионах. Никто ничего не увидел. Даже наши приборы, даже зоркие, настороженные глаза приборов не увидели его, даже их чуткие подвижные уши ничего не уловили.

— А ну, послушайте! — крикнул кто-то.

И в наш корабль хлынул голос космоса, потек по переходам, просочился во все скважины и каналы, проскользнул под дверьми, и все затрепетало, заполнилось грозным гулом.

— Никогда еще не слыхивали подобной мощи.

Они измеряли, взвешивали, подсчитывали, а у меня в ушах по-прежнему звучал и звучал этот голос, и вспомнилось: на Земле, на самом острие мыса, который так и назывался — край света, я видел однажды, как ширится в море, расплывается по волнам пятно нефти.

Вот и здесь то же самое, думал я: голос этот ширится, расплывается в океане Времени, отделяющем нас от звезд, как расплывалась тогда нефть перед множеством смеющихся глаз, на исходе лета, в мягком свете неяркого солнца — смутным переливчатым пятном.

Я сказал им это. Сказал и о том, что слышал когда-то с Грандэном и что слушал с Юссом на Марсе. Сказал, что это не вывод физика, но догадка поэта, ведь я всего лишь психолог и почти ничего не смыслю в математике, в волнах и помехах, зато верю в самое простое: в море и пространство, в скалы и время, в острова и материки и в людей — все это опять и опять повторяется и там, за горизонтом.

Меня слушали, и никто не улыбнулся.

Я сказал спутникам, что в своих поисках они потерпели неудачу, потому что искали не так, как надо. Чем без конца жадно, с завистью вглядываться в пучины Пространства, которые еще долго останутся недостижимы, лучше просто бродить по песчаным берегам и шарить в расселинах скал с надеждой отыскать обломок кораблекрушения, выброшенную

волнами доску со следами резьбы, масляное пятно на воде, и в глубине души твердо верить, что где-то там, за краем света, есть другие люди, другие живые существа.

Я сказал, что рябь от камешка, брошенного с западного берега, неминуемо дойдет до берега восточного, что корабль, разрезая носом волну, отбрасывает ее, и от этого неуловимо меняются все волны, и ни кильватерная струя, ни пена за кормой не исчезают совсем уж бесследно.

Думается, мне поверили. Я уже очень не молод, но говорил, как малый ребенок, вспоминал далекий летний день моего детства, и Юсса, и Грандэна, и всех, кто там, на Земле, поднимает глаза к небу и ждет вести.

— А почему бы и нет? — сказал кто-то.

— Может быть, это был никакой не метеор, а чужой корабль, — сказал другой.

Остальные только присвистнули.

— Не верю я в это, — сказал еще один, — но, пожалуй, самое разумное — проверить.

У всех заблестели глаза.

— Корабль с такой массой?

Способный изменить орбиту небесного тела?

Да, если его скорость близка к световой!

Вспоминаю день, когда я впервые ступил на палубу корабля. Был я не такой уж маленький, во всяком случае, современные дети знакомятся с морем раньше. И сразу ощутил, что со мной творится нечто новое, непонятное. Казалось, весь мир изменился, он не то чтобы ненадежен, но неустойчив, качается как маятник, я то тяжелею, то вдруг становлюсь легким точно перышко, и надо заново учиться сохранять в

нем равновесие. Я качался из стороны в сторону, но мир у меня под ногами раскачивался и того быстрее. А потом, перегнувшись через борт, я увидел, как пароход зарылся носом в волну, и тотчас задрал его на гребне нового вала, и меня осенило: так и надо, хоть мне это и непонятно. Таков новый мир, и в этом мире, в не знающем равновесия мире постоянного движения и силы надо освоиться. Устойчивости больше нет.

Так и теперь я знал: то же самое происходит, когда со скоростью света бросаешься в океан пустоты. Я знал, пространство и время сжимаются, масса возрастает. И знал — во всем, что нам знакомо, нет ни определенности, ни устойчивости, и ветер меняет звук голосов.

Ветер Пространства, ветер полета, ветер света.

Они завершили расчеты, прогнозы и эксперименты и пришли сказать мне о том, что открылось. А я улыбнулся, ведь я уже знал все наперед, знал прежде, чем кто-нибудь выговорил хоть слово. Я все прочел по их глазам. То был не один корабль, а множество, и никому неизвестно, как давно бороздят они Пространство.

А скорость их почти равна скорости света, и потому пространство для них сжимается, и каждый из них — как острое иглы, нет, еще гораздо меньше. А время их растеклось по окружающей пустоте. Они сеют время, оставляют его позади на всем своем пути. Минута их времени равна часу нашего. А быть может, больше... Не знаю. У меня никогда не было способностей к подобным расчетам.

И где ни проносились эти корабли в космосе, везде они говорили, звали. Но каждое их слово растягивалось на нашу неделю.

И когда нас тряхнуло на орбите в нашей коробке из стекла и металла, это они приветствовали нас, — так большие корабли, входя в гавань, подбрасывают на кильватерной струе многочисленные лодки, что высыпали им навстречу.

Да, они пока не ведают, кто мы и что мы такое, но еще год — и мы подберем ключ к их языку, и нам станет внятн их голос, мы уже не одиноки, теперь мы знаем, что больше не одиноки.

Я знаю, за морями, за всем, что я могу увидеть или хотя бы вообразить, в дали, не доступной ни глазу, ни ветру, есть еще материки.

И еще люди.

Я знаю, нет такого мыса, который был бы концом света.

Первоисточники

- Del Rey L.** The Wings of Night: The Big Book of Science Fiction ed. by Groff Conklin. — N. Y.: 1957.
- Zelaszny R.** Collector's Fever: The Doors of His Face and Other Stories. — N. Y.: 1971.
- Clingerman M.** Winning Recipe: A Cupful of Space (s.-f. stories) by Mildred Clingerman. — N. Y.: Balantine Books, 1961.
- Le Guin U.** April in Paris: *Fantasie Magazine*, September 1962.
- Leinster M.** Keyhole: Tomorrow, the Stars. — N. Y.: 1952.
- Leinster M.** The Ethical Equations: A Treasury of Science Fiction ed. by Groff Conklin. — N. Y.: 1965.
- Lucas M.** The Arc: *New Worlds Science Fiction* N 105. — April 1961.
- Plachta D.** Alien Artifact: *Worlds of Science Fiction*, September 1965.
- Simak C. D.** New Folk's Home: Best Science Fiction Stories of Clifford D. Simak. — London: Faber and Faber, 1967.
- Simak C. D.** Skirmish: Strangers in the Universe. — N. Y.: Simon and Schuster, 1956.
- Silverberg R.** The Overlord's Thumb: Silverberg R. To World Beyond. — Philadelphia — N. Y.: 1966.
- Sturgeon T.** The Skills of Xanadu: The Worlds of Theodore Sturgeon. — N. Y.: Ace, 1972.
- Sturgeon T.** Mewhu's Jet: The Big Book of Science Fiction ed. by Groff Conklin. — N. Y.: 1957.

- Tenn W.** The Sickness: Time in Advance by William Tenn. — London: Victor Gollanz Ltd., 1963.
- Henderson Z.** Subcommittee: The Anything Box. — N. Y.: Doubleday, 1965.
- Sheckley R.** Doctor Zombie and His Little Furry Friends: The Year's Best Science Fiction N 5. — London: 1972.
- Sheckley R.** Restricted Area: The People Trap by Robert Sheckley. — London: 1968.
- Sheckley R.** Protection: Pilgrimage to Earth. — N. Y.: Bantam, 1957.
- Dermèze I.** Le jeune garçon: L'espion de pyramides. — Paris, 1970.
- Doremieux A.** The Vana: 13 French Science Fiction Stories ed. by Damon Knight. — N. Y.: Ace, 1959.
- Klein G.** Les voix d'espace: Les perles du temps. — Paris: 1958.

Содержание

<i>Звезда по имени Галь</i>	7
<i>Лестер Дель Рей</i>	11
Крылья ночи	11
<i>Роджер Желязны</i>	37
Одержимость коллекционера	37
<i>Милдред Клиngerмен</i>	42
Победоносный рецепт	42
<i>Урсула Ле Гуин</i>	49
Апрель в Париже	49
<i>Мюррей Лейнстер</i>	69
Замочная скважина	69
Этические уравнения	92
<i>М. Люкас</i>	118
Ковчег	118
<i>Дэнни Плектей</i>	131
Не нашей работы	131
<i>Клиффорд Саймак</i>	136
Дом Обновленных	136
Разведка	165
<i>Роберт Силверберг</i>	191
Рукою владыки	191
<i>Теодор Старджон</i>	222
Искусники планеты Ксанаду	222
Ракета Мяуса	262

<i>Уильям Тенн</i>	317
Недуг	317
<i>Зенна Хендерсон</i>	354
Подкомиссия	354
<i>Роберт Шекли</i>	385
Доктор Вампир и его мохнатые друзья	385
Заповедная зона	400
Страж-птица	423
<i>Ив Дермез</i>	455
Мальчик	455
<i>Ален Доремье</i>	479
Пора мщения	479
<i>Жерар Клейн</i>	486
Голоса Пространства	486

Литературно-художественное издание

Зарубежная фантастика

Звезда по имени Галь

Заповедная зона

Зав. редакцией М. Ю. Корнеев
Ведущий редактор А. Г. Белевцева
Художник К. А. Сошинская
Художественный редактор Ю. Л. Максимов
Технический редактор Е. В. Денюкова
Оригинал-макет подготовлен С. А. Янковой
в пакете QuarkXPress

Лицензия ЛР № 010174 от 20.05.97 г.

Подписано к печати 25.08.99 г. Формат 70 × 100/32.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС. Печать офсетная.
Объем 8,00 бум. л. Усл.-печ. л. 20,80. Уч.-изд. л. 23,16.
Изд. № 9/9710. Тираж 10 000 экз. Заказ 1515

Издательство «Мир»
Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
129820, Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Диапозитивы изготовлены
в издательстве «Мир»

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**Тридцать пять лет назад
в издательстве «Мир»**

*была создана редакция,
которая призвана была знакомить читателей
с наиболее яркими произведениями
фантастического жанра.
Так было положено начало серии*

«Зарубежная фантастика»

С тех пор рассказы, повести, романы сотен писателей-фантастов, как уже получивших известность в мире, так и только начинающих, увидели свет на русском языке. За прошедшие годы многие из этих писателей стали признанными классиками фантастического жанра. Именно тому лучшему, что выкристаллизовалось с годами в сокровищницу мировой фантастики, без чего невозможно представить сегодня фантастическую литературу, и будут отданы томики серии с пометкой «Классика».

Начинают эту подсерию две книжки переводов замечательной переводчицы Норы Галь под общим названием «Звезда по имени Галь» —

«Земляничное окошко»

и

«Заповедная зона».

**Книги издательства «Мир»
можно приобрести по самым низким ценам
в рекламно-коммерческом центре
издательства по адресу:**

**Москва, 1-й Рижский пер., д. 2, корп. 2, ком. 55
(метро «Алексеевская» или «Рижская»
авт. 714 до остановки «1-й Рижский переулок»)
тел. 286-82-33**

**Иногородним покупателям (в пределах России)
книги высылаются наложенным платежом.
Заказы следует направлять в издательство
по адресу:**

**129820, ГСП, Москва, И-110,
1-й Рижский пер., д. 2, коммерческая служба**

тел. 286-17-72

286-82-33

286-33-88

факс (095) 288-95-22

e-mail: victor@mir.msk.su

Зарубежная

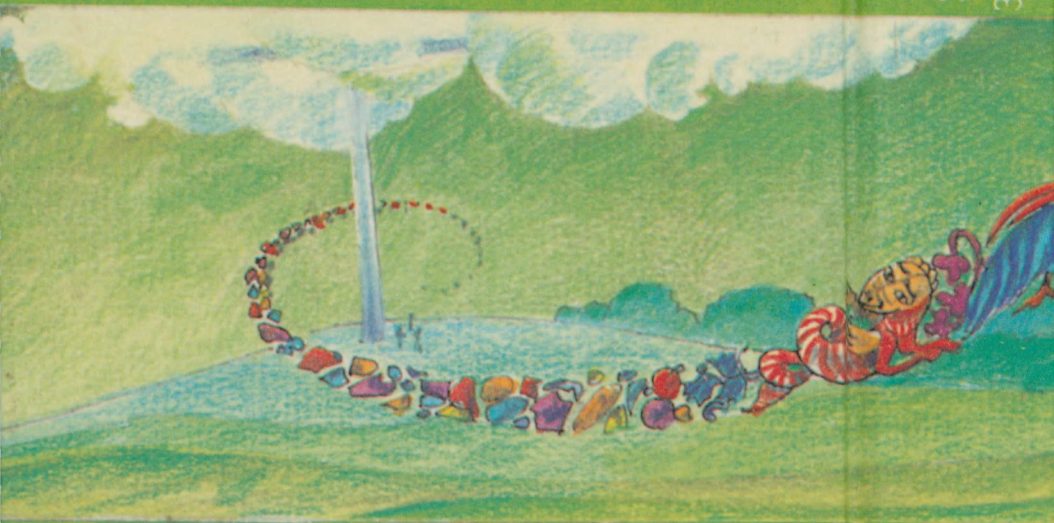
фантастика

ISBN 5-3-003348-3

9 785030 033488

Звезда по имени Галь
ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА

Издательство «Мир»

